Власть и народ

Павел Вощанов

Ельцин как наваждение

Записки политического проходимца

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Журналист Павел Вощанов познакомился и сблизился с Борисом Ельциным в начале 1988 года, когда экс-руководитель Московского горкома КПСС был сослан на «аппаратное перевоспитание» в Госстрой СССР. Спустя год, когда будущий первый президент России ушел в большую политику, Вощанов начал исполнять обязанности пресс-секретаря Ельцина; во время августовского путча 1991 года именно Вощанов проводил пресс-конференции в стенах Белого дома. В феврале 1992 года из-за растущих личных разногласий с Ельциным Павел Вощанов подал в отставку. В своей книге он приводит невероятные подробности фантастического взлета Бориса Ельцина, рассказывает о тех людях в России и за рубежом, которые поддержали опального поначалу политика и помогли ему подняться, говорит о причинах растущего влияния Ельцина и его конечной победы в 1991 году. Книга Вощанова действительно уникальна, ведь он как пресс-секретарь президента знал много такого, что было неизвестно остальным.

- Павел Вощанов
  - Несколько историй в качестве предисловия
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Послесловие
  - Послесловие к послесловию

Павел Вощанов
Ельцин как наваждение. Записки политического проходимца

Борис Николаевич, в силу известных причин, нетребователен к своему окружению, поэтому часто становится жертвой разного рода политических проходимцев. Один из таких – Павел Вощанов. Человек, несомненно, талантливый, но вы не представляете, что он вытворяет за спиной президента!

Из интервью Анатолия Собчака ТРК «Петербург»

Несколько историй в качестве предисловия

Есть ереси поколения
от Ельцина до Вощанова.
Я прекращаю прения.
Заверещаю.

Из поэмы Андрея Вознесенского «Большое заверещание»

Так уж случилось, что свои зрелые годы (а у мужчины «зрелые годы» – это такой период жизни, когда для смешливых тургеневских барышень он уже стареющий дядя, а для степенных бальзаковских дам все еще молодой человек) я посвятил российской политике. Все началось со спонтанно возникшего желания что-то круто переменить в собственной жизни. Вопреки советам коллег спрятал в сундук написанную, но еще не защищенную докторскую диссертацию, распрощался с Институтом экономики, где чувствовал себя эдаким мадагаскарским тараканом в домашнем террариуме, от которого хозяевам ни пользы, ни удовольствия, и поступил на работу в «Комсомольскую правду». В ту пору это была самая многотиражная советская газета, подспудно, иной раз сама того не ведая, насаждавшая в стране политическое инакомыслие.

Никогда не забуду свою первую заметку, посвященную тому, что вроде бы знал не понаслышке – интеллектуальному убожеству отечественной экономической науки, которая вместо поиска эффективных путей развития страны занималась обслуживанием правящей партийной верхушки, придавая наукообразие ее абсурдным и бесплодным идеям. Прочитав мое творение, Владимир Сунгоркин, в ту пору редактор Рабочего отдела КП и мой непосредственный начальник, произнес не вдохновляющее, но обнадеживающее «Сойдет» и поручил молодому журналисту Борису Утехину слегка «причесать» текст. Через несколько дней, развернув свежий номер своей газеты, я увидел свою фамилию на второй полосе, и сердце радостно ёкнуло: напечатали! Но каково же было огорчение, когда, начав читать, понял, что Утехин переписал все, как говорится, от «А» и до «Я», и его текст оказался намного лучше моего. Настолько лучше, что и сравнивать нечего.

Как же мне тогда было стыдно! Хотелось уволиться и навсегда забыть дорогу на улицу Правды. Но как-то сумел себя пересилить, сделал вид, что ничего страшного не случилось, и даже получил гонорар за заметку Бори Утехина, подписанную моим именем, который, правда, в тот же день был пропит с коллегами по Рабочему отделу. Мне очень хотелось остаться в «Комсомолке». Очень! Здесь мне все было по душе. Особенно новые товарищи, молодые, азартные и бесшабашные. Да меня, в общем-то, никто из редакции и не гнал. Все, от Главного до стажеров, понимали, что первый газетный блин еще ни о чем не говорит. Время покажет, на что я способен. Но для себя вывод я все-таки сделал – надо учиться газетному ремеслу. И, наверное, у меня это получилось, потому как спустя полтора года я уже был лауреатом высшей премии Союза журналистов СССР «Золотое перо», а моя почта в «Комсомолке» стала одной из самых многочисленных.

Это были годы, насыщенные переменами и свободомыслием. Какую бы критику сегодня ни наводили на Горбачева, но только при нем и только благодаря нему мы научились говорить и писать то, что думаем. Разумеется, в чем-то ошибались, частенько перегибали палку, но после стольких лет жизни в атмосфере полуправды и тщательно продуманного обмана эти издержки были практически неизбежны.

До прихода в газету я много лет кряду писал отчеты о результатах научной работы, которые фактически не требовали от меня никаких умственных усилий. Заказчик (а им могло быть любое госучреждение, от союзного министерства до планового отдела какого-нибудь строительного треста в северном Нарьян-Маре) заранее формулировал то, к чему должна прийти моя высоконаучная мысль, и это непременно увязывалось с задачами, вытекающими из последних решений Коммунистической партии. Как правило, я садился за работу не ранее, чем за месяц-два до установленного срока сдачи, потому как наверняка знал, что кроме моего институтского руководства этот труд прочитает лишь один человек на Земле – какой-нибудь никому не нужный чиновник какого-нибудь никому не нужного управленческого подразделения. А, может быть, даже и тот не станет попусту утруждаться – подмахнет отчет, ритуально пригрозив, что делает это в последний раз и что больше подобных послаблений не будет. Но на следующий год все повторится. По сути, жизнь тратилась на то, что никому, и в первую очередь мне самому, не было нужно.

Теперь же я получал несказанное удовольствие от творчества, которого прежде не испытывал и даже не представлял, что такое

возможно. Сначала писал о прелестях мне самому неведомой рыночной экономики и о полной бесперспективности централизованного планового руководства, а после, с не меньшей страстью, принялся сокрушать устои советской тоталитарной системы, погубившей миллионы человеческих жизней и, в конечном счете, не давшей людям ничего, кроме скромного достатка и гражданского бесправия. И всякий раз получал в ответ неподдельное кипение страстей. Меня восхваляли и ругали десятки, если не сотни тысяч прочитавших очередную мою заметку.

А потом я повстречался и сдружился с Борисом Николаевичем Ельциным, и с этого момента моя жизнь сделала еще один крутой вираж. Некто Геннадий Алференко, в свое время возглавлявший Фонд социальных инициатив и организовавший скандально известную поездку опального политика в США, в своих интервью не раз утверждал, что это-де он нас познакомил и только благодаря его стараниям Вощанов оказался в команде будущего президента России. На самом деле впервые мы встретились еще в Екатеринбурге, где Ельцин отвечал за строительство, а я был прислан из столичного НИИ в помощь тамошним экономистам для решения того, что не имело разумного решения – требовалось сбалансировать объемы строительных работ с мощностями дислоцированных в регионе подрядных организаций. Однако по-настоящему сблизились и стали сотрудничать мы уже в Москве, и произошло это благодаря Льву Суханову, помощнику Ельцина по Госстрою СССР, куда тот был сослан на аппаратное перевоспитание.

Я наблюдал Ельцина в разных его ипостасях – как опального чиновника, как депутата-оппозиционера, как главу парламента, как руководителя исполнительной власти одной из республик в составе СССР и, наконец, как президента Российской Федерации, провозгласившей себя суверенным субъектом международного права. По сути, это были разные люди, и каждый последующий импонировал мне меньше предыдущего. С последним, с Ельциным-президентом, я вообще проработал недолго, чуть более года. Когда стало совсем невмоготу, не попрощавшись, не сдав дела и даже не получив расчета, ушел из Кремля на вольные хлеба (правда, оказалось, что они не такие уж и вольные) и со страниц разных газет принялся обличать политический курс своего бывшего босса. Но о нем самом не написал ни слова, хотя было что вспомнить и о чем рассказать. Откровения позволял себе разве что в общении с самыми близкими мне людьми, да и то в обстановке дружеского застолья, когда сдерживающие центры головного мозга расторможены горячительными

напитками.

Мне казалось, в своих рассказах я объективен, а то, что в них Борис Николаевич иной раз не блещет эрудицией и мудростью, так в том нет моей вины. Как говорится, что наблюдал, о том и пою. Но однажды мне довелось несколько дней провести в обществе корифея мировой офтальмологии Святослава Федорова, после чего я переменил мнение о собственной беспристрастности. Было это в ту пору, когда всемирно известный ученый задумал создать Партию самоуправления трудящихся. Идея благородная по своей сути, но абсолютно иллюзорная по возможностям реализации.

Днем мы встречались с его многочисленными сторонниками, а вечера коротали вдвоем или в компании его особо приближенных однопартийцев. Обстановка была дружеской и весьма доверительной, что, видимо, и сыграло со мной злую шутку – я нарушил данное самому себе слово никогда при посторонних ничего не рассказывать о своем кремлевском житье-бытье. Федоров слушал мои байки без комментариев и ограничивался междометиями, выражающими то удивление, то досаду. Но спустя несколько дней, когда мы уже вернулись в Москву и прощались в аэропорту, он вдруг заметил как бы невзначай:

– Я не слишком большой поклонник Ельцина, но мне кажется, он все же не совсем такой, каким ты его рисуешь.

– Есть сомнения в моей правдивости?

– Ни в коем случае! – доктор обнял меня за плечи, давая понять, что не хотел обидеть. – Но заметь, во всех твоих рассказах о Ельцине есть два главных героя – он и ты, и ты всегда мудрее и дальновиднее.

Боже ж ты мой! Оказывается, все эти дни в глазах академика я выглядел мстительным хвастуном! Мне стало так неловко, так стыдно за себя, что, не зная, чем оправдаться, промямлил: но ведь я же рассказывал только то, чему сам был свидетелем.

– Я в этом и не сомневаюсь. Но пойми, так устроена человеческая память. В ней есть стержень, на котором держатся все воспоминания, и этот стержень – наше «Я». Оно и превращает достоверность в субъективную оценку.

– Это что же выходит, в свидетельствах очевидцев не может быть исторической правды?

– Очевидцы, если они порядочные люди, всегда говорят правду. Но то, что они говорят, нельзя считать исторической достоверностью. Из каждого такого свидетельства нужно обязательно отсеять все личное: «Я подумал… я увидел… я понял… я почувствовал… я удивился». И если без всех этих «Я»

что-то от воспоминаний останется, о том и можно будет сказать: все так и было!

То, что он говорил, было понятно по сути. Непонятным было другое – как такое возможно практически применить, к примеру, в работе над книгой о Ельцине, если задумаю ее написать? Будут в ней эти хвастливые «Я» или их не будет вовсе – это же ничего не изменит. Как бы я ни старался скрыть свое присутствие в тех или иных исторических эпизодах, оно все равно вылезет. Явно или неявно.

– Пиши так, будто это какой-нибудь flashback, – и почувствовав мое удивление, спросил: – Не знаешь, что это такое? А ты почитай книгу двух канадских нейрохирургов «Эпилепсия и функциональная анатомия мозга». Уверен, после этого у тебя не возникнет вопроса, как писать книгу о Ельцине.

Знакомый врач-психиатр, услышав мой вопрос о том, есть ли у него книга Пэнфилда (Penfield W.) и Джаспера (Jasper H.), обеспокоенно поинтересовался: у тебя какие-то проблемы? Пришлось сказать, что книгу советовал почитать Святослав Николаевич Федоров. Обеспокоенность сменилась ехидной усмешкой: слава Богу, что совет дал офтальмолог, а не проктолог.

– Это еще почему?

– Ну, глаза все же ближе к мозгу, чем ж***а!

Несмотря на насмешки, я буквально силой заставил себя прочитать сей высоконаучный труд от корки до корки. Но, как и следовало ожидать, ровным счетом ничего в нем не понял, кроме одного тезиса, который ученые сформулировали не как предмет своего исследования, а как сопутствующий ему постулат. Видимо, к его восприятию мой интеллект оказался более или менее пригоден. Он, этот самый постулат, поразил меня до глубины души: оказывается, в своих воспоминаниях о прожитом и пережитом человек бывает безукоризненно объективен лишь какую-то долю секунды! За пределами ее он уже несвободен в суждениях, ибо не может полностью отвлечься от своих самооценок и самооправданий, от гордыни и обид, от субъективности людей, к мнению которых привык или обязан прислушиваться. Как ни старайся, все это в той или иной мере искажает рисуемую памятью картину прошлого. И неважно, в лучшую или в худшую сторону. Главное, что в действительности все было не совсем так или даже вовсе не так.

Признаюсь, до того, как я прочел ту книгу, никогда не задумывался, что память по природе своей не может быть беспристрастной. А это значит, что в любых воспоминаниях о прожитом неизбежно присутствует толика субъективности. У одних она бросается в глаза, у других едва заметна. Но она

неизбежна. Но тогда что же это за «секунды безукоризненной объективности»? Это и есть тот самый flashback, о котором говорил мне Святослав Федоров – «феномен внезапного и неконтролируемого воспроизведения в сознании человека ярких зрительных и слуховых образов, которые переживаются им как образы воспоминаний». Науке он хорошо известен, а я, наверное, раз сто прочитал это определение, напряг интеллект до критических перегрузок, но не мог понять, что стоит за его мудреностью. Наверное, так бы и не понял, если б не применил к самому себе.

Думаю, такое хоть однажды испытывал каждый из нас.

Представьте себе: вроде все как обычно, ничего неожиданного, и вдруг какая-то мелочь, сопутствовавшая конкретному эпизоду прожитой тобою жизни (легкое дуновение ветерка, запах духов, скрип трамвая, карканье вороны – да что угодно!), на какую-то долю секунды возвращает тебя в ситуацию давно и навсегда ушедшего времени. И это никакое не дежавю, не осознание того, что происходящее с тобой в данный момент уже когда-то происходило и вот удивительным образом повторилось. Про такое состояние плюсквамперфекта вообще нельзя сказать: «Вдруг вспомнилось», потому что ничего не вспоминалось. Именно ОЩУТИЛОСЬ. Причем настолько явственно, что кажется, будто ты и на самом деле переместился в то время и в те обстоятельства.

Оно, это ощущение былого, возникает неожиданно и независимо от твоих эмоций. Совсем как обморок или эпилептический припадок. Все длится какое-то мгновение, а потому не дает возможности разобраться в происходящем. Закрываешь глаза, замираешь, стараешься носом уловить ускользающий аромат былого, но ничего не выходит – пришел и сразу ушел, растворился, оставив после себя удивление: что же такое со мной только что было? Чудно! И как-то неспокойно: часом не тронулся ли я умом?! Но ты здоров и умом и телом, а то, что с тобой случилось, это и есть flashback – неуправляемая вспышка памяти. Не воспоминание о том, что когда-то происходило с тобой, а ощущение некогда происходившего. В нем, в этом ощущении, нет ничего личного, а, стало быть, нет ни малейшей фальши. Оно лишено какой бы то ни было предвзятости. Секундная беспристрастность.

Спустя год академик Федоров напомнил мне про тот разговор о памяти и воспоминаниях. В ту пору я вел на Радио-1 политическую программу, и он пришел ко мне на эфир.

– Ну что, еще не написал свои исторические мемуары?

– Нет.

– Что так? Ленишься?

– Жду, когда на меня снизойдет flashback.

– А-а, так ты все-таки прочитал?! Молодец! Жаль только, что не понял в ней главного.

– А что главное?

– Память сосредотачивается на общей картине, flashback – на деталях. Подумай над этим.

И я подумал.

«Вспомнить прошлое» и «ощутить прошлое» – в чем разница? В деталях. Она примерно такая же, как между тщательно выписанной акварелькой и фотоснимком. Взгляд живописца выхватывает из увиденного только важные для его замысла детали – поле, речку, мостик, солнышко на небе, птичек на деревьях, пейзанок с косами. Его творение – продукт творческого воображения, иллюзорное воспроизведение действительности. Фотоснимок же фиксирует все, «как оно есть», и в этом смысле он много ближе к реальности. Человек, если это не лжец и не фальсификатор, рассказывая о каких-то событиях, свидетелем которых он был, крайне редко искажает общую картину. Он осознанно или неосознанно искажает детали, порой несущественные и сопутствующие чему-то главному. Но вот ведь в чем парадокс – для его читателя или слушателя они, эти самые детали, как правило, оказываются важнее важного и именно из них он складывает собственное представление о прошлом.

И какой же из всех этих рассуждений следует вывод? Чтобы приблизить пристрастные воспоминания о прошлом к беспристрастному ощущению прошлого, нужно по возможности исключить из них собственное «Я» и сосредоточиться на деталях. Конечно, это еще не гарантия объективности, но все же шанс не скатиться к самолюбованию и не уверовать в собственную непогрешимость.

…Детство мое прошло в Карлсхорсте, пригороде еще не оправившейся от войны германской столицы. Одни говорили, что я – дитя освободителей, другие – что оккупантов. А я мечтал вернуться в Россию и считал дни, остающиеся до отцовского очередного отпуска. Время тянулось медленно, и мне казалось, мы никогда не уедем домой. И тогда я начинал думать о том, как было бы здорово, если б в Берлине случилось землетрясение и разрушило наш здешний дом (почему именно землетрясение, а не что-то еще, до сих пор не могу понять). Тогда нам стало бы негде жить, и мы наконец уехали туда, где все говорят по-русски, где зимой выпадает белый-пребелый снег и не тает до самой весны, где летом можно посидеть с мальчишками на берегу неторопливой речки и полюбоваться, как поплавок задиристо

подрагивает от поклевок хитрых ершей.

Я очень хотел домой, и поэтому все вокруг было немило. Даже немногочисленные немецкие дружки-приятели, с которыми облазил все в округе, включая разрушенные бомбежками дома и сохранившиеся блиндажи да окопы. Рассорившись из-за чего-нибудь – в какой мальчишеской компании не бывает ссор? – я плевал в них самым страшным ругательством того времени: у-у, фашисты! Бить озлобившегося «освободителя» друзья не решались, но жаловались своим родителям, а те, соответственно, моему отцу. Отец брал в руки ремень и охаживал по тому месту, коим, по его разумению, я думал вместо предназначенной для этой цели головы.

Но однажды мои мечты стали явью – мы сели в поезд и поехали на восток. И не в отпуск, а навсегда. Сначала за окном мелькала ухоженная бюргерская Германия, за ней – очаровательная крестьянской простотой Польша, а за пограничным Бугом… Спустя год я уже видел во снах, будто гуляю по мощеным брусчаткой улочкам Карлсхорста, вдыхаю осенний запах горящих в топках угольных брикетов и чувствую вкус хрустящей белоснежной булочки за пять пфеннигов. Все, что было в прошлом, стало «у нас в Берлине». Одноклассники, подметив это, обзывали меня то Фрицем, то Гансом, то фюрером. Я бросался на них с кулаками и почти всегда был бит, потому как не имел должных навыков кулачного боя. А не имел потому, что вырос среди карлсхорстских хулиганов, коих в сравнении с нашими дворовыми башибузуками вполне можно было считать образцовыми пай-мальчиками. Я тосковал по своим берлинским приятелям и даже написал им несколько писем, но ответа ни от одного так и не получил. А когда подрос и присмотрелся к советским реалиям, то понял, почему не приходили ответы, – я был по другую сторону «железного занавеса».

Много лет я мечтал побывать там, где прошло мое детство. И если б не Горбачев с его Перестройкой, эти мечты так и остались бы мечтами. Но страна стала свободнее, и гражданам милостиво дозволили выезжать за рубеж. Правда, поглядеть на мир отправились немногие, а лишь те, кто мог раздобыть хоть немного не «деревянной» валюты. У меня таких возможностей не было. Зато они были у известного оппозиционера Бориса Николаевича Ельцина. Он и предложил мне вместе с ним и Львом Сухановым съездить в Германию на презентацию его недавно изданной там книги, обличающей пороки советской действительности.

…Самолет в Берлин вылетает из Шереметьево рано утром. Суханов определенно не выспался – дремлет в кресле, даже

отказался от завтрака. Ельцину это явно не нравится. Он не любит хотя бы ненадолго оставаться без внимания подчиненных. Поэтому как могу развлекаю его рассказами про свой берлинский дом, про свою улицу, про школу, в которой учился до пятого класса, про парк, что за старым немецким госпиталем, где, не знаю почему, мы находили в земле много значков с фашистской символикой. И, конечно, про гаштет с умопомрачительным айсбаном и ароматными жареными сардельками.

– Я покажу вам такую Германию, какой вы нигде больше не увидите!

Ельцин недовольно морщится: «Мы на экскурсию едем или по делу?», но по его добродушному тону чувствую – если позволит время, может, и согласится.

И вот мы в Карлсхорсте. Удивительно, но он ничем не напоминает мне мое детство! Ельцин не желает даже смотреть в мою сторону. Если начинаю что-то объяснять, демонстративно отворачивается и раздраженно спрашивает верного оруженосца Суханова: «Ну и чего мы тут делаем?!». Тот сокрушенно разводит руками и бросает в мою сторону полный мольбы взгляд: скажи же что-нибудь! В конце концов я не выдерживаю и решаюсь на отчаянное заявление:

– Не понимаю, Борис Николаевич, за что вы на меня так сердитесь. Я же не мог знать, что за те годы, что меня здесь не было, Германия так изменится.

То, что мы увидели, лишь архитектурой напоминало улицу моего детства. Восточного вида мужчины, сидящие кружочком на низких стульчиках со стаканчиками чая в руках. Громкая гортанная речь. Окурки сигарет, брошенные на тротуар. Ароматы баранины, пережаренного лука и пряностей, несущиеся из раскрытых настежь окон. Гремящая на всю округу музыка, по стилистике весьма далекая от немецкой. Пригнувшиеся, будто от врожденного испуга, женщины в черных одеяниях. Но, пожалуй, самая разительная перемена – лавка с истекающей жиром шаурмой на месте гаштета с айсбаном и сардельками. Другие люди и другая эстетика жизни. Не лучше и не хуже – просто другая, не имеющая ничего общего с той, что я помнил. Германия стала другой Германией.

Вечером за ужином Ельцин уже не выглядел раздраженным и даже позволил себе благодушно пошутить по поводу моего фиаско:

– Что ж, давайте выпьем за Павла! Он сегодня показал нам такую Германию, какой мы нигде, кроме как в Турции, не увидели бы!

Но на следующий день шеф меня удивил. Можно сказать,

поразил. Мы ехали в машине с какой-то встречи. Сидящий на заднем сидении Ельцин всю дорогу молчал, и вдруг тронул меня за плечо. Я обернулся.

– То, что мы вчера видели, – почему немцы оттуда уехали?

Признаться, я слегка опешил, поскольку не ожидал услышать от него вопрос о неудавшейся экскурсии.

– Так их там с 45-го года не было. Это же был охраняемый район, где жили семьи советских офицеров. А когда наши войска вывели, давно не ремонтировавшиеся дома и квартиры опустели. Вот их иммигранты по дешевке и раскупили.

– Понятно.

Казалось, Ельцин для себя все прояснил, и продолжения разговора не будет. Но я ошибся. Мы уже подъезжали к гостинице, когда он вдруг произнес, скорее для себя самого, нежели для нас с Сухановым:

– Освобождаться от коммунизма тоже надо было с умом.

Мне очень захотелось, чтобы он развил свою мысль, и я, сделав вид, что не расслышал, повернулся и переспросил: что надо было делать с умом? Ельцин сидел с закрытыми глазами, будто спал. Суханов приложил палец к губам: тише, не трогай его!

…С того дня прошло почти четверть века. Не скажу, что я напрочь забыл его, но все же вспоминал крайне редко. Не такой уж он и значимый в моей жизни. И вдруг однажды, не знаю почему, всем своим нутром ощутил то дождливое осеннее утро, тот запах горящих в топках угольных брикетов, тот шелест опавшей листвы под ногами. А главное – ощутил присутствие моих тогдашних спутников, и вновь испытал внутренний дискомфорт из-за того, что поездка в район моего детства не задалась, хотя, поддавшись моим уговорам, ради нее отказались от завтрака с каким-то очень важным депутатом германского Бундестага.

Этот мимолетный экскурс в прошлое заставил меня сесть за стол и положить на бумагу все, что вспомнилось о том дне. И сразу мое собственное «Я» стало в этой истории самым главным, самым мудрым, самым дальновидным, и вообще самым-самым. Вот тут я с чем-то не согласился, вот присоветовал что-то умное, вот кого-то резко осадил, а после кого-то высмеял. Воспоминание о времени стало воспоминанием о самом себе. А кому оно интересно? Никому. Написанное отправилось в корзину, а на идее сотворить «хорошую книгу про Ельцина» был поставлен крест. Раз и навсегда.

…С того дня минуло четверть века. Многое во мне за эти годы переменилось. Стали мучить воспоминания и появился

труднопреодолимый соблазн ими с кем-нибудь поделиться. Конечно же, это старость. Любой из нас может заметить подобное по своим родственникам, из которых в их относительно молодые годы слова о прожитой жизни невозможно было вытянуть, зато с возрастом не знаешь, как увильнуть от задумчивых вступительных аккордов: «Помню, однажды… Вот был у нас случай… Прихожу как-то раз…» Успокаиваю себя тем, что я еще не столь зануден в своем желании покопаться в прошлом, и что мои рассказы для кого-то могут представлять интерес. Главное – не позволить себе оценки вселенского масштаба. Не мой уровень. Нужно сосредоточиться на деталях. Неважно каких – значимых или малозначительных, привлекательных или отталкивающих. Какие запали в память, пускай такие и будут. И ни в коем случае не ставить перед собой цель кого-то шокировать. А еще, по возможности, исключить из повествования свое «Я». Не личное местоимение как таковое, от него никуда не деться, а собственное мнение, собственную позицию, собственные оценки происходившего. Кто знает, вдруг да удастся хоть на йоту приблизиться к беспристрастности?

Хотелось бы, чтоб прочитавший написанное смог хоть немного ПОЧУВСТВОВАТЬ суть того сумбурного, но поворотного для миллионов людских судеб времени, которое придворные летописцы помпезно именуют «эпохой Ельцина». А если не сможет, какой тогда прок от всей этой писанины? Только один – автор освободил душу от переполнявших ее воспоминаний. Как сказано древним мудрецом: «И да возрадуется всяк изведавший вкус воли своей душевной!».

Глава 1
Америка нам голову вскружила (запоздалое откровение)

Этот апрель 1989-го останется в памяти навсегда. Геннадий Алференко и его «Фонд социальных изобретений» подарили нам незабываемые 20 дней – мы, авторы и журналисты «Комсомольской правды», объездили Америку от Атлантики до Тихого океана! Наш тур назван организаторами не без оригинальности – «Мое открытие Америки». Нас разбили на группы по четыре человека и каждой предложили свой маршрут. Для нас ничего специально не придумывали. Показывали все, как оно есть. Мы жили в обычных, ничем не примечательных семьях, общались на любые темы и без оглядки на кого бы то ни было, устраивали презентации блюд национальной кухни и веселые пикники на природе, ходили по магазинам и барам, а однажды даже побывали на молодежной вечеринке и поучаствовали в настоящей морской рыбалке. Для нас это действительно стало открытием страны, необычной и во многом привлекательной.

Но все в этом подлунном мире имеет свое начало и свой конец. Мы возвращаемся домой. Самолет разбежался и взмыл в небо: прощай, солнечная Америка! Впереди заснеженная, а может, уже и слякотная Москва. В кресле рядом со мной расположился Виктор Ярошенко, месяц назад победивший на первых альтернативных выборах и ставший народным депутатом СССР. Он, как и я, как и все мы, переполнен впечатлениями, которыми спешит поделиться:

– Знаешь, я, кажется, понял, в чем сила Америки.

– И в чем же?

– В ее притягательности. Сюда хочется приехать еще раз.

– Думаю, в следующую поездку нас с тобой Алференко уже не позовет. У него наверняка очередь стоит из тех, кто еще ни разу не ездил.

– А я знаю, что надо сделать, чтоб позвал, – Ярошенко наклоняется ко мне и, понизив голос до полушепота, торжественно объявляет: – С нашей помощью Америку для себя откроет Борис Николаевич Ельцин!

– Не думаю, что ему нужен такой туризм.

– Нужен! Потому что ему важно, чтобы Америка открыла для себя Ельцина!

Идея не кажется мне осуществимой по двум соображениям.

Во-первых, сомнительно, что Ельцин согласится ехать за океан по линии алференковского фонда. У него, наверняка, масса своих возможностей. А во-вторых, не факт, что он, если все же и согласится, то захочет нас с Виктором взять с собой. У него, поди, уйма помощников, которые спят и видят, как бы составить ему компанию в какой-нибудь поездке. Не то что в Америка, а хоть бы в подмосковную Коломну. Но Ярошенко настроен решительно:

– Помощников, у него, может, и уйма, но только ни одному из них пока эта идея в голову не пришла. А нам с тобой пришла! Почему бы не попробовать? Мы же ничем не рискуем! – депутат Ярошенко настроен решительно: – На днях поговорю об этом с Ельциным.

Впереди многочасовой перелет, да еще с промежуточной посадкой в Ирландии. Утомительно, зато есть время обо всем подумать. И о том, что было, и о том, что может быть. Виктор прав – в Америке хочется побывать еще раз. Но сила ее не в этом – она рождает желание действовать!

Да, все хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Закончился и наш тур. Мы покидаем вполне благополучную страну и возвращаемся домой, где все расползается, как в истлевшем от времени лоскутном одеяле.

Спустя три года, уже работая в Кремле, мне довелось ознакомиться с хранившимися в аппарате М.С. Горбачева донесениями резидентуры советской разведки в Америке, в которых сообщалось о специальных программах, подготовленных ЦРУ, совместно с Госдепартаментом, цель которых – «организовать визиты в США как можно большего числа граждан СССР, способных оценить исторические преимущества американской модели развития, с тем, чтобы в последующем внедрять эту идею в массовое сознание». Под эти программы якобы Белый дом выделил немалые средства, а их практическая реализация была поручена специально подобранным неправительственным организациям.

Не могу и не имею возможности ни опровергать, ни подтверждать эту информацию. Все может быть. Но факт остается фактом – «Фонд социальных изобретений» Геннадия Алференко, чуть ли не ежемесячно возивший в США группы по нескольку десятков человек, финансировал свою заокеанскую программу «Мое открытие Америки» за счет пожертвований из-за океана. Иначе в ту пору и быть не могло, поскольку в Советском Союзе таких денег взять было не у кого. Даже у кооператоров, богатевших на шашлыке, самопальных джинсах-варенках и платных туалетах. Страна погрязла в болоте всеобщего

безденежья. Организовать зарубежную поездку – не то что в Штаты, в соседнюю Польшу! – хотя бы одного-двух «социальных изобретателей» было серьезной проблемой. А тут – сотни человек! Да не куда-нибудь, а за океан. И не на пару дней, а почти на месяц. Но, признаться, в ту пору я меньше всего думал о том, кто и с какой целью финансирует мой вояж. Убедил себя, что это наверняка какие-то меценаты. Они, вероятно, как и я, устали от взаимного недоверия и мечтают с помощью гражданских инициатив сделать мир более комфортным для совместного проживания.

Не могу сказать, что не разглядел изъянов тамошней обыденности. Первое же утро в Нью-Йорке дало возможность убедиться, что не все тут так благостно, как кажется на первый взгляд. Организм мой еще жил по московскому времени, а потому ночь прошла без сна. Едва рассвело, спустился в холл гостиницы (это был первый и последний случай, когда нас разместили не в семьях, а в меблированных комнатах, принадлежавших какой-то ассоциации молодых христиан) и вышел на улицу. И что же увидел? Горы сваленных на тротуар коробок и мешков с мусором, в которых рылись какие-то люди, преимущественно чернокожие. Одни были явно бездомными, другие выглядели вполне благополучно.

Тогда Москва еще не знала, что такое бедность, роющаяся в помойках. Поэтому увиденное должно было произвести сильное впечатление, но не произвело. Я был буквально ошарашен парадными атрибутами здешнего благоденствия – сверкающими в лучах восходящего солнца небоскребами, припаркованными машинами, невиданного многообразия и невиданной красоты, зеркальными витринами магазинов с разложенными в них товарами. Такие не то что купить, увидеть на советском прилавке – мечта несбыточная. После нашей донельзя разоренной, погрязшей в тотальных дефицитах страны Америка произвела ошеломляющее впечатление. Совсем как в стихах поэта-эмигранта, книжку которого мне сунули в руки на одной из встреч:

Америка нам голову вскружила,
Америка нам душу веселит…

Виктор Ярошенко – человек, ценящий дружеские отношения. Поэтому время от времени звонит и рассказывает про то, как продвигаются его переговоры с Ельциным, Сухановым и Алференко. Но его «отчеты о проделанной работе» воспринимаю без особого интереса. Чувствую, мне в этой заокеанской поездке, если она, конечно, вообще состоится, едва ли доведется участвовать. Все происходит не так, как предполагалось по пути

из Нью-Йорка. Тогда говорилось: «Мы встретимся… Мы предложим… Мы убедим…», сегодня слышу то же самое, но уже с местоимением «Я». А это далеко не одно и то же.

В канун Первомая в редакции «Комсомолки» оживленнее обычного. Может, это оттого, что номер сдается шестиполосным – заметок больше, а потому и дежурящих по ним авторов больше. А, может, в отделах уже начали отмечать День печати, а это предполагает дружеское застолье со 100-процентной явкой. В приемной главного редактора сталкиваюсь с социальным новатором Геннадием Алференко. Тот хватает меня за локоть и тащит в коридор, подальше от секретарских ушей.

– Слушай, я хочу, чтобы ты еще раз съездил в Америку. Правда, Ельцин с Сухановым и Ярошенко уперлись, и ни в какую! Но я делаю все возможное…

Геннадия знаю плохо и отчего-то не слишком верю в его искренность. Похоже, ему не очень хочется, чтобы от газеты, при которой существует его Фонд, в этой поездке участвовал еще кто-то, кроме него. Понять его можно, но меня заедает гордыня. Долго не решаюсь звонить Ярошенко, но все же снимаю трубку и набираю номер:

– Ну, как дела? Алференко сказал, вы уже согласовываете с Ельциным состав делегации.

– Знаешь, я ему сразу назвал твое имя…

– И что же?

– Мне кажется, Алференко с Сухановым его настраивают против тебя. Но я еще раз буду с ним говорить.

Поздно вечером мне домой звонит помощник Ельцина Лев Евгеньевич Суханов, поздравляет с наступающими праздниками, интересуется самочувствием, настроением и, как бы мимоходом, сообщает информацию, касающуюся будущей поездки в Америку:

– Я сказал шефу: Павла надо взять!

– И что же он ответил?

– Пока ничего, но после праздников я с ним еще раз поговорю, – Суханов огорченно вздыхает и произносит то, ради чего, возможно, и звонит: – Мне кажется, его против тебя твои дружки настроили.

Мне уже никуда не хочется ехать. Но мучает вопрос: отчего такая неискренность? Сразу после праздников звоню и задаю вопрос Ельцину: Борис Николаевич, мы не могли бы встретиться? Если судить по его голосу, я объявился как нельзя кстати:

– Тут ко мне Ярошенко приходил, с этим… как его?

– С Алференко?

– Да! Так вот, я им сказал: Павла надо брать! В общем, готовьтесь.

С трудом сдерживаю себя, чтобы не рассказать историю про то, как Алференко, Ярошенко и Суханов, все вместе и каждый в отдельности, «отстаивают» мою кандидатуру. Но сдерживаюсь. Она, эта история, хоть и забавная, но в моем пересказе будет выглядеть заурядной кляузой, а кляуз в своем окружении Ельцин не любит, это я уже почувствовал. Так что лучше промолчать.

…Нью-Йорк встречает несвойственным для середины сентября монотонным дождем. Кажется, огромная туча зацепилась за макушку Empire State Building и повисла над городом. Мы собрались в номере у Ельцина, чтобы обсудить предложенную институтом Esalen программу предстоящего визита. Атмосфера довольно нервозная. Ельцин крайне недоволен обилием выступлений и интервью. Но еще больше недоволен сегодняшней встречей в аэропорту:

– Почему не было никого из официальных лиц?! Для них что, понимаешь, Ельцин – не та фигура?!

Алференко пытается объяснить, что поскольку визит неофициальный, то, согласно протоколу, участие во встрече представителей Белого дома или Госдепартамента не предусмотрено. Но это вызывает еще большее раздражение:

– А что вы тут мне напланировали?! – Ельцин трясет программой. – Сплошные выступления и интервью! По десять в день!

Алференко воспринимает сказанное с беззаботной улыбкой. Вероятно, ею хочет слегка умиротворить разбушевавшегося политика. Присутствующий при разговоре и непонимающий ни слова по-русски представитель Esalen Джим Гаррисон напряженно вслушивается в интонации и ничего не может уловить, кроме того, что гость чем-то очень недоволен. Но чем?

– Что это такое?! Нашли себе, понимаешь, Аллу Пугачеву! – Ельцин швыряет программу на журнальный столик и поворачивается к скромно сидящему в сторонке Суханову: – В общем, Лев Евгеньевич, половину мероприятий исключить! Вы меня поняли?

– Конечно, Борис Николаевич. Это никуда не годится. Я еще в Москве об этом говорил, и мне было обещано…

– Ис-клю-чить!

Алференко переводит сказанное Гаррисону. Тот краснеет то ли возмущения, то ли от испуга, понять трудно, и произносит текст, который в переводе Алференко звучит, видимо, более примирительно:

– Борис Николаевич, он говорит, что ничего уже отменить нельзя, что будет очень плохой резонанс и в прессе, и в политических кругах. Люди приобрели билеты на мероприятия с

вашим участием…

Ельцин не дает завершить фразу и взрывается не терпящим возражений негодованием:

– Чта-а! Вы, понимаешь, зарабатывать на Ельцине вздумали?! – он стучит ребром ладони по столику, давая понять, что дискуссия окончена. – Лев Евгеньевич, вы вместе, – шеф кивает на нас с Ярошенко, – посмотрите программу внимательно еще раз и оставьте только самое важное. Вы меня поняли?!

Ельцин встает и, не прощаясь, уходит к себе в спальню. Аудиенция окончена. Поднимаемся и идем к двери. Однако Суханов останавливает нас:

– Борис Николаевич предлагает выпить по рюмке за приезд и за начало визита. Как говорится, за успех предприятия. Нет возражений?

Возражений нет. Суханов уходит к себе в номер и через пару минут возвращается с бутылкой виски, видимо, купленной в шереметьевском фри-шопе, и с палкой советской сырокопченой колбасы, ввоз которой на территорию США категорически запрещен. Ждем Ельцина. Тот возвращается в гостиную уже во вполне благостном расположении духа, и мы рассаживаемся на диване и в креслах вокруг большого журнального столика. Вдруг оказывается, что у него в номере только два стакана для виски, пара водочных рюмок и по паре фужеров под вино и шампанское. Шеф произносит тоном знатока и ценителя:

– Виски положено пить из стаканов.

Идея позвонить на reception и попросить принести нам четыре стакана для виски отвергается: нам такая реклама ни к чему! Суханов готов еще раз сходить к себе в номер, но и у него в мини-баре, вероятно, тоже только два стакана, а нас шестеро. Значит, придется идти еще кому-то. У Виктора с утра болят ноги, и ему тяжеловато бегать туда-сюда. Алференко после столь жаркого диспута как-то неловко просить о такой услуге. Выходит, моя очередь послужить общему питейному делу. Но номер, где я живу, несколькими этажами выше, да еще и в самом дальнем от лифта конце коридора. Ельцину все это не по душе:

– Что вы, понимаешь, проблему устраиваете на пустом месте?! Два стакана Лев Евгеньевич принесет из соседнего номера, а еще два возьмите у меня в ванной комнате на полке.

Американизированный Алференко робко протестует: но они же не для того, чтобы из них пить!

– Стакан, понимаешь, он и есть стакан!

…В Америке наступило воскресенье, 10 сентября. Раннее утро, 6:30, но мы уже на ногах, потому как в 8:00 Ельцин должен быть на CBS News, в студии телепрограммы «Лицом к стране».

Уже собираемся спускаться на завтрак, когда появляется Гаррисон с пачкой утренних американских газет. По его лицу можно понять, что далеко не все напечатанное в них нас порадует. Алференко бегло просматривает заметки, заранее отмеченные красным фломастером: да-а, ребята…

Можно сказать, Гаррисон подал к утреннему столу большую бочку дегтя, в которую добавили маленькую ложечку меда. Мед – несколько крупных американских изданий сообщили о приезде в США г-на Ельцина, главного оппонента советского президента Михаила Горбачева. Деготь – обилие едких заметок (правда, по большей части в газетах бульварного толка) о госте из Москвы, демагоге и популисте, а главное – человеке, склонном к регулярному и непомерному питию. В некоторых из них, в подтверждение сказанного, приводится свидетельство безымянного работника нашего отеля, поведавшего журналистам, как остановившийся у них Ельцин с помощниками пропьянствовали всю минувшую ночь – выпили несколько бутылок виски, разливая благородный напиток в туалетные пластиковые стаканчики, предназначенные для полоскания зубов.

Суханов смотрит на Алференко так, будто это они с Гаррисоном все подстроили:

– Как про стаканы стало известно, если в номер к шефу никто из обслуги не заходил?!

Алференко пожимает плечами: мол, откуда мне знать? Опытный Виктор высказывает догадку: в дорогих отелях обслуга всегда готовит номер ко сну, так что, может, кто и заходил, когда Борис Николаевич уже спал. Это предположение кажется уместным, и Лев Евгеньевич слегка успокаивается:

– Шефу ни о чем не рассказывать!

Алференко с этим согласен, но оговаривает условие: давайте из этой скверной истории сделаем правильные выводы! Возражений нет, впредь будем благоразумнее.

С этой ничего не значащей оплошности, с разливания виски в пластиковые стаканчики для полоскания зубов, началось наше заокеанское фиаско. Самое простое – все списать на пристрастие Ельцина к алкоголю. Оно, несомненно, сыграло свою роль. Но только ли оно? Было и другое – по какой-то неведомой причине выпивка всегда и всюду оказывалась у него под рукой. У кого бы мы ни гостили, там уже были осведомлены о склонности Большого Бориса к возлияниям, и общение неизменно начиналось с вопроса: мистер Ельцин, не желаете ли чего-нибудь выпить? Если это и гостеприимство, то не без коварства. Случившееся в первый вечер в нью-йоркском отеле повторилось не единожды. Всюду

моделировалась ситуация порока – где-то оказывалось море спиртного, а где-то всего одна бутылка, но взять которую было равнозначно краже. Словно кто-то намерено хотел продемонстрировать Америке и миру единственное качество Ельцина – любит выпить и не в силах побороть свою порочную страсть.

Кто-то, прочитав эти строки, презрительно скривит рот: «А куда вы-то, горе-помощники, смотрели? Небось еще и пили вместе!». Пили. Но тому есть свое оправдание: он бы и без нас пил, ибо удержать было невозможно, а такое во сто крат хуже. Другой вопрос: стоило ли делать ставку на такого лидера, да еще возить его по белу свету? Задавать его – все равно что страждущему в пустыне советовать не пить воду из непроверенного источника. Другого-то более или менее общепризнанного лидера в ту пору у нас не было, вот в чем наша русская беда! В пыль вытоптанная политическая поляна! Вот и ухватились за худосочный росток. Хоть какая-то надежда на возрождение.

Как бы сегодня ни судили происходившие в ту пору перемены, а модернизировать страну было необходимо. Конечно, не так и не с такими страшными гайдарово— чубайсовыми потерям, но необходимо! А кто мог возглавить этот тяжкий и политически опасный труд? Только тот, кого поддерживало большинство населения. Сегодня противников Ельцина пруд пруди, а в конце 80— х их было не так уж и много. Что в Москве, что в провинции он собирал на площадях десятки, сотни тысяч своих сторонников, и они внимали каждому его слову. Кто, кроме него, был способен на подобное? Никто. Это удивительный исторический феномен отрицания опостылевшей веры: чего бы Ельцин ни сотворил в те дни, его авторитет, невзирая ни на что, не снизился бы ни на йоту.

Но безоглядная привязанность рано или поздно оборачивается безоглядной неприязнью. И происходит это тогда, когда кумир, которому легковерный народ сам проложил дорогу во власть, становится не зависящей ни от кого и не отвечающей ни за что Властью. Плохо не то, что на Олимп взобрался не тот человек, плохо, что там он не тем стал.

В интервью на CBS Ельцин пространно рассуждает о нерешительности Горбачева и о своей приверженности обновленной модели социализма. Трудно сказать, как на все это реагируют телезрители, но ведущий, кажется, не понял и не оценил. На его лице читается раздраженное удивление: чем все-таки вам нехорош Горбачев и зачем обновлять социализм, если от него вообще следует отказаться?! Шеф тоже почувствовал этот адресованный ему негатив, а потому выходит из студии крайне

недовольным.

– Ну как?

– Нам кажется, неплохо.

– Неплохо?! А то, что он на меня из-за Горбачева ополчился, это тоже неплохо?! – Борис Николаевич смотрит на нас с Ярошенко так, будто это мы подговорили ведущего расхваливать и защищать Михаила Сергеевича. – Нравится ему Горбачев, пускай с ним и встречается!

Оправдываться некогда – из студии CBS очертя голову несемся на интервью с Грегори Гуровым, известным американским культурологом и советологом, представляющим Информационное агентство США, пристанище дипломатов и разведчиков. Оно, это интервью, тоже будет недолгим, потому как ровно через час Ельцина уже ждут, как нам было сказано, выдающиеся американские экономисты. Один из них мне знаком по научной литературе – Лестер Туроу, светило Оксфорда, Гарварда и Массачусетса, задолго до горбачевской перестройки прогнозировавший распад коммунистической системы и радикальные социально-экономические перемены в странах социалистического блока. В общем, не так уж Ельцин был и неправ, когда назвал подготовленную для него программу потогонной. Но все наши предложения как-то ее подсократить, сделать менее насыщенной Алференко реагировал с усмешкой:

– Он хочет заработать на миллион одноразовых шприцов? Тогда пусть не ропщет, а работает! Здесь, ребята капитализм, никто просто так деньги не дает.

Думаю, может и неплохо, что на интервью с экономистами выделен всего час. На все их вопросы Борис Николаевич отвечает уже не раз озвученными декларациями общеполитического порядка – о нерешительности Горбачева, об его зависимости от партийной номенклатуры и о необходимости «сузить и ускорить» экономические реформы. Правда, родилась и новинка:

– Меня столько лет били по голове «Кратким курсом истории ВКП(б), что теперь не так просто отказаться от старого мышления!

Экономисты – люди конкретные, а потому не понимают, для чего он им обо всем этом рассказывает, и это лишь усиливает их представление о собеседнике как о популисте и верхогляде. Если бы с нами был свой переводчик, он догадался бы хоть как-то сгладить этот щекотливый момент, но Харрис Култер переводит сказанное дословно, и тем приводит аудиторию в состояние безразличия. Присутствующие явно теряют интерес к гостю, и это замечают все, кроме него самого. Ситуацию спасает известный американский бизнесмен Боб Шварц. Он, похоже, деловой

партнер Гаррисона и Алференко, но они рекомендуют его как мецената, симпатизирующего России.

– Дамы и господа! Нашего гостя ждет вертолет, на котором он облетит Нью-Йорк и с высоты сможет убедиться в величии и силе американского образа жизни!

Экономисты реагируют на сказанное дружным смехом. То ли от того, что шутка показалась донельзя смешной, то ли от того, что бессодержательная встреча, оторвавшая у бизнес-светил час драгоценного времени, подошла к концу.

Из всех местных журналистов Алференко пускает в вертолет только Энн Купер из The New York Times, да и то, похоже, лишь потому, что знаком с ее русским мужем Володей Лебедевым. Она фотографирует Ельцина в разных ракурсах и пытается прокричать ему в ухо какие-то вопросы, но тот сидит, прижавшись лбом к иллюминатору, и не обращает на нее никакого внимания. Это ухо у него почти не слышит, но мне кажется, сейчас он не отвечает ей по другой причине – им разыгрывается сценка под названием: «Борис Ельцин не может оторвать восхищенный взгляд от Нью-Йорка». Только после того, как вертолет, сделав пару кругов вокруг стоящего посреди залива монумента, Борис Николаевич поворачивается к Энн и произносит со значением:

– Я два раза облетел вокруг Статуи Свободы и стал в два раза свободнее!

Журналистка смеется, ей нравится этот каламбур. Он звучат вполне по-американски, а потому произведет неплохое впечатление на читателей. Ельцин чувствует, что попал в точку, и повторяет сказанное так, чтоб на этот раз услышал еще и переводчик.

…Итак, к ритуальным заклинаниям о нерешительности Горбачева, о необходимости сузить и интенсифицировать экономические реформы, об обновленном социализме, которые произносятся в любой аудитории, сегодняшний день добавил еще два – о догмах, вбитых в голову Бориса Николаевича учебником истории ВКП(б), и о том, как он, дважды облетев вокруг Статуи Свободы, стал в два раза свободнее. После приземления все это было озвучено уже трижды. Сначала на пресс-конференции, которую Боб Шварц устроил отчего-то не в офисе, а в своей городской квартире. После, там же, в квартире Шварца, в разговоре с сенатором Клейберном Пэллом. И, наконец, опять все там же, перед десятью гостями, которых супруги Шварцы специально позвали на ужин в обществе мистера Ельцина.

Кроме переводчика, нам, сопровождающим Ельцина лицам, за общим столом места не находится. И это понятно – все же не ресторан, а городская квартира, хотя и очень просторная (из окон

роскошный вид на Центральный парк, что говорит об ее многомиллионной стоимости). Нам накрывают в соседней комнате, похожей на кабинет хозяина. Но поскольку между ней и гостиной нет дверей, то мы в курсе всего происходящего. Суханову такая рассадка не по душе: как бы они там шефа не напоили!

– Да что вы, Лев Евгеньевич, волнуетесь? Все будет нормально!

– Знаю я это «нормально»! – Суханов кривится и горестно качает головой. – Ему не напомнишь, так он и не закусит! А потом решаем проблемы.

Лев Евгеньевич как в воду глядит – голос Ельцина (а слышно главным образом только его) становится все игривее и игривее:

– Русский мужик, он такой, покуда хорошенько не выпьет, к еде не притронется!

За столом как-то странно смеются. Словно студенты-первогодки театрального училища – педагог велел изобразить общую веселость, аудитория изображает. Не понимаю, откуда у американцев такая наигранная манера смеха? Веселятся не от того, что и впрямь весело, а потому, что таким образом надо выказать гостю расположение.

Ужин заканчивается звоном бьющегося стекла, визгливым вскриком хозяйки и застольным назиданием Ельцина: где пьется, там и льется! Суханов, да и не только он, весь в напряжении. По лицам покидающих дом гостей трудно понять, довольны они или раздосадованы. Но провожающий их до лифта Боб Шварц явно не считает вечер неудавшимся. И это понятно – столько влиятельных особ у него в доме! Один Пэлл чего стоит. Ни много ни мало – председатель сенатского Комитета по внешним сношениям! Последним из гостиной выходит Ельцин в сопровождении переводчика Харриса Култера и хозяйки дома. Она держит шефа под руку и расхваливает на все лады. Харрис добросовестно переводит, но кислое выражение его лица никак не свидетельствует о благостных чувствах.

– Ну, как все прошло?

Суханов смотрит на переводчика с надеждой услышать хоть что-нибудь позитивное, но тот в ответ лишь тяжело вздыхает:

– Ребята, вы позволите мне дать вам дружеский совет? – Суханов с Ярошенко кивают в ответ. – Никогда не оставляйте его за столом одного. И еще (если, конечно, такое возможно): скажите ему, чтоб не допивал виски до конца. Пусть хоть немного оставляет в стакане.

– Это еще зачем?

– Затем, что стакан у гостя не должен быть пустым. Пуст,

значит, еще не финиш, значит, надо налить, – Харрис молчит пару секунд и добавляет, как мне кажется, полупрезрительно: – А после посуда на столе бьется, и у хозяйки костюм залит вином.

Ночь. За окном гудит неугомонный Нью-Йорк. Ельцин, вернувшись в отель, сразу пошел к себе в номер и лег спать, а мы с Ярошенко сидим у Суханова и обсуждаем прожитой день. Не знаю почему, но Лев Евгеньевич разговаривает с нами так, будто это мы все организовываем и за все отвечаем:

– Ребята, я не понимаю, почему день должен заканчиваться ужином с выпивкой?!

– Лев Евгеньевич, вы же видели, американцы все были трезвые, никто не напился.

– Они его специально подпоили, это же очевидно!

– Господи, зачем им это надо?

– Да они тут все за Горбачева! И ваш Алференко с ними заодно! Еще тот провокатор!

В итоге бурных дебатов договариваемся, что завтра же, втайне от шефа, потребуем от «провокатора» и его дружка Гаррисона, чтоб впредь на обедах и ужинах спиртное не подавалось. Ну, не то чтоб совсем, такое едва ли возможно, в количестве, как говорится, «для настроения».

– Лев Евгеньевич, а не погулять ли нам по ночному Нью-Йорку?

– Нет, ребята, – Суханов смотрит на нас с искренним сожалением, – вы идите, а я должен остаться. Вдруг шефу что-то понадобится.

Ночью ему понадобилась пара стограммовых бутылочек виски из сухановского мини-бара. В его собственном ничего не осталось.

…Программа сегодняшнего дня еще более напряженная, нежели вчерашняя, и от этого у Ельцина с утра скверное настроение. Первое интервью в 7:15, в популярнейшей новостной программе ABC «Доброе утро, Америка!». Суханов уже подготовил шефа к выходу в люди, когда у того в номере появляется радостно улыбающийся и обильно политый заморским парфюмом Геннадий Алференко:

– Борис Николаевич, вы какой иностранный язык в школе учили?

– Немецкий.

– Помните, как будет «С добрым утром!»?

– Хутен морхен. А вам зачем?

– Там, в холле, собралось много журналистов. Будет очень неплохо, если вы выйдете к ним и поздороваетесь по-английски. Это вызовет хорошую прессу.

– Я же сказал, немецкий учил.

– Так это почти то же самое, только немного мягче: good morning!

Из лифта шеф выходит с вполне доброжелательным выражением лица, буркает свое незабытое со школьной поры «Хутен морхен» и останавливается на ступеньках, освещенный яркими вспышкам фотокамер. Толпа репортеров, действительно, немалая, человек двадцать. Ответы на вопросы не предусмотрены, но весьма затрапезного вида парень, не иначе как представляющий какое-нибудь бульварное издание, размахивает над головой свернутой в трубочку газетой и что-то выкрикивает. Харрис хмурится и не переводит:

– Пойдемте, Борис Николаевич, нас ждут на телевидении, нельзя опаздывать.

Тот хмурится:

– Что он сейчас сказал?

– Не обращайте внимания.

– Я спрашиваю, что он сказал?

Харрис, хоть и работает с Ельциным всего второй день, но, судя по всему, уже почувствовал его натуру и понял, что если тот чего-то требует, от этого уже никак не отвертеться.

– Он поинтересовался: этой ночью вы снова пили виски из пластикового стаканчика?

Ельцин резко поворачивается и быстрым шагом идет через холл к выходу. Мы едва поспеваем следом. За спиной автоматными очередями щелкают фотокамеры. Наверное, со стороны наш демарш выглядит как бегство. Но это еще полбеды. Гораздо хуже, что настроение у шефа окончательно испорчено. Боюсь, что на весь день.

Потогонная система Алференко – Гаррисона в действии: с 7 утра и до полудня Ельцин поучаствовал в двух телепрограммах, побеседовал с каким-то странного вида субъектом, прогулялся пешком по Уолл-стриту и посетил Нью-Йоркскую фондовую биржу. По бирже он уже ходил до крайности недовольный всем и вся. Но Гаррисон сказал, что с ним хочет встретиться президент биржи, и это его немного успокоило. Правда, Джим так и не назвал имени президента. Суханов недовольно бурчит мне в ухо:

– Ты заметил, у него в каждом мероприятии какой-то свой интерес!

Шеф постоял на балконе для почетных гостей. Увидел, как открывают дневную сессию. Прошелся по засыпанному бумажками залу с истерично кричащими брокерами. И, наконец, поздоровался с солидного вида господином, поприветствовавшим его от имени руководства Нью-Йоркской биржи. И все. Сразу

после этого Алференко сообщил, что через 45 минут нас ждут в Совете по внешним сношениям. Ельцин в очередной раз вспылил:

– Лев Евгеньевич, я же просил!

– Борис Николаевич…

– Довольно, понимаешь! Какой-то еще Совет! Что им от меня надо?!

В разговор вступает Гаррисон, слова которого Харрис (так он поступает уже не впервой) переводит в весьма деликатной интерпретации:

– Программой предусмотрен обед, на который соберутся люди, связанные с внешней политикой США. Они заплатили за то, чтобы послушать вашу лекцию…

– Лекцию?! Значит, я, понимаешь, буду говорить, а они в это время жевать?! Отменяйте!

– Среди гостей будет присутствовать Сайрус Вэнс, бывший госсекретарь США. А приглашает вас на эту встречу Дэвид Рокфеллер. Он выступит с приветственным словом, следом выступите вы, а после вместе отобедаете.

– Рокфеллер? – легендарное в политэкономических кругах имя заинтересовывает. – Что, тот самый?

– Младший. Рокфеллер-младший.

Борис Николаевич удовлетворенно кивает. Однако Суханова информация об обеде настораживает. Он, видимо, хочет узнать насчет алкоголя, но не решается делать это при шефе. Поэтому отзывает Алференко в сторону и, понизив голос, интересуется: алкоголь предусмотрен?

– Может, вам относительно всего меню доложить? – по лицу Геннадия видно, что тому не по душе, что кто-то, кроме Ельцина, задает вопросы, касающиеся подготовленной им с Гаррисоном программы визита. – Вам обязательно предложат салаты и два-три горячих блюда на выбор. Из алкоголя, думаю, будет шампанское, вино, коньяк и виски. А после – десерт, чай и кофе. Какой именно будет десерт, этого не скажу, не знаю.

Лев Евгеньевич не обращает внимание на язвительный тон и задает новый вопрос: какова будет наша рассадка?

– Рассадка будет сообразно статусу: Борис Николаевич за одним столом с Рокфеллером, все остальные – за двумя или тремя отдельными столиками.

– Я должен сидеть вместе с Борисом Николаевичем.

– Это невозможно.

– Геннадий, это не обсуждается!

– С ним будет наш переводчик, и все! Все другие места за столом Рокфеллера уже забронированы. Куда вы там сядете?!

– Пусть поставят дополнительный стул.

Члены Совета по внешним сношениям встречают Ельцина вполне дружелюбно, хотя и без бурных восторгов. Похоже, Горбачев им все же понятнее, а потому предпочтительней. Дэвид Рокфеллер произносит разочаровывающе короткое приветствие и предоставляет слово гостю из СССР.

– Демократические силы, к которым я принадлежу, выступают за широкое сотрудничество с Соединенными Штатами на основе доверительности, взаимной выгоды и взаимного уважения! Мы закончили холодную войну! Мы стремимся к преобразованию социализма в русле демократии и рыночной экономики! Горбачев должен ускорить реформы, проводить их решительнее и без оглядки на старую партийную номенклатуру! Иначе…

Ельцин замирает на пару секунд. Мне уже знаком этот его прием, с помощью которого он приводит аудиторию в состояние напряженного ожидания – многозначительно вскинутые брови, полупрезрительная усмешка, колючий взгляд факира, уверенного, что сейчас зал ахнет…

– Я надеюсь, демократически избранный президент Америки найдет время для встречи со мной. Нам есть что сказать друг другу! Это в интересах наших стран и народов.

Но, похоже, на сей раз факир ошибся в зрителе – зал безмолвствует. Это единственный ельцинский тезис, который он не встречает вообще никакими аплодисментами. Ни редкими, ни бурными.

Речь окончена. Рокфеллер пожимает оратору руку и жестом приглашает к трапезе. Разумеется, Суханову не находится места за тем же столом. Но никто из нас по этому поводу не печалится. Все равно это ничего бы не изменило. Ну, заметит Лев Евгеньевич, что шеф слишком часто берет в руки рюмку и игнорирует вилку с ножом, – и что с того?! Он что, сделает ему по этому поводу замечание? Вот так, наклонится и шепнет на ухо: «Борис Николаевич, надо бы поменьше пить да побольше закусывать». Не было еще такого, и никогда не будет! Это вообще нечто из области невероятного. Кроме того, как мы уже успели заметить, когда Ельцин общается с теми, кого считает равными себе по влиянию на Мир и на Историю, его ничем, тем более какими-то подсказками да советами, лучше не отвлекать, иначе пожнешь бурю. Он не посмотрит, что вокруг посторонние люди. Так что Суханову ничего не остается, как самому закусывать и бросать обеспокоенные взгляды в сторону соседнего столика.

К счастью, на сей раз Борис Николаевич увлечен Рокфеллером. Хоть и не закусывает, но и почти не выпивает. А банкир-миллиардер и бывший госсекретарь, похоже, тоже

останутся голодными – они не позволяют себе ни есть, ни пить, покуда собеседник им что-то говорит. А тот, можно сказать, исполняет сольную партию, продолжительностью во всю пьесу. По сути, на этом обеде Ельцин произнес две речи: короткую – для всех присутствующих, и долгую, обстоятельную – для соседей по столику.

…Застолье с членами Совета по внешним сношениям занимает чуть менее двух часов. Ельцин доволен, но чувствуется, ждет большего:

– Рокфеллер, Вэнс, это хорошо! – он говорит медленно, с расстановкой, и при этом поглядывает то на Алференко, то на Гаррисона. – Но почему до сих пор нет никакой информации о моей встрече с Бушем?

– Работаем, Борис Николаевич!

– Медленно работаете, – Ельцин недовольно морщится. – Надо, понимаешь, поднимать уровень визита!

Согласно «потогонному» плану Алференко – Гаррисона, после обеда с членами Совета по внешним сношениям нам следует поторопиться на интервью для телепрограммы «Час новостей», а сразу после него – на встречу с президентом Колумбийского университета и директором Института Гарримана. Но главное мероприятие уже под занавес дня – деловой ужин в каком-то «Речном клубе». Суханов беспокоится, как бы шеф не взбрыкнул и не отказался туда ехать. Во-первых, он с шести утра на ногах, и всему есть предел. Во-вторых, он до сих пор не получил информацию о встрече с американским президентом, а для него это главный вопрос всей поездки.

Но, я думаю, беспокоится Лев Евгеньевич напрасно. Шеф непременно поедет в этот клуб. Мы все слышали, как, прощаясь, Рокфеллер, дружески похлопав его по плечу, сказал: «Встретимся за ужином!», а Ельцин в ответ согласно кивнул. И выглядел при этом весьма довольным.

…Нам было сказано, что «Речной клуб» – одно из самых элитарных заведений Америки. Но меня, признаться, оно не поразило. Все тут, начиная с покрытых довольно затертым ковролином полов до столовского вида белых скатертей, более чем скромно. Даже не верится, что в зале присутствуют люди, контролирующие миллиардные состояния. Организатор всего действа – уже знакомый нам Дэвид Рокфеллер. Правда, здесь он выступает уже не как глава Совета по внешней политике, а как член семейного клана Рокфеллеров. Гости под стать ему и по положению, и по богатству – руководители крупнейших благотворительных фондов. Как многозначительно сказал нам наш переводчик, эти люди во многом определяют исход

президентских выборов в США, да и не только в США.

Кто здесь только не представлен! И Фонд братьев Рокфеллеров, и Фонд Форда, и Фонд Карнеги, и Фонд МакАртуров, и еще с десяток мало знакомых мне, но, похоже, весьма влиятельных лоббистских организаций. Чувствуется, что на встречу с Ельциным все эти люди пришли с желанием из первых рук получить информацию о происходящем в СССР. Но самый активный из них – Джордж Сорос, возглавляющий фонд собственного имени. Кажется, если б Рокфеллер дал ему волю, он вообще оттащил бы шефа в сторонку и не отпускал от себя до самого окончания мероприятия. По этому поводу Суханов высказался хоть и недипломатично, зато весьма точно: человек-пиявка!

Все рассаживаются согласно табличкам с именами на огромных круглых столах. На этот раз Суханов сидит по правую руку от Ельцина (по левую – наш переводчик). Это радует его по двум причинам – так надежней и так почетней. Рокфеллер, опять же очень коротко, приветствует Ельцина и предоставляет ему слово. Речь один в один повторяет ту, что была произнесена несколькими часами ранее. И слушают его так же сдержанно. Дружный смех и бурные аплодисменты вызывает лишь каламбур про «Краткий курс истории ВКП(б)», которым много лет кряду Борису Николаевичу вколачивали в голову всякую политическую дребедень. А вот и финал, эдакий заключительный аккорд выступления:

– Надеюсь, демократически избранный президент Америки найдет в своем графике время для встречи со мной, – Ельцин делает паузу и обводит зал многозначительным взглядом, – с представителем демократических сил Советского Союза. Нам есть что сказать друг другу!

Сбываются худшие опасения Суханова – шеф выпивает, но ничем не закусывает. А как закусывать, если он почти не сидит на своем стуле, а все больше стоит возле него? К нему то и дело подходят улыбающиеся буржуины, трясут руку, дружески похлопывая по спине, произносят какие-то комплементы и пожелания, а после, чокнувшись и пригубив из своего бокала, отходят, уступая место другому желающему поприветствовать первого советского коммуниста-оппозиционера. Зато наш Борис Николаевич, по стародавней уральской привычке, чокнувшись, выпивает до дна. Черт бы их всех подрал! И в первую очередь – этого хитромудрого Сороса, который буквально не отходит от Ельцина ни на шаг. Прилип, что банный лист к заднице.

Алференко обеспокоен не меньше Суханова – уже половина десятого, через полчаса мы должны вылететь в Балтимор, а

Ельцин, похоже, только вошел во вкус неформального общения с капитанами американского бизнеса.

– Надо ему сказать, что пора прощаться.

Суханов смотрит на Алференко с жалостью. Как пациент на зубного врача, поставившего ему неутешительный диагноз – зуб не спасти, надо удалять.

– Может, Рокфеллер ему об этом скажет? Рокфеллера он послушается.

К счастью, банкира-миллиардера не приходится просить о столь деликатном одолжении. Поскольку самолет, которым мы должны лететь в Балтимор, принадлежит ему, то он, по всей видимости, на связи с пилотом и в курсе того, что нам уже пора выдвигаться на аэродром.

– Мистер Ельцин! Я благодарен, что вы нашли время встретиться с нами. Это был прекрасный вечер! Но, к сожалению, мы вынуждены отпустить вас в Балтиморе. Мой самолет к вашим услугам, пилот ждет.

У богатства есть немало жизненных преимуществ, и сейчас мы ощутили одно из них – Рокфеллер избавил нас от необходимости приноравливаться к правилам и расписанию перелета. Нам не надо торопиться на аэродром – когда приедем, тогда и взлетим. Не надо регистрироваться, сдавать багаж и проходить спецконтроль – нас доставили прямо к трапу, возле которого поджидает улыбающийся пилот:

– Господа, рад вас приветствовать! Самолет готов к взлету. Ваш багаж на борту, – и, пожав нам руки, заканчивает сугубо по-американски, невзирая на чины и звания пассажиров: – Как только наберем высоту, я предложу вам, парни, выпивку и закуски. Приятного полета!

Верный оруженосец Суханов недовольно ворчит: «Какая еще выпивка, какие закуски? Он разве не знает, что мы с ужина?». Ярошенко успокаивает: это традиционная американская шутка…

Лучше бы пилот и впрямь пошутил. Может, не было бы тогда того, что случилось часом позже. А случилось такое, что хочется забыть, но, увы, не забывается.

Бывают ситуации, когда презрение толпы менее трагично, нежели отвращение в глазах единственного свидетеля твоего позора. Прошло много лет, больше четверти века, но я до их пор с содроганием вспоминаю ту ночь и не могу забыть глаза уже немолодой, но привлекательной женщины с большим букетом цветов в руках, что встречала нас на слабо освещенном поле аэродрома американского города Балтимор…

Стюард, он же второй пилот, ставит на стол два больших

подноса: на одном – ветчинно-колбасное ассорти, на другом – овощи, коих у себя дома мы отродясь не едали, а к ним всевозможные соусы. От сырых шампиньонов Ельцин приходит в восторг: «Никогда не думал, что грибы можно есть сырыми!». Маленькие початки кукурузы размером с палец напоминают ему хрущевские времена, когда на Урале тоже пытались выращивать полюбившуюся Никите Сергеевичу культуру, и она была такая же недоразвитая: оказывается, их люди даже сырыми могли есть, а мы зачем-то скотине скармливали!

– Что господа желают выпить?

Ельцин смотрит на стюарда, как учитель на двоечника, не ко времени и не по делу задавшего вопрос про каникулы:

– Мы что у Рокфеллера пили? Виски. Вот и продолжим висками. Градус нельзя понижать!

Стюард кивает в ответ и приносит внушительных габаритов штоф «Джека Дэниэлса». Суханов тяжко вздыхает, и этот вздох больше похож на стон. Однако ловит на себе недовольный взгляд шефа и капитулирует перед порочной притягательностью Черного Джека.

– Что я хочу сказать, – Ельцин берет стакан, наполненный ячменным снадобьем, давая понять, что наступило время подвести итоги прошедшего дня. – В общем, пока у нас все идет неплохо. Но! – и бросает на Алференко пристальный взгляд, – надо поднимать уровень визита!

Социальный изобретатель выдавливает из себя нечто отдаленно напоминающее алаверды: «Работаем, Борис Николаевич». Суханов, опасаясь неконтролируемой вспышки хозяйского гнева из-за столь расплывчатого ответа, предпринимает отвлекающий манер – предлагает выпить по второму заходу:

– За то, чтобы наш визит был успешным и чтоб все цели были достигнуты!

Шеф грозит ему пальцем: «Ельцин и сам всегда добивается поставленных целей, и от других этого требует! Так было, и так будет!».

От Нью-Йорка до Балтимора лету не более часа, поэтому бутылка опорожняется наспех, без долгих пауз на тосты и разговоры. Последние граммы выпиваются уже при заходе на посадку. Самолет бросает из стороны в сторону и он так отчаянно машет крыльями, что руки, помимо твоей воли, судорожно сжимают подлокотники кресла. И в этот самый неподходящий для любых перемещений по салону момент у нашего VIP-пассажира возникает непреодолимое желание посетить туалет.

– Борис Николаевич, сядьте, пожалуйста, нельзя вставать.

– Мне надо!

– Мы сейчас приземлимся.

– Что вы мне, понимаешь, указываете?!

Но в этом самолете нет туалета. Он для очень коротких перелетов.

Шасси ударяются о посадочную полосу, включается реверс и самолет, надрывно взревев, тормозит. В иллюминатор видно, что маленький аэропорт погружен во тьму, и только возле небольшого здания горит несколько фонарей. Туда мы и подкатываем. Пилот выходит из своей кабины и выпускает трап. В нашу сторону направляется довольно большая, человек десять, группа встречающих. Они подходят к самолету и выстраиваются полукругом в нескольких метрах от него. На полшага впереди всех улыбающаяся женщина с большим букетом в руках.

Первыми на поле спускаемся мы с Сухановым и Ярошенко, следом выходит Ельцин, за ним – переводчик и все остальные. То, что происходит далее, за гранью разумного…

Сойдя с трапа и оглядевшись, Ельцин отчего-то вдруг резко разворачивается и шагает в сторону, противоположную от стоящих на поле американцев, куда-то за самолет. Встречающие недоуменно переглядываются: что случилось? Кажется, я догадываюсь – что, и от этой догадки по спине бегут леденящие кожу мурашки: только не это! Вероятно, ему кажется, что в тени его не видно, и стоящие на поле не разглядят, как он, пристроившись за шасси, справляет малую нужду. Но на нашу беду, не только видно, но даже слышно. К тому же его выдает ручеек, побежавший из-под самолета в сторону встречающих.

Мы в ужасе. Суханова, похоже, разбил паралич – стоит у трапа с широко открытым ртом и не в силах пошевелиться. Ярошенко шепотом причитает: конец, это конец! Алференко отвернулся, чтоб не видели американцы, и в сердцах плюнул на землю. На лицах степенных янки выражение брезгливого ужаса. Немолодая, но весьма миловидная дама с букетом в руках выглядит так, словно ей на голову посадили отвратительно пахнущего лесного клопа.

А далее происходит еще более невероятное – Ельцин, на ходу застегивая ширинку, выходит из-за самолета и, протянув для приветствия руку, как ни в чем ни бывало направляется к встречающим. Уже ночь, но он почему-то произносит свое неизменное: «Хутен морхен!», чем окончательно добивает даму с цветами. Та издает какой-то хрип, который надо понимать, как приветственное «Welcome!”, и, уклонившись от рукопожатия, сует гостю ставший бессмысленным атрибутом букет цветов.

…Президент Университета имени Хопкинса с супругой и еще

несколько профессоров (шокированный происшедшим мэр Балтимора ретировался еще в аэропорту) торопливо прощаются с нами на крыльце резиденции, предназначенной для размещения важных университетских гостей. Алференко с Гаррисоном и переводчиками отправляются спать в комнаты на втором этаже. Мы с Ярошенко селимся на первом. Ельцин с Сухановым занимают большие апартаменты во флигеле.

Очень хочется спать…

В час ночи просыпаемся от полушепота Суханова: ребята, проснитесь! На Льва Евгеньевича невозможно смотреть без жалости: Ельцин требует от него принести чего-нибудь выпить. Идем на помощь – надо постараться убедить шефа этого не делать. Но никакие уговоры – что поздно, что день был тяжелым, что выпито за сегодня и без того уж немало – не действуют. Сидит в костюме на кровати и, обхватив голову руками, покачивается взад-вперед:

– Чта-а! Вы мне, понимаешь, будете указывать?! Я говорю, у меня сейчас голова расколется! Надо снять напряжение!

Он буквально вынуждает Суханова оправиться на поиски спиртного. К несчастью, под лестницей, ведущей на второй этаж, обнаруживается большая кладовка с обилием всевозможных бутылок. Лев Евгеньевич берет с полки красное сухое вино, но шеф требует уже знакомый и полюбившийся ему «Джек Дэниэлс». Садимся за стол – пусть напьемся, но хотя бы ему меньше достанется! – с надеждой, что застолье будет недолгим.

…Где-то около трех часов ночи Ельцин будит Суханова. Зовет таким слабым, умирающим голосом, что у того сердце обрывается от испуга: «Что случилось?! Что с вами?!».

– Плохо мне, – шеф лежит бледный, как полотно, и едва шевелит губами. – Принесите что-нибудь… выпить… виски… мне совсем плохо…

Насмерть перепуганный Суханов снова будит нас с Ярошенко: ребята, что делать? У Виктора припасен пузырек валерьянки.

– А если не согласится?

– Скажите, что спиртного в доме больше нет.

– А валерьянка, думаешь, поможет?

– Да не волнуйтесь вы так! Ему просто надо проспаться, и все будет в порядке.

Тот в ответ подносит палец к губам:

– Тише! Главное, чтоб эти, там наверху, ни о чем не узнали!

Без четверти четыре в чулане под лестницей раздается страшный грохот и звон. Все, кто ни есть в доме, выскакивают из своих спален. Мысль одна: с Ельциным случилась какая-то беда! Вот сейчас откроем дверь, а он лежит на полу, бездыханный и

весь в крови. Не приведи Господь!

Дверь чулана открывается, и мы вздыхаем с облегчением – обошлось, жив! На пороге стоит Борис Николаевич с недопитой нами бутылкой Черного Джека в руке. Целехонек, но чем-то весьма недоволен:

– Вот, – взглядом указывает на бутылку, – доставал, понимаешь, с полки, а там какая-то коробка с пустыми бутылками. Зачем ее туда поставили?!

Гаррисон, стоя на лестнице, сверху смотрит на него с нескрываемым ужасом. Суханов как-то странно улыбается. Наверное, это у него на нервной почве.

Как ни стараюсь, а дальнейшее не вспоминается. Города, в которых побывали, слились в один огромный безликий город. Пытаюсь припомнить, что мы делали в Чикаго, или в Миннеаполисе, или в Далласе, и не могу. Какие-то выступления, какие-то пресс-конференции, какие-то обеды и ужины. Но какие, где, что за люди присутствовали, как они встретили Ельцина и как его проводили – не вспоминается! Обо всем этом память не сохранила ровным счетом ничего.

Но так не может быть! Что-то ведь должно было запомниться? Пожалуй. Правда, это не событие, а, скорее, ощущение – ощущение тоски и разочарования. Безысходной тоски и опустошающего душу разочарования. И только два, в общем-то, малозначительных эпизода, один – в Хьюстоне, другой – в Майами, запали в память более или менее отчетливо.

Глава 2
Свобода у мясного прилавка

Хьюстон, штат Техас. Нестерпимая духота. Даже не верится, что сейчас середина сентября. Пожалуй, намного круче нашего знойного июля в каком-нибудь Саратове. Зато в супермаркете Randall's, куда нас привезли на экскурсию, причем по нашей настоятельной просьбе, живительная прохлада. Просто курорт. Но сходу поражает не мощная система кондиционирования, а отсутствие привычных для нас затхлых запахов советского гастронома. Но это впечатление «первых шагов». Дальше – больше. Господи, таких прилавков у себя дома мы отродясь не видели! Для нас, жителей погрязшей в продуктовых дефицитах Москвы, это нечто из области нереального. Голова кругом идет от разнообразия всевозможных продуктов. И почему-то мучает единственный вопрос: неужели у них каждый день такое изобилие? Невероятно!

Ходим с Ельциным меж рядами с товарами. Он потрясен: чего тут только нет, и все можно купить без всякой очереди. Выбрал, встал в кассу (если перед тобой три человека, это уже много), заплатил – и шагай домой! Такого капиталистического достатка бывший партайгеноссе Москвы явно не ожидал увидеть.

– Борис Николаевич, а давайте посчитаем, сколько тут разновидностей колбасы?

Шеф реагирует на предложенное мною резко и впервые употребив «ты», абсолютно несвойственное его манере общения:

– Ты мне сейчас ничего не говори! Не надо ничего говорить! – и с минуту, а то и больше, в какой-то ожесточенной задумчивости стоит у мясного прилавка. – А этот, наш, понимаешь, какую-то там Продовольственную программу придумал. Вот она, продовольственная программа, на прилавке!

Что это было – искреннее потрясение или игра на публику? Гадать не берусь, а наверняка не знаю. Иногда кажется, что он на самом деле был поражен доселе невиданным изобилием. А иногда – что эта была экспромтом сыгранная сценка, рассчитанная на снующих вокруг нас нескольких журналистов с фото- и телекамерами. Последняя версия кажется более вероятной, потому как нечто подобное случилось в самом начале нашей поездки, еще в Нью-Йорке, во время посещения музея искусств «Метрополитен».

…Дождавшись, когда Борис Николаевич выйдет из вертолета, на котором он дважды облетел Статую Свободы и стал «вдвое свободнее», Алференко объявляет следующий пункт сегодняшней нью-йоркской программы – пешая прогулка по Центральному парку с последующим посещением всемирно известного художественного музея. Весть об этом воспринимается без малейшего удовольствия. Если бы рядом с нами не было сейчас Энн Купер, известной журналистки The New York Times, а чуть поодаль не маячила группка ушлых газетных репортеров, Ельцин наверняка бы устроил Геннадию очередной скандал и отказался участвовать в этих мероприятиях. И, в общем-то, был бы прав, потому как за два часа (а ровно через два часа должна состояться пресс-конференция в доме у Боба Шварца) физически невозможно сделать и то, и другое – и по парку погулять, и музейную экспозицию осмотреть.

– И чего мы не видели в этом парке?! – Ельцин выплескивает раздражение на шагающего рядом Суханова. – Чем он интереснее наших Сокольников? Тем, что, понимаешь, в Нью-Йорке, а не в Москве?!

Суханов берет шефа под руку и шепчет на ухо:

– Вы посмотрите, сколько за нами идет журналистов! Завтра об этом будет написано во всех газетах!

Ельцин бросает на репортеров беглый взгляд и, видимо, решает, что сейчас самый подходящий момент развеять слухи об его немощах и пороках. Пусть убедятся: Ельцин – энергичный, спортивный, неутомимый! Еще многим молодым фору даст! С этого момента он «гуляет» по Центральному парку, как царь Петр на картине Серова – размашистым шагом и полубегом. И мы семеним следом так же, как та самая царская свита. Что касается репортеров, то они едва поспевают за нашей группой, странной манерой гуляния дивящей отдыхающих ньюйоркцев.

На ступенях музея все повторяется: «Зачем мы сюда пришли?! Мы в Америку приехали картинки рассматривать?! У нас, конечно, своего Эрмитажа нет!». В ответ Суханов произносит умоляюще: «Борис Николаевич!», и взглядом вновь указывает на репортеров, чуть поодаль с трудом переводящих дыхание.

В музее российский лидер демонстрирует пишуще-снимающей публике уже другие свои достоинства: Ельцин – тонкий, вдумчивый ценитель прекрасного, хорошо ориентирующийся в изобразительном искусстве и мгновенно распознающий различные художественные школы. Мы бежим по залам музея почти с той же скоростью, что и по парку. Но в некоторых из них шеф задерживается возле какой-нибудь картины. Стоит, сложив на груди руки, и несколько секунд

задумчиво любуется. Насладившись, он, ни слова не говоря, срывается с места и стремительно преодолевает пару-тройку следующих залов, после которых все повторяется. Очевидно, это должно отразить некий принцип его жизнедеятельности: Ельцин не тратит время на все без разбору, а лишь на то, что по-настоящему ценно и достойно его внимания.

Один из особо отмеченных Ельциным авторов – Ян Вермеер. У портретов его работы он задерживается дольше, чем у всех прочих. Наверное, с полминуты. Гаррисон заинтригован: вам это нравится? Шеф, не глядя на него, произносит многозначительное «Нда-а…»:

– Знаю эту картину. Прекрасный художник, – и, сорвавшись с места, уже стоя на пороге следующего зала, поясняет: – Один из моих любимых.

Всю дорогу от музея до дома Боба Шварца меня мучает мысль: чем ему так полюбился Вермеер? Не выдерживаю и спрашиваю об этом. Ельцин смотрит на меня так, будто я поинтересовался его отношением к известной исключительно среди ученых-лингвистов Вере Цинциус, специалисту в области этимологии урало-алтайских языков:

– Какого еще Веремеева?!

То было в Нью-Йорке, а это Хьюстон, и уже другая сценка – у мясного прилавка. Но очень похоже…

Выходим из супермаркета и, можно сказать, попадаем в баню, душную и влажную. В другое время шеф сразу направился бы к лимузину с его живительной кондиционированной прохладой, а тут не торопится – стоит и ритмично, будто отбивает такт, постукивает кулаком о ладонь. Понятно, что хочет сказать нечто для него важное, но почему-то не говорит. Наверное, подбирает подходящие слова.

– Борис Николаевич, что-то случилось?

Тот смотрит вроде бы на меня, но отвечает определенно кому-то другому, скорее всего, самому себе:

– Не надо было мне говорить про «обновленный социализм». Непонятно это американцам. После таких-то вот прилавков…

Следующий и последний пункт нашего назначения – Майами. Здесь нам предстоит прожить пару дней в отеле, принадлежащем «кукурузному королю» Америки Дуэйну Андреасу. И что самое приятное, на самом берегу океана. Может, удастся окунуться в воды Атлантики? Хорошо бы. Хоть какие-то положительные эмоции.

«Король» присылает за нами свой самолет, и через два с

половиной часа мы уже в жаркой и душной бане, именуемой Флоридой. Андреас встречает нас в холле, как долгожданных гостей. Судя по развешанным повсюду фотографиям нашего хозяина в обществе всевозможных знаменитостей, от президента Буша до какого-то шоумена в индейских одеждах, его жизненные интересы кукурузой не ограничиваются. В отеле, кроме нас, нет других постояльцев. На этажах тишина и безлюдье. И это удивляет. Можно, конечно, предположить, что сентябрь в этих краях – не сезон, и никто не едет. Но чем тогда объяснить, что на тянущейся вдоль океана авеню мы видели так много людей в пляжном облачении? Трудно представить, что Андреас распорядился освободить от постояльцев огромный отель только ради мистера Ельцина и его свиты. И еще одна странность: почему-то нас селят не в гостиничных номерах, коих на любой вкус, а в личных апартаментах хозяина и его семьи. Непонятно. Хотя одно объяснение все-таки есть: портье в холе обмолвился, что сразу после нашего отъезда отель закроется на реконструкцию.

Мы с Ярошенко занимаем квартиру дочери Андреаса. У нас разные спальни, но гостиная, кухня и прочие бытовые прелести общие, что создает некоторый дискомфорт. Оказывается, от советского аскетизма можно отвыкнуть буквально за несколько дней. Не прошло и недели, как мы приехали в Штаты и пожили в отелях категории «5 звезд», а нам это уже кажется нормой, тогда как отечественная практика расселения в номера по двое, трое и более командировочных – издевательством над человеческой природой.

На сегодняшний день Андреас запланировал для Бориса Николаевича всего одно мероприятие – коктейль и ужин с участием нескольких представителей городской элиты. Причем для этого не надо никуда ехать. Все будет происходить здесь же, на последнем этаже отеля. При этом произнесение речей не предполагается ни со стороны хозяев, ни со стороны гостей. Сначала фуршет (по-нашему – общение с бокалом в руке), после – ненавязчивая беседа за ужином. Хозяин обещает богатый выбор блюд из морепродуктов и всевозможные напитки. Последнее очень беспокоит Суханова:

– Ох, ребята, как бы не повторился Балтимор!

Ярошенко предлагает рискованное, но весьма изобретательное решение:

– Надо предложить шефу такой вариант: за ужином выпивкой не увлекаемся, а после, когда все разойдутся, выйдем на берег и посидим на песочке у океана своей компанией.

– А где возьмем спиртное? При всех со стола как-то

неудобно…

– Павел, ты видел – у нас в квартире на столе в гостиной стоит ваза с фруктами, а в холодильнике бутылка виски?

– Видел. Но это, наверное, хозяйское.

Суханову с Ярошенко мое возражение не кажется разумным:

– Хозяева знали, что мы будем у них жить? Знали. Значит, для кого они все это оставили? Для нас, для кого же еще?

Предложение устроить прощальные посиделки на берегу океана, а, может, и искупаться, Ельцину нравится. Видимо, все-таки устал за время поездки, и мысль, что это ее финал, что завтра домой, его радует. Мы давно не видели шефа в столь добром расположении духа. Но, увы, приходят Алференко с Гаррисоном, и благостный Ельцин вновь становится раздраженно-недовольным. Ему предлагается подписать напечатанный на бланке Института Эсален «Меморандум о намерениях», в котором его настораживает первый пункт: **«В соответствии с американской бизнес-практикой мистер Ельцин имеет право на чистые доходы. Мистер Ельцин полностью отказывается от этих доходов»**.

Он вопросительно смотрит на нас с Сухановым и Ярошенко: подписывать, что ли? Нам троим тоже не нравится такая формулировка – «полностью отказывается». Как ее прикажите понимать? Между нами и Алференко по этому поводу возникает дискуссия. Сначала он объясняет свои резоны достаточно дружелюбно, но постепенно теряет над собой контроль и сгоряча произносит фразу о каких-то непредвиденных расходах, которые якобы из-за нас понес Гаррисон. Она еще более настораживает Ельцина:

– Если я полностью откажусь от этих денег, то и вы после откажитесь покупать одноразовые шприцы. Скажите, что денег нет, что все съели эти самые непредвиденные расходы.

– Во втором пункте «Меморандума» черным по белому сказано: все доходы должны быть посвящены исключительно и специально для борьбы со СПИДом в СССР, в соответствии с указаниями господина Ельцина. Как же мы после этого откажемся?!

– Ну и зачем же тогда мне «полностью отказываться»? Чтоб после упрашивать: «Купите, привезите!», так что ли?

– Чтоб мы могли приобрести шприцы без вашей доверенности. Гаррисон же не будет всякий раз летать за ней к вам в Москву.

Ельцин снова поворачивается в нашу сторону: подписывать? Пояснения Геннадия не кажутся убедительными, есть в них какая-то хитринка, но, вполне возможно, это какая-то американская

бизнес-хрень, которую мы не знаем и не понимаем.

– Подписывайте, Борис Николаевич!

Я и сейчас, верни меня то время, сказал бы: подписывайте! Почему нет? Все равно вы никогда и ни от кого не узнаете, где и сколько денег получили за свои лекции про нерешительность Горбачева, про необходимость сузить фронт экономических реформ и про то, как вам в голову вбивали коммунистические догмы «Кратким курсом истории ВКП(б)». Да и к чему задумываться о суммах, если не прояснен главный вопрос – откуда взялись все эти деньги, из какого кошелька?

То, что с нашей стороны в качестве партнера выступил столь экстравагантный персонаж, как Геннадий Алференко со своим «Фондом социальных изобретений», – это еще как-то можно понять и объяснить. Но почему в Америке деньги на визит и доходы от него шли через Институт Эсален? Какая связь между идеей политической модернизации СССР и основной целью деятельности этой американской организации, которая формулируется весьма оригинально: «Движение за развитие человеческого потенциала»?

Понятное дело, я – журналист, и у меня в ту пору не было других возможностей посетить Америку. А хотелось. Отсюда и всеядность. Но Ельцин?! Советский политик первой величины! Как он мог не обратить внимание на то, что путешествует на средства и при организационной поддержке коммуны-поселения (а Институт Эсален, согласно его уставу, есть не что иное как коммуна-поселение), которую многие в США считают прибежищем наркоманов и бездельников? Более того, которая, по сведениям из разных американских источников, отчасти финансируется Госдепартаментом США и ЦРУ, и, по целому ряду направлений, сотрудничает с этими правительственными учреждениями. Кстати сказать, сей печальный факт несколькими годами позже подтвердил мне один из тогдашний руководителей Службы внешней разведки России.

…Так что подписывайте, подписывайте, Борис Николаевич, и ни о чем таком не думайте. Станете президентом, ничего не вспомнится.

Ужин у Андреаса похож на все предыдущие ужины, хотя и чуть менее чопорный. Вопросы за столом тоже не умнее и не глупее тех, что задавались за другими столами. Разве что здесь, на курорте, это делается с менее постными лицами. Зато отвечает на них Борис Николаевич так, словно в голове у него магнитофон. Он, как выяснилось в ходе этой поездки, вообще не любитель политических импровизаций. Если что-то раз посчитал

удачным, повторяет это всюду, невзирая на характер и настрой аудитории. Так что мы уже выучили его «американские тезисы» назубок, и любой из них можем повторить без запинки и в нужной последовательности.

Вечер окончен. Гости откланялись, не забыв выразить Ельцину свое восхищение и благодарность за антикоммунистическую позицию. Прощаемся с хозяевами и тоже расходимся по своим квартирам. Шеф выполнил-таки обещанное – он лишь слегка навеселе.

– Пойду сниму костюм, – к Борису Николаевичу вернулось благодушие, утраченное из-за дебатов по «Меморандуму», – и через полчаса встречаемся на берегу.

Чтобы портье в холе не заметил похищенную мною бутылку виски, заворачиваю ее в полотенце (вроде как иду окунуться в ночной океан). Ярошенко складывает в полиэтиленовый пакет стаканы, фрукты из вазы и кое-какую закуску, обнаруженную нами в холодильнике. Перед самым выходом вспоминаю об Алференко: его-то зовем? Виктор пожимает плечами: мол, пусть Суханов сам решит или у шефа спросит.

Какая темная ночь! И какие невероятно яркие, крупные звезды! Здесь они совсем не такие, как в России. А такого песчаного пляжа никто из нас вообще отродясь не видывал. Фантастика! Кажется, все это происходит не наяву и не с нами!

Впереди что-то нашептывает укрытый ночной мглой океан. Позади легкомысленно сверкает огнями незасыпающий Майами-Бич. Наверное, впервые за эти семь дней мы общаемся без напряга. Всем легко и беззаботно, даже Геннадий Алференко, смертельно уставший (это надо признать) от оправданий перед прессой за необдуманные слова и поступки нашего шефа.

– Ну, давайте вот за что выпьем…

Мне кажется, Борис Николаевич вознамерился прямо здесь, на пляже, подвести итоги нашего турне. Но ошибаюсь. Он о другом.

– Все эти дни я наблюдал за вами. Я же вас плохо знал. Мы, понимаешь, первый раз вместе в таком серьезном деле. Так вот, – Ельцин делает многозначительную паузу и окидывает взглядом внимающую его речам компанию, – давайте пообещаем… поклянемся!… что никогда не предадим друг друга. Никогда!

– Обещаю! Клянусь!

– И я клянусь!

– Конечно. Я тоже!

То ли мы устали за эту шальную поездку, то ли виски в сочетании с океанским воздухом пьянит сильнее, но в отель возвращаемся в легком подпитии и даже слегка покачиваясь.

Ельцин обнимает меня за плечо, и не от избытка отеческих чувств, а потому что ему так устойчивее. Уже у лифта он вдруг притягивает меня к себе и шепчет в самое ухо:

– Вы с Виктором будете работать со мной! В ближнем круге!

Как все-таки странно устроена человеческая память! В жизни почти каждого человека есть такие сюжеты из прожитого, которые ему не хотелось бы вспоминать, но именно они отчего-то и вспоминаются чаще прочих. Для меня это поездка с Ельциным в Америку. И даже не сама поездка, а то, как я – именно я, а не он! – повел себя после нее.

Мы с Ярошенко вылетаем домой тремя днями позже Ельцина с Сухановым, и не из Майями, а из Нью-Йорка. Наплели им, будто хотим удостовериться, что обещанный миллион одноразовых шприцов закуплен и отправлен в Союз. На самом деле, нас пригласил погостить у себя в Вашингтоне Харрис Култер, оказавшийся не только отличным переводчиком, но и удивительным собеседником. И к тому же на редкость скромным человеком. Мы лишь в последние дни, когда наша поездка по Америке подошла к концу, узнали, причем случайно, что, оказывается, он известный в США специалист по истории медицины, доктор философии и профессор Колумбийского университета. Потрясающе!

Но все хорошее и приятное по обыкновению скоротечно. Если с Ельциным у нас каждый день тянулся словно три, то эти три дня пролетели будто один. Но все равно, хоть в Америке и комфортно (тем более, когда тебе не надо думать ни о крыше над головой, ни о хлебе насущном), а домой все же тянет. Так что настроение у нас с Виктором, можно сказать, приподнятое.

Самолет разбегается, отрывается от бетонной дорожки и взмывает в небо. Над головами гаснет табличка «Пристегните ремни». Сейчас приветливая стюардесса предложит нам что-нибудь выпить, и мы непременно выпьем. За окончание наших мытарств. Ярошенко улыбается с прищуром и топорщит боцманские усы. Это значит, хочет меня удивить чем-то неожиданным.

– Давай выпьем за наш новый проект!

– Какой еще проект?!

– Мне тут пришла в голову одна мысль…

– Виктор Николаевич, я тебя умоляю! Давай хотя бы месяц поживем без великих целей!

Возле наших кресел останавливается пилот, судя по нашивкам на рукавах кителя – командир корабля:

– Простите, вы ведь в Америке были вместе с Борисом Николаевичем?

Виктор бросает на меня многозначительный взгляд: молва о наших подвигах добралась до Родины раньше нас! Но мне отчего-то не по себе:

– Да. А что именно вас интересует?

– Скажите, так пил он все-таки в Америке или не пил?

Мы с Ярошенко, не сговариваясь, возмущенно реагируем на такую постановку вопроса, причем делаем это почти рефлекторно и, можно сказать, в один голос:

– Да вы что?! С чего вы взяли?!

Наш напор смущает пилота, и тот произносит извиняющимся тоном:

– Я вот тоже думаю, что такого не могло быть. Но «Правда» об этом на днях большую статью опубликовала.

Виктор смеется, но смех у него какой-то наигранный: не то читаете, дорогой товарищ!

– Вы следите за «Комсомолкой». Павел, – и он кивает на меня, – в ней скоро обо всем расскажет.

Пилот уходит к себе в кабину, обнадеженный нашими уверениями: наврала «Правда», не пил Борис Николаевич! Зато у нас настроение испорчено на весь полет. Жизнеутверждающего оптимизма уже нет и в помине.

– Что делать-то будем?

Виктор смотрит на меня с удивлением:

– Как что? Будем бороться за Ельцина! Я выступлю перед избирателями, ты напишешь большую статью в «Комсомолку»…

– И о чем же я напишу?

– Про то, как ездили в Америку.

– Написать все, как оно было на самом деле, ничего не замалчивая? И про вечеринку у Боба Шварца, и про ужин с Рокфеллером, и про Балтимор с Майами?

– Ты же понимаешь, что это подло, что это предательство?! В этой поездке мы с тобой не были сторонними наблюдателями. Мы – члены команды. Значит, соучастники и удач, и проколов. Поэтому ни у тебя, ни у меня нет права на критику и разоблачения.

…Такой встречи у нас с ней еще не случалось – увидев меня на пороге, мать, вместо радостного приветствия, горестно всплеснула руками: «Что ты натворил со своим Ельциным?! Тебя же теперь с работы выгонят!». А спустя час или два раздался звонок из редакции, и секретарь Главного сообщила, что завтра поутру меня ждут на редколлегии с объяснениями.

Иду от метро к улице Правды и ловлю на себе насмешливые,

а то и полупрезрительные взгляды попадающихся по пути знакомых мне коллег-журналистов. Я уже знаю, что заокеанские «гастроли» Ельцина, в которых принял самое деятельное участие, наделали много шума, но, видимо, еще не догадываюсь о масштабах постигшего нас политического и морального фиаско. Мы с Виктором еще были в Америке, а вся Москва (да что там Москва – вся страна!) уже обсуждала перепечатанную из итальянской газеты «La Repubblica» статью Витторио Дзукконе о визите Ельцина в США. Ее главный посыл – заокеанский вояж лидера российских демократов «пахнет виски и долларами». В ней рассказывается о том, как непотребно он себя вел в этой поездке – пьянствовал, куражился, выступая под хмельком, нес несусветную чушь, требовал баснословные гонорары за свои, с позволения сказать, лекции и активно «удовлетворял ненасытные потребительские аппетиты».

Еще и еще раз перечитываю статью Дзукконе, рисующую образ малокультурного, необразованного, примитивно мыслящего популиста-алкоголика. Общее впечатление – смесь правды, полуправды и правдоподобного обмана. Но абсолютно все свои разоблачения итальянец ловко пристегнул к факту, который проще всего доказать – к пьянству. Признай я его, и будут считаться доказанными все прочие. А в них-то как раз и нет истины. Получается, нужно или все отрицать, или со всем согласиться, третьего не дано. Но и в том и в другом случае, конечно же, моя позиция едва ли будет считаться образцом высокой морали. Скажу: «Пил, и много пил!» – предстану, как предатель доверившегося мне Ельцина. Скажу: «Не выпил ни грамма!» – и я предатель поверившего мне Читателя.

Успокаиваю себя тем, что Дзукконе тоже поступил не шибко нравственно. Он явно выполнял чей-то заказ. На это указывает хотя бы то, как он оперативно сработал. Мы еще колесили по Америке, а работающему в США итальянскому репортеру уже было известно, и сколько пил наш герой, и что пил, и с кем, и как себя вел после выпитого. Будто был рядом и следил за каждым его шагом. Настораживающая журналистская осведомленность!

Подозрения мои усиливаются после того, как один из аккредитованных в Москве американских коллег принес пачку нью-йоркских газет недельной давности. В двух из них (обе датированы 18 сентября 1989 года, то есть выпущены на следующий день после отъезда Ельцина из Майами) рассказывается про нашу прощальную вечеринку на пляже. Причем с весьма деликатными подробностями – как взяли виски у дочери миллиардера Андреаса, что это был полюбившийся Ельцину «Джек Дэниэлс», что распили его прямо на берегу, что

строжайше запрещено законом, а пустую бутылку бросили в бак для пляжного мусора. Кто мог обо всем этом знать, кроме тех, кто был рядом? Из-за кустика такое не подглядишь. Тогда кто?!

Мучаюсь вопросом: как же мне все-таки поступить? Может, отмолчаться? Невозможно. На людях хоть не показывайся – все и всюду хотят знать про Ельцина в Америке. Ничто другое не интересует, кроме одного – пил или не пил? Все призывают к правдивости и откровенности, только одни хотят от меня услышать лишь «да», другие – лишь «нет». Мне это так опротивело, что любопытствующим коллегам-журналистам отвечаю на их расспросы хохмой: «Не знаю, пил ли Ельцин, а я пил!».

Единственный человек, с кем могу обсудить происходящее, – Виктор Ярошенко. Но тот оказался в не менее сложной ситуации. В Верховном Совете СССР, членом которого он является, от него требуют подробного отчета о поездке в Соединенные Штаты. При этом коммунистическое руководство парламента не желает слышать ни о чем, кроме как о беспробудном пьянстве депутата Ельцина. Члены созданной два месяца назад оппозиционной Межрегиональной группы, напротив, настойчиво рекомендуют Ярошенко обнародовать известные ему факты, которые бы доказали обратное и уличили КГБ и партийную верхушку в грязной провокации против их лидера. Похоже, что и для тех, и для других поведение Ельцина в Америке стало инструментом борьбы за политическое будущее.

…Возле редакции «Сельской жизни» встречаю народного депутата СССР, академика-агрария Владимира Александровича Тихонова. Он давний приятель моего покойного отца (когда-то они вместе ходили в байдарочные походы), а потому, не будучи особенно близки, мы иной раз ведем достаточно откровенные разговоры.

– Да, брат, попал ты в передрягу!

– Вы так думаете?

– А тут и думать нечего – чего бы ты сейчас ни сказал, и сторонники, и противники Ельцина будут тебя считать непорядочным человеком.

– Не понял…

– А что тут непонятного? Представь себе: ты публикуешь статью, в которой опровергаешь факт пьянства. Как отреагируют на нее противники Ельцина? Объявят тебя лгуном и лицемером. А что скажут сторонники? То же самое! Только те это сделают во всеуслышание, а эти – шепотом и в своем кругу. Никто из тех, кто хоть мало-мальски знает нашего Бориса Николаевича, не поверят в то, что в Америке он к рюмке даже не притронулся. Никто! Так

что твое «Пил» или «Не пил» для тебя лично ничего не изменит. Последствия будут одинаковыми – к тебе надолго прилипнет клеймо непорядочности, – Тихонов смотрит на часы, видимо, опаздывает на встречу, но на прощание хочет меня слегка утешить: – Поверь, я тебе очень сочувствую.

Вечером мне домой звонит Лев Суханов:

– Как дела? Видишь, какую шумиху подняли коммуняки в прессе, сколько грязи на нас вылили. Ты сам-то собираешься писать о нашей поездке?

– Еще не знаю.

Трубка молчит, и мне кажется, что Суханова обидела расплывчатость моего ответа, и продолжения разговора не будет. Но вдруг…

– Павел, – узнаю голос Ельцина.

– Здравствуйте, Борис Николаевич!

– Я хочу, чтобы вы поступили так, чтоб не навредить России. Вы меня понимаете? Чтоб не навредить России!

Кажется, я его понимаю…

И все-таки не понимаю…

Спустя день в «Комсомолке» выходит моя большая заметка под не самым оригинальным заголовком: «Ельцин в Америке». В ней опровергаются все постулаты Дзукконе, включая неопровержимый факт пьянства. А еще через день «Правда» приносит Ельцину официальные извинения. В этой ситуации мне если кого и жалко по-настоящему, то это главного редактора этой газеты – ему пришлось покинуть свой пост.

С той поры минуло больше четверти века. Иной раз кажется, все это было в какой-то другой жизни. И в другой стране. В памяти почти стерлись связанные с той поездкой светлые сюжеты, зато четко отпечатался негатив. Наверное, потому, что связан с болезненными ощущениями и переживаниями, а они ранят душу и оставляют на ней незаживающие раны, шрамы на всю оставшуюся жизнь.

Стыжусь ли я той своей заметки, с которой, по большому счету, началась моя известность, причем не только журналистская? И нет, и да. Нет – потому что в ней ***почти все*** *было правдой. Да – потому что* ***почти****.*

Часто думаю, что было бы, если б осенью 1989 года я все же «сдал» Ельцина? В нашей политической и околополитической тусовке немало людей, почитающих себя как великих аналитиков и провидцев. От таких я не раз слышал, а после выхода в свет этой книги, может, еще и услышу: «Что он о себе возомнил?! Мелкая сошка! Признался, не признался – ничего бы от этого не изменилось!». Возможно. Только почему в те осенние дни 89-го

года, когда страна была беременна переменами и мучилась в предродовых схватках, очень влиятельные в Кремле люди сулили мне немалые жизненные блага и феерический карьерный успех, если расскажу народу «всю правду про Ельцина»? И тоже призывали не навредить России?

А я, признаться, и по сей день не знаю, навредил я ей или не навредил. Посмотрю на то, с какими великими болями страна залечивает раны, нанесенные своим первым президентом и его командой, и каюсь – навредил! Вспомню коммунистическое прошлое с его нищетой, репрессиями и гражданским бесправием, и успокаиваю себя – не навредил! Но и в том, и в другом случае, гордиться особо нечем. Увы. У смутного времени не бывает героев.

Глава 3
Незлопамятный и умеет прощать

За окном унылое межсезонье. Осень уже догорела, а зима замешкалась где-то на дальних подступах к Москве и не подоспела к положенному сроку. Наступила самая неуютная и бесцветная пора. На что ни бросишь взгляд, порадоваться нечему. Серое небо, осыпающее город то холодным полусонным дождем, то пропитанными влагой снежными хлопьями. Чахлые деревья, растопырившие во все стороны голые ветки. Автомобили, щедро окатывающие друг друга потоками дорожной грязи. И, конечно же, прохожие, уткнувшие красные носы в шарфы и напоминающие тоскливо нахохлившихся птиц. Вероятно, все они каждое утро мучаются одним и тем же вопросом – во что сегодня одеться. Но, похоже, угадывают немногие.

У нас тоже межсезонье. Правда, свое, политическое. На общесоюзных выборах Ельцин добился депутатского мандата, а после, хоть и не без проблем, вошел в Верховный Совет СССР и даже стал главой его Комитета по строительству. Но это уже взятый им рубеж. А есть еще и не взятый – надо победить на выборах в российский парламент. И не просто победить, а впечатляюще, что называется, с разгромным счетом. Тогда у Бориса Николаевича не будет конкурентов в борьбе за пост спикера. Должность, конечно, не Бог весть что, но с нее до заветного президентства уже рукой подать.

…Сидим у Ельцина на Лесной, пьем чай *(в такое трудно поверить, но в ту пору это, хоть и редко, но все же случалось)* и обсуждаем намеченную на январь 90-го поездку в Японию. Мы Виктором Ярошенко отвечаем за ее подготовку. Уже несколько раз встречались с представителями принимающей стороны и вместе с ними начерно составили программу визита. Теперь ее надо согласовать с шефом, и можно отправлять в Токио. Вопрос, в общем-то, нешуточный. Основательные японцы задергали нас своим вопросом: когда? И понять их можно. Им надо начинать готовиться, а мы никак не можем определиться с тем, на какие мероприятия и встречи соглашаемся, а на какие нет.

Шеф читает документ бегло и без эмоций, явно по диагонали. Чувствуется, его сейчас заботит что-то другое, более для него важное. И нам это, прямо скажем, не на руку. Поэтому ожидаем с нетерпением, каков будет его вердикт. И в целом по программе, и по самому больному вопросу двусторонних отношений – по проблеме «северных территорий». Обсуждение этой темы

японская сторона ставит во главу угла всего визита. И в этом они также несговорчивы, как окруженные неприятелем камикадзе. Так что нам едва ли удастся склонить их к какому-то компромиссу. Но и шеф наш тоже крепкий орешек. Если скажет «Нет!», его и бульдозером не сдвинуть.

Наконец, программа худо-бедно, но дочитана. Ельцин захлопывает папку, на которой педант Ярошенко вывел каллиграфическим почерком: «Визит в Японию», и бросает ее на середину стола:

– Да-а, понимаешь… – и замолкает в задумчивости.

Как говорится, продолжение следует. И мы его ждем. Но шеф неожиданно круто меняет тему разговора:

– Партия и КГБ, вот кто страшится, что народ на выборах поддержит Ельцина. На все пойдут, чтобы этого не допустить! На любую провокацию! На любую, понимаешь, подлость! Но вы, – Ельцин многозначительно вскидывает брови и указывает на меня пальцем, – вы должны это упредить.

Такого поворота, признаться, не ожидал. Вроде речь промеж нас до сих пор шла об Японии, а тут вдруг на тебе – я должен в чем-то и как-то упредить всемогущую партию и еще более всемогущий КГБ. Или я что-то не так понял?

– Борис Николаевич, это вы сейчас обо мне или о ком-то другом?

Ельцин огорченно качает головой и смотрит на меня с сожалением. Примерно так, как учитель на нерадивого ученика, который не догадался, что «остолоп», это вовсе не наречие, а существительное. У Суханова взгляд не жалостливый, а осуждающий, и понятно почему – он не любит, когда кто-нибудь, неважно кто, огорчает его шефа. Для него это почти личный враг. Он при Борисе Николаевиче уже не первый год, а потому уверовал в то, что научился предугадывать его даже самые потаенные желания. Вот и сейчас для него, похоже, в словах шефа нет никакой неясности, все очевидно. И его удивляет, даже слегка раздражает моя упертость. Видимо, не разглядев во мне ни малейшего проблеска понимания, он дает собственное толкование высказанной Ельциным мысли:

– Если против Бориса Николаевича еще и не совершена провокация, народ все равно должен знать, что ее замышляют, – Ельцин одобрительно кивает, и это придает Суханову еще большую напористость. – Вот о чем надо писать в «Комсомолке»!

Похоже, на сей раз «верный оруженосец», как мы его меж собой называем, и впрямь попал в самую точку – Ельцин доволен сказанным, а значит, оно полностью соответствует его представлениям о приоритетах газетной политики на

современном этапе.

– Если вы хотите, чтобы я написал о провокациях, мне нужны хоть какие-то факты. Без них мою заметку просто выбросят в корзину.

– Так и ищите! Не нам же с Львом Евгеньевичем их искать. Не мы, понимаешь, в газете работаем. Ищите!

Уходим от шефа с нерадостным чувством – он так ничего и не сказал нам с Ярошенко насчет программы. Что завтра будем врать нашим японцам? Ума не приложу. Хоть харакири делай! А тут еще эта нелепая идея насчет заметки про якобы готовящиеся против Ельцина провокации. Даже думать о ней не стану! Меня с такой заметкой в «Комсомолке» просто на смех подымут. Или за порог взашей вытолкают.

В ту пору едва ли не каждодневно в прессе появлялась информация о том, что в недрах КГБ, этого, как его тогда называли новоявленные демократы, «цепного пса агонизирующей партократии», вынашиваются коварные планы по дискредитации Бориса Николаевича Ельцина. Может, так оно и было на самом деле, но вот что удивительно – ни один из этих планов не был реализован!

Зададим себе вопрос: почему Лубянка вовремя не развенчала миф о «последовательном борце с номенклатурными привилегиями, за демократию, социальную справедливость и высокую мораль в политике»? В конце 80-х она имела неограниченные возможности добывать любую, даже более чем конфиденциальную информацию о людях самого высокого ранга (в принципе, думаю, она и сейчас их имеет). А о Ельцине и добывать-то ничего не требовалось. Чтоб заложить под него убийственной силы компромат-бомбу, достаточно было какое-то время (полагаю, двух-трех месяцев вполне хватило бы) фиксировать скандальные фиаско, которые оппозиционер терпел с пугающей регулярностью. То он оказывался в грязном болоте возле подмосковной дачи своего давнего знакомца Сергея Башилова. То поражал Америку экстравагантностью поведения. То, впав в депрессию, предпринимал нешуточные попытки наложить на себя руки, причем не где-нибудь, а в рабочем кабинете и на глазах насмерть перепуганных подчиненных. То появлялся на публике в состоянии, близком к непотребному. Какие там «спецоперации по дискредитации»?! Любая из этих историй, если придать ей нужную огласку, могла разнести в клочья репутацию народного кумира. Не спасла бы никакая популярность у митингующих на площадях толп.

Так почему же этого не было сделано? Для меня ответ очевиден: Лубянке был выгоден Ельцин, причем выгоден именно на

вершине власти. К закату горбачевской перестройки она уже переродилась из сугубо репрессивного в репрессивно-коммерческий аппарат. Причем полугосударственный-получастный. Для него смещение Горбачева и воцарение Ельцина – это несколько лет бюрократического хаоса, в течение которого возможно было прибрать к рукам самые лакомые куски подлежащей приватизации общенародной собственности.

У кого-то есть возражения на сей счет?

Если есть, тогда объясните мне тот факт, что среди крупнейших капиталистов (олигархов и полуолигархов), за минувшие четверть века появившихся на постсоветском пространстве, бывшие сотрудники «тайной канцелярии», их родственники и личные друзья занимают ключевые позиции. Это что – случайность? Поголовная сверходаренность? Поголовный сверхпрофессионализм? И ведь так всюду – с севера на юг и с юга на север. Что же касается матушки-России, то здесь легальные и нелегальные выходцы из КГБ вообще контролируют едва ли не всю экономику. Какую коммерческую компанию ни возьми, в ней если не первый, то второй руководитель – отставной чекист. А что наблюдаем во власти, причем на всех ее ветвях? Сплошь и рядом! Немалая толика федеральных и региональных СМИ ныне тоже в руках этих ребят. Может, оно и неплохо. Может быть. Уж лучше они, чем плюгавые экс-фарцовщики и экс-цеховики с уголовными замашками. Но речь сейчас не о другом – «операции» КГБ по дискредитации Ельцина конца 80-х – начала 90-х годов – не более чем мистификация, причем не самая хитроумная.

Несколько дней мы с Ярошенко упорно прячемся от неугомонных японцев. На всякий случай пришлось и дома, и в редакции предупредить: если по телефону будут спрашивать Восянова-сан, то его нет и неизвестно, когда будет. Но, слава богу, вчера Суханов наконец сообщил нам, что Борис Николаевич программу еще раз посмотрел, замечания у него есть, но они несущественные, так что можем уведомить (он так и сказал: уведомить!) Токио о его принципиальном согласии, пусть готовятся. В общем, гора с плеч.

По этому поводу…

Нет! Лучше сказать не так: в целях снятия накопившегося за последние дни стресса…

В общем, отправляюсь на ужин со своим хорошим приятелем Алексеем Жарковым, великолепнейшим актером и чертовски заводным парнем. Ужин, как это часто бывает, оканчивается далеко за полночь. Так что наутро встаю с трудом, намного позже обычного, и в редакции появляюсь уже после полудня.

Возле лифта меня ловит секретарь Главного:

– Где ты ходишь?! Тебя тут все обыскались!

– А что случилось?

– Уже несколько раз звонили из Верховного Совета, от депутата Ярошенко, по какому-то архиважному делу! Просят с ним срочно связаться. Срочно!

Такое для меня не в новинку. Политическому обозревателю газеты, и к тому же ее парламентскому корреспонденту, нередко звонят депутаты, и почти всегда по не терпящему отлагательства делу. Других у них попросту не бывает. Но Виктор Ярошенко – особый случай. Для меня это не столько депутат, сколько партнер, единомышленник и просто добрый приятель. И уж если он передает, что я ему срочно понадобился, стало быть, и впрямь случилось нечто экстраординарное.

– Здравствуйте, товарищ народный депутат!

– Слава богу! – по голосу чувствую, Виктор чем-то взволнован. – Ты уже слышал, что с Ельциным стряслось?

Сердце ёкает и, обрывая сосуды с капиллярами, летит если не в самые пятки, то куда-то в область большого или малого таза: господи, что он еще учудил?!

– В аварию наш шеф сегодня утром попал!

– Как в аварию?! Жив?

– Жив, но подробностей не знаю. Сейчас еду к Суханову на Охотный. Ты приедешь?

– Выезжаю!

В офисе председателя парламентского Комитета по строительству, что в гостинице «Москва» на Охотном ряду, немноголюдно. Кроме Суханова и какого-то неизвестного мне парня, старательно играющего роль крутого охранника, только трое депутатов из Межрегиональной группы – Полторанин, Собчак и Попов. Очевидно, прослышали о происшествии и поспешили засвидетельствовать обеспокоенность. Ельцин у себя в кабинете, но пока Лев Евгеньевич к нему никого не пускает. Там над шефом колдует врач, Толя Григорьев, и, похоже, пробудет у него еще долго. Так что мы вполне можем попить чайку у Суханова, в его маленьком кабинете возле приемной, и расспросить о злоключениях сегодняшнего утра.

– Ох, ребята, не поверите, до сих пор руки трясутся!

Лев Евгеньевич подает знак, чтоб мы подсели к нему поближе, и, видимо, на всякий случай, понижает голос. Надо полагать, то, что он нам сейчас поведает, это не для посторонних ушей.

– Я с утра к нему поехал. Нужно было завезти кое-какие документы. Он еще с вечера мне сказал, что хочет с ними

поработать дома. А тут, не знаю, что на него вдруг нашло: едем на Охотный, и все тут! Когда садились в машину, вроде был спокоен и даже весел, а едва подъехали к Горького, так в него словно бес вселился: поворачивайте налево! Водитель говорит: «Борис Николаевич, нет здесь левого поворота. Доеду до Белорусского и там развернусь», а тот аж покраснел от гнева: налево, я сказал! Ну, что тут можно поделать? Вы же знаете… В общем, дождались мы, когда в потоке машин появился небольшой разрыв, – и по газам! Проскочили бы, если б не троллейбус. Он как раз от остановки отъехал и всем, кто за ним был, обзор закрыл. Вот из-за него эти самые «Жигули», будь они неладны, и вынырнули. Водитель нас заметил, но уже поздно – машину его юзом несет, а мы у нее поперек дороги. И он нам прямо в заднюю дверцу! А возле нее, как на грех, шеф сидит. У меня аж сердце оборвалось.

Мы все трое автомобилисты, и не раз ездили тем маршрутом. А потому хорошо знаем, что из переулка Александра Невского на улицу Горького можно повернуть только направо, и никак иначе. Все прочие маневры исключены. Налево, в сторону центра, не только нельзя – невозможно, такой там сумасшедший поток в обе стороны. А светофора в том месте отродясь не было.

– Да-а, – Ярошенко сочувственно вздыхает, – хорошо, что все закончилось без увечий…

– Так самое обидное, что мы не первый раз там поворачиваем. Только раньше перед нами ехала наша машина сопровождения. А сегодня она отвозила на работу Толю Григорьева. Он рано утром приезжал Борю-маленького осмотреть (у того то ли температура, то ли кашель, не знаю точно). Все же думали, что до обеда шеф будет работать дома. Значит, эта машина нам не понадобится.

– И все-таки не понимаю, зачем было так рисковать?

Суханов вдруг преображается – наклоняется в нашу сторону и смотрит исподлобья с прищуром, словно хочет поведать великую тайну:

– А ведь это провокация!

Заявление производит сильный эффект – такого мы с Ярошенко никак не ожидали. Я вначале даже подумал, что ослышался:

– Провокация? Какая провокация?

Суханов и вовсе переходит на полушепот:

– Вчера шефу звонил Бакатин, приглашал его к себе в МВД. Шеф, конечно, отказался и уже хотел повесить трубку, но тот вдруг ему говорит: я распорядился, чтоб с завтрашнего дня рядом с вашим домом выставили пост ГАИ. Шеф спрашивает: это еще

зачем? А тот: мол, в целях вашей безопасности.

Суханов умолкает. Мы ждем кульминации и развязки сюжета, но, похоже, Лев Евгеньевич рассчитывает на нашу природную сообразительность. И напрасно.

– И что из этого? В чем провокация-то?

– А вы не догадываетесь? – кажется, наши вопросы заставили Суханова усомниться в аналитических способностях собеседников. – Рассказываю еще раз: Бакатин сказал, что с сегодняшнего дня в том месте, где мы выезжаем на Горького, будет постоянно дежурить сотрудник ГАИ. Так? Так. Когда шеф приказал нашему водителю поворачивать, он в чем был уверен? В том, что там уже стоит гаишник и он, увидев нас, остановит движение. Ну, теперь улавливаете?

– Что-то не очень…

– Так гаишника же не поставили специально! – так, как сейчас выглядит Суханов, вполне вероятно, выглядел старина Ньютон, когда пытался втолковать непонятливым ученикам историю с яблоком. – Провокация! А что же еще?!

Вот уже второй день Москва судачит об аварии на улице Горького. Версии самые разные – от «спецоперация КГБ» до «напился и сел за руль». Понятное дело, шефу больше нравится первая, поэтому он многозначительно отмалчивается. Но сегодня ГАИ Москвы распространила официальную информацию о происшедшем. Так что шефу пришлось высказаться по этому поводу. Правда, сделал он это как-то невыразительно – Валя Ланцева, выполняющая обязанности пресс-секретаря, подвела к нему двух затрапезного вида журналистов (кто такие? кого представляют?), и он проговорил текст, никак не стыкующийся с версией о провокации, которую за эти дни Лев Евгеньевич «по секрету» успел озвучить неоднократно.

– Напротив моего дома всегда ставили сотрудника ГАИ. Когда мы подъезжаем к перекрестку, он поднимает жезл, останавливает движение, и мы спокойно поворачиваем. В тот день он тоже поднял жезл. Я это видел. Поэтому и сказал своему водителю: давай, вперед! Но я не думал, что другие водители не заметят поднятого жезла. Мы уже объехали какой-то грузовик, и вдруг страшный удар в бок! Ничего больше не помню. Только дикая, понимаешь, боль в голове.

…Разговоры об аварии пошли на спад. Все последние дни я частенько ловил на себе насмешливые взгляды редакционной братии – они ждали, что накропаю очередную заметку «про Ельцина», в которой поведаю читателю о том, как коварный КГБ пытался устранить лидера и надёжу российского демократического движения. Но мне в этой истории не видятся

ни злодей, ни жертва. Самое обычное ДТП, коих по Москве каждодневно случается великое множество. Да и Суханов, похоже, это воспринял как очевидное, а потому перестал изводить меня вопросами, насчет новой заметки, которую я писать и вовсе не думал.

Сегодня хочу сходить на пленарное заседание Верховного Совета СССР. Давненько не посещал, хочу послушать, о чем сейчас тревожатся наши избранники. Возле подъезда меня окликает какой-то мужчина. У меня на таких глаз наметан – по всему чувствуется, не штатский.

– Вы не очень торопитесь? Мне надо с вами поговорить.

– Тороплюсь, но не очень. Только вы для начала представьтесь.

Мужчина достает из внутреннего кармана куртки и, не раскрывая, как бы из-под полы показывает мне темно-вишневого цвета удостоверение с золотым тиснением: «Комитет Государственной Безопасности СССР». Выглядит это довольно забавно – так во времена моего студенчества спекулянты демонстрировали клиенту малогабаритный дефицит, от заграничной жвачки до сырокопченой колбасы.

– О чем вы хотите поговорить?

– Об аварии с Ельциным.

Вон оно что! Сейчас примется взывать к моей гражданской совести и убеждать, что я должен (просто-таки обязан!) написать «объективную статью» о том, что Ельцин в тот день сам был за рулем, и к тому же выпивши, и без прав, и что он своим безрассудством поставил под удар безопасность и жизнь граждан, рядовых москвичей. Такое я переживал уже не раз.

– Я хочу рассказать, как все было.

– А откуда вы знаете, как все было? Вы разве там присутствовали?

– Присутствовал. Практически с того момента, как машины столкнулись.

– Что вы там делали?!

– Павел, вы же опытный человек…

– Понял. Вопрос снят. Рассказывайте.

– Не так был страшен удар, как скрип тормозов и скрежет покореженных «Жигулей». Сидевший за рулем старик выскочил и давай возмущаться. То на свою машину руками показывает, то на вашу. Но когда Ельцин, наконец, сумел открыть помятую дверь и вылез наружу, тут он и вовсе онемел – стоит как вкопанный, глаза выпучил и рот беззвучно открывает, словно рыба, которую из воды вынули.

А Ельцину хоть бы что! Даже не взглянул на разбитые машины – махнул рукой то ли охраннику, то ли помощнику: «Пошли, без нас разберутся!», и зашагал назад в сторону своего дома. Я, понятное дело, остался на месте – надо было посмотреть, чем все кончится. Такой порядок.

А улицу паралич разбил. Из трех дорожных полос в сторону области две перегорожены столкнувшимися машинами, а крайнюю правую наглухо закупорил троллейбус. Дергается взад-вперед и никак не может протиснуться между машинами и фонарным столбом на краю тротуара. Те водители, что были недалеко и видели, как Ельцин вылезал из машины, смотрели на происшествие с терпеливым участием. Зато те, что не были очевидцами, выкрикивали всякие ругательства и время от времени жали на клаксоны.

Милиция приехала, когда дело уже шло чуть ли не к самосуду. Расположение машин относительно осевой линии не оставляло сомнений в том, кто виновник дорожного происшествия. Но документы вашего водителя и упоминание имени Ельцина, видимо, возымели успокаивающее действие – молоденький лейтенант заговорил с вашим водилой участливо и без агрессии:

– Ну, что ж вы так, а? Видели же, какое тут движение? Разве ж развернуться?

Его напарник занялся водителем «Жигулей»:

– А вы, товарищ, почему перестраиваетесь перед самым светофором? Разве не видели, что пересекаете сплошную линию?

Старик непонимающе пожал плечами:

– Так по этой полосе никто и не ехал, а троллейбус стоял и не двигался, вот я и решил, что…

– Вы сами на дороге ничего не должны решать, за вас решают правила дорожного движения, а вы их сейчас грубо нарушили.

– Это я грубо нарушил?! – казалось, от возмущения старик сейчас снова потеряет дар речи. – Конечно, это я стою поперек дороги!

– А чему вы так удивляетесь? – милиционер перелистал документы и, что-то в них высмотрев, вдруг сменил гнев на милость. – Нет, конечно, ваша вина ни в какое сравнение не идет с ихней, я вообще не стал бы о вашей вине говорить, но вы же понимаете, – сплошная линия!

Милиционеры составили протокол и забрали права у обоих водителей. Правда, вашему парню их часа через три-четыре вернули, доставили с нарочным…

Интересная история. И, похоже, близкая к правде. Но вот вопрос: зачем он мне ее рассказал? Ведь специально узнал, где

живу, выяснил, дома ли я, поджидал на улице. А вдруг бы я весь день просидел дома? Странно.

– Почему вы мне решили это рассказать? Вам начальство поручило?

– Нет, меня попросили двое моих коллег.

– А им это зачем?

– Тот старик, что был в «Жигулях», – их бывший начальник.

Сидим вдвоем с Сухановым у него в кабинете, пьем чай с ванильными сухарями (большой дефицит по нынешним временам), я и рассказываю ему то, о чем завтра будет гудеть вся столичная пресса: старик с «Жигулей» – военный пенсионер, в прошлом сотрудник КГБ, не то подполковник, не то полковник. Лев Евгеньевич радуется как дитя:

– Ну, я же говорил – провокация!

– Да нет, просто случайность.

– Какая случайность! Таких случайностей не бывает. Чистой воды провокация. Пойдем к шефу, расскажешь ему об этом.

– Сейчас, только допью.

– Пойдем, а то он скоро уедет на теннис, а после сразу домой.

Ельцин слушает меня с таким выражением лица, будто я рассказываю ему анекдот, глупый, но забавный.

– И тут КГБ наследило! Хорошо бы об этом написали все завтрашние газеты. Мол, в машину, в которой Ельцин ехал на встречу с избирателями, врезался автомобиль, которым управлял сотрудник КГБ.

– Так он же не сотрудник. Давно в отставке.

– Все равно. Никто, понимаешь, не поверит в такую случайность, – Ельцин задумался, – поэтому надо написать так: мол, был совершен наезд, за рулем сидел кто-то из КГБ. А что это значит? То, что готовилась серьезная провокация, возможно, даже физическое устранение.

Нет, пожалуй, в этом вопросе наши с шефом интересы расходятся. Ничего такого писать я, конечно, не буду. Меня с такой писаниной в «Комсомолке» на смех поднимут. Да и без меня отыщется немало желающих раздуть этот мыльный пузырь.

…На следующий день московские газеты пестрели броскими заголовками: «КГБ планировал устранение Ельцина», «Сотрудник КГБ совершил наезд на автомобиль Ельцина», «Ельцин должен был погибнуть в автокатастрофе», «КГБ заметает следы. Машина оперативного наблюдения была замечена на месте аварии». И почти в каждой – имя старика, рассказ об его службе в органах и догадки относительно того, почему именно ему была поручена операция. Суханов ходит с видом начинающего фокусника, который после долгих и безуспешных попыток наконец-то

вытащил из колоды нужную карту. Он почему-то решил, что шум в прессе – это моих рук дело, и в благодарность угостил стаканчиком дорогого виски (презент шефу от британского посла).

По шестому этажу, где издревле квартирует «Комсомолка», бродит неприкаянный Федор Сизый, генеральный директор газеты «Деловой вторник». Как всегда, подшофе. Отношения у нас более чем товарищеские, а потому мой юный коллега (он лет на пятнадцать моложе меня) не особо стесняется в выражениях:

– Ну что, Пашуня, затравили вы со своим Борисом Николаевичем бедного старичка, ухайдакали ветерана!

– Ты чего несешь, Федор?!

– Что несу, что несу! Вот, сам почитай, – и сует мне распечатку с сегодняшней новостной ленты Интерфакса.

Сообщение небольшое, всего несколько строк: водитель, наехавший на улице Горького на автомобиль Б.Н. Ельцина, госпитализирован с острым сердечным приступом. Да, история и без того скверная, а теперь она может приобрести совсем дрянной аромат. Не приведи господь, со старичком случится что-то фатальное. Представляю, что тогда об этом напишут все наши газеты. Примерно то же, что сейчас изрек захмеленный Сизый: затравили, ухайдакали! Надо звонить Суханову…

– Лев Евгеньевич, ваш старик с «Жигулей» попал в больницу. Я звонил в приемный покой, мне сказали, состояние тяжелое.

– Сочувствую. А мы тут при чем?

– Мне кажется, шефу стоит навестить его, и как можно скорее.

– Это еще зачем? – Суханову явно не импонирует такая перспектива, поскольку все хлопоты по организации показательного визита в больницу наверняка лягут на его плечи. – Не вижу в этом никакой надобности!

– А надобность, Лев Евгеньевич, вот в чем: этим шагом мы продемонстрируем избирателю, что если Ельцин вдруг оказывается в чем-то неправ, он признает свою неправоту и этого не стыдится. Представляете, как будет воспринят такой поступок? На ура!

Суханов задумывается. Похоже, в конечном счете, мое предложение не показалось ему лишенным здравого (точнее – имиджевого) смысла. Но он не уверен, что шеф воспримет его с пониманием. Поэтому хочет переложить тяготы переговоров на меня, человека «вне системы», на которого бесполезно топать ногами.

– Что ж, приезжай. Шеф на месте. Предложи ему сам.

…Вопреки моим ожиданиям, моя идея Ельцину понравилась.

Но он развил ее по-своему, придав черты благородного всепрощения:

– Правильно. Надо навестить. И чтоб после в газетах коротенькая информация: дескать, по поручению Ельцина навестили, передали, пожелали, ну, и всякое такое. Это покажет людям, что Ельцин не злопамятен и что умеет прощать!

Суханов, увидев, что шеф от предложенного не впал во гнев, решает высказать свое мнений:

– Борис Николаевич, может, вам стоит самому его навестить? Это произвело бы хорошее впечатление.

Ельцин на секунду задумывается. Видимо, взвешивает все «за» и «против» своего похода в больницу. Последние перевешивают первые, и он принимает решение:

– В больницу пойдет Павел, – и решительно хлопает ладонью по столу, что обычно означает завершение всяких дискуссий. – Он свой, и в то же время со стороны, из «Комсомолки». Политически так будет правильнее. Нет возражений?

Возражений нет.

Детали того похода в больницу – как старик воспринял мое появление, что я ему сказал, что он мне ответил, на какой ноте мы распрощались – в памяти не сохранились. Запомнилось только то, что наше великодушие он отчего-то не оценил.

Глава 4
Здесь вам не там

Главное уже решено – визит Ельцина в Японию состоится в январе 1990 года, то есть уже менее чем через месяц. Он будет носить неофициальный характер: шеф прилетит в Токио как частное лицо по приглашению частной телекомпании Tokyo Broadcasting System (TBS). Все его выступления в ходе этой поездки будут отражать сугубо личную точку зрения, и японские власти не должны связывать ее ни с позицией Верховного Совета СССР, ни с позицией каких— либо политических сил России. По этому поводу у нас были долгие споры с японской стороной, но в итоге удалось прийти к согласию. Так же, как и по другим вопросам – по срокам, по программе пребывания, и даже по сумме гонораров за публичные выступления, которые, по настоянию Бориса Николаевича, должны быть потрачены на одноразовые шприцы для нескольких российских больниц.

До сих пор все детали предстоящей поездки мы с Ярошенко выясняли через аккредитованного в Москве корреспондента TBS, но вчера телекомпания прислала на переговоры двух своих директоров, которые должны рассказать нам о программе визита в целом. Наверное, наши японские коллеги притомились с дороги, потому как полдня не выходили на связь, а потом позвонили и назначили встречу на восемь вечера. Для нас с Ярошенко время выбрано не очень удобно, но Суханов доволен – он раньше и не освободился бы.

– А где мы с ними встречаемся?

– В офисе TBS на Кутузовском проспекте.

Суханов и этим вполне доволен:

– Хорошо хоть не в каком-нибудь ресторане. А то они это дело любят.

Еще вчера, узнав о приезде гостей, мы решили не звать Ельцина на переговоры. Не царское это дело, встречаться с менеджерами закордонных телекомпаний. Прежде сами все выясним и обсудим, а уж после доложим ему о том, что и как. Японские друзья даже не догадываются, как мы сейчас рискуем. Борис Николаевич, в общем и целом, человек не особо капризный, но если ему вдруг что-то не понравится, не задумываясь, перечеркнет все одним махом. Может, даже вообще откажется куда— либо ехать, с него станется.

Но о таком варианте, признаться, даже и думать не хочется. Не потому, что мы с Ярошенко на организацию этой поездки

потратили много сил и времени, а принимающая сторона еще и немало денег. Главная причина не в этом. Она чисто репутационного свойства. Дело в том, что после нашего, в общем — то, провального визита в Америку (а с тех пор прошло всего ничего – менее трех месяцев) политические лидеры Запада переменили свое отношение к Ельцину в худшую сторону. Они и прежде были настроены к нему довольно скептически, но теперь его вообще мало кто рассматривает как желательную альтернативу Михаилу Горбачеву.

Недели две назад именно на эту тему у меня был долгий и откровенный разговор с известным французским социалистом Жаном Эленштейном. Тот, буквально, накануне нашей встречи, побывал у Франсуа Миттерана. Не как у президента республики, а как у товарища по социалистической партии. От него и узнал, что после нашего американского фиаско многие западные политики в приватных беседах отзываются о Ельцине весьма нелицеприятно – как о невоспитанном, малообразованном популисте, к тому же еще и отчаянном пьянице. И, естественно, задаются вопросом: может ли такой человек быть надежным партнером? Поэтому нам сейчас так важен эффектный зарубежный вояж, который реабилитировал бы Ельцина в глазах западной политической элиты. Нужно отыграть потерянные в Америке очки и, по возможности, набрать новые. Что же касается нас, его внештатных (мы с Ярошенко) и штатных (Суханов) помощников, то мы учтем все прошлые огрехи и недочеты. Мы установим строжайший режим труда и отдыха. Мы продумаем каждый тезис, каждый посыл, каждую реплику. Мы подготовимся так, что японцы, прощаясь с Борисом Николаевичем, будут обливаться слезами: «Иттэ ирасяй! – Возвращайся скорее!».

Конечно, мы могли бы задуматься о стране попроще, у которой, как минимум, нет к СССР территориальных претензий. Например, об Италии или Франции. Но там обласкан Горбачев, и он в тех краях уже успел, что называется, обобрать самые спелые политические ягоды. А в Японию советский лидер не ездил, и в ближайшее время едва ли поедет. И все знают почему – по причине двух «невозможно»: невозможно приехать и отказаться обсуждать проблему «северных территорий», и невозможно согласиться на ее обсуждение, не имея в загашнике ничего, что могло бы поколебать японскую непримиримость. Поэтому визит в Японию – это эффектный ход, который продемонстрирует миру то, что мы хотели, но так и не смогли продемонстрировать в Америке: Ельцин не уклоняется ни от каких проблем, Ельцин решает любые проблемы! А потому, при всех его недостатках и слабостях, при всем незнании дипломатического политеса и

слабой осведомленности в World Politics, он может рассматриваться как желательная перспектива для России и как альтернатива политически угасающему Горбачеву.

…Въезд во двор респектабельной сталинской многоэтажки на Кутузовском проспекте перекрыт шлагбаумом. Из стоящей возле него будки выглядывает милиционер, явно служащий не по милицейской части. На него достаточно взглянуть, чтобы догадаться – наша машина на охраняемую территорию не проедет ни при каких условиях. Он жестом просит нас подойти и через приоткрытую дверь задает интересующие его вопросы: «К кому? Подъезд, этаж, номер квартиры?», после чего берет в руки наши служебные удостоверения и заносит их данные в лежащий перед ним толстый гроссбух. Суханов недовольно морщится: и зачем это надо?

– Затем, что такой порядок. Вот когда они, – «девятошный» мент трясет депутатским удостоверением Виктора Ярошенко, – этот порядок отменят, мы ничего записывать не будем. А, может, даже вообще отсюда уйдем.

– Думаете, станет хуже?

– Эти, – он кивает на стоящие в ряд машины с дипломатическими номерами, – умолять будут, чтоб мы вернулись! С нами, и то тут чуть ли не каждый день что-то случается – то дворники снимут, то зеркало оторвут. А уж без нас такое начнется, мало никому не покажется.

Бдительный охранник с пистолетом на боку и иномарки на любой вкус и цвет – не единственное, что отличает этот ареал комфортного обитания иностранцев. Гораздо более сильное впечатление на нас производит подъезд с лестницами, устланными ковровыми дорожками, и с бесшумным лифтом, благоухающим ароматами ненашенского парфюма. Ничего из того, к чему мы привыкли – ни весящих на одном гвозде почтовых ящиков с вывороченными дверцами, ни разбросанных по полу грязных рекламных листовок, ни стойкого аромата человечьих и кошачьих испражнений. Другой мир, в котором хочется жить. Но, увы, это не наш мир. Глядя на него, Суханов произносит с какой-то неприязненной завистью:

– Да-а, у нас так живет только высшая номенклатура!

Похоже, наш коллега не может разобраться в своих чувствах: осуждает он подобный стандарт элитарного бытия или завидует тем, для кого он – обыденность? Но мы с Ярошенко воспринимаем его слова, как продолжение нашего дневного диспута, непосредственно касающегося предстоящей поездки в Японию. Мы битый час ломали голову над тем, какой авиакомпанией лететь, какого класса брать билеты и как

регистрироваться в Шереметьево – на общих основаниях или через же Депутатский зал. Для кого— то, вероятно, это и не самые важные вопросы, но только не в нашем случае.

После возвращения из Америки лейтмотивом всех выступлений и интервью нашего шефа стала борьба с необоснованными номенклатурными привилегиями. Предложенный им лозунг текущего политического момента будоражит воображение истомившихся в бесправии граждан: «Сам живу, как все, и ни одному чиновнику не позволю жить иначе!». Едва ли не каждодневно он обличает зажравшихся партократов, возомнивших себя людьми высшего сорта, особой кастой, и рассказывает про то, как не гнушается посещать районную поликлинику, как нередко пользуется общественным транспортом, как питается тем, что супруга покупает в обычном московском гастрономе. Ей, как Раисе Максимовне Горбачевой, не доставляют на дом продукты из кремлевской «кормушки». Постоит вместе со всеми в очереди – что сумеет достать, тому и рада, тем и кормит семью.

– Вы представляете, какой в прессе поднимется шум, если журналисты вдруг прознают, что мы в Шереметьево воспользовались Депутатским залом? А если полетим не Аэрофлотом, а какой-нибудь западной авиакомпанией, да еще в первом классе?

Не знаю, как Суханова, а меня убеждать не надо. Уверен, на сей раз мы не должны прокалываться даже в таких мелочах. Мне хорошо известно, насколько скептически настроено наше журналистское сообщество к обещаниям шефа поставить на место самодовольную и всевластную номенклатуру. У себя в редакции уже доводилось читать в гранках подготовленные к публикации заметки про, якобы, царившее в Свердловской области сословное византийство, в пору княжения там Бориса Ельцина. От их появления на полосе «Комсомольской правды» спасала только удивительная осторожность ее главного редактора Владислава Фронина, в условиях политической неопределенности предпочитающего не вмешиваться в разборки между «нашими» и «вашими».

В отличии от меня и Ярошенко, у Суханова нет уверенности, что технические детали нашего полета в Японию имеют какое-то касательство к лозунгам шефа о борьбе с необоснованными номенклатурными привилегиями. Во всяком случае, днем мы не смогли убедить его в обратном. Но сомнения, похоже, посеяли.

– Давайте сделаем так, – лифт останавливается на нужном нам этаже, но Суханов не торопится выходить, – сейчас послушаем, что нам предложат японцы, а после будем решать.

Кроме уже знакомого нам корреспондента, в офисе TBS нас встречают два улыбчивых японца – Аоки-сан и Йосида-сан, директора телекомпании, отвечающие за визит Ельцина. А поскольку они не говорят ни по-русски, ни по-английски, вместе с ними приехала еще и переводчица, Мари-сан, по лицу которой трудно понять – то ли она симпатизирует нашей затее, то ли относится к ней до крайности неприязненно. Глядя на «стол переговоров», начинаю сомневаться, что встречаться в офисе лучше, нежели в ресторане – он, буквально, уставлен огромными контейнерами с суши, сашими и прочими японскими яствами. Напитки тоже на любой вкус – от баночного пива до малокалиберных бутылочек экзотического сакэ.

На обсуждение программы визита уходит не более получаса, после чего приступаем к неформальному общению за едой. При этом сразу же обнаруживается, что японские коллеги отдают предпочтение не национальному слабоалкогольному напитку, а забористому шотландскому виски, и при этом во время еды помногу курят. В нашем некурящем коллективе (Борис Николаевич вообще не переносит запах табачного дыма) такое исключено. Хмелеют они тоже быстрее нашего, а захмелев, забывают о том, ради чего мы встретились. В какой-то момент кажется, что застолье организовано вовсе не для гостей, а скорее для самих себя. Правда, есть одна тема, о которой эти ребята, похоже, не забывают в любом состоянии – «северные территории».

– Ельцин— сан готов заявить о признании суверенитета Японии над островами? – Аоки— сан вопросительно смотрит то на Суханова, то на Ярошенко. – Это было бы мировой сенсацией! Этот визит вошел бы в историю!

Мои коллеги не склонны поддаваться эйфорическим мечтаниям японца и отвечают уклончиво: господин Ельцин в свое время изложит позицию по этой проблеме. На лице Аоки— сан отражается чувство глубокого удовлетворения услышанным. Покачиваясь всем корпусом взад— вперед, он повторяет, словно заклинание: «Вакаримас! Вакаримас! – Понимаю! Понимаю!», и, видимо, в благодарность, как откровенность за откровенность, сообщает нечто такое, что мы непременно должны будем иметь в виду, когда приедем к ним в Японию:

– Ельцин— сан должен быть очень осторожен. Очень! Желтая пресса будет охотиться за ним. И за вами тоже.

Америка меня многому научила. В том числе и тому, как следует себя вести под круглосуточным надзором бульварной прессы. Но вдруг у Японии в этом вопросе есть свои национальные особенности, о которых мы даже не догадываемся? Полагаю, наш друг Аоки— сан (а мы уже успели выпить за

дружбу между нами, лучшими представителями двух великих народов) не откажется поделиться с нами информацией на сей счет, тем более что и в его интересах сделать все, чтоб визит Ельцина прошел, что называется, без сучка и без задоринки.

– Чего в Японии нам следует более всего остерегаться?

Японец не торопится с ответом – распечатывает не то вторую, не то третью пачку *Mild Seven*, закуривает и только после этого начинает говорить. Говорит долго, и без каких бы то ни было эмоций в голосе, будто читает свою японскую молитву. Переводчица согласно кивает головой, а когда Аоки— сан умолкает, переводит сказанное, буквально, одной фразой:

– В Японии вам не следует делать то, против чего господин Ельцин выступает у себя дома.

– Что вы имеете в виду?

Мари— сан улыбается, кажется, первый раз за весь сегодняшний вечер, но отчего-то ее улыбка настораживает:

– На нас очень большое впечатление произвела его борьба с привилегиями. Очень бы не хотелось разочаровываться в искренности таких благородных намерений.

О чем это она? Догадка обжигает сознание – беру красиво сброшюрованную программу предстоящего визита и открываю на странице «Смета расходов». Так и есть – борьба Бориса Николаевича с привилегиями нашла в ней свое воплощение! В Японию мы полетим экономическим классом (правда, японской авиакомпанией), а жить будем в отелях категории «четыре звезды». И никаких ресторанных излишеств.

…Послезавтра уже будем в Токио. А сегодня шеф хочет в последний раз обсудить, с чем мы туда летим. Понятное дело, главный вопрос, который ему будет задаваться везде и всюду – о позиции по проблеме «северных территорий». Месяц назад он поставил перед нами задачу: сформулировать поэтапный план ее окончательного урегулирования. И набросал основные вехи – демилитаризация островов, создание зоны свободной торговли, переход к совместному управлению, введение безвизового режима для постоянного населения, создание компенсационного фонда для всех желающих переселиться на материк. Но венцом всего, по его мнению, должна была стать передача островов под юрисдикцию Японии.

По этому поводу мы встречались несколько раз. Но только сегодня, за день до отъезда, у Ельцина появились сомнения. Не в том, что острова следует возвращать японцам, а в том, что стоит ли говорить об их возврате не здесь, у себя дома, а там, в Японии, да еще в преддверии общероссийских парламентских выборов.

– Давайте последний пункт сформулируем так: мы этот

вопрос оставляем будущим поколениям политиков. У руля наших государств встанут новые, незашоренные люди, со свежими взглядами, и они найдут единственно верное решение.

Слава Богу! Просто гора с плеч! Пообещай он японцам вернуть острова, они бы его до Москвы на руках несли. Только сомневаюсь, что здесь его ждал бы теплый прием. Конечно, времена сейчас смутные, кругом сплошной разор, советский народ измучан безденежьем и тотальными дефицитами, а потому патриотизм близок к точке замерзания. «Надо объявить войну Америке, – и сдаться!» – среди простолюдинов это сейчас одна из самых популярных хохм. Но даже для таких людей «сдаться» и «отдать» – это совсем не одно и тоже. С «отдать» наш человек никогда не согласиться, даже если он понятия не имеет, где они, эти самые Курилы, и зачем они нам нужны.

– Борис Николаевич, есть один технический вопрос, который нам надо решить, – Ельцин настораживается: «Чта-а?» – Вы как хотите регистрироваться на рейс – на общих основаниях или через Депутатский зал?

Похоже, он об этом вообще не думал:

– А вы сами как считаете?

Никто их коллег— журналистов мне об этом ничего не рассказывал, но я уверен, что появление Ельцина в зале регистрации аэропорта – хороший ход, и мне очень хочется, чтобы шеф его сделал:

– Дело в том, что редактора некоторых наших газет специально посылают своих корреспондентов в Шереметьево.

– Зачем?

– Чтобы разведать, воспользуется ли Ельцин залом для депутатов.

– Вот как? – Ельцин усмехается. – Тогда через общий зал! В очередь, как все!

…У стойки регистрации японской авиакомпании JAL непривычное скопление пассажиров неяпонского происхождения. Появление Ельцина не остается незамеченным, и люди с других рейсов подходят ближе – кто просто посмотреть на знаменитость, кто поздороваться, а кто и пожать руку и даже сказать слова поддержки. Шеф доволен, и, наверное, поэтому спрашивает: журналисты приехали? Не хочу перед полетом портить ему настроение, а потому в очередной раз вру: да, заметил тут нескольких. Борис Николаевич удовлетворенно кивает, и мы движемся в сторону стоек паспортного контроля, где он производит неизгладимое впечатление на молоденькую пограничницу.

Появление Ельцина в салоне пассажиры встречают

аплодисментами. Оказывается, с нами одним рейсом летит женская волейбольная команда «Уралочка», с тренером которой шеф хорошо знаком еще по Свердловску. Не думаю, что наши японские коллеги из TBS будут этому рады, но он сходу договаривается, что приедет к ним в какой-то маленький городок под Хиросимой, где у девушек будут проходить тренировки, морально поддержит их перед соревнованиями, а если получится, то выйдет с ними на площадку «постукать по мячу».

Настроение Ельцина портится, как только подходим к его креслу:

– Чта-а! – таким разгневанным я его, пожалуй, вижу впервые. – Вы чем думали?! Я что, с поджатыми ногами десять часов должен лететь?!

Суханов, делает вид, что впервые слышит про то, что у нас билеты не в первом классе, и осуждающе качает головой: ну, что ж вы так, а? Мы с Ярошенко не знаем, что сказать, и это злит Ельцина еще больше: никуда не поеду! Спасение приходит оттуда, откуда мы его и не ждем – к нам подходит стюардесса и обращается к стоящему в проходе шефу:

– Господин Ельцин— сан, капитан корабля просит вас вместе с помощником пересесть в салон первого класса, – и, улыбнувшись нам с Ярошенко, приносит свои извинения: – Сожалею, господа, но у нас в том салоне только два свободных места.

Самолет уже набрал высоту, пассажиры отстегнули привязные ремни и пребывают в радостном ожидании вкусного японского завтрака. По проходу уже катится тележка с напитками. За спиной у стюардессы замечаем нашего Льва Евгеньевича: идите к нам, шеф зовет! Ярошенко горестно вздыхает: сейчас устроит Варфоломеевскую ночку! Но опасения не оправдываются. На столике перед Борисом Николаевичем стоят четыре стаканчика с виски, и сам он выглядит вполне миролюбиво:

– Ну, давайте, что ли, за удачную поездку?

Не знаю почему, но Ельцин решил, что вся ответственность за неподходящие билеты лежит исключительно на мне:

– Павел, что ж вы так, а?! Надо же было подумать…

Объяснять и оправдываться не хочется, тем более, что теперь-то я понимаю – Ельцина, при его габаритах, нельзя было сажать в тесный салон эконом-класса. Тогда, на Кутузовском проспекте, надо было сразу сказать Аоки— сан, что шеф полетит только первым классом, и не соглашаться ни на какие уговоры.

– Каюсь, Борис Николаевич! Переклинило меня с этими чертовыми привилегиями! Решил, что люди неплохо воспримут,

если узнают, что Ельцин летает «как все».

Шеф взглядом указывает Суханову на пустые стаканчики: мол, скажите, чтоб наполнила, и в раздражении отворачивается к иллюминатору:

– Привилегиями его, понимаешь, переклинило!

По голосу чувствую, мои слова ему неприятны, будто я только что в чем-то его уличил. А я и не думал уличать. Просто хотел, чтоб этой поездке все соответствовало его политическим декларациям, и не более того.

– Борис Николаевич, я руководствовался вашими же лозунгами о привилегиях…

Шеф не дает договорить:

– Руководствовался он, понимаешь! Привилегии тут не причем!

– Согласен. Не подумал, что вам с вашим ростом…

– О том, что там, в зале, за нами будут следить журналисты, об этом вы подумали, и это правильно. Но о том, что здесь, в самолете, их не будет, тоже надо было догадаться, как вы считаете? – и пару раз стукнув ребром ладони по подлокотнику, произнес назидательно: – Здесь вам не там!

…Не знаю почему так получилось, но в Японии все наши бытовые проблемы (гостиницы, транспорт, обеды и ужины, даже поход в национальную японскую баню) приходится решать не с директорами телекомпании, а с переводчицей Мари— сан. И всякий раз она, о чем бы ни была наша просьба, напоминает о борьбе Ельцина с номенклатурными привилегиями. Твердит об этом и к месту, и не к месту. Мы терпели, в дебаты не вступали, но сегодня она просто превзошла самое себя.

У нас совершенно свободный день. Не запланировано никаких официальных мероприятий, потому что завтра улетаем домой. Поездка получилась трудная, напряженная, но, слава Богу, обошлась без серьезных проколов. Неприятности случались, но они не чета американским.

Настроение с утра прекрасное, но появляется Мари— сан и портит его самым безобразным образом – в ультимативной форме отказывается ехать с нами в торговый центр за покупками (это же нонсенс – вернуться из командировки в Японию в задушенный дефицитами Союз без подарков!). При этом намекает на то, что мы— де приехали в ее страну заниматься политикой, а не покупками. Это уже переходит границы разумного, и я не выдерживаю:

– Мари— сан вы должны помогать нам с переводом, а не указывать, что и как делать.

Переполненная неприязнью японка презрительно кривит

губы:

– А еще называете себя демократами! Говорите, что с привилегиями боретесь!

В ответ хочется сказать ей что-то резкое, но не слишком обидное. Во-первых, потому что женщина, а во-вторых, она, хоть и не без капризов, но добросовестно отработала весь визит. И переводчица отличная. В голову приходит убийственный, как мне кажется, контр— аргумент нашего шефа:

– Знаете что, Мари-сан, здесь вам не там!

Кажется, у нее впервые возникла проблема с переводом…

Глава 5
Вам и не снилось

В прошлом 1989-м году Ельцина буквально преследовали неприятности. Как летом началось с прославившейся экстравагантными выходками поездки в Америку, так оно и пошло-поехало. В сентябре случилась нелепейшая история – поздней ночью он падает то ли в реку, то ли в болото возле подмосковной дачи своего давнего приятеля Башилова. Как он там оказался и что с ним произошло – никакой ясности. Сплошные догадки, от «на него напали» до «напился до чертиков». Дело получило такой общественный резонанс, что стало предметом специального разбирательства на заседании Верховного Совета СССР. Вроде бы только Москва и половина Союза перестали судачить об этом возбуждающем воображение инциденте, как подоспел еще один, давший новый повод для пересудов – служебный автомобиль Ельцина, нарушив все правила движения, столкнулся с «Жигулями» на улице Горького.

Но с завершением «года неприятностей» эти самые неприятности, увы, не закончились. Нынешний 90-й вроде бы только начался, а мы уже с «прибытком» – в январе, когда были в Японии, Ельцин поскользнулся, упал в ванной и набил на лбу шишку, да такую огромную, что ее невозможно было скрыть. Понятное дело, сразу же поползли слухи об его пьянстве. Сначала в Японии, а после и у нас дома. Конечно, не такие свирепые, как после американского вояжа, но и их вполне хватило, чтобы понервничать. Особенно после того, как мне из спонсировавшей визит японской телекомпании сообщили, что в токийский Prince Hotel несколько раз приезжали русскоговорящие люди и выспрашивали у персонала про то, в каких номерах жили Ельцин и его люди, бывали ли они в ресторане и в баре, что ели и что пили, и не нарушали ли какие правила, включая правила приличия.

Людей, не особо отягощенных политическим воображением (а таких, на наше счастье, у нас в стране большинство), нетрудно было убедить, что подозрительно часто случающиеся с Ельциным казусы – результат тщательно спланированных козней его оппонентов. Но политически подкованное меньшинство (а оно активнее и напористей большинства, которое еще не так давно на шумных митингах жадно внимало каждому его слову) засомневалось и стало все чаще прислушиваться и цитировать тех, кто обычно стоит у Ельцина за спиной, – Попова, Афанасьева,

Собчака и даже болезненно-амбициозного Станкевича. Но более всего разочарование охватило политизированных представителей науки и культуры, особенно в Москве и Ленинграде. Они и прежде были скупы на восторги в адрес нашего шефа, а тут едва ли не от каждого слышишь горестный вопрос: а на того ли делается ставка?

…Сумеречный мартовский вечер. Зал Дом кино, где через час с небольшим должна состояться встреча Ельцина с творческой интеллигенцией столицы, практически полупуст. Мы с Сухановым объясняем для себя сей прискорбный факт тем, во что и сами не верим – скверной погодой. Хотя она и впрямь скверная – с утра дует пронизывающий северо-восточный ветер и моросит просто-таки по-осеннему монотонный дождь, время от времени сменяющийся мокрым снегом. Именно про такую погоду и говорят: хороший хозяин собаку из дома не выгонит. Тем не менее, морально готовимся к тому, что выслушаем от Ельцина гневную тираду по поводу из рук вон никудышной подготовки мероприятия. С меня, конечно, спрос невелик. Я – политический обозреватель «Комсомольской правды» и помогаю по мере сил и возможностей. А вот Суханов у него в штате. Значит, получит сполна. Потому и ломает сейчас голову: может, позвонить шефу, и пока он еще дома, все отменить?

– Лев Евгеньевич, давайте не будем торопиться. Мало ли, вдруг народ потянется. Шеф живет отсюда в двух шагах, так что успеем дать отбой.

– Хорошо. Я еще минут десять тут, в холле, понаблюдаю: может, действительно, еще подойдут. А ты ступай в зал и послушай, о чем там люди говорят.

Среди присутствующих замечаю Виктора Югина, главного редактора ленинградской газеты «Смена». Говорят, весной следующего года он собирается участвовать в российских выборах и, наверное, поэтому специально приехал послушать Ельцина, а, может быть, и заручиться его поддержкой. Сейчас многие так делают. Это у них, у соискателей депутатских мандатов, называется «прицепиться вагончиком к паровозу».

– Не знаю, как у вас в Москве, а у нас позиции Бори пошатнулись, – на эти слова откликаюсь наигранным удивлением: «Чего это вдруг?», но Югин реагирует на него встречным вопросом: – А ты думал, после вашей американской гульбы да после ночных купаний его репутация не подмочится?

В ответ практически дословно привожу контрдовод, на днях услышанный от Михаила Бочарова, народного депутата и президента концерна «Бутэк»: наш избиратель видит в Ельцине не то, что есть на самом деле, а то, что он хочет видеть в своем

новом лидере, поэтому пойдет за ним, чего бы тот ни учудил. Пусть хоть помочится средь бела дня у Лобного места!

Югину услышанное не кажется бесспорным:

– Не знаю, о каком избирателе ты сейчас говоришь, но у нашей питерской интеллигенции в последнее время возникли серьезные сомнения насчет Ельцина.

– Нашей замечательной интеллигенции свойственно очаровываться и разочаровываться практически одномоментно.

Я отшутился, но, по большому счету, Югин, конечно же, прав. У меня и у самого на днях, когда ужинал с бывшими коллегами по Академии наук, возникло ощущение, что симпатии нашей научно-творческой элиты заметно сместились в сторону неприятия Бориса Николаевича. Какой-нибудь год назад они смотрели на меня с завистью и с уважением: это надо же, знаком и сотрудничает с самим Ельциным! Сейчас же у многих в глазах, а кое у кого и на устах недоуменный вопрос: и что ты в нем нашел?! И все мои попытки что-то оправдать и объяснить встречаются с недоверчивым безразличием, а то и просто с иронией.

Вот и у сидящих в этом зале наверняка настроения не такие благостные, как нам с Сухановым хотелось бы. И если в ходе выступления, и особенно при ответах на вопросы, шеф почувствует это, его гнев после будет обращен на наши бедные головы: «Вы зачем меня сюда притащили?! Вы что, не знали, что тут собрались одни почитатели Горбачева?!». Он ненавидит выступать в критически настроенных аудиториях. Ельцинское представление о «хорошо подготовленной и проведенной встрече» – это когда его речь многократно прерывается бурными аплодисментами и благодарственными выкриками собравшихся.

Замечаю сидящего в проходе пожилого мужчину, читающего книгу, писанную арабской вязью. Вероятно, какой-нибудь ученый. Или дипломат. Но определенно не слесарь местного ЖЭКа. Делаю вид, будто случайно зашел в Дом кино и не в курсе того, что здесь происходит:

– Простите, вы не скажете, здесь собрались сторонники Бориса Николаевича Ельцина?

Арабист закрывает книгу и смотрит на меня поверх очков. То ли с насмешкой, то ли с удивлением:

– Я бы этого не сказал.

Сидящая перед ним пожилая женщина в мохнатой мохеровой шапке оборачивается и более определенно выражает причину своего присутствия в Доме кино:

– А вот я, например, хочу задать ему вопрос: не стыдно так позориться перед народом?!

Мнение одного-двух присутствующих – это еще не мнение всего зала. Судя по лицам, по одежде и по манере держаться, здесь собрались преимущественно представители нерабочих профессий и, наверное, даже наверняка, они относятся к Борису Николаевичу по-разному. Кто-то хорошо, кто-то плохо, а кто-то, может, и вообще никак. Новизна ситуации вовсе не в том, что на встречу с ним пришли не только его убежденные сторонники, хотя еще совсем недавно было именно так. Можно почти безошибочно угадать, что сегодня в Доме кино голоса тех, кто хочет покритиковать и даже поругать Ельцина, будут звучать и громче, и напористей, чем голоса тех, кто хочет его восславить и поддержать. Вот в этом, действительно, новизна.

Сей печальный факт довожу до сведения все еще терзающегося сомнениями Суханова. По обыкновению, тот склонен в любом негативе видеть злонамеренно— коварные происки политических оппонентов своего шефа. Но, в целом, проблему не отрицает. Да ее и невозможно отрицать – еще не так давно Ельцин собрал бы здесь полный зал, а сегодня он наполовину пуст, и настрой у людей уже не тот, что прежде.

– Да, надо что-то делать.

– Лев Евгеньевич, «что-то» – вы это про сейчас или про вообще?

– Про вообще. Про сейчас все ясно – надо отменять встречу.

Вспоминаю разговор с Югиным и повторяю высказанную им мысль: с интеллигенцией плохо работаем, вот наше слабое место. Суханов смотрит на меня с нескрываемым удивлением:

– А что у нас с интеллигенцией не так? Она вся за Бориса Николаевича! У него прекрасные отношения и с Поповым, и с Афанасьевым, и с Фильшиным, и с Сахаровым, и с Рыжовым…

Похоже, он готов и дальше перечислять имена прославившихся на всю страну ораторов из Межрегиональной депутатской группы, поэтому вынужден его оборвать:

– Многие из тех, с кем мне доводится общаться в последнее время, полагают, что Ельцин стал терять поддержку интеллигенции, особенно в провинции.

Если бы я высказал ту же саму мысль, но употребил при этом конструкции типа: «Мне кажется…» или «Мы считаем…», она не была бы воспринята Сухановым с должным пониманием. Я уже много раз убеждался, что персонифицированные точки зрения, тем более, если они принадлежат знакомым ему людям, убеждают Льва Евгеньевича много меньше, нежели безадресные, вроде «Многие полагают…» или «Есть мнение…».

– Хорошо. Попробую об этом поговорить с шефом. А ты подумай, что можно в этом плане ему предложить.

Засим прощаемся. Сторонники и противники Ельцина, одинаково недовольные потраченным понапрасну временем, малочисленными группами выходят в весеннюю непогоду. Возможно, кто-то из них и впрямь верит, что он, как нами было объявлено, простудился, но, как мне кажется, большинство все же догадывается, что это лишь отговорка. Знакомый профессор из Университета Патриса Лумумбы подходит ко мне, вроде как попрощаться, а на самом деле выплеснуть раздражение, накопившееся за час бесполезного сидения в плохо отапливаемом зале:

– Мне-то ты можешь сказать, почему он не явился? Квасит, да? Или опять во что-нибудь вляпался?

– Да что вы, ей-богу! Сказано же вам – затемпературил человек!

– Ну, да, да, конечно! Кто бы сомневался! Утром, понимаешь, вылезал из служебного авто, промочил ноги и к вечеру затемпературил!

Стоящий рядом Югин смотрит на меня со значением: мол, что я тебе говорил?! Теряет интеллигенция веру в Ельцина, ох, теряет!

На часах четверть первого. Сижу у себя на кухне, пью чай – четвертую или даже пятую чашку – и размышляю над тем, что могло бы восстановить доверие к Ельцину со стороны переменчивых в своих привязанностях и настроениях просвещенных кругов нашего общества. В голову не приходит ничего путного. Да и что в нее может прийти? Борису Николаевичу чего ни предложи, все будет с гневом отвергнуто, потому как он убежден, что вся страна, от погруженных в глубокое похмелье колхозников-землепашцев до одухотворенных деятелей науки и культуры, только о том и мечтает, чтоб именно он, Ельцин, и никто другой, встал во главе советского государства. Все, что идет вразрез с его убежденностью в этой истине, воспринимается как малодушие или того паче – как предательство. Немало его сподвижников именно из-за сомнений в реальности безоглядной поддержки потеряло право таковыми считаться. Поэтому не представляю, как Суханов отважится на такой разговор. Просто не представляю!

Неожиданно просыпается и заходится хриплым визгом перебинтованный изолентой ветеран столичной телефонии. Трезвонит, поганец, на весь дом, и будет так трезвонить, покуда всех не лишит сна. Так что хочешь – не хочешь, а придется ответить. И кто это не может дождаться утра?! Снимаю трубку и слышу голос Виктора Ярошенко. Мы должны были сегодня встретиться в Доме кино, но не встретились из-за какого-то

мероприятия в Верховном Совете, которое он никак не мог пропустить. Неужели ему невтерпеж узнать, как у нас все прошло? Однако он о другом:

– Я сегодня в Кремле встретил Олега Басилашвили…

Депутата Басилашвили я тоже встречаю в Верховном Совете довольно часто. Если после жесточайших сталинских и постсталинских репрессий, подавивших свободу человеческого духа, кого-то у нас еще и можно назвать рафинированным интеллигентом, то Олег Валерьянович именно такой реликт. И не потому, что по учебникам его матери учились русской грамоте едва ли не все советские педагоги. И не потому, что по проектам его русского деда еще до революции строились небольшие православные храмы под Питером и Москвой, а его грузинский дед получил от русского царя полковничьи погоны. В нем чувствуются некая интеллигентская чистопородность, особое мироощущение, которое невозможно описать словами, так же, как невозможно рассказать про утреннюю свежесть или про шепот ночного прибоя. Все это можно только почувствовать.

Конечно же, Басилашвили в нынешней политике – чужеродное тело. Он хоть и тянется к громкоголосым демократам, но, как мне кажется, его коробит их диковатая необузданность. К тому же в последнее время, когда стали рваться истлевшие нити лоскутного одеяла, именуемого Советским Союзом, и на исторической родине его предков по отцовской линии запахло порохом, Олег Валерьянович не счел возможным резко обозначить свое неприятие насилию. Депутат Собчак едва ли не каждый день произносит обличительные речи по трагическим событиям в Тбилиси, а Басилашвили ни разу не поднялся на трибуну. Кое-кто из моих коллег-журналистов обвинил его в политической индифферентности и даже в боязни испортить отношения с Кремлем. Но я не считаю такие утверждения справедливыми. Его позиция, как я ее представляю, достаточно принципиальна: русско-грузинский интеллигент, улаживающий русско-грузинскую ссору, не умиротворит «ястребов» ни той, ни другой стороны. Он лишь даст им дополнительный повод для взаимных нападок.

– Знаешь что мне Басилашвили рассказал?

– Знаю. Что он, со своей грузинской фамилией, не станет выступать в прениях по событиям в Тбилиси. Он мне тоже на днях это говорил.

– Да нет, вовсе не то! Он рассказал про Никиту Михайловского. Знаешь такого киноактера? Ну, ты же смотрел фильм «Вам и не снилось»? Так вот, тот тяжело болен, у него лейкемия. А еще лейкемией больны маленькие дочки двух

питерских театральных актеров.

– И чем же мы можем этому горю помочь?

– Басилашвили сказал, что театральный союз, который они недавно создали, собирает валюту на их лечение за границей, но никак не может набрать нужную сумму. Так вот я о чем подумал: а давай-ка Ельцина на это дело подобьем, а? Валюта у него наверняка имеется. Мы же не все на шприцы потратили.

– Надо с Сухановым поговорить. Думаю, и доллары есть, и марки найдутся. От книги, от лекций, да и вообще.

– Вот видишь! Надо только придумать, как Суханову все преподнести.

– А тут и придумывать нечего. Если б ты сегодня приехал в Дом кино, сам бы эту придумку в зале разглядел.

…Вечереет. Погода – хуже некуда: пронизывающий до костей порывистый ветер с мелким дождем. Жду Ярошенко возле метро на Арбатской площади. Точнее, на том самом месте, которое некогда и впрямь было площадью, а ныне являет собой безобразный клубок объездных дорожек, путепроводов и подземных переходов, облицованных осыпающимся со стен туалетным кафелем. В общем, любоваться нечем. Разве что рестораном «Прага», который в стародавние времена был обыкновенным трактиром с тем же названием, но, правда, с отменной кухней и невысокими ценами, за что и полюбился московским извозчикам, прозвавшими его «Брагой». Но и с ним сейчас не все ладно – вычурное здание, считавшееся архитектурной изюминкой Арбата, после прокладки Калининского проспекта, буквально, провалилось под землю, и теперь окна его второго этажа стали едва ли не вровень с новоарбатским тротуаром.

Настроение мое под стать погоде – недоволен всем и вся. Собой – за то, что, выходя из дома, не взглянул за окно и оделся не по погоде. Теткой, залезшей в переполненный вагон метро с мокрым от дождя зонтом, по милости которой теперь стою на ветру с мокрой брючиной. Милиционером в серой плащ-накидке, упорно не замечающим того, что мчащиеся по правой полосе машины на полном ходу врезаются в огромную лужу и обдают пешеходов потоками грязи. Городскими властями, которым недосуг следить за тем, чтобы ливневые стоки по весне не были забиты накопившимся за зиму мусором. И, конечно, народным избранником Виктором Ярошенко, по вине которого я сейчас недоволен всем и вся. Им, депутатам, очень легко оправдывать свои опоздания. У них на этот случай всегда заготовлена ссылка на что-нибудь срочное и архиважное, а иногда даже судьбоносное.

– Давно ждешь? – Виктор выглядит так, будто бежал от самого Кремля. – Извини, Бога ради, затянулось заседание Межрегиональной группы. Ты же знаешь, какие там говоруны. Никак не мог раньше вырваться!

– Я уже тут продрог как собака!

– Хочешь, зайдем в «Прагу», выпьем для согреву по рюмке?

– Суханов ждет. Мы с ним договорились ровно на полседьмого.

– Успеем. Сейчас только шесть, а нам отсюда до него ходу не больше четверти часа.

Ярошенко ошибается – от метро «Арбатская» до нового офиса Ельцина на Калининском проспекте ходьбы втрое меньше, минут пять. Сюда он переселился перед самой нашей поездкой в Японию. А до того занимал в общем-то неплохие апартаменты во флигеле гостиницы «Москва», обращенном главным фасадом к «Метрополю». Не понимаю, почему его и других руководителей комитетов Верховного Совета оттуда переселили. Наверное, кремлевские хозяйственники никак не могут решить бюрократическую головоломку: с одной стороны, требуется рассадить руководителей депутатского корпуса так, чтоб те были довольны и не роптали, а с другой – чтоб, упаси Бог, не возомнили себя ровней членам Политбюро, секретарям ЦК и руководящим работникам центрального партаппарата.

У варианта с размещением в гостинице «Москва» был несомненный плюс – абсолютная близость к Кремлю. Хотя был и минус – уж слишком гламурный интерьер. Не случайно злые языки стали называть этот корпус, наспех приспособленный под парламентские нужды, «депутатским борделем». По этой ли причине, или по какой иной, но народных избранников в итоге пересилили в здание-книжку на Калининском проспекте, где до недавнего времени размещался упраздненный по причине ненадобности Госагропром СССР.

В сравнении со старым, у нового кабинета Ельцина лишь одно преимущество – вид из окон на старую Москву такой, что дух захватывает! Но респектабельность, конечно, уже не та, хотя совсем недавно здесь квартировал со своим аппаратом какой-то большой агропромовский начальник. Но, вероятно, он и сам не был особо аккуратен и от подчиненных не требовал аккуратности – за три с лишним года существования своего бесславного ведомства они привели рабочие помещения и места общего пользования в безобразно замызганное состояние. Теперь здесь все выглядит как в студенческой общаге в начале каникулярного лета, когда ее обитателей в принудительном порядке выставляют на улицу.

…Сидим в маленьком, но каком-то необжитом кабинете Суханова. Сейчас он напоминает комнату, в которой следователи проводят очные ставки обвиняемых с потерпевшими – убогое кресло, исцарапанный однотумбовый стол и два расшатанных стула перед ним. Не хватает разве что железной решетки на окне, но оно уж здесь больно большое – от стены до стены, и почти от самого пола до потолка. Зато дверь, как ей и положено, обита железом и снабжена массивным замком с засовом-защелкой. Правда, ведет не в коридор, как это обычно устроено у правоохранителей, а в приемную, в которой сейчас нет никого, кроме распивающих чаи волонтеров – охранников Ельцина.

Излагаем Суханову суть нашей идеи: если Борис Николаевич поможет с лечением за границей Никиты Михайловского и еще двух девочек, Кристины Пащенко и Наташи Бажан, дочек питерских театральных актеров, то это, несомненно, будет воспринято с благодарностью в театрально-киношных кругах. Мало того, это нивелирует тот негатив в оценках Ельцина, который проскальзывает в последнее время в речах некоторых видных представителей прокоммунистической творческой интеллигенции.

– Да-а, это был бы сильный ход, – чувствуется, Суханову идея пришлась по душе. – Думаю, после этого все питерские актеры будут на нашей стороне.

– И не только питерские. Вообще все! – Ярошенко, что называется, берет быка за рога: – Ну что, Лев Евгеньевич, идем к шефу?

– Нет, сначала я его должен подготовить. А то, понимаешь, есть у нас такие, – Суханов кивает на закрытую дверь, ведущую в приемную, – что примутся стращать шефа: мол, раз у вас просят не рубли, а валюту, значит, это какая-то подстава! Кстати, о какой сумме мы ведем речь?

Вчера Виктор называл мне некий минимум – пятнадцать тысяч долларов, из расчета по пять на каждого. Но вдруг не хватит? Поэтому сходу утраиваю сумму: сорок пять тысяч! Суханов горестно вздыхает (видимо, она кажется ему чрезмерной и даже неподъемной) и уходит в кабинет шефа, а мы с Ярошенко, настраиваясь на долгое ожидание, включаем кипятильник. Но попить чайку не удается. К нашему удивлению, ждать приходится недолго, не более пяти минут.

Вернувшийся в кабинет Суханов выглядит озабоченным, и это настраивает на неудачу:

– Не согласился?

– Согласился.

– И не пришлось уговаривать?

– Я же говорю, согласился. Но больше тридцати тысяч дать не может. И еще: даст наличные доллары, – Ярошенко пытается что-то сказать про три банковских счета, которые ему сообщил Басилашвили, но Суханов повторяет тоном, не терпящим возражений: – Только наличные! Так что, наверное, тебе, Павел, придется съездить в Ленинград. Никто из наших сотрудников не поедет. Ты готов?

– А когда будут деньги?

– Приходи завтра часам к двенадцати. Выдадим тебе всю сумму. Постарайся достать билет на самолет, но если поедешь поездом, то лучше не одному. Не рискуй. Возьми с собой кого-нибудь.

Кто помнит, какую бездну всего в 1989 году можно было приобрести в Москве на тридцать тысяч долларов, тот оценит беспокойство Суханова. Это были огромные, просто бешеные деньги! Мой однокурсник, вернувшийся на Родину после нескольких лет жизни в Израиле, за сорок тысяч приобрел трехкомнатную квартиру в тихом переулке неподалеку от Покровских ворот. Думаю, сейчас он не купил бы ее и за полмиллиона. А в ту пору валюта (неважно какая, лишь бы конвертируемая – доллары, фунты, марки, франки и даже экзотические йены) имела немыслимую покупательную способность. Тот, у кого она водилась, катался как сыр в масле. Для него не было проблемы что-то купить. Он мог позволить себе все, и даже больше, чем все.

Зато была другая проблема, тоже вполне реальная, – за валюту легко могли убить, и убивали, к чему общество привыкло как к печальной обыденности, как к неизбежному злу рыночных новаций. С водителем моего давнего приятеля Яхьи Акиева случилась именно такая беда. В конце 80-х он был задушен в своей машине лишь из-за того, что случайный пассажир разглядел у него в бумажнике несколько сотенных зеленых купюр. Конечно, и сейчас из-за долларов могут лишить жизни. Но цена подобного преступления уже много выше. Если злодей – не какой-нибудь трясущийся в похмелье алкаш и не измученный ломкой наркоман, то за сотню и даже тысячу «баксов» мало кто отважится рисковать свободой и головой.

Достать билет до Ленинграда сейчас не так просто. Это в доперестроечные времена самолеты летали туда чуть ли не каждый час, а ныне всего два рейса в день. Говорят, это потому, что у Аэрофлота нет керосина, а у пассажиров – денег. Так что придется ехать скорым поездом, а они, как назло, почти все ночные. Самое раздольное для дорожных лиходеев время! Вот потому сижу и гадаю: кого бы из друзей-приятелей позвать с

собой в Ленинград? Чтобы не одному. Единственный, чье имя приходит на ум, – коллега по «Комсомолке» и сосед по дому Юра Филинов. По возрасту он мой ровесник, даже чуточку старше, но по врожденной бесшабашности – пацан пацаном.

– Юраня, у тебя есть желание прокатиться до Питера и обратно?

– Когда?

– Сегодня ночью, «Красной стрелой».

Ответ его достоин незабвенного Пятачка:

– До пятницы я совершенно свободен!

Ярошенко уже позвонил в Питер Басилашвили и сообщил о моем приезде. Теперь тот ждет информацию о номере поезда и вагона. Будет встречать на перроне. Там же передам и деньги. Так что наша с Филиновым поездка по времени и трудозатратам не будет слишком накладной – утренним поездом приехали, вечерним уехали, день на прогулку по городу и дегустацию питерского пива (последнее было включено в программу визита исключительно по настоянию моего спутника).

…Фирменная «Красная стрела» отравляется около полуночи, но мы приезжаем на Ленинградский вокзал намного раньше, часам к десяти. Не без труда, но все же находим кассу продажи билетов на текущие сутки, и встаем в очередь. Перед нами человек двадцать. Сидящая за окошком кассирша выслушивает каждого с выражением глубочайшего недовольства на лице, словно тот заявился к ней в дом и просится на ночлег. Она будто играет словами в пинг-понг, при этом всегда оказывается в победителях. С нами у нее тот же разговор, что и со всеми: «Говорите!.. Пожалуйста, нам два билета на “Красную стрелу”… На сегодня ничего нет… Тогда не на “Красную”, на ближайший скорый до Ленинграда… На скорые билетов нет… Что же нам делать?.. А мне откуда знать, что вам делать?! Есть билеты на утренний пассажирский. Будете брать?.. Не будем… Следующий!».

Признаться, никак не ожидал, что с билетами будет такая лажа. В газетах пишут, что из-за обнищания населения спрос на пассажирские перевозки упал, а тут не наблюдается ничего похожего – толпы людей с чемоданами и тюками, многометровые очереди за билетами и самодовольные кассирши, презирающие все, что шевелится по ту сторону окошка. Какай-то необъяснимый экономический парадокс.

– Может, попробуем договориться с кем-нибудь из проводников? Или все-таки возьмем на утренний, а сейчас поедем домой спать-почивать?

– Минутку! – Филинов решительным шагом направляется к

двум прохаживающимся по залу милицейским сержантам.

Юра – человек-фейерверк. Что сейчас говорит служивым, о том можно только догадываться, но я уже ни на секунду не сомневаюсь – билеты у нас будут. Так оно и выходит:

– Я ребятам все рассказал, они помогут.

– И что же ты им такого наговорил?

– Рассказал все, как есть. Что мы из «Комсомолки», что ты – друг Ельцина, что везем деньги на лечение за границей артиста Михайловского…

– Юра! Ты что ж творишь?!

Высказать все, что думаю по этому поводу, не успеваю – милиционеры подходят и весьма учтиво здороваются со мной за руку: пойдемте!

– Куда?

– Сначала в кассу, а после к нам в дежурку. Посидите у нас до отхода поезда. Не ходить же вам по вокзалу с такими деньжищами.

Милиционеры решительно шагают впереди, мы едва поспеваем сзади. Наверное, со стороны это выглядит задержанием – забрали у двух подозрительных типов документы и ведут их в отделение. Синюшно-припухшие вокзальные завсегдатаи, сидящие на корточках возле туалета, уже ставшего платным, но еще не утратившего ароматы бесплатного, провожают нас презрительными взглядами: мол, так вам и надо, цуцики, не лезьте на чужую поляну!

– Зинок, – сержант, тот, что постарше, просовывает голову в окошко, за которым сидит давешняя хмурая кассирша, удивительным образом преобразившаяся в обходительную веселушку, – выдай-ка нашим ребятам два билетика на «Красную».

– На верхнюю или на нижнюю полку?

– Да нам бы хоть на какую.

Милиционер смотрит на меня неодобрительно, будто я своей покладистостью бросил тень на его деловую репутацию:

– На нижнюю, конечно. На нижнюю им дай. И чтоб не возле туалета.

Итак, билеты у меня в кармане. Теперь к таксофону, и звонок Ярошенко: едем таким-то поездом, вагон такой-то. До отправления чуть меньше двух часов. Что теперь? Сержанты ведут нас к двери с надписью «Посторонним вход воспрещен». Тот, что постарше, уже взявшись за ручку, мечтательно произносит:

– Эх, я б сейчас водочки грамм сто маханул! Устал, понимаешь, как собака, а еще вся ночь впереди.

– А что нам мешает махануть?!

От Юриного вопроса, источающего жизнерадостный оптимизм, у меня на душе становится неспокойно: ох, и попадем же мы в историю! Не так за себя боязно, как за чужие деньги. Но противиться питейному настрою спутников не позволяет совесть. Все-таки два билета до Питера у меня в кармане, а их там не было бы, не приди на помощь мечтающий остограмиться мент. К тому же он не считает нужным стыдиться своего безденежья:

– А мешает маханути, ребята, то, что зарплату нам уже третий месяц не платят.

– Ну, эту проблему мы вмиг решим! – Юра вынимает из кармана бумажник, сержант берет у него две десятирублевки и отдает напарнику: сгоняй!

– А что взять-то?

– Ты что, в первый раз дежуришь?

Сгонял он быстро. Можно сказать, одна нога здесь, другая там. В руках завернутая в газету «Одесская» колбаса, а в оттопыренном кармане поллитровка. Видно, у милицейских на вокзале свои источники оперативного снабжения.

Старшой открывает массивную дверь с запретительной надписью, и мы выходим на площадку узкой металлической лестницы, ведущей куда-то вниз, явно не в отделение милиции. Сказать, что она плохо освещена – ничего не сказать. Кое-где лампочки горят, но они такие тусклые, что приходится передвигаться почти наощупь. Один пролет, другой, третий. Никогда не думал, что под Ленинградским вокзалом такой многоярусный подвал. И нам, похоже, на самый последний, на тот, что дальше всего от тверди земной. Всю дорогу, покуда спускаемся в подвал, думаю, что назад подниматься уже не доведется. Большие деньги иной раз толкают людей на такой тяжкий грех, что после и сами диву даются. Лихое, безжалостное время, и ничего с этим не поделаешь.

Эх, Юра, Юра…

Заранее подозревать в дурных помыслах незнакомых людей, которые к тому же пришли тебе на помощь, причем совершенно бескорыстно, – большой грех, и я его только что взял на душу. Сержанты оказываются хоть и незатейливыми, но приятными в общении мужиками. Причем не особо охочими до пития – махнули по четверть стаканчика за знакомство, и завели разговор про милицейское житье-бытье. Про то, как непросто быть в Москве лимитчиком, как тянет домой (один – из Оренбургской, другой – из Белгородской области), как противно почти в тридцать лет жить в общаге на краю города, как ждешь эту чертову зарплату, чтоб хоть немного отослать жене, а ее все не выдают и не выдают, а спросить нельзя, потому как за такой

вопрос можно вмиг вылететь с вокзала куда-нибудь на зачуханную окраину.

Исчерпав тему милицейской обездоленности, сержанты принимают еще по пятьдесят, и переключаются на политику: ругают все развалившего, но ничего не создавшего Горбачева, и высказывают надежду, что при Ельцине должно стать лучше. А то как же иначе-то?! Иначе и быть не может!

– Ну почему же не может-то?

Сержант смотрит на меня так, будто я только что сморозил несусветную чушь. Похоже, не понимает, о чем я его спросил. На всякий случай, задаю вопрос еще раз: почему не может-то? В ответ тот произносит такое, на что не знаю, как и реагировать – или расхохотаться, или предложить стоя и до дна выпить за сказанное: потому что Россия нам этого не простит! Мне доводилось слышать нечто подобное, но в основном от политиков самых разных мастей. А вот так, чтоб от простого мента, да еще под рюмку, да в столь экстравагантной обстановке – такое впервые!

«Россия нам этого не простит!» – признаться, никогда не мог понять смысл этого восклицания, завершающего многие воззвания к бессловесной толпе. Оно нечто вроде «Аминь!», которым попы с амвона прощаются со своей паствой. У них это слово тоже не несет никакой смысловой нагрузки, кроме призыва к безоговорочной вере: мол, да будет так, я все сказал, можете расходиться. Но тут хотя бы понятно, на чью кару битый час намекал проповедник, расхаживая по храму и изображая из себя чрезвычайного и полномочного посла Господа. А что имеют в виду государственные мужи, поминая карающую Россию? Кто она такая и как станет судить-рядить мирские поступки? Стращать людей карой Господней – это еще куда ни шло: кто верит, тот и устрашится. Но пугать Россией, которая якобы способна на непрощение – либо свидетельство безумия, либо мошенничества.

…В связи с этим не могу не вспомнить одну забавную историю, случившуюся со мной много позже нашего застолья в подвале Ленинградского вокзала, в небольшом городке, затерянном на тихоокеанском побережье Колумбиц, еще не освоенном не то что туристическим, а вообще никаким бизнесом. Глухомань глухоманью. Не знаю почему, но здешний мэр обрадовался появлению на вверенной его заботам территории российского журналиста и пригласил меня в бар, отведать настойки, изготовленной по его собственному рецепту. Местные жители почему-то называли ее «Мама Хуана».

– Ты, главное, не нюхай! – мэр двумя пальцами одной руки взял

бокал на длинной тоненькой ножке, а двумя пальцами другой зажал себе нос. – Вот так: выдохни, зажмурься и выпей одним большим глотком. Давай, попробуй!

Я исполнил трюк, точь-в-точь, как было сказано. Он внимательно следил за выражением моего лица, видимо, рассчитывая на бурный восторг.

– Ну, как?! Чистейший тростниковый ром, настоянный на корнях целебных растений! Согласись, ничего подобного ты не пробовал! – я согласно кивнул и вытер навернувшиеся на глаза слезы. – Да, вкус, конечно, своеобразный, но в данном случае дело не во вкусе. Он вообще ничего не значит.

– Какой же тогда смысл пить?

– Смысл в том, что после этого напитка такие сны снятся, будто в кино сходил! И знаешь, что всякий раз показывают? Не комедию, не боевик, не триллер какой-нибудь американский, а фильм про самую, что ни на есть, настоящую любовь, причем с тобой самим в главной роли. Что ты на это скажешь? – в ответ я безнадежно махнул рукой: мол, к подобным сновидениям уже давно потерял интерес. – Как это потерял интерес?! Начнешь смотреть, друг мой, сразу заинтересуешься, просыпаться не захочешь!

Входившие в бар посетители, заметив сидящего за столом градоначальника, срывали с головы шляпы и, испуганно пробормотав «Добрый вечер, сеньор!», выскакивали за дверь.

– Мой чудодейственный напиток преобразит эти места, поверь мне! Надо только, чтоб о нем узнали иностранные туристы. А узнают, испробуют, так их потом отсюда не выгонишь! Дни будут считать до следующего приезда!

Мэр махнул бармену рукой, и тот принес нам еще по бокалу «Мамы Хуаны». Правда, на сей раз со льдом и с зеленым листиком коки на дне. А когда подоспела третья порция, он в каждый стаканчик бросил еще и лайм, что сделало «Маму Хуану» чуть менее отвратительной.

Никаких снов я в ту ночь не видел. В ту ночь я вообще не спал. Похоже, мы переборщили с «Мамой Хуаной», а мэр забыл предупредить меня еще об одном ее свойстве, причем весьма коварном – напиток этот, кроме ярких сновидений, имел побочный физиологический эффект, создающий серьезные неудобства для лишенных женского общества одиноко странствующих сеньоров.

А года через два мы с ним встретились снова. Правда, уже не у него в городке, а в столице, в зале суда, где слушалось громкое дело о наркоторговле. Я сидел в ложе для прессы, он – на скамейке в клетке для подсудимых, причем в первом ряду. В какой-то момент наши глаза встретились, и он узнал меня. Когда председательствующий на процессе объявил перерыв, и судьи вышли

из зала, он махнул мне рукой и что-то сказал стоящему возле клетки охраннику.

– Вон тот сеньор, – охранник глазами указал мне на моего знакомца, – спрашивает вас про какую-то маму Хуану. Он хочет знать: вы ее еще помните?

Я молча кивнул. Мэр вскочил и крикнул в зал, указывая рукой на стол, за которым сидели ушедшие на перерыв судьи:

– Они придумали свои глупые законы, чтобы лишить нас надежды на процветание!

По залу прокатился одобрительный гул. С задних рядов донеслось визгливое: «Жирные задницы!». Кто-то рассмеялся в ответ, кто-то зааплодировал. Сторонников правосудия оказалось совсем немного, буквально несколько человек. Причем все они сидели, уткнувшись в газеты, и делали вид, будто не замечают происходящего. Мэр, почувствовав поддержку подавляющего большинства присутствующих, сплюнул на пол клетки, и выкрикнул свой суровый вердикт:

– С такими ублюдками мы Колумбию не возродим!

А еще через насколько лет я вновь побывал в том городке. Зашел в бар, некогда принадлежавший мэру-наркобарону, и попросил бокал его чудодейственной настойки. Бармен – тот же самый бармен, я хорошо запомнил его лицо! – смотрел на меня с искренним удивлением. Оказывается, он и слыхать не слыхивал о таком напитке. Похоже, мама Хуана отправилась за решетку следом за своим создателем, лишив эти забытые Богом края последней надежды на процветание.

За разговорами под водочку с колбаской (от ее резкого чесночного духа, думаю, покончили с собой несколько самых оголодавших подвальных крыс) время бежит незаметно. Но вот до отхода поезда остается каких-нибудь двадцать минут. Это значит, пора прощаться. Но наши сержанты и слышать об этом не хотят: проводим до вагона, и все тут! Мол, так будет надежнее. Но вагоном их благородный порыв не ограничивается, провожают до самого купе. А уходя, строго-настрого наказывают молоденькой проводнице «обеспечить хорошее обслуживание и спокойный отдых товарищей офицеров».

…Страна погрязла в безответственности и разгильдяйстве, но «Красная стрела» прибывает в Ленинград по старинке – строго по расписанию, минута в минуту, и, как всегда, под «Гимн великому городу». Поезд останавливается, и мы видим стоящего на перроне Олега Басилашвили, а рядом с ним какую-то женщину, думаю, маму одной из больных девочек. Проводница открывает дверь и, не выходя из вагона, принимается вытирать грязным вафельным

полотенцем вагонные поручни. Заметив великого актера, поворачивается к нам с Филиновым, стоящим наготове в тамбуре, и восклицает: кого же это из моих он тут встречает?! Но уже через мгновение радостное изумление на ее лице сменяется полным непониманием происходящего: оказывается, милицейские начальники, которых вчера в Москве провожали двое сержантов, зачем-то приехали к любовнику Гурченко из «Вокзала для двоих». Кошмар! Что делается?! Надо будет девчонкам рассказать!

А дело, ради которого мы проехали шестьсот с лишним верст, занимает всего пару минут: приветственные рукопожатия, пакет с деньгами передан из рук в руки, короткие слова благодарности и приветы Борису Николаевичу, прощальные рукопожатия, – и на этом все, миссия выполнена, можем возвращаться домой. Для меня во всем этом нет ничего неожиданного, уже доводилось бывать в подобных ситуациях, но Юра недоволен тем, как нас встретили: «Хоть бы из вежливости пригласили на чашку кофе!». Конечно, это было бы недурственно. Но не случилось. Не будем же мы из-за этого изводить себя недовольством? Для известного всей стране актера мы всего лишь почтальоны, и не более того.

– Юра, ты фильм «Курьер» видел? Это про нас с тобой. Курьеры, самое большее, на что могут рассчитывать, – на благодарственное рукопожатие. Нас им и одарили. Так что смири гордыню и не ропщи.

Семь утра. Пустой перрон. Пассажиры разошлись. Невостребованность рождает неопределенность желаний. Стоим с Филиновым и ломаем голову, как распорядиться наступающим днем. Может, взять обратный билет на ближайший поезд? Но это как-то некуртуазно – из вагона и сразу в вагон. Да и почему бы не воспользоваться тем, что мы здесь, и не погулять до вечера по Великому городу? Когда еще доведется.

Питер огорчил. Здесь еще большая разруха, нежели у нас в Москве. Обошли Невский вдоль и поперек, облазили все его переулки – ни одной пивной! От Юриного унылого «Ну вот, зря приехали!» уже бросает в дрожь. Наконец, обнаруживаем заведение с оригинальным названием «Чайка» (хорошо хоть не «Ласточка», как по всей стране), источающее ароматы солодового сусла, но оно не для нас – пиво отпускается исключительно за валюту.

– Эх, как бы мы здесь гульнули на ельцинские тридцать тысяч!

– Юра, держи себя в руках!

В Питере нам с билетами помогать некому. Юрины попытки произвести должное впечатление на здешних кассирш не увенчались успехом. Видно, не тот тут типаж в ходу. Попытка

наладить «боевое взаимодействие» с ментами вообще едва не закончилась задержанием. Так что возвращаться домой приходится самым тихоходным поездом, плюхающим до Москвы едва ли не весь световой день.

…Разруха разрухой, но телефонные автоматы в столице, слава богу, пока работают. Прямо с вокзала звоню Суханову: все в порядке, деньги доставлены по назначению!

– Ты у Басилашвили расписку не догадался взять?

– Нет. А надо было?

– В общем-то нет, но… – Суханов замялся, то ли не решаясь говорить, то ли подбирая подходящие слова. – Тут у нас есть один деятель…

– Лев Евгеньевич, не тяните – случилось что?

– Говорит, что ты взял больше, чем отдал.

– Вот как? И кто же такое говорит?

– Неважно.

– Как это неважно?!

– Ну, он из этих, с Лубянки.

– Понятно. И Борис Николаевич ему поверил?

– Думаю, он ему об этом не говорил. Пока еще не говорил.

– Хорошо. Я завтра к вам приеду и при нем позвоню Басилашвили. Узнать сколько денег я передал, проще пареной репы. Надеюсь, ваш чекист после этого не скажет, что мы с артистом в сговоре?

…Прихожу к Суханову как на работу, к десяти утра, и вот уже четыре часа маюсь от безделья, сидючи у него в кабинете. Жду, когда Ельцин освободится. Как мне было сказано, сегодня он до крайности занят. Сначала у него был долгий разговор с Полтораниным, а после умчался на какую-то архиважную встречу. Но сказал – вернется.

– Лев Евгеньевич, так кто же этот чекист? Я его знаю?

– Не надо тебе этого знать! Зачем? Может, вам еще доведется вместе работать. Сам понимаешь…

Проходит еще два часа бесполезного ожидания. Надежды, что шеф вернется – практически никакой. Но и я ждать больше не могу. Сил нет. Целый день тут сиднем просидел.

– Я лучше к вам завтра заеду.

– Завтра не надо. Завтра мы уезжаем в командировку. Приходи в… – Суханов листает лежащий на столе перекидной календарь, – в следующий понедельник!

В означенный понедельник мне не до Ельцина. Не поднимая головы, работаю на «Комсомолку», пишу заметку за заметкой. Отрабатываю прогулы, не прошедшие незамеченными, – Владимир Сунгоркин, редактор Рабочего отдела, к которому я

приписан, упрекнул в отсутствии должного трудолюбия. Мол, о работе политического обозревателя судят не по тому, с кем из больших политиков он на короткой ноге, а по серьезным материалам на полосе, коими Вощанов уже давно не радовал ни руководство газеты, ни ее читателей. В общем, пришлось засесть за работу. К Ельцину забегу завтра. Или послезавтра. В общем, как освобожусь, так и забегу.

Забегаю к Ельцину в пятницу. Тот опять занят, но на этот раз ждать аудиенции приходится чуть больше часа. Встречает меня почти по-приятельски – встает из-за стола, идет навстречу и обнимает. Это хороший признак. Значит, или еще не доложили про мое «казнокрадство», или не поверил в этот бред. Но в любом случае поговорить об этом надо, и снять все вопросы. Собственно, я ради этого и пришел.

– Борис Николаевич…

Ельцин жестом останавливает мой оправдательный порыв и указывает на кресла в углу кабинета: давайте сядем!

– Борис Николаевич…

– Пока не забыл! – похоже, он так и не даст мне сказать, то, что я должен ему сказать. – У меня вопрос по визиту в Японию.

– Как в Японию?! Мы же оттуда только что приехали?

– Вот по тому визиту и вопрос.

Оказывается, какой-то депутат (имя ему так и не сообщили) написал кляузу, что Ельцин-де, находясь с частным визитом в Токио, пообещал, что если станет президентом России, вернет японцам все Южно-Курильские острова. Она, эта кляуза, была разослана во множество адресов – от КГБ до Советского комитета ветеранов войны. Но главный адресат – Михаил Сергеевич Горбачев, буквально на днях ставший президентом СССР. Ельцин смеется:

– Не везет Горбачеву: первая бумага на президентском столе, и та про Ельцина!

Я уже привык к тому, что он может неожиданно и весьма круто поменять тему разговора. Но знаю и то, что очень не любит, когда то же самое делает кто-то другой. Поэтому не тороплюсь со своим рассказом про поездку в Питер. И вот шеф стукает ладонью по столу, что, как правило, свидетельствует о резюмирующем разговор выводе:

– Никаких фактов у этого депутата нет. Но! – шеф поднимает вверх указательный палец, – вы будьте наготове. Возможно, потребуется хорошая статья про то, что Ельцин в Японии обсуждал исключительно вопросы будущего мирного договора и взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Пожимаю протянутую для прощания руку и делаю вид, что

вспомнил кое-что важное, о чем должен был сообщить:

– Борис Николаевич, деньги я отвез.

– Какие деньги?

– Те, что вы дали на лечение Никиты Михайловского и дочерей двух ленинградских актеров.

– А-а, вы об этом, – на лице Ельцина не чувствую никакого интереса ни к моему сообщению, ни к теме в целом. – Хорошо.

А теперь главное:

– Мне Лев Евгеньевич рассказал, что тут кое-кто утверждает, будто о я взял у вас больше, чем отвез в Питер. Так вот…

Шеф останавливает меня протяжным «Та-ак!».

– Я слышал об этом. Но если б поверил, то вас бы сейчас в этом кабинете не было. Я понятно выразился? И закроем этот вопрос.

С одной стороны, приятно, что шеф мне верит, но, с другой, как-то неловко, что усомнился в его доверии. И, чтобы как-то сгладить свою неловкость, возвращаюсь, как мне кажется, к главному для него:

– Питерские просили вам передать огромную благодарность за помощь, – в ответ Ельцин молча кивает. – Думаю, в артистической среде это будет иметь положительный резонанс…

Ельцин морщится:

– Есть правило, которого я стараюсь придерживаться: ты помог – забудь, тебе помогли – помни!

Бегу к метро под проливным дождем. Чувствую, с волос за ворот куртки стекает холодная струйка. Неприятно, но стараюсь не обращать на это внимания. Мне чертовски хорошо сейчас. Можно сказать, радостно. «Ты помог – забудь, тебе помогли – помни», – какое удивительное жизненное правило! За него, за это правило, я готов простить ему многое. И то, что впустую потрачено столько нервов. И что так часто бывало до боли стыдно. И что вдоволь наслушался от коллег обвинений в лицемерии и вранье. Все это готов простить. Прощу даже то, что по его милости Леша Царегородцев, работающий с ним со времен Свердловского обкома, за мои заметки «про Ельцина» называет меня «пятновыводителем».

…Июль. Нестерпимый, редкостный для Москвы зной. В другое время взял бы отпуск да уехал куда-нибудь на природу, но сейчас не могу – рабочие издательства «Правда», наперекор своему руководству и настойчивым требованиям райкома партии, избрали меня делегатом XXVIII съезда КПСС. Вот и ношусь теперь челноком между Кремлем и улицей Правды! Днем заседаю на партийном съезде, в перерыв пишу в редакции очередную заметку, вечером опять заседаю, а после «отбоя» еду в редакцию,

чтоб обсудить с коллегами итоги минувшего дня. Ни на что другое не хватает ни сил, ни времени.

Чтобы написать заметку в завтрашний номер, у меня совсем мало времени. Час-полтора, не больше. Поэтому стараюсь ни на что не отвлекаться, особенно на телефон. Тем более что звонят часто и со всей страны. Правда, вопрос у людей в основном один и тот же: от этой партии можно ожидать перемены к лучшему, или она уже ни на что не способна? Поэтому, когда секретарь редактора сообщает, что кто-то очень настойчиво просит пригласить меня к телефону, даю волю чувствам: да что ж это такое, черт вас подери?! Но она уже сказала, что я на месте, поэтому не отвертеться, приходится идти к телефону. Но раздражение преодолеваю с трудом:

– Слушаю! Ну, говорите же!

– Павел, помните, вы привозили в Ленинград деньги от Бориса Николаевича для лечения нашей девочки? – нехорошее предчувствие сжимает сердце: «Случилось что-то нехорошее!». – Но ни у меня, ни у мужа нет заграничного паспорта. Мы ведь до сих пор никуда не выезжали…

– Вам надо обратиться в отдел виз по месту жительства. Они обязаны выдать вам паспорта.

– Обратились. И даже документы сдали. Но нам сказали, что паспорта будут готовы не раньше, чем через три месяца. Сначала наши бумаги отправят зачем-то в КГБ, там их рассмотрят, что-то решат, а после… – на другом конце провода слышен то ли всхлип, то ли вздох. – У нас каждый день на счету, понимаете? Попросите, ради бога, Бориса Николаевича нам помочь! Мы же ему теперь не чужие!

Обещать-то я пообещал, но как выполнить обещанное, ума не приложу. Обращаться по этому поводу к Ельцину бесполезно. Во-первых, он едва ли захочет помочь. У него и раньше любое упоминание о КГБ вызывало идиосинкразию, а теперь, когда он вот-вот заявит о выходе из КПСС, и слышать об этом не пожелает. Оборвет на полуслове. Но есть и «во-вторых» – он едва ли сможет помочь, потому как КГБ отвечает ему такой же неприязнью. Может, он с кем-то на Лубянке и водит знакомство, но едва ли захочет его афишировать.

Но раз я обещал, надо что-то придумать. Вот только что?

Не знаю, как выглядела рассадка делегатов прежних партийных съездов, но на нынешнем она, по замыслу устроителей, должна символизировать демократизм и равенство. Так, нашу столичную делегацию, в которой намного больше, нежели в других, людей сановных и известных всей стране, разместили не в партере перед глазами президиума, а в левой

ложе амфитеатра. Для выступающих делегатов это, конечно, не очень удобно, далековато до трибуны, но для бессловесных вроде меня имеет свои плюсы. Например, если вдруг возникает необходимость, можно в ходе заседания покинуть зал, не рискуя получить персональное замечание от председательствующего. А еще в ложе проще общаться друг с другом, чем мы и занимаемся, когда речь очередного оратора не рождает никакого интереса, а таких, увы, немало, если не сказать жестче, – большинство.

Мой сосед – министр внутренних дел Вадим Викторович Бакатин. По всей видимости, ему непросто сочетать участие в работе съезда с текущими служебными обязанностями, от которых его никто не освобождал. Поэтому он то появляется рядом со мной, то его кресло пустует. Но когда он в зале, успеваем перекинуться словами о происходящем.

– Хочу попросить вас о помощи в одном деле.

Полушепотом рассказываю министру о больной лейкозом питерской девочке, о том, что ей надо срочно выехать на лечение в Германию, что у ее родителей нет загранпаспортов, а на их оформление может уйти несколько месяцев. Конечно, существует определенный порядок, и пока его не отменили, паспортисты обязаны его выполнять. Но ведь это особый случай, каждый день на счету!

– У вас есть координаты этой семьи? Дайте мне, постараюсь помочь.

Не знаю почему, но мне не верится, что Бакатин найдет время заняться моим вопросом. А то, что пообещал, так это еще ничего не значит. Я много общаюсь с сильными мира сего и привык к тому, что они почти никогда не говорят «нет». Пообещать, но не сделать, и даже не объяснить причину – это обычная манера общения сановников нынешней политической эпохи.

…Утреннее заседание, как и вчера, началось с бурного обсуждения ничего не значащих процедурных вопросов. Кресло рядом со мной пустует. Видимо, министру снова не до того. Но и я не собираюсь тут сидеть до «вечерней дойки» – лишь только председательствующий объявляет перерыв, спешу к себе на улицу Правды. Благо на время съезда мне время от времени выделяют персональный автомобиль – видавший виды раздолбанный редакционный «Рафик».

В редакции обычная для этого времени рабочая суета, но мое появление у многих рождает желание отвлечься от дел и расспросить, что там и как. Поэтому к себе в Рабочий отдел попадаю не сразу, а после несколько «летучих» политинформаций. У себя на столе нахожу кем-то оставленную

записку: «Павел, тебе звонили из Ленинграда, благодарили за помощь, сказали, что вопрос с паспортами решен». Вот тебе и министр! А я думал, просто отговорился. Вот ведь как можно ошибиться в человеке! Видать, сановное бытие не всегда определяет гражданское сознание.

Если бы не она, не эта записка, я бы, пожалуй, на вечернее заседание пропустил – тяжко подолгу слушать словопрения, пустые, как прошлогодний орех. Но надо поблагодарить министра за помощь и сказать, что он меня приятно удивил.

Бакатин здоровается и сразу же вновь погружается в изучение лежащих на коленях бумаг. Ни слова о том, что связывался с Ленинградом и дал указание ускорить выдачу паспортов родителям тяжело больной девочки. Мне в голову вдруг приходит мысль: «А, может, это не он? Может, какой-нибудь чиновник питерский вошел в положение людей да решил их вопрос на свой страх и риск?». На всякий случай захожу издалека:

– Вадим Викторович, вам не удалось что-то выяснить в Питере по моей просьбе?

Бакатин отвечает, не отрывая взгляд от бумаг:

– Все нормально, через пару дней получат паспорта.

– Спасибо вам огромное! Как все просто, когда есть возможность попросить министра! Неужели сотрудник ОВИРа сам не мог войти в положение?!

– А он и не должен «входить в положение». Он должен работать строго по правилам, ни в чем не отступая от них. А то, что правила эти устарели, что работают не на гражданина, а против него, что выезд из страны требует демократизации, так это наша с вами забота, а не его.

– Вы думаете, с ними, – киваю в сторону партера, занятого ликующими по сигналу посланцами среднеазиатских компартий и русской глухой провинции, – что-то удастся переменить?

Бакатин неопределенно пожимает плечами. Может, не хочет откровенничать с малознакомым человеком, да к тому же еще и журналистом, а, может, тоже руководствуется жизненным правилом: «Ты помог – забудь, тебе помогли – помни». Хорошо бы так…

В коротком перерыве между заседаниями встречаю Льва Суханова. Тот, с неизменной папочкой под мышкой, степенно прохаживается в холле Дворца съездов. Сейчас мой давний знакомец явно не «при исполнении», поскольку шефа он, по обыкновению, поджидает с иным, торжественно-напряженным выражением лица. Совсем как у солдата перед присягой. А еще не позволяет себе отвечать на приветствия лиц иной политической ориентации. Так было всегда, а после того, как Ельцин возглавил

Верховный Совет РСФСР, это стало особенно заметным. Сейчас же он открыт для всех – расслаблен, улыбчив и дружелюбен.

– А что, шеф не на съезде?

– Что ему тут делать? Говорильня!

В этом я с ним не могу не согласиться – чем ближе к концу, тем явственней становится бесплодность партийного слета. Восславляют то, чего уже давно нет. Требуют того, во что и сами уже не верят. Какая-то фантасмагория. Поминки по еще не почившей, но уже неживой партии.

– Когда он хочет заявить о выходе из КПСС? В последний день или раньше? Хотелось бы знать заранее.

– Узнаешь. Он, кстати, несколько раз спрашивал о тебе. Ты бы в перерыв съездил к нему в Белый дом. У него к тебе серьезный разговор.

Я догадываюсь, о чем может пойти речь, – о том, чтобы перейти на службу в аппарат председателя Верховного Совета РСФСР. Мне, конечно, льстит, что я не забыт, но расстаться с «Комсомолкой» пока не готов. Уж больно мне там комфортно. Хотя, если на съезде одержат верх коммунистические ортодоксы, мои творческие перспективы в советской прессе станут довольно призрачными. Вот тогда, возможно, и скажу «да».

Говорят, еще совсем недавно правительственное здание России на Краснопресненской набережной было настоящим сонным царством. По большому счету, здесь ровным счетом ничего не решалось, и чиновники предпенсионного возраста неторопливо оформляли решения, уже принятые на союзном уровне. Сейчас же в его коридорах кипение страстей. Атмосфера, схожая с вокзальной, – кто-то опаздывает, кто-то потерялся, у кого-то пропал багаж. Новоявленные обитатели ничем не похожи на аборигенов. Переполнены кипучим желанием совершить нечто великое, но что именно и как, об этом, похоже, еще не ведают.

В приемной Ельцина никого. Вход в нее от депутатских набегов оберегает многозначительно— неприступный Саша Коржаков, на днях зачисленный в штат Верховного Совета и провозгласившей себя руководителем того, чего покуда нет даже на бумаге, – Службы безопасности.

– Лев Евгеньевич передал, что шеф хочет со мной поговорить.

– Жди. Сейчас узнаю.

В Ельцине определенно произошла какая-то перемена. Причем к лучшему. Чувствуется сверхнормативный заряд жизненной энергии. Это здорово.

– Ну, что там у вас на съезде? Все такое же пустословие? Славите Горбачева? Не надоело?

Надоело. Конечно, надоело. Если бы до него мы не видели

заседаний съезда народных депутатов СССР с их кипением страстей, то, возможно, и этот партийный форум воспринимался бы несколько иначе. Но сейчас смотреть на него без тошноты нет никаких сил. А уж участвовать в его работе – и подавно. Ельцин слушает мой рассказ и, чувствую, согласен с такими оценками.

– Вы ведь в составе столичной делегации? – киваю в ответ. – И что говорят москвичи? Каков их настрой? У вас ведь там немало партаппаратчиков. Какое они производят впечатление? Они-то за кого?

– Партаппаратчиков, конечно, хватает, – мне вдруг вспоминается Бакатин и его помощь питерской семье, – но вы знаете, Борис Николаевич, среди них встречаются очень даже вменяемые люди.

– Вот как?

Рассказываю про министра, про свою просьбу и про то, как тот на нее откликнулся. Ельцин слушает и, чувствую, как в нем нарастает раздражение. Ему определенно не нравится эта история.

– Ладно, все это после у себя в «Комсомолке» опишете, чтоб уж вся страна узнала про то, как вы с Бакатиным помогли больным артистам, – Ельцин резко встает, давая понять, что ему не до пустых разговоров. – Закончится съезд, сразу приезжайте ко мне. Договоритесь о времени с Львом Евгеньевичем. Будет серьезный разговор.

Всю дорогу от Белого дома до метро «Краснопресненская» (а идти не более десяти минут) пытаюсь разобраться в происшедшем и найти ответ на вопрос: что его так задело в моем рассказе? Допускаю, что это какая-то застарелая неприязнь лично к Бакатину, хотя мне об этом ничего не известно. Но, скорее всего, тут что-то другое. Возможно, партаппаратная ревность. Если разобраться, их карьеры будто писаны под копирку. Оба начинали с руководства строительными главками. Оба прошагали по всей обкомовской лестнице и доросли до руководства крупными областными парторганизациями. Оба, благодаря новациям Горбачева, оказались в Москве на высоких партийных и правительственных постах. Они, как одноклубники, перешедшие в сборную – каждый хочет стать в ней главным форвардом и, зная все достоинства и недостатки конкурента, считает, что у того для этого нет ни сил, ни опыта.

Взять хотя бы тут же историю с паспортом…

Вспоминаю сказанное Ельциным несколько месяцев назад: «Ты сделал добро – забудь…». И ведь он действительно забыл! Сколько у нас после этого было встреч, – ни разу не вспомнил про то, как помог больным лейкемией. А тут вдруг на тебе –

взъерепенился! С чего вдруг такая реакция? С того, что «нарисовался» Бакатин со своей помощью, и ему, Ельцину, про нее рассказывают, как о проявлении бескорыстия и благородства. Как такое прикажете понимать?! Я, понимаешь, помогаю, а другие купаются в вашей благодарности, так выходит?!

Если жизненные правила мешают политическому соперничеству, они обесцениваются и теряют смысл. У политиков соперничество первично.

Прошло чуть более года, и Ельцин, уже президент Ельцин, сделал Вадиму Бакатину, руководителю госбезопасности развалившегося СССР, такое предложение, от которого тот не смог не отказаться. На том и закончилась его политическая карьера в новой России…

Глава 6
В ожидании путча

Новый 1991 год встречаю с родней, которая, несмотря на то, что уже больше года видит меня лишь ранним утром да поздней ночью (прихожу домой, только чтоб переночевать, принять душ и переодеться), продолжает относиться ко мне как к полноправному члену своей семьи. Правда, я не уверен, что смогу в полном объеме соответствовать их праздничным ожиданиям. Уж больно отвык сидеть дома. Вот уж третий день мучаюсь от того, что не знаю, чем бы себя занять.

– Сынок, тебя к телефону просит какой-то Ряшенцев.

– Не «какой-то», а президент компании «Российский дом»!

– Раз торгаш, значит, жулик, – мать с презрением относится к рыночным новациям и не верит в возрождение русского купечества. – Так и знай, я тебе в тюрьму передачи носить не буду!

Я устал от того, что с Ряшенцевым едва ли не каждый день случаются какие-то неприятности – то прокуратура возбуждает в отношении него уголовное дело, то КГБ устанавливает за ним слежку, то таможня не пропускает какие-то грузы, то в Венгрии при попытке сбыта военного имущества задерживают его сотрудников. В общем, скучать он мне не дает.

– Ну, и чем на сей раз удивишь?

– Надо встретиться.

Признаться, я на него слегка обижен. Перед самым новогодним праздником этот шутник сделал мне «подарок» – притащил к моему дому на тросе свой побитый ржой «Москвич». В ответ на мой вопрос: «И к чему мне такая рухлядь, которая сама даже с места не может сдвинуться?!», он со свойственным ему ехидством сообщил, что вся проблема в неисправности карбюратора, но вопрос о приобретении этой весьма дефицитной детали будет рассмотрен в наступающем году на первом же заседании Совета директоров возглавляемой им компании. Так что теперь, выходя на улицу, любуюсь занесенным снегом новогодним презентом «Российского дома» и ломаю голову над тем, кому бы его сплавить. А еще успокаиваю недовольных соседей, которым не нравится груда ржавого металла на полуспущенных колесах, сваленная прямо перед подъездом.

– Что ж, давай встретимся, – ловлю на себе жалобный взгляд младшей дочери, которой обещан поход в цирк и катание на санях в парке, и уточняю: – Только не сегодня, завтра.

– Дело срочное. Иначе я не стал бы тебя беспокоить.

– Хорошо. Завтра утром мне буквально на часок надо будет заскочить на работу. Так что подходи, поговорим. Пропуск я тебе закажу.

Возле Белого дома на Краснопресненской набережной непривычная тишина. Ни людей, ни машин. Только одинокая парочка милиционеров в тулупах топает большеразмерными валенками по заснеженному тротуару. Туда-сюда, туда-сюда. Бедолаги! Полусонный дежурный в вестибюле, с трудом оторвав взгляд от телевизора, с плохо скрываемым недовольством берет в руки мое удостоверение. Стоящая поодаль уборщица с ведром и шваброй вообще глядит на меня как на злейшего врага. Нетрудно догадаться, о чем сейчас думает: «И чего приперся?! Только грязь по коридорам разносит! Работничек, мать твою! Знаем мы таких работничков!».

Выхожу из лифта и замечаю Володю Ряшенцева, прохаживающегося по коридору возле моего кабинета.

– Ты, наверное, пришел поинтересоваться, как я езжу на твоем драндулете?

– А он разве уже ездит?

Ряшенцев смотрит на меня с таким удивлением, будто я сообщил, что его «Москвич» птицей полетел над Москвой. Но, видимо, все же цель раннего визита не в этом. Он хватает меня за руку, притягивает к себе и шипит в ухо: «Выйдем на улицу, пошепчемся?»

– Ты, друг мой, наверное, ко мне на своей иномарке прикатил, а потому не почувствовал, какой сегодня морозище. Ну, а я, знаешь ли, шел от метро пешочком, и мне этого удовольствия вполне хватило.

– Ничего, не замерзнешь.

И вот сидим у него в машине с включенным чуть ли не на полную громкость радио, и я жду, когда он мне объяснит, чем вызвано непреодолимое желание как можно скорее со мной о чем-то пошептаться.

– С тобой хочет встретиться помощник вице-президента.

– Не понял! Какого еще вице-президента?!

– Как это «какого»? Янаева, у нас другого нет.

– Вот как? И что же ему от меня понадобилось?

– У него очень важная информация для Бориса Николаевича.

– Что за информация, этого он тебе, конечно, не сказал?

– Сказал, – Ряшенцев наклоняется ко мне и тихо произносит, почти шепчет: – Янаев и кто-то еще из кремлевской верхушки готовят смещение Горбачева.

Сообщение ошеломляет. Кажется, кто-то оглушил меня, со

всего размаха треснув по голове чем-то тяжелым: твою мать!

– Да тише ты! Чего орешь?

– Ни фига себе, ребята замахнулись! – ко мне постепенно возвращается способность воспринимать и анализировать информацию. – Слушай, а зачем он тебе рассказал об этом?

– Я понял так: им нужен союз с Ельциным или, по крайней мере, гарантии его невмешательства. Но они не уверены, что он на такое пойдет. Поэтому ищут неформальные выходы на кого-нибудь из его ближайших помощников, чтоб заранее прощупать позицию.

Двигатель работает и печка в машине включена на полную мощность, но меня отчего-то знобит. Думаю, от нервного возбуждения. Вот уж чего не ожидал, так не ожидал – соратники Горбачева готовят его свержение! Это же с какой стороны ни взгляни, а государственный переворот со всеми вытекающими последствиями. Мой тезка, Пашка Колокольников (помните – «Живет такой парень»?), сказал бы по этому поводу: «Допрыгались?! Докатились?! Доскакались?!».

К машине подходит посеребренный морозным инеем милиционер и стучит палкой по стеклу со стороны водителя: «Уберите машину! Здесь нельзя стоять». Ряшенцев слегка приоткрывает окошко, и я протягиваю стражу порядка свое служебное удостоверение. Тот явно не из числа сторонников новой российской власти, потому как оно не производит на него умиротворяющего впечатления:

– Правила пишутся для всех, и пока они не отменены, придется и вам их соблюдать. Уберите машину!

Безропотно переезжаем на другую сторону улицы и паркуемся на стоянке возле гостиницы «Мир», ставшей последним пристанищем иностранных сотрудников агонизирующего Совета экономической взаимопомощи. Прямо скажем, не лучшее место для конфиденциальных бесед – возле входа топчутся двое рослых молодцев, одетых в дубленки казенного покроя. Они явно недовольны появлением машины с «простолюдинскими» номерами.

– Ряшенцев, ну что ты за человек такой, а? – в ответ тот строит удивленную гримасу: что такое? – Ты, дружище, не подумал: а с чего это вдруг помощник вице-президента СССР тебе, коммерсанту, к тому же руководителю компании, учрежденной российским парламентом, взял да открыл такую страшную тайну?

– Мне плевать, почему он ее открыл! А подумал я о том, что Ельцину будет важно узнать об этих планах.

– А если этот человек Янаева – обыкновенный провокатор,

что тогда? Ты-то останешься в стороне, а моя голова ляжет на плаху.

Ряшенцев выплевывает нецензурное ругательство, выскакивает из машины и принимается протирать заиндевевшие фары, давая понять, что не намерен далее продолжать разговор в таком тоне и вообще собирается ехать по своим делам, коих у него и без меня невпроворот. Но я знаю, что никуда не уедет и что сейчас последует продолжение. Так оно и выходит. Слегка поостыв на морозе, он плюхается на водительское сидение, отчего машина вздрагивает всем своим полуторатонным телом, и поворачивается ко мне:

– Вот что я тебе скажу, друг мой! Во-первых, я этого мужика знаю давно, еще по КГБ. Во-вторых, если б он был провокатором, то специально бы искал встречу, а мы пересеклись случайно, в кооперативном ресторане на Кропоткинской. И не он подошел ко мне, а я к нему.

– Классно! Ты подошел, и он сходу предложил тебе поучаствовать в государственном перевороте!

– Мы об этом вообще не говорили. Он рассказал про свою работу у Янаева, а я ему про наш «Российский дом». Ну, и про тебя пару слов. В общем, поговорили пару минут и разошлись по своим компаниям. А через день он уже сам мне позвонил и предложил встретиться.

– Слушай, а может, ты чего-то недоговариваешь?

На этот раз Ряшенцев, кажется, и впрямь обиделся не на шутку: да пошел ты! Он дергает ручку переключения передач, и машина трогается, с хрустом отрывая колеса от снежного наста.

– Знаешь, о чем я теперь буду думать? – Ряшенцев смотрит на меня так, словно я не оправдал его надежд на светлое будущее. – Куда бы мне из этой страны смыться, если вдруг коммуняки твоему Борьке-демократу под зад ногой дадут. А они дадут, при таких-то вот помощниках!

– Ладно, не пыхти, я тебе позвоню.

Задача не из легких, есть над чем поломать голову. Главное, что мне надо решить – рассказать обо всем Ельцину до того, как встречусь с человеком Янаева, или уже после этой встречи? Пожалуй, лучше все-таки после. Уж если на меня информация о готовящемся перевороте произвела сильное впечатление, представляю, как на нее отреагирует шеф. А ну как сразу ударит в набат? Кремлевские заговорщики почти наверняка с возмущением и с насмешками отвергнут все его обвинения, и тогда он потребует от меня раскрыть источник информации. А что я ему скажу? Что слух о перевороте принес мне бизнесмен Ряшенцев, а тому – какой-то чиновник из аппарата вице-

президента СССР, и что он якобы при этом выполнял тайное поручение своего шефа? Детский лепет!

Случись что, мой приятель, конечно, не откажется от своих слов, но они, по большому счету, недорого стоят. Главное в этом деле – доказательные свидетельства того, что в Кремле зреет заговор. Пусть это будут не документы, но хотя бы показания реального очевидца. А Володькин знакомец нашепчет мне в ухо всякие страсти, а после зароется в тину, откуда его и за волосы не вытащить. А вытащишь, так он от всего открестится. И останусь я на бобах. Захлебнусь в волне, которую сам и поднял. Так что лучше уж сначала повстречаться с этим человеком, выслушать, все для себя прояснить, а уж после этого идти к Ельцину. Или не идти.

…Массивная часовня в память о русских гренадерах, павших в бою под Плевной, ставшая после Октябрьского переворота бесчувственным чугунным обелиском (и это еще не самое худшее, что с ней произошло – одно время здесь вообще был общественный туалет), покрыта искрящимся морозным инеем и чем-то напоминает посеребренный колокольчик, снятый с новогодней елки. Прохаживаюсь возле нее уже больше десяти минут, и чувствую, как немеют пальцы на ногах и как студеный колючий ветер насквозь продувает куртку, привезенную Ряшенцевым откуда-то из благословенной Европы и явно не рассчитанную на здешние зимы.

Где же он болтается и где тот тип, с которым хочет меня свести?!

Еще немного – и эта встреча вообще потеряет для меня всякий смысл, ибо, обмороженный до бесчувствия, окажусь в реанимации института Склифосовского, где человеком движут не столь возвышенные помыслы.

– Здравствуйте, дорогой друг!

Оборачиваюсь и вижу перед собой радостно улыбающегося Ряшенцева. По всему видно, он не испытывает ни малейшей неловкости от того, что по его милости я промерз до самых костей. Обычная, кстати, манера этого типа. В начале нашего знакомства она казалась мне проявлением диковатой наглости новорожденного русского буржуа, но, узнав его ближе и сдружившись с ним, понял причину – Володя убежден, что любое его опоздание оправдано важностью тех дел, которыми он занимался. Не так давно я устроил ему аудиенцию у министра внешних экономических связей России. Так тот и на нее умудрился опоздать на четверть часа! А явившись, заговорил таким тоном, будто речь должна пойти не о коммерческой выгоде возглавляемого им «Российского дома», а об интересах Родины,

которая давно и с нетерпением ждала его появления в этом сановном кабинете.

– Ты почему один? Где твой чертов клиент? Я уже замерз, как собака!

– Чего ты орешь на всю улицу! – Ряшенцев открывает свой маленький рыжий портфельчик, с которым никогда не расстается (мне кажется, даже ложась в постель, кладет его под подушку) и делает вид, будто что-то в нем ищет. – Обернись. Видишь мужика в серой дубленке у входа в метро?

– Вижу. Как мне к нему обратиться? – из недр портфеля доносится глухое «никак». – Но я должен знать хотя бы его имя-отчество.

– Я тебе после все о нем расскажу.

В целях конспирации, если за нами вдруг кто-то наблюдает, Ряшенцев достает из портфеля и протягивает мне сложенный вчетверо листок бумаги. Беру, разворачиваю, – пусто. Делаю вид, что читаю, а прочитав, согласно киваю и кладу бумагу в карман. Видимость короткой деловой встречи создана. Ох уж эта мне конспирация! В детстве в разведчиков не доиграли!

– Жду тебя в машине возле входа в Политехнический музей. – Ряшенцев пожимает мне руку, будто прощается. – Ну, давай, с богом!

Вопреки всем правилам конфиденциальности, мы с янаевским помощником единственные, кто в этот донельзя морозный день прогуливается по бульвару. Наверное, ему в дубленке не так холодно, да и ботинки у него, судя по всему, на меху, а меня с моей центральноевропейской экипировкой просто трясет от холода, и даже слова вылетают из дрожащего рта какие-то обкусанные.

– Если я правильно понял, вы хотите сообщить какую-то важную информацию?

– Да, и к тому же сугубо приватную, – он берет меня под руку, и мы медленно движемся в сторону Китай-города. – С Горбачевым стало невозможно работать. Своей нерешительностью он толкает страну в пропасть. Мы считаем, ситуацию надо спасать, причем незамедлительно.

…Все, о чем несколько дней назад рассказал мне Ряшенцев, подтвердилось – в окружении президента СССР зреет план его отстранения от власти. Хотя не исключен и другой разворот темы – зная характер Ельцина, ему, как наживку на крючке, подбрасывают мысль о том, что не он один желал бы поскорее избавиться от Горбачева. Как бы то ни было, теперь моя задача – рассказать обо всем шефу. Только для этого надо постараться попасть к нему до обеда, потому как позже у этого предприятия

уже не будет гарантии на успех. В последнее время они с Коржаковым частенько и вопреки расписанному на день плану экспромтом куда-нибудь уезжают, и аудиенции приходится ждать до завтра, а то и до послезавтра. Иногда дело терпит, но сегодня, думаю, не тот случай.

К счастью, в приемной только один посетитель – депутат-коммунист Александр Руцкой. Но, к несчастью, у него в руках толстая папка с бумагами, и если Ельцин начнет их читать да подписывать, то я к нему сегодня точно не попаду. Значит, надо как-то прорываться первым, а для этого требуется вступить в тайный сговор с Валей Мамакиным, который сегодня за секретаря.

– Дружище, мне просто позарез надо переговорить с шефом!

– Сделаем.

– А кто у него сейчас?

– Попцов, российское телевидение.

Сажусь на диван рядом с Руцким. Он всего на год старше меня, но, видимо, полковничьи погоны, участие в боевых действиях и афганский плен создают у него иллюзию старшинства и убежденность, что ко мне можно и должно относиться с отеческим высокомерием.

– Пашка, ты уже слышал про мой вчерашний демарш? – чувствуется, что ему очень хочется поговорить о нем, и мой ответ не имеет никакого значения. – Создаю депутатскую фракцию «Коммунисты за демократию»! Как тебе такая идейка?

– И много у нас отыщется таких право-левых?

– Много – не много, а какую-то часть я от своего землячка Ваньки Полозкова уведу к Борису Николаевичу!

Иван Кузьмич Полозков, лидер коммунистов-ортодоксов в российском парламенте, родом из Курска, где живут (или прежде жили, точно не знаю) родители Руцкого. Он был главным соперником Ельцина на выборах председателя Верховного Совета, но, проиграв, стал оппонировать ему по всем вопросам, иной раз даже небезуспешно.

– Ты не знаешь, малой, Попцов у него надолго засел?! – Руцкой с раздражением смотрит на дверь, ведущую в кабинет Ельцина. – Сколько можно морочить человеку голову всякой там хренью про телевизор?!

Олег Максимович Попцов – человек с гипертрофированным самомнением, но весьма невысокого роста. Чтоб казаться хоть чуточку выше, носит туфли на толстой подошве и с высоченными каблуками. Бывший военный летчик Руцкой тоже, надо сказать, далеко не атлант, но почему-то габариты главного российского телевизионщика рождают у него желание съязвить. Наверное, на

самом деле рост тут не имеет особого значения и все дело в попцовской манере общения, что называется, через губу.

– И что, давно ждете?

– Да уж почти час, как сижу. Уже прирос к этому чертовому дивану!

Что ж, ничего не поделаешь, и я буду ждать. На часах 10:15…

Вот и 10.30…

Уже 10:45! Сколько можно-то?!

Встречаюсь глазами с Валей Мамакиным. Тот тяжело вздыхает и разводит руками: мол, что я-то могу поделать? И вдруг случается то, чего все мы ждем с таким нетерпением, – дверь, ведущая в кабинет, открывается и из нее появляется многозначительный Олег Попцов. Увидев нас с Руцким, вскочивших с дивана, он не снисходит до слов приветствия и рукопожатий, а лишь одаривает нас величественным молчаливым кивком.

Дверь за Попцовым закрывается, и Руцкой дает волю чувствам:

– Пашка, сынок, ты знаешь, почему все маленькие такие злые? – и, не дождавшись моей реакции на вопрос, выносит суровый вердикт: – У них сердце близко к жопе!

Церемония высочайшей аудиенции не предусматривает строгой очередности. Руцкой этого еще не знает, а потому, решив, что раз он пришел первым, то первым и зайдет, чуть ли не строевым шагом направляется к кабинету Ельцина. Мамакин задерживает его у самой двери:

– Извините, Александр Владимирович, я должен доложить.

Догадываюсь, с каким решением тот вернется, и жду очередной хлесткий казарменный афоризм, которым мне в спину пальнет возмущенный нарушением субординации полковник Руцкой.

…Мы с Ельциным доживаем период неформальных товарищеских отношений. Он уже чувствует себя моим барином и иной раз позволяет себе общаться со мной откровенно по-барски. Правда, не всегда. Видно, еще не все былое стерлось в его памяти. Не забылось, как я устроил публикацию его интервью в «Комсомольской правде», когда к нему и на пушечный выстрел не подпускали ни советских, ни иностранных журналистов. Не забылась наша поездка в Америку, после которой одного моего слова хватило бы для завершения его политической карьеры. Не забылся конфуз на пресс-конференцией в Японии по проблеме «северных территорий» и огромный синяк на лбу после нее. Не забылось, как был придуман и срежиссирован его эффектный выход из КПСС на XXVIII съезде партии. Но главное, не забылось

то, кем я был до зачисления к нему в штат. А был я свободным и независимым, никому и ничем не обязанным человеком, который не напрашивался в подсобные рабочие, а откликался на просьбу подсобить. А просьбы порой бывали деликатного, щекотливого свойства.

Ельцин нехотя отрывает взгляд от лежащих перед ним бумаг. В нем чувствуются усталость и раздражение: только тебя мне и не хватало! Понимаю, что сейчас не тот случай, когда надо рассказывать обстоятельно, начиная с предыстории и заканчивая финальной развязкой, а потому сходу даю «залп из главного орудия»:

– Борис Николаевич, получена информация, что Янаев готовит свержение Горбачева.

Похоже, мой доклад не произвел на Ельцина ошеломляющего впечатления. На лице ни малейшей обеспокоенности, будто я рассказал ему не о готовящемся государственном перевороте, а о том, что мой сосед по лестничной клетке не желает убирать кучи дерьма, которые регулярно оставляет возле моей двери его наглая, не приученная к порядку кошка.

– Борис Николаевич, что будем делать?

– Ничего не будем делать.

Ельцин произносит это, не отрывая взгляд от окна, и я понимаю, что разговор исчерпан, а, значит, могу быть свободен. Чтоб как-то скрыть свое разочарование – это что же выходит, зазря я мерз на чертовом бульваре?! – завожу разговор о предстоящей пресс-конференции, но эта тема интересует его еще меньше. Уже у двери слышу за спиной слова: «Вы вот о чем подумайте…» Оборачиваюсь и вижу, что Ельцин сидит все в той же позе и все так же смотрит в окно.

– Семья, вот мое самое уязвимое место! Нужно придумать, где в случае чего я мог бы их спрятать, и чтоб об этом никто ничего не знал.

Мне кажется, что сейчас нужно сделать еще один заход, и я спрашиваю:

– Может, все же стоит как-то заранее упредить?

Ельцин отрывает взгляд от окна и смотрит на меня с нескрываемым недовольством:

– Вы мне рассказали, я вас услышал. Что-то еще не ясно? Подумайте лучше о том, что я сейчас сказал.

Работать сегодня больше не хочется. Звоню Ряшенцеву, предлагаю вместе где-нибудь отобедать. И выпить. Почему-то очень хочется чего-нибудь выпить. Может, потому что замерз утром, как цуцик, и до сих пор не могу согреться? Или потому что настроение после разговора с шефом совсем дрянное. В общем,

надо выпить.

Мой друг знает много заведений с хорошей кухней, но в последнее время предпочитает устраивать посиделки у себя в офисе в Хамовниках. Для меня это не лучший вариант, потому как там мы едва ли сможем остаться один на один, но ничего не поделаешь, хозяин – барин. Хорошо хоть уединились у него в кабинете, никто не мешает.

– Ты доложил Ельцину? – в ответ только киваю головой, тем более что рот занят пережевыванием буженины. – И что он сказал?

– Ничего.

– Как это ничего?! Разве то, что рассказал тебе тот мужик от Янаева…

– Он рассказал, я услышал. Что-то еще не ясно?

Ближе к вечеру мороз спал, небо затянули серые тучи, и стоящая в двух шагах Никольская церковь стала дрожащей тенью на белом полотне снегопада. Возле церковных ворот только безногий побирушка в коляске, которого сыновья каждый день привозят сюда на работу на стареньком, но вполне приличного вида Мерседесе. Похоже, многое, если не все, в нашей жизни основано на обмане. И даже не на обмане – на полуправде.

До переломного августа оставалось чуть более полугода…

Глава 7
Не хухры-мухры (откровение в двух частях)

Часть первая

На календаре 11 января 1991 года. Настроение хуже некуда. Маюсь в ожидании шефа. Это уже привычное для меня состояние. В Белом доме все не по мне. И в первую очередь, не по мне я сам. Ведь как было в «Комсомолке»? Вольница! Говоришь то, что хочешь сказать. Смеешься над тем, что кажется смешным. Общаешься с теми, кто тебе приятен и интересен. А здесь? Искусственная среда обитания, унылая и бесчувственная. Ни простоты, ни естественности отношений. Все подчинено неписаным этикетным правилам и нормам аппаратных взаимоотношений, стержень которых – субординация. Только она, эта самая субординация, зачастую смахивает на подобострастие. Неважно, какой пост ты занимаешь, большой или маленький. Важнее важного отношение к тебе первого лица, Хозяина! Если ты у него в фаворе, можешь явиться на работу хоть в домашних тапочках и не реагировать ни на чьи приветствия.

Вчера Борис Николаевич сказал, что примет в 9:30, а вот уже час дня, а его все еще нет на месте. Сижу напротив окна и бесцельно любуюсь тем, как снежные вихри кружат над Москва-рекой, а притомившись, ныряют в огромную полынью у противоположного берега. Неужели так и не появится? На всякий случай звоню в приемную, вдруг его сегодня и впрямь уже не будет. Там тоже в полном неведении относительно наших перспектив: сейчас шеф у Горбачева в Ново-Огарево, а что будет дальше, неизвестно.

– Так он что, у него с самого утра гостит?

– С десяти. Опять обсуждают Союзный договор. А еще какое-то ЧП случилось в Литве.

– Что за ЧП?

– Черт его знает! То ли наши в лабусов пальнули, то ли лабусы в наших.

Ни на ленте ТАСС, ни у Интерфакса об этом ничего не нахожу. Все то же самое, что и во все последние недели, причем по всей Прибалтике, – новые лидеры, пришедшие к власти в результате альтернативных выборов, заявляют о нежелании

подчиняться Москве и призывают сдержанно-молчаливый Запад поддержать их стремление к независимости. А еще подначивают население к проведению шумных протестных акций. И, надо признать, небезуспешно – манифестации становятся все многолюднее, а их участники все агрессивнее. К тому же масла в огонь вчера щедро подлил Горбачев, пригрозивший литовцам введением прямого президентского правления.

Но кто же в кого стрелял? Догадаться трудно, потому что нынешняя Литва – территория двойного противостояния, военного и гражданского. С одной стороны, дислоцированным здесь армейским частям (два дня назад их усилили несколькими тысячами псковских десантников) и подчиненному Москве милицейскому ОМОНу противостоят недавно созданные республиканские подразделения правопорядка, которые, если судить по информации кремлевских спецслужб, ведут себя вызывающе и провокационно. С другой стороны, само общество расколото на сторонников и противников Союза. И те, и другие уже создали свои боевые отряды: первые – Комитет национального спасения, вторые – движение «Саюдис» и Народный фронт. Но до сих пор противоборствующие стороны до крайностей не доходили и ограничивались взаимной бранью.

Что же случилось на сей раз?

Мои размышления прерывает звонок из приемной: шефа сегодня не будет, сразу после Горбачева поехал на спорт. Что такое «на спорт», известно каждому из нас. Это значит, что, вероятнее всего, раньше завтрашнего полудня его можно не ждать. Так что могу поступать сообразно своим желаниям. А желание у меня одно – подговорить Ряшенцева и вместе с ним где-нибудь отужинать. Но надо блюсти дисциплину, а потому звоню Илюшину: я вам сегодня для чего-нибудь нужен? Виктор Васильевич, несмотря на многолетний чиновничий стаж, не утратил иронично-философского взгляда на аппаратные взаимоотношения:

– Павел Игоревич, можешь жить, как мышь.

– Какая мышь?

– Та, что пускается в пляс, когда кот уходит из дома.

«Пускаюсь в пляс» в офисе «Российского дома» на Льва Толстого. Кроме нас с Ряшенцевым, за столом еще двое – Петр Шпякин, вице-президент «Российского дома», весьма неглупый молодой человек с манерами побитого жизнью старца, и еще какой-то господин, которого вижу впервые. По многим признакам (телосложению, прическе, одежде, отсутствию в поведении и в речи ярко выраженных эмоций) это определенно человек из каких-нибудь хитрых органов. Через десять минут застолья моя

догадка подтверждается – Ряшенцев наклоняется и шепчет мне в ухо:

– Николай. Мой давний друг. С Лубянки. Хочу, чтоб ты с ним подружился.

Что ж, «человек с Лубянки» может и должен знать, что за стрельба была сегодня в Вильнюсе. Спрашиваю об этом в коротком промежутке между двумя тостами.

– Ерунда. Пара случайных выстрелов. А хотите послушать сегодняшний разговор Горбачева с Бушем о Литве?

– Как?! Когда они говорили?!

– Если интересует такая точность… – Николай достает из кармана записную книжку и перелистывает несколько страничек. – Та-ак, 14:49, время московское.

– Но как же так?! В это время у Горбачева был мой шеф! Он приехал к нему утром, около десяти, и пробыл чуть ли не до вечера.

– Ваш шеф был у Горбачева минут сорок, а после уехал. Полагаю, что не к вам в Белый дом.

– А Горбачев с Бушем что обсуждали? Ситуацию в Литве?

Николай включает диктофон.

…Выслушав донесение находящегося в Вильнюсе заместителя министра обороны генерал-полковника Варенникова и узнав от него, что сегодня поздно вечером псковские десантники займут здание Департамента охраны края Литвы и Дом печати, Горбачев распорядился, чтоб его как можно скорее соединили с президентом США. В 14:49 Буш был на проводе. Начало разговора – обычные приветствия и ничего не значащие вопросы про настроение и самочувствие. А далее…

***Буш**: Мне интересно знать, как у вас дела, что происходит?*

***Горбачев**: Кроме тех рыночных процессов, которые мы привели в движение, пришлось пойти на экстраординарные меры для сохранения хозяйственных связей. Так что процессы противоречивые. Завтра я буду вести заседание Совета Федерации, представлю кандидатуры нового премьер-министра и его заместителей. Мы также обсудим вопрос о продолжении работы над Союзным договором… Да, есть у нас серьезные проблемы в Прибалтике, особенно в Литве, а также в Грузии и Нагорном Карабахе. Я стремлюсь сделать все, чтобы избежать крутых поворотов, но это нелегко.*

***Буш**: Меня беспокоят и даже мучают ваши внутренние проблемы. Как человек посторонний, могу лишь сказать, что если вы сможете избежать применения силы, то это будет хорошо для ваших отношений с нами, да и не только с нами.*

***Горбачев**: Именно к этому мы стремимся. И вмешаемся только в том случае, если прольется кровь или возникнут такие беспорядки, которые поставят под угрозу не только нашу Конституцию, но и жизни людей. Сейчас и на меня, и на Верховный Совет оказывается колоссальное давление в пользу введения в Литве президентского правления. Я пока держусь, но, откровенно говоря, Верховный Совет Литвы и Ландсбергис, похоже, неспособны на какое-то конструктивное встречное движение. Ситуация и сегодня развивается неблагоприятно. В Литве забастовки, нарастают экономические трудности. Я постараюсь исчерпать все возможности политического решения. Лишь в случае очень серьезной угрозы пойду на какие-то крутые шаги.*

***Буш**: Я ценю ваши разъяснения…*

Кажется, спланированное Ряшенцевым «случайное» знакомство приобретает характер доверительности – «человек с Лубянки» уже обращается ко мне по имени и на «ты». И это дает право расспросить о завтрашнем дне:

– Как думаешь, завтра на Совете Федерации будут говорить только о Литве?

– И о Союзном договоре тоже. Но первый вопрос – конечно же, Литва.

Николай берет со стола рюмку. Кажется, сейчас последует тост. Но нет. Слегка пригубив, чекист хитро подмигивает:

– А не желаешь увидеть и услышать, как все будет происходить?

– Ты что же, можешь провести меня в зал заседания?

– В сам зал, конечно, не могу, но в соседнюю комнату – такое вполне возможно.

– Николай, а ты, оказывается, всемогущий. Позволь мне за тебя выпить? Стоя и до дна!

…Наблюдаю заседание Совета Федерации по монитору. Замечаю, что в зале присутствуют все первые руководители союзных республик, и только Литва представлена постоянным представителем своего правительства при Совете Министров СССР, союзным депутатом Бичкаускасом. Определенно это не его уровень, а потому такое может рассматриваться не иначе как политический демарш Вильнюса. Горбачева еще нет. Собравшиеся в ожидании. Вижу, как Ельцин берет со стола карточку со своей фамилией и демонстративно переставляет на другое место, подальше от председательского кресла. Узбекский президент Ислам Каримов держится особняком и с таким видом, будто попал сюда по недоразумению. Президент Назарбаев уже сидит за столом и просматривает какие-то бумаги в раскрытой перед ним

папке. Латвийский и эстонский лидеры, Горбунов и Сависаар, о чем-то беседуют между собой, не обращая внимания на окружающих. Министр обороны маршал Язов прохаживается по залу, как мне кажется, старательно обходя стороной Ельцина.

Горбачев появляется с десятиминутным опозданием, занимает председательское место и произносит свое знаменитое: «Можем на́чать?» с ударением на первой гласной второго слова.

– Пожалуйста, Борис Карлович.

Докладчик, министр внутренних дел Пуго, заметно нервничает. Практически все, что он говорит, уже никакая не новость и было не раз озвучено другими руководителями СССР. О том, что Верховный Совет Литвы, в одностороннем порядке провозгласивший независимость, грубо нарушил Конституцию СССР. Что руководство республики заняло неконструктивную позицию по вопросу переговоров с союзным Центром, настаивая, чтобы они считались межгосударственными. Что решение в три раза повысить цены на продовольственные товары, которое принял Вильнюс, носит провокационный характер и дестабилизирует и без того нестабильную обстановку. Единственная новизна – сообщение, что с сегодняшнего дня координацию действий всех силовых структур в Литве будет осуществлять генерал-полковник Ачалов, недавно назначенный заместителем министра обороны, а еще месяц назад командовавший воздушно-десантными войсками. Похоже, это сообщение производит на присутствующих не лучшее впечатление, особенно после слов: «Владислав Алексеевич являлся координатором операции по наведению конституционного порядка в Баку, поэтому у нас есть все основания считать, что он справится с поставленной перед ним задачей».

Пуго заканчивает доклад и вопросительно смотрит на Горбачева. Тому по процедуре следует поинтересоваться: «Какие есть вопросы к докладчику?» и дать возможность выяснить то, что осталось неясным. Но президент СССР отчего-то меняет общепринятый порядок обсуждения:

– Садитесь, Борис Карлович, – обводит взглядом присутствующих и произносит: – Ситуация, товарищи, крайне опасная. Крайне! Я предлагаю послать в Вильнюс…

– Разрешите? – Ельцин встает и, не дождавшись реакции председательствующего, обращается к Совету Федерации: – Информация Пуго крайне односторонняя. В ней нет точки зрения Литвы. Российские депутаты сообщают из Вильнюса совсем другое: союзные органы демонстрируют там силу, и это недопустимо! Послание президента СССР Верховному Совету

Литвы составлено не в тех выражениях, которые требовались! Это не ультиматум, но и не призыв к соглашению.

Ельцин произносит фразы так, словно перечисляет пункты обвинительного приговора. Горбачеву определенно не нравится его тон, и он пробует прервать выступление: «Остался один шаг до кровопролития…», но это лишь усиливает обвинительный накал:

– В затяжке переговоров с Литвой виноват Центр, и в том числе президент Горбачев! Надо находить пути к сближению, а не к конфронтации. Если будут введены войска, это приведет к непоправимой беде для всей страны.

При упоминании ввода войск узбекский президент впервые проявляет интерес к происходящему:

– Я тоже против применения силы. Если события в Прибалтике перенести в наш регион, могу сказать: будут огромные жертвы! Это показатель различий. В Прибалтике есть определенная культура, политическое сознание…

Мысль Каримова подхватывает молдавский президент Мирча Снегур:

– Молдову тоже нельзя назвать спокойной. И у нас применять силу – это, знаете, ой-ой-ой! Ни в коем случае! Даже для обеспечения призыва в армию!

При упоминании темы армейского призыва оживляются все руководители союзных республик. Даже спикер украинского парламента Леонид Кравчук, который до сего момента сидел, как говорят школьные учителя, демонстрируя отсутствие всякого присутствия. Но такая перемена акцентов в обсуждении, похоже, не нравится премьер-министру Эстонии Сависаару, и он пытается вернуть разговор к проблеме возможного ввода войск в Прибалтику:

– Мы нашли с Язовым компромисс по вопросу призыва в армию, – маршал согласно кивает головой, – но я спросил его: нам тоже следует ждать десантников? – при этих словах Язов настораживается. – И он мне сказал: категорически нет! А сегодня я узнаю, Дмитрий Тимофеевич, что такие части уже высажены. Поэтому предлагаю немедленно принять решение о прекращении использования силы против нашей республики.

Министр обороны багровеет от негодования:

– Никакие десантники в Эстонию не направлялись, и не будут направляться! Силу не надо применять, надо применять закон, – Язов с неприязнью смотрит на сидящих напротив него прибалтов. – У нас в Вооруженных силах 500 тысяч недокомплекта! А вы у себя в республиках создаете какие-то свои военно-политические академии! Это как прикажете понимать?!

До сих пор молчавший литовский представитель вступает в разговор и обращается к Пуго:

– У вас, как у министра внутренних дел, неверная информация о ситуации в Вильнюсе, и в Литве в целом. Вы говорите, что поводом ввода войск послужило исключительно повышение цен и вызванные этим волнения…

На эти слова Пуго реагирует возгласом: «Я такого не утверждал!», но Бичкаускас не обращает на него внимания и продолжает гнуть свое:

– Акция по вводу советских войск была спланирована вами заранее. Для нагнетания обстановки были организованы митинги коммунистов, а потом это использовали как повод. Мы делаем все возможное, чтобы успокоить ситуацию. Каждые полчаса литовское радио призывает население не оказывать сопротивление армии. Но уже есть раненые…

Ельцин жестом останавливает Бичкаускаса и вновь вступает в разговор:

– Во многом виноват Союз и лично президент Союза! Нужно перестать вмешиваться и навязывать! Мы готовим по этому поводу решение Президиума Верховного Совета РСФСР…

Горбачев уже не может сдержать гнев:

– То, что сейчас сказал Борис Николаевич, и если это будет в решении его Президиума – это ложный шаг! Вспомните, как в канун Третьего съезда народных депутатов, который должен был внести серьезные изменения в наш Основной закон, вы, Борис Николаевич, заявили, что Россия не станет соблюдать Конституцию СССР? Думали подтолкнуть, поторопить депутатов, – а к чему все пришло? Ввергли страну в суверенитеты и, как результат, в пучину конфликтов!

– Конфликты породил союзный Центр…

– Давайте не будем, Борис Николаевич! Вы не должны выступать с такими конфронтационными заявлениями. Я ценю то, что мы вместе проводим позитивную работу, но…

Горбачев делает жест рукой в сторону сидящих за столом, как бы приглашая их встать на его сторону. Замечаю, что в этот момент никто из присутствующих не смотрит на оппонентов. Взгляды устремлены куда угодно – в бумаги на столе, в потолок, в окно, – только не на них.

– Вот вы, Борис Николаевич, на днях встречались с американцем Бронфманом. И что вы ему сказали? Не помните? А мне доложили! Что президент СССР не пользуется популярностью, поэтому надо иметь дело только с Россией, и только с Ельциным! Зачем это?! Хотите, чтоб уж весь мир понял, что Советский Союз разваливается из-за внутренних

противоречий?! Давайте не будем! Или мы все вместе реформируем Союз, или в стране еще больше накалится обстановка, усилится напряжение.

Все ждут от Ельцина какой-то ответной реакции, но тот молчит. Сидит, не шелохнувшись, словно каменное изваяние, и упорно молчит. А Горбачев развивает контрнаступление:

– Позавчера я предложил Верховному Совету Литвы незамедлительно восстановить в полном объеме действие Конституции СССР. Ни вчера, ни сегодня мы не применяли там силу. О чем вы говорите?! Приезжала ко мне Прунскене, просила ускорить начало переговоров по Союзному договору, – президент СССР окидывает присутствующих взором рыбака, еще не поймавшего рыбу, но уже почувствовавшего клев. – Пошли процессы, пошли! Надо снимать противостояние, а вы, Борис Николаевич, подогреваете страсти!

Ельцин криво усмехается, но так и не произносит ни слова. И это дает возможность Горбачеву подвести итог обсуждению:

– Думать, что можно поднять всю Прибалтику против Союза – это ошибка! Причины, конечно, не сводятся к ценам. Речь идет о самочувствии людей – и коренного населения, и русских, и поляков. Никто там не должен чувствовать себя изгоем! Поэтому все нужно вести на конституционной основе, – президент делает паузу и заканчивает мысль тем, чего от него, похоже, присутствующие не ожидали: – Борис Николаевич взял конфронтационный тон, а я – за разумное решение!

…Долго не могу уснуть. Лежу и перебираю в памяти эпизоды сегодняшнего заседания. Отчего-то шеф на этот раз не показался мне убедительным. Обвинял Горбачева в том, что тот разговаривает с литовскими вождями языком ультиматумов, но и словом не обмолвился, что литовцы делают то же самое. Хотя, надо признать, и союзный президент выглядел не лучшим образом – одними лозунгами да призывами к согласию проблему не решить, это очевидно. Да и решаема ли она вообще?

Я хорошо знаком почти со всеми нынешними руководителями прибалтийских республик, поскольку большинство из них прошли через Съезд народных депутатов СССР, где активно трудился в качестве парламентского обозревателя «Комсомольской правды». Мы нередко общались в кремлевских кулуарах, а иной раз и в гостинице, под рюмочку да соленый огурчик. Поэтому хорошо знаю их настрой – они спят и видят себя вне Союза. По сути дела, сегодняшний спор – это отнюдь не проявление взаимной неприязни двух лидеров. Это принципиально разные подходы к проблеме. Подход Ельцина – «Если не хотят жить вместе, пускай уходят», подход Горбачева –

«Сделаем все, чтобы захотели остаться». Один ведет к сознательному разрушению Союза, другой – к неосознанному. Третьего не дано. Ситуация безысходная.

…Наверное, я бы еще поспал часок-другой, всего-то половина шестого, если б не этот чертов телефон. И кому я понадобился в эдакую рань?! Оказывается, Виктору Югину, теперь уже не главному редактору питерской газеты «Смена», а члену Верховного Совета РСФСР, возглавляющему парламентский Комитет по печати и информации.

– Что случилось? Ты откуда звонишь?

– Я в Вильнюсе. Здесь повторяется бакинская история – ночью армия штурмом взяла телецентр и готовится к захвату здания Верховного Совета. С литовской стороны много жертв.

Час от часу не легче! Похоже, оправдались худшие ожидания Горбачева – тот самый шаг, что оставался до кровопролития, сделан. Надо срочно собираться и ехать на работу. Возможно, у Ельцина, в связи с происшедшим в Вильнюсе, будут ко мне какие-то поручения.

От Илюшина узнаю, что шефа пока нет, но вот-вот будет.

– Если у вас к нему срочный вопрос, постарайтесь попасть сразу. После обеда улетает в Таллинн.

– В Таллинн? А зачем?

– Подписывать договор между Россией и тремя прибалтийскими республиками о взаимном признании государственного суверенитета.

Вот это новость! На вчерашнем заседании Ельцин об этом ни словом не обмолвился. И прибалты промолчали. Интересно, Горбачев уже знает? Его это напрямую касается. Взаимное признание суверенитетов – оно, почитай, равнозначно признанию государственной независимости, что означает уничтожение Советского Союза со всеми его политическими конструкциями, начиная с института верховной власти.

По понятной причине главный спичрайтер Ельцина Геннадий Харин знает все, что так или иначе касается публичных выступлений и заявлений нашего шефа в прессе. А что такое, к примеру, написанная, но еще не произнесенная речь? Лучший информатор. Ничего не надо выспрашивать и выпытывать. Прочитал – и никакого секрета, где и что в ближайшее время произойдет. Потому и направляюсь к Харину в его каморку, отчего-то расположенную уже за пределами ельцинской VIP-зоны.

– Ты не мог бы показать, с чем шеф едет в Таллинн?

Харин кладет передо мной тоненькую папку. В ней несколько отпечатанных на машинке документов, я бы сказал, шокирующего свойства. Например, совместное обращение к генсеку ООН с

предложением незамедлительно созвать международную конференцию по урегулированию проблемы Балтийских государств. А еще два обращения Ельцина. Одно – к проживающему в прибалтийских республиках русскоязычному населению, с призывом к благоразумию. Другое – к советским офицерам и солдатам, проходящим службу в Прибалтике, с призывом не участвовать в антинародных акциях. Но главный документ – заявление руководителей четырех республик (Латвии, Литвы, России и Эстонии – Харин сказал, что это Ельцин предложил алфавитный порядок перечисления, дабы исключить «имперский» подход), в котором, среди прочего, присутствует прямая угроза СССР: «Стороны выражают готовность оказать конкретную поддержку и помощь друг другу в случае возникновения угрозы их суверенитету».

– Ё***ся можно! Ну, Ельцин отлупит Горбачева – это я еще как-то могу представить. Но как, в случае возникновения угрозы прибалтийской независимости, будет выглядеть война России с Советским Союзом – такое за гранью моего понимания!

Геннадий смотрит на меня с укоризной. Как на нерадивого ученика, назвавшего пушкинское «Бородино» стишком.

– Где ты тут разглядел угрозу объявить войну?! Эти слова надо понимать как инструмент политического давления: если Горбачев не желает по-хорошему договариваться с Прибалтикой о ее государственном суверенитете, то тогда должен иметь в виду – Ельцин его уже признал и будет всеми силами защищать!

Харин – человек умный, и он мне нравится, а потому совсем не хочется обострять с ним отношения. Тем более по вопросу, который от него никак не зависит, – как шеф поставил задачу, так спичрайтер и сформулировал. Но не могу не задать вопрос: ты понимаешь, к чему это приведет? Геннадий уже не раз намекал мне, что у стен его кабинета, по всей видимости, есть уши, и это уже отнюдь не «уши Крючкова». Поэтому иной раз ведем с ним дискуссии в коридоре. Но сейчас ему некогда разгуливать со мной по Белому дому.

– Да все нормально! Знаешь, что мне шеф сегодня сказал? В Прибалтике мы покажем Горбачеву, что Россия и Ельцин – это ему не хухры-мухры!

– О-бал-деть!

…На дворе август 1996 года. Мы, некоторые из отцов-основателей «Новой газеты», сидим в летнем кафе парка «Березовая роща», что возле улицы Куусинена в Москве, и отмечаем 45-летие нашего друга и коллеги Акрама Муртазаева, самого афористичного журналиста на всем постсоветском пространстве.

Хозяин заведения, земляк юбиляра, радует гостей великолепной узбекской кухней. Старается изо всех сил. Ему не каждый день доводится обслуживать столь известных миру персон – за столом экс-президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев с супругой.

Мы уже выпили по несколько рюмок, и, видимо, оттого застолье приобрело характер редакционного капустника – каждый рассказывает какую-нибудь шутейную историю про наше газетное житье-бытье. Горбачев слушает сдержанно, но с интересом. Зато Раиса Максимовна смеется от души. Ей определенно нравятся такие байки. Очевидно, они напоминают ей пору студенчества.

– А про Павла тоже можете что-нибудь рассказать?

– Раиса Максимовна! – Муратов прижимает ладонь ко лбу, как бы давая понять: как же я про такое забыл! – Сейчас расскажу вам про Вощаныча очень смешную историю!

И вспоминает, как они с Андреем Крайним в январе 91-го в охваченном волнениями Вильнюсе добровольно обеспечивали мою безопасность, ночью поочередно дежуря в коридоре возле двери гостиничного номера. Все было не совсем так, как сейчас преподносится, но я не перебиваю, потому что в такой интерпретации история выглядит намного забавнее.

– Михаил Сергеевич, а вы помните одно из последний заседаний Совета Федерации, на котором Пуго делал сообщение по ситуации в Литве? Перед самым штурмом телебашни?

Горбачев смотрит на меня с удивлением: что это ты вдруг об этом заговорил? Вроде как не ко времени и не к месту. Но сидящая рядом со мной Раиса Максимовна не согласна:

– Почему же не к месту? Тут, Михаил Сергеевич, чужих нет, все свои. Я, например, хорошо помню, каким ты расстроенным вернулся с того заседания.

По взгляду Горбачева чувствую, что ему не очень хочется вспоминать. То ли вообще, то ли именно сейчас. Но супруге отказать не может. И не потому что он, как говаривали злые языки, у нее «под каблуком», а потому что это не кто-нибудь, а Раиса Максимовна.

– А что именно ты, Паша, хочешь узнать про то заседание?

– Вы после него не разговаривали с Ельциным?

– Когда прощались, я ему сказал: Борис Николаевич, зайди сейчас ко мне, надо поговорить. Он кивнул, но так и не зашел, уехал. А когда я ему позвонил утром…

– Тогда вы уже знали, зачем он едет в Таллинн?

– Нет, я об этом узнал только в конце дня, и не от него, – Горбачев морщится, будто от зубной боли. – В то утро у меня еще не было полной информации о стрельбе в Вильнюсе. Крючков сообщает одно, Ландсбергис – другое. А вот Ельцин уже все для

себя решил – и кто виноват, и кого надо покарать.

– Он вас обвинял в том, что это вы отдали приказ штурмовать телебашню?

– Да нет же! Он и так знал, что я такого приказа не отдавал. Он был на проводе, когда я по другому телефону звонил Крючкову, и слышал наш с ним разговор.

– А зачем вы вообще в то утро позвонили Ельцину?

– Хотел предложить прямо сейчас, немедленно, вместе вылететь в Вильнюс и на месте во всем разобраться.

– Он отказался?

– Он уклонился. Стал требовать, чтобы я немедленно распустил КГБ и уволил Крючкова.

Муратов смотрит на меня с укором: мы же не для того собрались, чтобы вспоминать события пятилетней давности! Но я бы и рад закрыть тему, но Горбачева уже не остановить:

– Знаешь, Паша, это он за моей спиной был такой храбрый, когда рассказывал другим людям про наши встречи. На самом деле, пока я был президентом страны, которую он еще не успел разрушить, я видел другого Ельцина. Не поверишь, он смущался, даже заискивал! А первый раз он заговорил со мной с превосходством…

– Знаю, после Фороса.

– Нет! После Фороса, это было обыкновенное хамство. А вот с превосходством, это когда я сообщил ему, что ухожу.

Я не знал, никогда не видел робеющего перед кем-то Ельцина. Не единожды наблюдал его в обществе сильных мира сего, и он всегда держался на равных, а иногда даже запанибрата, на грани приличий. Так что, вполне возможно, слова Михаила Сергеевича рождены обидой и личной неприязнью.

А может, и нет?

Мне доводилось быть свидетелем того, как первые секретари обкомов КПСС, эдакие всесильные удельные князья-самодуры, перед сановными посланцами Кремля в одночасье становились заискивающими служками. Глядя на их удивительное преображение, можно было только диву даваться, как легко сгибаются «несгибаемые» спины и как в мгновение ока исчезают барские замашки. А мой шеф, как ни крути, один из них, и ему свойственны все пороки партийной номенклатуры губернского масштаба. Они, эти самые пороки – глина, из которой эти люди слеплены. Соскобли ее, и что останется? Человек-невидимка.

По глазам Харина чувствую, что тот не в восторге от ельцинской трактовки «обоюдной защиты суверенитета», но, что называется, держит марку:

– Лучше мы подарим прибалтам волю, нежели Горбачев – пули. Ты ведь уже знаешь, что ночью случилось в Вильнюсе?

– В общих чертах.

– Десантники и присланная из Москвы «Альфа» пытались штурмом взять телецентр. Жители оказали сопротивление. В результате много погибших.

– Ты думаешь, это Горбачев отдал приказ?

– Приказ мог отдать кто угодно – Язов, Крючков, Пуго. Или все трое разом. Не суть важно. Главное, что без согласия Горбачева ни один из них на такое бы не отважился.

Харину, донельзя загруженному всяческой писаниной, мои расспросы кажутся рожденной бездельем вальяжностью:

– Позволь дать тебе дружеский совет…

Геннадий – такой же, как и я, новичок в чиновничьем ремесле. Но у него есть то, что у меня напрочь отсутствует – склонность к аппаратному бытию. А потому многие его советы, а мы нередко беседуем о нашей службе «при Ельцине», представляются вполне разумными.

– Не ходи ты по Белому дому с видом газетного фельетониста, приехавшего в отстающий колхоз. Ты же здесь служишь, а не собираешь материал для очередной заметки.

Хоть я и совсем недавно работаю в Белом доме, но уже успел заметить – здесь положено всегда и всюду демонстрировать крайнюю озабоченность. Таков общепринятый аппаратный политес. Если идешь по коридору, то все должны заметить, что торопишься по архиважному делу. Или к высокому начальству, о чем-то доложить или что-то подписать. Или к коллеге, что-то согласовать или завизировать. В руке непременно следует держать какой-нибудь документ, а еще лучше – папку, набитую документами. Она явственней подчеркнет цейтнот и запарку – непременные состояния без остатка отдающегося службе чиновника. Если на минуту-другую остановишься перекинуться с кем-нибудь парой слов или просто перекурить, это должно быть представлено чем-то вроде короткой передышки между атаками. Ни у кого не должно быть и тени сомнения, что ты ежеминутно и ежесекундно выполняешь то, что велит высокое начальство. А велит оно всегда много больше, чем физически возможно исполнить. Если все вышеперечисленное присутствует и соблюдается, ты – ценный работник. И будешь считаться таковым, даже если тебе совершенно нечем себя занять, и об этом всем прекрасно известно.

Все здесь не по мне! Да и с Ельциным работать не сахар. Иногда ты завален поручениями выше головы и пашешь день-деньской, не разгибая спины. А бывает так, что не знаешь, чем бы

себя занять, и отсиживаешь положенное, потому как он держат тебя, что называется, на коротком поводке. Ни за что не угадаешь, когда понадобишься. Может, через десять минут, а, может, и через три дня. Бывает так, что за неделю о тебе ни разу не вспомнит, а бывает, зовет чуть ли не каждый час. Не знаю, как с другими, а со мной так.

Сегодня именно такой день – День неприкаянности. Вчера шеф сказал, что с утра вызовет, потому как надо поговорить о каком-то важном деле, но его нет на месте, а если и приедет, то накоротко, потому как летит в Таллинн. Вот и планируй после этого свою чиновничью жизнь! Остается сидеть да любоваться серой мглой за окном. Можно сказать, предвечерней, хотя день только начался и до вечера еще далеко. Какая-то хмарь накрыла старую Пресню. Даже островерхая махина гостиницы «Украина», обезлюдевшая по причине всеобщего безденежья и паралича хозяйственной жизни, едва просматривается по другую сторону реки. Тоска!

Около полудня из приемной звонит Валера Диваков, дежурный секретарь Ельцина:

– Ну, и где же это мы бродим, друг мой?

– Что значит «бродим»?! Я с утра прибит к своему креслу!

– Беги скорей к шефу. Он о тебе уже спрашивал.

В кабинетах больших начальников, в которых мне доводилось бывать в прежние времена, рабочий стол всегда завален ворохом всевозможных бумаг. У Ельцина ничего подобного – две-три тоненькие разноцветные папочки да стопка свежих газет, которая с каждым днем становится все тоньше и тоньше. В последнее время за его снабжение прессой взялся Коржаков, отстранив сначала Валю Ланцеву, штатного пресс-секретаря Председателя Верховного Совета, потом меня, его эксперта по вопросам информации, а затем и Илюшина, отвечающего в аппарате буквально за все. У вчерашнего майора КГБ, которого в свое время учили лишь одному ремеслу – оберегать физическое лицо, неведомый нам взгляд на то, с какими публикациями следует знакомить шефа, а с какими нет. Достойных высочайшего внимания, похоже, становится все меньше и меньше, и все чаще Ельцин узнает о том, что пишут в газетах или показывают по телевидению, в пересказе своего охранника.

Спецы Коржакова в поисках кагэбэшных «прослушек» уже облазили ельцинский кабинет не по одному разу, но так ничего и не обнаружили. Тем не менее, шеф уверен, что они есть. Особенно в той зоне, где стоит письменный стол и где зачастую ведутся служебные разговоры с подчиненными и посетителями. Поэтому, когда речь заходит о чем-то, как он полагает, весьма

конфиденциальном, непременно пересаживается за столик, специально поставленный в дальнем углу кабинета, возле самой двери. Как он говорит, подальше от ушей Крючкова. Вот и на сей раз жестом показывает мне: сядем там!

Ельцин мрачнее тучи. Сидит и барабанит пальцами по подлокотнику кресла – верный признак крайнего раздражения.

– Вы уже знаете про Вильнюс? – и, не дождавшись ответа, разражается гневной тирадой в адрес Горбачева: – С ним же невозможно ни о чем говорить! Чего бы ни случилось в стране, он всегда не в курсе! Спрашиваю сегодня: вы зачем отдали приказ стрелять в мирных людей?! А он мне: «Не я! Ничего об этом не знаю! Надо разобраться!», – Ельцин усмехается и презрительно кривит рот: – Президент, понимаешь…

Не могу взять в толк, к чему он мне об этом говорит. Отношения с Горбачевым – особая тема. Она для разговора с Бурбулисом или еще с кем-то из политических оруженосцев, вроде Попова или Полторанина. Самое большее, что могу в этой ситуации – понимающе кивнуть головой. Что я и делаю. Это, конечно, ничего не значащая малость, но Ельцина она вполне устраивает.

– Мне нужна информация о том, что происходит во всяких горячих точках. В первую очередь, в Прибалтике.

– Я могу ежедневно подбирать и анализировать для вас то, что об этом пишется в прессе.

– Это я и сам могу прочитать. Мне нужны такие, понимаешь, факты, о которых никакая пресса не знает.

– Могу использовать оперативную информацию МВД. Они каждое утро присылают нам свои сводки.

– Они там все на Горбачева работают, – Ельцин недовольно морщится, будто своим предложением я проявил полнейшее непонимание задачи. – Вы у нас в аппарате за что отвечаете?

Похоже, ни за что. Во всяком случае, мне об этом ничего не известно. Согласно штатному расписанию, являюсь экспертом Председателя Верховного Совета по вопросам печати и информации. А если конкретнее – какие мои функции и задачи? И сам не знаю, и в аппарате этого никто не знает. Повседневная работа с прессой – это у нас за Валей Ланцевой. Она – милейший человек, и мне совсем не хочется лезть в ее огород, который она так страстно и с такой любовью возделывает. Что касается прочей информации, особенно внутриполитического свойства, то Ельцину ее несет всяк, кто к нему вхож. Причем более других на этом поприще преуспевают трепетные общественники, до недавнего времени организовавшие шумные уличные акции с его участием. А это такая амбициозная публика, что любые попытки

вклиниться в их прерогативу нашептывать шефу о столичном политическом закулисье будут восприняты как посягательство на самое святое – на демократов и демократию.

– Вы у нас в аппарате за что отвечаете?

Ельцин не ждет реакции на свой вопрос. Он его вообще задал не для того, чтоб что-то услышать. Многозначительно скривив рот и покачав головой, шеф наклоняется ко мне и переходит чуть ли не на полушепот:

– Хочу, чтоб вы вот о чем подумали: нам надо создать что-то такое вроде… эта-а-а… вроде, понимаешь, информационной разведки!

Мы едва не касаемся друг друга лбами, и это подчеркивает особую доверительность сказанного. Признаться, мне по душе, что шеф наконец-то озаботился моим служебным предназначением. А то уж совсем закис от осознания собственной бесполезности. Я, конечно, понимаю, что последние несколько месяцев было не до меня – формировались структуры новой российской власти. Но каково востребованному журналисту маяться от безделья и ловить в глазах коллег недоумение, порой смешанное с ехидством: а чем это у нас Вощанов занимается?!

– Борис Николаевич, мне нравится ваша идея. Я тоже думаю, что у главы государства должны быть свои, неподконтрольные никому, кроме него, источники получения информации. Объективные и…

– Глаза и уши государевы! Но! – Ельцин многозначительно вскидывает брови и грозит будущим информразведчикам пальцем, – те, кто там будет трудиться, не должны быть публичными людьми. Вы меня понимаете? Никаких интервью! Никаких хождений по кабинетам! Никаких переговоров за моей спиной!

– Понимаю. Внесистемный инструмент системы.

– Чта-а?!

Ельцин не любит всякого рода умничанье, оно его раздражает. Помню, как-то в Японии я экспромтом, за десять минут до выступления у памятника жертвам атомной бомбардировки Хиросимы, куда мы не должны были ехать, но поехали, набросал для него текст речи (он, кстати сказать, прочитал его всего один раз, а после повторил точь-в-точь). Так вот, в нем были слова, адресованные Америке: «Корысть и лицемерие государства, не познавшего боли многомиллионных утрат, породили с его стороны неоправданную жестокость». Ельцину они не понравились: «Что-то вы тут наумничали. Надо проще и понятней: японская армия уже не оказывала сопротивления и готова была капитулировать, но бомбу

американцы сбросили даже не на нее, а на мирные города, – и это ничем оправдать нельзя». После этого я уже не употреблял в его присутствии никаких словестных красивостей. Есть только один человек, которому такое дозволено, – Геннадий Бурбулис. Его речи порой трудно понять, но они всегда рождают ощущение интеллектуального превосходства. В том, что шеф относится к этому снисходительно, состоит удивительный парадокс их политического альянса.

– Есть у вас на примете надежные люди для такой работы?

– В этом, Борис Николаевич, самая большая проблема. Людей, умеющих добывать информацию не из официальных источников, а, как у нас говорят, «в поле», не так много. Такие мастера наперечет.

– Вот и подумайте, где их найти и как привлечь.

Что из себя должна представлять информационная служба, о которой говорит Ельцин, это придумать нетрудно. А вот где взять людей – вопрос не из легких. Понятно, что рекрутировать вальяжных чиновников из многочисленных пресс-служб – значит на корню загубить дело. Все, на что эта публика способна, – приехав на место событий, поселиться с комфортом на какой-нибудь госдаче, надуваясь важностью пострашать тамошнее руководство и, отужинав-отобедав с перепуганными аборигенами, получить от них никчемную справку, якобы что-то объясняющую. Люди из спецслужб тоже не подойдут. Они воспитаны властью, как цепные псы на хозяйском дворе – их спускают лишь для того, чтоб в клочья порвать уже намеченную жертву из числа неугодных или провинившихся. Так повелось издавна, и их уже не переучить. А лощеные штирлицы из Первого главка КГБ СССР? Эти элитные совзагранслужащие привыкли, что Москва далеко, контроль за ними невелик, а потому можно впаривать начальству «агентурную информацию», черпая ее из местных газет или выведывая у собутыльников на оплачиваемых Центром ресторанных посиделках.

Для дела, которое задумал шеф, требуются чернорабочие информационного сыска, и найти таких можно только в редакциях, да и то не во всех. Это своего рода газетные флибустьеры и авантюристы – бесшабашные, легкие на подъем, невероятно коммуникабельные, не знающие авторитетов, не робеющие ни перед кем и ни перед чем. Это вечные скитальцы, самым невероятным образом первыми оказывающиеся в горячих точках. Причем в «горячих» не только в смысле стрельбы и людских страданий, но и во всех прочих. Они обладают особым даром находить нужную информацию, и, что самое главное, умеют из разных, нередко противоречивых фактов и мнений

собрать мозаичную картину происходящего, близкую к реальному, а не к желаемому. Таким необязательно быть вхожими в сановные кабинеты – и без того сумеют выведать все, что творится в любом из них. Знаю с десяток подобных умельцев, но лучшие, на мой взгляд, трудятся у нас в «Комсомолке» – Дмитрий Муратов и Андрей Крайний. Отчаянные ребята, репортеры от Бога. Правда, рафинированные нигилисты. Если хочешь быть осмеянным, заведи с ними разговор о чем-нибудь возвышенном.

Однажды, наслушавшись Геннадия Эдуардовича Бурбулиса, я имел неосторожность порассуждать при них на его любимую тему – о «минном поле власти». Так вот, эти типы осмеяли все, что я произнес, и сделали это так искусно, что для всех, кто был рядом, включая меня самого, стало очевидным: любые рассуждения о соратниках Ельцина, которые, якобы рискуя бросить тень на светлые идеалы демократии, пошли во власть, дабы ценой репутационного самопожертвования очистить ее от скверны – есть полная хрень! И мне нечего было возразить, ибо спорить со смешным – выглядеть дураком.

Эх, если бы они согласились поучаствовать в этом проекте! Тогда бы я был уверен в его успехе и выдал шефу любые векселя. Эти двое способны сделать то, что другим не под силу. Надо попробовать уговорить. Хотя едва ли получится. Они ребята свободолюбивые, а всякая служба «при дворе» есть потеря независимости. И прежде всего – независимости в суждениях. Я это, увы, уже почувствовал.

– Но такая служба – это, понимаешь, вопрос завтрашнего дня. А пока… – шеф делает многозначительную паузу, что должно означать: «Внимание! Теперь о главном!», – а пока возьмите с собой двух-трех журналистов, из тех, кому доверяете, и поезжайте в Вильнюс. Проведите, понимаешь, свое журналистское расследование: что происходит, кто отдает приказы, кто исполняет, что за спецподразделения действуют. Но, – Ельцин делает еще одну паузу, после чего формулирует главную цель поставленной передо мной задачи, – чтоб была ясна роль Горбачева. Вы меня поняли?

Я-то понял, да боюсь, Муратов с Крайним не поймут. А без них мне в Литву и соваться нечего. Во-первых, потому что я газетный обозреватель и репортерскому мастерству не обучен. А во-вторых, после шумных американских гастролей меня полстраны знает как человека из близкого окружения Ельцина, а с таким реноме самое большее, чего смогу выведать в охваченном беспорядками Вильнюсе – разузнать у Ландсбергиса с Прунскене, у главы парламента и премьера, да еще у пары-тройки знакомых депутатов, что произошло и что они обо всем этом думают. Но

для этого мне и ехать никуда не требуется. Сделаю несколько телефонных звонков, – и можно докладывать!

– Когда я должен выехать?

– Сегодня. Максимум – завтра. Оформите командировку у Илюшина. И переговорите с Александром Васильевичем насчет безопасности. Я ему скажу.

Уже стою у двери, когда за спиной раздается неподражаемое: «Вот еще чта-а-а…» Оборачиваюсь. Шеф говорит со мной, не отрывая взгляда от лежащей на столе папки с надписью «На подпись»:

– Сейчас в Вильнюсе Бурбулис, готовит наш договор с Литвой. Так что если будут какие-то проблемы, обращайтесь к нему. И вообще держите его в курсе дела.

О моей безопасности шеф не забыл – он еще не успел уехать в аэропорт, а мне уже принесли пистолет Макарова с разрешением, оформленным на мое имя. А еще через час симпатизирующий мне полковник Виноградов, уже по собственной инициативе, принес еще один – австрийский «Glock». Так что уезжаю в редакцию «Комсомолки» обвешанный оружием, как новогодняя елка хлопушками.

…Очередной номер газеты сдается в печать, в лучшем случае, в начале десятого. До того все авторы сидят на рабочих местах и время от времени бегают к верстальщикам «обрубать хвосты» – сокращать текст, если тот не влезает в макет полосы. Это называется: «дежурить по заметке». Муратов с Крайним как раз дежурят, хотя под их материалы редактора, как правило, выделяют место исходя из авторского запроса. Но «дежурить по заметке» – это не только обязанность, это еще и своего рода традиция. Я бы сказал, ритуал.

Мой боевой маскарад производит на друзей неоднозначное впечатление: Муратов фонтанирует насмешками, Крайний смотрит на меня, как старослужащий на солдата-первогодка, попросившего взять его с собой в самоволку. В общих чертах обрисовываю суть идеи. Мол, сейчас у нас в стране, куда ни глянь, всюду неспокойно – тут стреляют, там бастуют, где-то поднимает голову оголтелый сепаратизм, а еще тащат из казны все, что ни попадя. Ельцина, конечно, информируют о происходящем, но эта информация зачастую однобока и, что греха таить, не всегда правдива.

– Да-а, – Муратов смеется, будто я рассказал забавный курьез из жизни Белого дома, – а ты, конечно, думал, что при нем все будет по-честному!

– Должно быть. А для этого (в том числе и для этого) надо создать такую информационную службу, некое подобие разведки,

подчиненную непосредственно главе государства, и никому, кроме него, и при этом лишь формально встроенную в чиновничий аппарат. По идее, она даже финансироваться должна не из бюджета, а из каких-то альтернативных источников. Ее задача – оперативный и конфиденциальный сбор информации непосредственно на месте событий: Ельцин дал команду, люди выехали и…

Муратов не дает закончить вдохновенный рассказ о важности альтернативных источников информации в принятии эффективных и своевременных государственный решений:

– Может, твой проект и хорош, но абсолютно нежизнеспособен.

– Это еще почему?

– Хотя бы потому, что в окружении Ельцина есть люди (и они ему много ближе и понятнее, чем ты), которые твою службу, если таковую, конечно, удастся создать, в чем лично я сомневаюсь, захотят иметь у себя под рукой. Вот, к примеру, твой заклятый дружок Саша Коржаков – он спит и видит себя правой рукой Ельцина. Но чтоб этого добиться, ему нужно охранять не только тело, но еще и мозги. А информация – это влияние на мозги. Так что любимый охранник Бориса Николаевича обязательно все подомнет под себя, ты и глазом не успеешь моргнуть.

– К счастью, окружение Ельцина – это не только Коржаков, но и другие, не менее близкие и понятные ему люди.

Дима усмехается: ну-ну! Похоже, мои слова его совершенно не убеждают. И тогда выкладываю «козырные» аргументы:

– Хорошая зарплата! Служебный транспорт! Любая система связи! Возможность бывать всюду, в том числе и за границей! В общем, абсолютная творческая свобода под патронажем первого лица государства.

Крайний смотрит на меня даже не с сочувствием, а как на чудака, предложившего положить жизнь на коллекционирование спичечных этикеток:

– Если тебе лично понадобится наша помощь – поможем, но хлебать казенные щи не пойдем. Больно кислые.

В общем-то, я на их согласие пойти ко мне работать и не особо рассчитывал. Что говорить об этих ребятах, если меня и самого воротит от чиновничьих порядков, причем едва ли не с первого рабочего дня. Сам не могу понять, зачем бросил столь милую сердцу газетную жизнь. Ради чего? Доходы в «Комсомолке» у меня были раза в два выше нынешних. Известности хватило бы на пару десятков здешних депутатов. Бесплатной дачей на лето мою семью редакция обеспечивала. Ездил и по стране, и за границу – всюду свои собкоры, готовые

встретить, разместить, повозить, показать. Писал о чем хотел и что думал. Хотел отдохнуть – отдыхал. Хотел работать – работал. Бес попутал!

– Но в Вильнюс со мной поедете?

– А почему нет? Считай, что твои интересы и интересы «Комсомолки» удивительным образом совпали.

…В аэропорту «Внуково» пассажиров рейса, вылетающего в Вильнюс, досматривают с особой тщательностью. Мне не за что беспокоиться, все разрешительные документы на оружие у меня в полном порядке. Но Андрею Крайнему такая обыденность – предъявил да прошел! – кажется слишком унылой, не дающей, как он полагает, изначальной остроты нашему предприятию. Когда-то он окончил Львовское высшее военно-политическое училище (правда, сам называет его не иначе как «конно-балетным»), но армейской карьерой не увлекся – писал стихи, публиковался в литературных журналах, участвовал в съездах молодых писателей. Наконец, снялся в одной из заглавных ролей в картине Валерия Приемыхова «Штаны». Среди моих друзей и знакомых нет равных ему по неприятию всякого рода обыденности. Крайний – феерическая натура, эдакая причудливая смесь добродетели и порока. Рядом с ним у мужчин рождается неосознанное желание подражать, у женщин – пренебречь всеми табу и отдаться.

Приглядев стоящую у выхода на посадку стюардессу нашего рейса, молоденькую и весьма привлекательную, Андрей возгласами и жестами подзывает ее к ограждению, отделяющему досмотренных пассажиров от еще не досмотренных:

– Девушка, мы летим вашим рейсом на спецзадание. У нас с собой оружие. Что мы должны сделать?

Стюардесса смотрит на него с презрительной усмешкой: мол, знаю такие шутки, не первый день летаю!

– Вощаныч, продемонстрируй!

Подаюсь молодецкому куражу, распахиваю полы куртки и демонстрирую свои пистолеты: один – в полуоткрытой кобуре на боку, другой – висящий подмышкой. Наигранное презрение сменяется неподдельным ужасом:

– Ой! я не знаю… Сейчас! – и бежит к милиционеру.

Ко мне возвращаются степенность и рассудительность:

– Ты зачем это сделал? Мы бы и так прошли досмотр без проблем. Право же, какое-то детство!

– Ну, что ты за человек такой унылый?! Уж старый, дожил до седых волос, а жизни так и не понял! Теперь, если хочешь знать, мы полетим по высшему разряду – и накормленные, и напоенные!

Так оно и случается – всю дорогу до Вильнюса мы с

Муратовым в центре внимания бригады бортпроводников. Правда, Крайнего видим уже только после посадки.

Шутки кончаются, лишь только спускаемся с трапа на землю. Мои спутники – это уже другие люди. Встречающий нас собкор «Комсомолки» Владимир Заровский, вдруг ставший Владимиром Заровскасом, которого мы еще вчера известили о своем приезде, хоть и озадачен неожиданностью нашего появления в зоне его журналистской ответственности, но старается быть традиционно гостеприимным:

– Сейчас поедем в гостиницу, устроитесь, отдохнете с дороги, после пообедаем, а за обедом согласуем программу вашего пребывания.

Муратова с Крайним категорически не устраивает такая участливость:

– Ничего с нами согласовывать не надо. Обедать мы тоже не будем. И в гостинице нам до вечера делать нечего, – и уже обращаясь ко мне: – Ты поезжай, а мы по своим делам. Встретимся вечером.

Мне нравится их боевой настрой. Только и меня не устраивает роль командировочного, которого надо занять, развлечь и ублажить, чтоб меньше совал нос в местные дела и не создавал проблем для здешнего представителя. Потому вношу свою коррективу в план Заровского-Заровскаса:

– Гостиница подождет. С обедом тоже повременим. Сейчас едем к вам в Верховный Совет. Мне надо представиться Ландсбергису и доложиться Бурбулису.

Пока Заровский ходит звонить кому-то насчет моего желания явиться в «цитадель литовской независимости», Муратов обрисовывает свой план действий на этот день: сейчас он поедет в ЦК Компартии Литвы, постарается встретиться там с его первым секретарем Бурокявичусом, после – в созданный коммунистами Комитет национального спасения. Ну, а если останется время, наведается в штаб-квартиру их оппонентов, в Саюдис.

– А ты, Андрей?

– Мой план прост – десантники, Ачалов, «Альфа», а если останется время, повстречаюсь с офицерами, которые здесь служат на постоянной основе.

– Ну, с богом?

– С богом!

…Здание Верховного Совета в его нынешнем виде походит на что угодно, только не на осажденную цитадель. Ни рядом с ним, ни на подступах к нему не наблюдается никаких признаков армейского присутствия. Несмотря на это, оно по периметру обнесено оградой, наспех скрученной-сваренной из ржавой

проволоки, строительной арматуры и подвернувшихся под руку железяк малопонятного назначения. Разбросанные вдоль нее бочки, ящики и автопокрышки, видимо, должны создать у штурмующих ощущение неприступности. Но даже мне, человеку невоенному, понятно – один танк, причем не самой большой мощности, в мгновение ока разнесет этот оборонительный рубеж в пух и прах. Зрелище из разряда пародий.

Но люди внутри здания, если судить по их вдохновенным лицам, похоже, готовы стоять до последнего и искренне верят, что с минуты на минуту им суждено принять смерть от ворога лютого и кровожадного. Правда, по пути к кабинету председателя Верховного Совета нам повстречался и другой типаж защитника литовской свободы и независимости – какие-то приблатненного вида типы, одетые в одинаковые спортивные костюмы с мотней, болтающейся чуть выше колен. Я, конечно, могу ошибаться, но мне показалось, что сопровождающий меня литовский депутат Ярмоленко их побаивается.

С Витаутасом Ландсбергисом мне уже доводилось встречаться в Москве. Но сейчас это уже не тот парламентарий из Литвы с консерваторским образованием и одномерным саюдистским взглядом на прошлое и будущее. Тогда он только осваивался в большой политике. Сейчас, судя по манере держаться на людях и по тому, с каким пиететом на него реагируют коллеги-парламентарии, это уже состоявшийся государственный деятель, осознающий свою ведущую роль во всем, что касается Литвы, как независимого европейского государства, существующего по соседству с СССР.

Ландсбергис принимает меня не в своем рабочем кабинете, а в небольшом зале, где, как мне почему-то кажется, столуются первые руководители Верховного Совета. Во всяком случае, он очень похож на нашу белодомовскую трапезную для больших начальников. И это весьма забавно – антисоветизм литовских вождей не исключает принцип советской номенклатурной обособленности.

– Вы уже завтракали? – и, услышав мой отказ от угощения, Ландсбергис предлагает на выбор одно из двух: – Чай? Кофе?

Поскольку и то, и другое – неизменный атрибут любой беседы, соглашаюсь на кофе. Если, конечно, такое возможно в обстановке, приближенной к боевой.

– Возможно. Кофе – это последнее, что у нас иссякнет, – и, грустно улыбнувшись своей шутке, сообщает: – Борис Николаевич известил меня о вашем приезде. У нас сейчас, к сожалению, нет возможности вам чем-то помочь, но…

– Спасибо. Все, что необходимо, у нас есть.

– В самом деле? – трудно понять, обрадовало его или огорчило то, что у меня нет к нему никаких просьб. – Вот и хорошо!

В зал входит молодой человек с подносом в руках. Его отутюженный черный костюм, белоснежная рубашка и галстук-бабочка никак не гармонируют с атмосферой готового к самопожертвованию Верховного Совета. Ландсбергис, отхлебнув ароматного кофе, озабоченно произносит: «Если вашим людям что-то удастся выяснить …», и замолкает. Вероятно, думает, что слова не нужны, что я и так догадался, как в этом случае надлежит поступить. Но я играю роль тугодума и не хочу реагировать на несформулированную просьбу. В разговоре возникает неловкая пауза, которую прерывает сидящий по правую руку от спикера депутат Ярмоленко:

– Мы тут со всех сторон окружены советскими десантниками. Блокированы. Поэтому информации о том, что происходит за стенами парламента, у нас недостаточно. Вы окажите нам большую услугу, если поделитесь той, что сумеют добыть ваши люди.

Уже поднаторевший в большой политике музыкант вопросом обозначает свое отношение к высказанной просьбе:

– Вы ведь с группой приехали?

– С двумя коллегами.

Ландсбергис понимающе кивает. Похоже, Муратова с Крайним, по-приятельски согласившихся мне помочь, здесь принимают за секретных агентов. Что ж, оно и к лучшему. Может, это хоть немного собьет с моих собеседников традиционную прибалтийскую спесь.

По полутемному коридору (все лампы в здании Верховного Совета горят в четверть накала) отправляемся на поиски Геннадия Эдуардовича Бурбулиса. Ярмоленко говорит, что тот вместе с литовскими депутатами работает над текстом Договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Литовской республикой. Наверное, это важное и нужное дело, но меня не перестает мучить вопрос: как же отреагируют руководители остальных союзных республик, когда узнают, что Россия признала независимость трех прибалтийских? Про Горбачева со товарищи и гадать нечего – спустят на Ельцина всех собак.

Находим Бурбулиса в противоположном крыле корпуса, в холле какого-то зала заседаний. Вместе с ним за столом, заваленным бумагами, еще четверо. Одного из них знаю – российский депутат Шелов-Коведяев, фирменным стилем которого является галстук-бабочка, за что Федора Вадимовича

кремлевские журналисты за глаза называют Федором Леопольдовичем. Другой, судя по значку на лацкане пиджака – литовский парламентарий. А вот парочка, мужчина с женщиной – явно ненашенские. Правда, ведут себя напористо. Можно сказать, настырно. Так, будто они здесь самые главные и за ними последнее слово. Кто же такие и откуда взялись?

Шелов-Коведяев что-то исправляет в отпечатанном на машинке документе и передает листок литовцу. Тот, пробежав глазами по тексту, одобрительно кивает: «Да, да, так лучше». Далее следует любопытная сценка, в финале которой завеса тайны спадает, – литовец передает бумагу «настырным», те склоняются над ней, едва не касаясь лбами друг друга, внимательно читают, а прочитав, решительно отвергают предложенный российским депутатом компромисс: «Такая трактовка не отвечает основополагающему принципу суверенного равенства». Акцент и безапелляционный способ аргументации безошибочно указывает на страну происхождения – американцы.

– Геннадий Эдуардович, а эти-то что здесь делают?

– Консультанты. Из какого-то американского университета.

– А что, без их помощи невозможно обойтись?

С тех пор как Бурбулис сменил профессию преподавателя марксистско-ленинской философии на профессию политика-демократа, прошло чуть более двух дет. Но многие явления нынешней сумбурной действительности он по-прежнему рассматривает с позиций диалектического материализма, преподаванию которого у себя в Свердловске посвятил более половины прожитой жизни. Во всяком случае, американскую опеку ближайший соратник Ельцина воспринимает диалектично – как неизбежную издержку перехода к новому качеству межгосударственных отношений на постсоветском пространстве. А то, что оно уже именно постсоветское, а никакое другое, в этом у него нет никаких сомнений.

– С этими консультантами нам, в общем-то, даже проще. Не будь их, Ландсбергис каждую страницу отправлял в Штаты на экспертизу, а мы бы тут ждали по нескольку дней.

…Гостиница, в которой нас разместили, еще недавно принадлежала ЦК Компартии Литвы. Теперь ее новый хозяин – правительство Казимиры Прунскене. Но кто здесь сейчас квартирует – понять трудно. Построенная в парковой зоне многоэтажка производит впечатление необитаемой. Наверное, по причине ее почти полной безлюдности нам и предоставили два номера на этаже, где обычно селились ответственные партработники: один – для «спецпредставителя г-на Ельцина» (именно так мой командировочный статус отражен в

старорежимном гостиничном формуляре), другой – для «сотрудников личной охраны, в кол-ве 2 чел.». Последнее приводит моих друзей в неописуемый восторг и дает пищу для новых, еще более изысканных насмешек.

Муратов с Крайним выглядят довольно устало. Видно, намаялись за день. Проводивший меня до самого номера депутат Ярмоленко как-то очень навязчиво выспрашивают у них про то, где побывали, с кем повстречались и что удалось узнать, но, почувствовав нежелание делиться информацией, решает откланяться: мол, у него еще в Верховном Совете куча дел. Крайнему определенно хочется позлить депутата: какие могут быть дела на ночь глядя? Тот, не уловив насмешки, разъясняет необходимость своего ухода:

– Мы сейчас на казарменном положении. Я уже который день не ночую дома. Нельзя. В любой момент может начаться штурм.

Муратов задумчиво произносит:

– И если все депутаты разойдутся на ночлег по домам, то мероприятие может сорваться: штурмовать безлюдное здание – полная бессмыслица!

Судя по недовольному выражению его лица, Ярмоленко не склонен осмеивать судьбоносность происходящего. Уже стоя за порогом, оборачивается и смотрит на меня с нескрываемым сожалением. Как врач на пациента, не желающего поверить в жаропонижающие свойства клизмы:

– О твоем приезде здесь уже многим известно. Не исключены провокации. Так что ночью будь внимателен. Гостиница практически не охраняется.

Тема моей безопасности дает спутникам уникальную возможность до филигранности отточить сатирическое мастерство. Сначала они долго, перебивая и дополняя друг друга, строят предположения о том, каким именно способом коварные злодеи покусятся на жизнь и здоровье спецпосланника самого Бориса Николаевича Ельцина, а исчерпав эту тему, устраивают диспут по поводу того, где было бы надежнее им устроить засаду – у меня в номере, под кроватью, или затаившись где-нибудь в коридоре. Заключительный аккорд делает Крайний:

– Вощаныч, ты просто обязан нам с Митей выдать оружие.

– Это еще зачем?

– Затем, чтобы в случае чего мы могли отстреливаться. Или ты думаешь, злодеев криками отпугнем? Кыш, противные, кыш!

Ужасно хочется спать. Глаза слипаются помимо воли:

– Ладно, острословы, расходимся. Надо отдохнуть.

Ночью просыпаюсь от шороха в коридоре. Открываю дверь и вижу Муратова, сидящего на стуле возле моей двери.

– Ты что тут делаешь?!

– Дежурю. Моя очередь. А ты спи, – и Муратов не был бы Муратовым, если б не съязвил по этому поводу: – Только после не отпирайся, что обязан нам жизнью.

…Завтракаю в одиночестве. Ребята еще затемно отправились каждый по своим делам. Встретимся ближе к обеду. Крайний хочет, чтобы мы вместе навестили его однокашника по военному училищу, который много лет прослужил в Литве, вышел в отставку и теперь живет с семьей в Вильнюсе. Андрей уверен, и в этом я с ним согласен, что такие отставники могут рассказать о ситуации в городе больше и лучше других, ибо общаются с обеими сторонами конфликта – с одной вместе служили, с другой вместе живут.

А пока сижу и составляю донесение в Москву. Основываюсь на фактах, добытых вчера Муратовым и Крайним. И, конечно же, на информации, которую извлек из бесед с литовскими депутатами и с волонтерами, обороняющими Верховный Совет. Фиксирую общий настрой: к Ельцину тут отношение вполне благожелательное, но перспективы союзничества с Россией мало кому греют душу. Здесь не особо скрывают, что хотели бы видеть Литву во всем сориентированной на Запад. Так что, похоже, мы сейчас способствуем рождению национальной элиты, которая через несколько лет или даже месяцев повернется к нам задом. Причем и в прямом, и в переносном смысле. Не забываю упомянуть и об американских советниках Ландсбергиса. Хотя, думаю, этот факт шефа вряд ли заинтересует. Зато ему важно будет узнать, что, как нам удалось выяснить, в ближайшие дни наши десантники и «Альфа» не предпримут активных действий, поскольку после штурма телебашни их командиры не получают из Москвы никаких приказов. Из-за этого моральный дух бойцов просто удручающий. Все, от рядовых до старших офицеров, считают, что их предали, и на чем свет стоит клянут президента Горбачева и своего министра, маршала Язова.

Донесение составлено. Вопрос: как его отправить? Вариант один – из Верховного Совета. Хочешь – не хочешь, а придется еще раз посетить эту цитадель.

Вместе с Ярмоленко хожу по кабинетам в поисках факса. Оказывается, с ним здесь большая проблема. У одних его нет и никогда не было, у других был, но сломался. Работающий факс, даже целых два, оказывается лишь у американских советников. Но обращаться к ним с просьбой не хочется. Бурбулис в этом со мной согласен и предлагает другой вариант:

– Федор привез с собой свой факс. Так что давай твою бумагу, мы сами отправим, – и, пробежав глазами по тексту, делает

единственное замечание: – Про американцев я уже докладывал Борису Николаевичу.

– И что он сказал?

– Что нас это не касается, – чувствую, что этот сюжет Геннадия Эдуардовича тоже не особо волнует. – Ну, а в остальном все написано по делу, молодцы. На днях шеф будет встречаться с американским послом. Думаю, ваша информация ему пригодится.

…Вышедшие в отставку офицеры Советской армии живут компактно в небольшом микрорайоне на окраине Вильнюса. На первый взгляд, он ничем не отличается от всех прочих – так же чистенько и ухоженно, такие же аккуратные детки играют на площадках перед домами, такие же потрепанные «жигули» и «москвичи» возле подъездов. И все же здесь особая аура. Кажется, что недоверием и враждебностью пропитана атмосфера, в которой живут эти люди. Они вроде у себя дома, и в то же время – непрошеные гости. Несколько многоэтажек на опушке то ли леса, то ли парка воспринимаются как плацдарм, захваченный и заселенный иноземцами. Это ощущение возникает еще на подступах к микрорайону, когда видишь намалеванный краской на заборе призыв, отчего-то исполненный в англоязычной версии: «Soviet occupiers, go home!». Деление среды обитания на «у нас» и «у них» – особенность здешнего бытия. Печальная, но неизбежная.

Однокашник Крайнего встречается с нами на улице, и почему-то не возле своего дома, а у соседнего. Наверное, чтоб жена не увидела его беседующим с подозрительными чужаками и не разволновалась. Все, что он рассказывает, сводится к одному – скоро русских отставников отсюда выживут.

– Ума не приложу, куда поедем! Нас же нигде не ждут!

Как же уродлива нынешняя действительность! Человек – такой же русский человек, как и я! – делится своими горестями, мне бы поговорить с ним по душам, да подумать, чем помочь, а я выведываю сведения, которые могут сгодиться моему шефу в разговоре с американским послом. Или, что еще хуже, позволят Витаутасу Ландсбергису осуществить заветную мечту «борцов за свободу Литвы», которая формализуется намалеванным на заборе лозунгом: «Soviet occupiers, go home!». До чего же я, Павел Вощанов, докатился в своих бездумных забавах с большой политикой!

– А десантники, они разве не собираются силой навести тут хоть какой-то конституционный порядок?

Вопрос вызывает горькую усмешку: о чем вы говорите, какая сила?!

– Ну, как это «какая сила»? Из Пскова прибыло несколько тысяч бойцов при полном вооружении, да еще «Альфа», где один

стоит десятерых. Для чего-то же их пригнали в Литву, как не для этого?

– Пригнали, бросили в самое пекло, и забыли, будто их здесь и нет. Хочешь – стреляй, хочешь – братайся, После сам за все и ответишь, – отставник сплевывает, давая понять, насколько ему отвратительна вся эта ситуация. – Знаете, что им жрать нечего? Из России никакого подвоза, а здесь на все один ответ: для вас у нас ничего нет!

– Но ведь создан же в Литве какой-то Комитет национального спасения? Что ж он, никакой помощи не оказывает?

– Так в нем же одни партийные боссы! Они уже никого, кроме самих себя, не представляют и ничего здесь не решают, – собеседник устало вздыхает: – А вы говорите о наведении какого-то конституционного порядка. Если его нет у вас, в центре, откуда ему тут взяться?

Информация второго дня подтверждает информацию первого. Правда, сегодня нам удалось узнать о контактах генерала Ачалова и командиров воинских подразделений с руководителями литовской компартии Бурокявичусом и Ермолавичусом. Они дают основания утверждать: при отсутствии четких указаний из Центра армия не станет помогать созданному коммунистами Комитету национального спасения в проведении им массовых акций, направленных на свержение нынешней литовской власти. Невнятица Кремля подтолкнула отправленные в Литву силовые подразделения к вынужденному нейтралитету, а их нейтралитет развязал руки антисоветскому руководству республики. Финал противостояния Москвы и Вильнюса становится все более очевидным – Литва уходит из СССР. Здесь уже не может произойти и не произойдет ничего такого, что изменило бы этот тренд, для кого-то желанный, для кого-то трагический. Теперь могу с полной уверенностью доложить шефу, что никакой кровавой бойни в Литве не будет, как не будет и Советской власти, и союза с Россией, даже если она, Россия, станет демократической.

В общем-то, с поставленной Ельциным задачей мы справились – провели свое расследование и теперь знаем, что тут происходит и что будет происходить. Осталось невыполненным лишь одно – я не привезу шефу доказательств того, что все происшедшее в Вильнюсе, включая штурм телебашни, сделано по личному указанию президента Горбачева. Подозреваю, что это может перечеркнуть все наши старания, но лучше так, чем манипулировать фактами.

Стук в дверь отрывает от размышлений о несправедливости придворной жизни: кто там?

– Дедушка, это мы, твои Красные Шапочки!

Узнаю хрипловатый голос майора Крайнего. Он стоит на пороге, салютуя поднятой над головой бутылкой виски. Рядом Муратов, с объемистым пакетом, по всей видимости, набитым закусочной снедью.

– И по какому поводу гуляем?

– По поводу отъезда. Отвальная. Такова традиция.

Уже далеко за полночь. Все выпито и съедено, но мы не расходимся – обсуждаем Вильнюс, вспоминаем Баку, Тбилиси, Нагорный Карабах, Приднестровье, Ош. Сколько уже таких кровавых отметин в нашей журналистской биографии! Если б мне сказали об этом лет десять назад, ни за что бы не поверил. Это же полный бред! А сейчас мы живем в этом бреду. И пытаемся понять его логику.

Если бы в ту пору у нас в стране был Интернет с его социальными сетями или хотя бы элементарная мобильная связь, мы бы уже знали, что с возвращением домой придется повременить. Буквально накануне министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго и председатель КГБ Крючков отдали приказ: установить контроль на административной границе Литвы и Латвии с тем, чтобы «исключить любые незаконные перемещения вооруженных лиц и грузов военного назначения» между Вильнюсом и Ригой.

Мы праздновали отвальную, а в это самое время поднятые по тревоге и спешно переброшенные из Пскова в приграничный Спурас десантники, злые от голода и усталости, уже мерзли в поле, не понимая, ради чего должны терпеть все эти мытарства. Единственный приказ, который они получили, – выдвинуться и занять позиции – был выполнен, новых не поступило. На вопрос о том, какая будет следующая задача, старшие офицеры отвечали младшим исключительно матом, ибо и сами были в таком же неведении.

Мы праздновали отвальную, а в это самое время рижские омоновцы уже минировали подступы к своей базе под Ригой, превращая ее в последний плацдарм советского правопорядка на латвийской земле. Они уже поняли, что помощи им ждать неоткуда, что Москва от них отвернулась, и, думаю, не иначе как от отчаяния взяли штурмам Дом печати, городской телеграф, здание МВД и школу милиции, потребовав от местных властей вернуть все органы правопорядка под юрисдикцию СССР.

Да, я доволен, и даже очень доволен тем, как мы поработали в Вильнюсе! Главное, что надо было выяснить, выяснили – крови

здесь больше не будет. А все прочее зависит от мудрости тех, кто рулит политикой в Москве и Вильнюсе.

…Господи, зачем я это повторяю еще раз? Будто убеждаю себя в чем-то. А в чем мне себя убеждать? Все нормально! Мы хорошо поработали! Так что, братцы, ложимся спать, а завтра – домой. Со спокойной душой и с легким сердцем.

А отдавшие грозный приказ министры-силовики уже поняли: никакого прямого указания действовать ни от президента СССР, ни от какого-либо иного высшего руководителя страны (от вице-президента или, на худой конец, от главы союзного парламента) не поступит. И теперь ломают голову, как бы дать задний ход наделавшей столько шума войсковой операции.

А Горбачев понял, что оказался в ситуации двойного шаха, если вообще не мата. Отпусти он на волю советскую Прибалтику – рассыплется весь Союз, скроенный при Сталине по принципу лоскутного одеяла. Пойди по пути «неполитического решения прибалтийского кризиса» – неизбежно прольется кровь. Финал тот же – развал союзного государства.

А Борис Ельцин для себя уже все решил – Литва, Латвия и Эстония покидают СССР, политическое пространство переформатируется, и он становится на нем самым главным. Что же касается прибалтов, то они, по его разумению, всегда будут воспринимать Ельцина как старшего брата, как освободителя и защитника. А политическая элита Запада склонит голову пред его благородством и примет в свои ряды, как гаранта Демократии и Свободы на всем постсоветском пространстве.

Часть вторая

По собственной ли инициативе или ему дано такое задание, но вот уже второе утро литовский депутат Владимир Ярмоленко ни свет ни заря приходит к нам в гостиницу исключительно ради того, чтобы поинтересоваться, как идут дела и нет ли каких проблем, которые нужно помочь решить. Мой вчерашний ответ – дела идут согласно ранее выработанному плану, а таких проблем, которые мы не могли бы решить собственными силами, у нас нет – его вполне удовлетворил. Поэтому, когда сегодня утренний визитер, застав нас за чаепитием, с порога поинтересовался делами и проблемами, меня так и подмывало ответить во вчерашнем ключе, но приходится огорчить:

– Вечером уезжаем.

Ожидаю, что сейчас депутат-смотрящий удивится и начнет

расспрашивать о причинах столь неожиданного решения. Но удивляться приходится мне – Ярмоленко реагирует на сообщение неожиданным вопросом: в Ригу решили ехать?

В пору моей аспирантской юности у меня был приятель. Так вот он, этот чудак, при каждой встрече неизменно интересовался тем, куда я в данный момент направляюсь. При этом никогда не задавал вопрос: «Куда идешь?». Казалось, цель моих перемещений в пространстве ему хорошо известна, а ответ нужен лишь для того, чтоб удостовериться в собственной дальновидности. Иногда в этом была какая-то логика. Например, повстречав меня как-то на Трубной площади, он с хитровато-загадочной улыбкой следователя по особо важным делам поинтересовался: «Что, в баню решил сходить?». Для него было совершенно очевидным, что если человек оказывается в районе, прилегающем к Неглинке, где в переулке расположены «Сандуновские бани», он именно туда и шагает. А то куда же еще? Но порой его вопросы ставили в тупик. Однажды мы столкнулись у публичной библиотеке на Кузнецком мосту, и он, поздоровавшись, огорошил вопросом: «В общагу идешь?». С чего вдруг решил, что иду именно туда – загадка. Тем более что в общежитии, которое располагалось не в центре, а на окраине города, я не жил и даже никогда не бывал.

Так вот, сейчас Ярмоленко со своим вопросом про Ригу очень напоминает мне того самого приятеля. Настолько напоминает, что даже не могу не рассмеяться: ну, почему ж именно в Ригу-то?

– Как, вы разве еще не знаете?! Сегодня ночью рижский ОМОН поднял мятеж против законной латвийской власти. Ситуация в городе тяжелейшая – стрельба, много жертв, население в панике.

Вот это новость!

Смотрю на ребят и понимаю, что теперь эти охотники за сенсациями непременно помчатся в Ригу. Со мной или без меня – для них это не имеет значения. В кровь уже попала страшная бацилла – азарт, рожденный неуемным стремлением первыми оказаться на месте событий. Так что я перед выбором – домой или с ними. Газетная жизнь дает свободу в принятии подобных решений. В редакции никому и в голову не придет пожурить Муратова с Крайним за то, что заранее не согласовали с руководством свой переезд из Вильнюса в Ригу. У меня же другое положение – я на государевой службе и волен делать лишь то, что дозволено делать. Хоть маленький столоначальник, но должен благосклонно кивнуть в знак согласия. Без этого все содеянное есть самоуправство, подлежащее порицанию.

– Поехать-то мы, конечно, поедем, но мне эту поездку надо согласовать с шефом.

Слова про шефа произношу исключительно для Ярмоленко, дабы придать дополнительную убедительность укоренившейся в депутатских умах легенде об агентах, присланных Ельциным в Вильнюс со спецзаданием. Кто знает, может она еще и сослужит нам добрую службу? С полчаса мучаю телефон. Дозвониться до Москвы не получается. Сразу после набранного кода в трубке что-то щелкает и раздаются короткие гудки отбоя. Проклятая разруха, ничего не работает!

– А нельзя позвонить в Верховный Совет и позвать к телефону Бурбулиса?

На поиски уходит не более пяти минут. Видимо, Ярмоленко известны точные координаты местонахождения российской делегации. Геннадий Эдуардович даже не дослушивает меня до конца:

– Конечно, надо ехать. Я договорюсь с шефом, а после позвоню в Ригу и предупрежу Горбунова о твоем приезде. Действуй! Но мы еще увидимся. Нам обязательно надо зайти к Ландсбергису.

– А это еще зачем?

– Так положено. Этикет. Да и насчет машины для вас надо договориться. Не ехать же общественным транспортом, это небезопасно. К тому же все выезды из Литвы блокированы десантниками, так что добираться в любом случае будете с приключениями.

Кладу трубку и облегченно вздыхаю: все, братцы, пакуемся! Но Ярмоленко реагирует так, будто я сказанным наношу ему незаслуженную обиду.

– Володя, что-то не так?

Депутат смотрит на меня с упреком:

– Сегодня похороны жертв трагедии у телебашни, и нам бы хотелось, чтобы представитель российского руководства возложил венок…

– Представитель российского руководства – это Геннадий Эдуардович Бурбулис, и он, думаю, имеет на то соответствующие полномочия.

– Но вы тоже должны отдать дань нашим героям! Это личная просьба Витаутаса Витаутасовича!

Память – самая удивительная и самая непознанная из всех способностей человеческого существа. Многое из того, что она рождает, неожиданно и необъяснимо. Порой малозначительные сюжеты прожитой жизни хранит до самого последнего часа, зато другие, куда более важные, не удерживает. Они в ней со временем выцветают и остаются в воспоминаниях не как слово или

поступок, а всего лишь как ощущение от некогда сказанного или совершенного.

Тот день, 16 января 1991 года, помнится мне именно ощущениями. Ощущение серого промозглого дня. Ощущение всеобщей тоски и горя. Смутно помню толпы людей и их скорбные лица. Смутно помню большой зал, пропитанный похоронным запахом хвои, и выставленные в ряд гробы. Но зато хорошо помню букет безжизненных гвоздик, который Ярмоленко сунул мне в руки, потому что предназначенный для меня траурный веночек отдан кому-то из приехавших на похороны известных российских политиков.

Трудно представить что-то мерзопакостнее прибалтийской зимы. Возможно, рожденные в этом климате латыши к ней адаптировались и переживают без особых неудобств, но у пришлого люда, вроде нас, россиян, ее неизменные атрибуты – насморк, кашель и промокшая обувь. А еще отсутствие каких бы то ни было желаний, кроме двух – зайти в теплое помещение и выпить чего-нибудь горячительного. Но в Литве траур. Закрыты все заведения, где мы могли бы скоротать время. Поэтому единственно возможный вариант – пересидеть до отъезда в Верховном Совете. Хорошо бы машину дали пораньше, чтоб приехать в Ригу еще засветло. Ночью на блокпостах наверняка строже досмотр, а ко мне с моим оружием и удостоверением помощника председателя Верховного Совета РСФСР отношение, думаю, будет не самое благостное.

Вот уже два часа, как мы маемся в ожидании информации относительно нашего отъезда. Время от времени появляется Ярмоленко и задает ставший традиционным вопрос про дела и проблемы. Дел у нас никаких. Жизнелюб Крайний бродит где-то по этажам в поисках хоть каких-нибудь радостей бытия. Муратов, презрев условности бюрократического мира, спит, развалившись в глубоком кресле. Я, не зная, чем себя занять, наблюдаю, как американские советники Ландсбергиса старательно перекраивают на свой лад каждую страницу будущего российско-литовского договора. Что касается проблем, то одна у нас все же есть – куда-то пропал Бурбулис, и мы ничего не знаем о своем отъезде. Ярмоленко обещает его найти, исчезает на какое-то время, а когда возвращается, все повторяется: «Ну, как дела? Какие проблемы?».

Где-то около пяти вечера, наконец, появляется Геннадий Эдуардович. Я уж, грешным делом, начал думать, что он про меня забыл. Но, оказывается, выполнил все, что было обещано:

– Борис Николаевич одобрил наше решение. Ждет от тебя информацию из Риги. С Горбуновым я уже переговорил. Как

приедете, сразу к нему в приемную, в Верховный Совет. Он введет тебя в курс дела и решит вопросы вашего размещения.

– А что насчет машины до Риги?

– Пока не ясно. Ландсбергис говорит, что на машине Верховного Совета вы до Риги не доберетесь, ее задержат на первом же блокпосту. Они сейчас ищут какого-нибудь таксиста, который согласится вас отвезти. Правда, придется заплатить. У тебя деньги есть или помочь?

– Найду.

– Сейчас пойдем к Ландсбергису, поужинаем и решим с машиной.

…Тот же небольшой зал рядом с кабинетом председателя Верховного Совета, где в день приезда меня потчевали кофе с печеньем. Если оценивать сегодняшнее угощение нашими белодомовскими мерками, оно более чем скромное – какие-то капустные салатики да котлетка с картофельным пюре и зеленым горошком. Вкусно, но не густо. Или это неведомый нам аскетизм европейского дипломатического изыска (а всему европейскому здесь, как я заметил, стараются следовать даже в мелочах), или у них и на самом деле проблемы с подвозом продовольствия. Поди, не каждый поставщик отважится пробираться сюда через полуголодные армейские блокпосты, а после долго переругиваться с недоверчиво-озлобленными «стражами независимости» у пролома в заборе из арматуры и ржавой проволоки.

Застольный разговор под стать угощению – невыразительный и незапоминающийся. Все, о чем говорится, я уже слышал неоднократно. О жестокостях советских десантников, о коварстве Бурокявичуса и Ермолавичуса, этих национал-предателей, возглавляющих литовскую компартию. О провокациях, готовящихся созданным и направляемым КГБ Комитетом национального спасения. И, конечно же, о предстоящем штурме здания Верховного Совета, этой цитадели борцов за независимость.

– Вам удалось узнать планы советского командования относительно штурма?

Ландсбергис говорит тихо, неторопливо и с такой полуулыбкой, будто рассказывает забавную историю, изысканность сюжета которой способны оценить разве что рафинированные интеллектуалы вроде него. В сравнении с нашим российским председателем Верховного Совета здешний спикер не производит впечатление харизматика, способного словом и жестом возбудить многотысячную толпу. За последние пару лет он, конечно, поднаторел в большой политике, но

внешняя стилистика образа осталась прежней – провинциальный советский искусствовед с консерваторским образованием, специализирующийся на изучении творчества композитора Микалоюса Чюрлёниса.

– По информации, которой мы располагаем на данный момент, никакого штурма не будет.

Сидящие за столом литовские парламентарии смотрят на меня так, словно я объявил им, что Великое княжество Литовское – всего лишь одна из провинций древнерусского государства. Похоже, сама мысль о возможном штурме и самопожертвовании вселяет в них возбуждающее чувство личного героизма и сопричастности к судьбоносным переменам. Конечно же, они не хотят, может быть, даже страшатся увидеть у этих стен псковских десантников. Но в то же время осознают, что без этого тревожащего воображение ожидания все происходящее лишится ореола жертвенности и станет едва ли не карикатурным. Видимо, Геннадий Эдуардович, знающий здешние настроения много лучше моего, почувствовал неловкость ситуации, а потому вносит коррективу в легковесное предположение московского коллеги, причем с диалектичностью, присущей его политическому мышлению:

– В контексте конкретной ситуации штурм маловероятен, но это не означает, что он противоречит логике событий и его вероятность должна быть полностью исключена.

Ландсбергиса столь высоконаучная трактовка переживаемого исторического момента вполне устраивает, и он, согласно кивнув, переходит к теме нашей отправки в Ригу:

– К сожалению, все, что смогли для вас найти, это такси.

Сидящий за столом Ярмоленко, видимо, лично занимавшийся этим вопросом, подтверждает: да, это сейчас очень большая проблема.

Что ж, такси, так такси, мы ко всякому привыкшие.

…По состоянию дорожного полотна автотрасса Вильнюс – Рига в состоянии, близком к прифронтовому. Видавшая виды «Волга» трясется так, словно переживает предсмертные судороги. Но это еще не самая большая ее беда. Скверно то, что литовские товарищи, будто нарочно, отыскали для нас такси с неработающим отоплением. А между тем на улице ночной мороз. Соответственно, и в салоне ненамного теплее – что надышали, тем и греемся. Трудно сказать, по какой причине, но водитель потребовал, чтоб мы втроем сели на заднее сиденье. Хочется верить, что руководствовался соображениями человеколюбия – в тесноте все-таки не так зябко.

Хочется уснуть, во сне время пролетит незаметнее. Но не

засыпается. Не позволяют тряска, холод и возня соседей. Сижу между Муратовым и Крайним. Они сказали, что так надо по соображениям безопасности. Но, думаю, врут, черти. Просто тот, кто посередине, получает толчки с обеих сторон, а потому на этом месте меньше шансов вздремнуть. Вот он, эгоизм молодости!

Ночь. Впереди какие-то огни. Похоже на прожектора. Опытный Крайний предупреждает: блокпост. В свете фар мелькает перечеркнутый указатель «Литовская ССР» с какими-то намалеванными краской надписями. Значит, сейчас въедем в Латвию. А вот и указатель «Латвийская ССР» с такими же малопонятными надписями. Хотя нет, одну разобрать все же можно: «Иван, go to на х **!».

В Крайнем просыпается «человек с ружьем», и он решительно принимает командование на себя:

– Значит, так! Наша легенда: командированы редакцией для освящения событий в Литве и Латвии, – и, ткнув меня локтем в бок, задает вопрос: – Догадался прихватить удостоверение «Комсомолки»?

– Догадался. А для убедительности еще и пару пистолетов прихватил.

– О, черт! С пистолетами ты явно перестарался. Придется тебе предъявлять свой ельцинский мандат. Но готовься к тому, что тебя из-за него расстреляют. Ты только, Филипп Филиппыч, не горюй, мы с Митей после напишем трогательную заметку о твоей мученической преданности демократии.

Машина стоит с выключенным двигателем в перекрестном свете прожекторов. По обе стороны по двое десантников с автоматами наперевес. Молоденький лейтенант приказывает водителю выйти и открыть для проверки багажник. Но там, кроме наших сумок и запаски, прикрытой грязными шоферскими тряпками, ничего нет.

– Закрывайте. Кто с вами в машине?

– Пассажиры. Сели на автовокзале в Вильнюсе.

Лейтенант стучит ладонью по крыше: «Опустите стекло!», и, заглянув в салон слегка добреет – по нашим лицам и нашему говору догадывается, что мы не литовцы и не латыши. Стало быть, не станем кричать на всю округу, что его сюда никто не звал и чтоб он убирался к такой-то матери. Но служба есть служба – нас просят выйти из машины. Сидящий справа Крайний протягивает давно просроченное удостоверение газеты московского военного округа «На боевом посту», в которой отбывал воинскую повинность до откомандирования в «Комсомолку». Наверное, лейтенант заметил бы этот подвох, но

фотография предъявителя в офицерском мундире притупляет его бдительность – он передумывает высаживать нас из машины, а значит, и производить личный досмотр:

– Вы, двое, тоже из этой газеты?

Сама мысль об этом вызывает у Муратова решительный протест, близкий к негодованию: мы из «Комсомольской правды»! Однако упоминание ее славного имени производит на офицера обратное впечатление – он хмурится, разглядывая Димин затертый до нечитаемости документ, и, похоже, сейчас все-таки высадит нас из машины для досмотра. Меня мучает вопрос: кем же мне представиться – журналистом или сотрудником аппарата Верховного Совета РСФСР? Учитывая, что я с оружием (а ну как возьмут да обыщут!), наверное, лучше сотрудником. Только имя Ельцина, думаю, не стоит упоминать. Черт его знает этого лейтенантика, как он к нему относится. Вдруг не жалует демократов, так же как и нашу симпатизирующую им газету?

– Я – помощник председателя Верховного Совета России. Вот мое служебное удостоверение, в нем разрешение на ношение оружия.

Вопреки опасениям, мои документы воспринимаются без вражды и даже с некоторым облегчением: «Ну, наконец-то хоть какое-то начальство к нам пожаловало». Осознав себя вселяющей трепет столичной шишкой, интересуюсь суровым тоном проверяющего инспектора: вас сюда надолго? Но лейтенант, памятуя о военной тайне и о том, что ее кому попадя не открывают, отвечает уклончиво: «Покуда не замерзнем!», и, отдав честь, рукой показывает бойцу на обочине, чтоб тот поднял шлагбаум.

– Можете следовать дальше! Только осторожно. От этих, – и он кивает на темноту за спиной, – сейчас всего можно ждать.

Отъехав от блокпоста метров триста, водитель притормаживает и оборачивается:

– Ребята, меня вообще-то не предупредили, что вы с оружием.

– За это неудобство мы доплатим, будешь доволен.

– Ну да, если только меня вместе с вами не расстреляют.

– Да кто тебя расстреляет?!

– Не эти, так те.

…Просыпаюсь от того, что водитель трясет меня за колено: подъем, приехали! За окном бесцветное прибалтийское утро. И старая Рига, припорошенная мокрым снежком. Абсолютная безмятежность во всем – пешеходы с зонтиками в руках торопятся по своим делам, прогуливающиеся мамаши с колясками, школьники, бодро шагающие на уроки, старики и старушки с сумками в руках, направляющиеся за покупками, и, конечно же,

машины, снующие взад-вперед. Обычная жизнь. Ни малейших признаков омоновского мятежа.

– Нам бы к Верховному Совету.

– Мне к нему не подъехать. Там всюду «кирпичи» висят.

От долгого сидения в машине ноги затекли и стали как деревянные. Наверное, со стороны мы выглядим алкашами, уныло бредущими в пивную на утренний опохмел. Похоже, дежурный милиционер на входе в приемную председателя Верховного Совета Латвии воспринимает нас именно в таком качестве. Он долго и самым внимательнейшим образом рассматривает мое удостоверение, разве что на зуб его не пробует. На просьбу сообщить о моем приезде секретарю Анатолия Валерьяновича Горбунова, который меня ждет, реагирует с прибалтийской невозмутимостью: «пАтАшТитЭ!». И мы ждем, не понимая, чего и кого. Минут через десять к нам выходит милицейский подполковник, больше похожий на пивовара со стажем, и принимается так же внимательно присматриваться-принюхиваться к моему документу и, не обнаружив в нем ничего подозрительного, предлагает следовать за ним.

В приемной председателя Верховного Совета Латвии встречаем уже более радушный прием. Оказывается, вчера по поводу нашего приезда Горбунову звонили не только из Вильнюса, но и из Москвы.

– Сейчас у Анатолия Валериановича важный телефонный разговор, освободится минут через пять-десять и сразу же примет господина Вощанова. А пока: чай или кофе? Могу предложить печенье, бутерброды…

– …по рюмке водки.

Секретарь Горбунова смотрит на Крайнего с подозрением: чем навеяно столь раннее желание выпить? Приходиться пояснить: всю дорогу в машине мерзли, как бы не простудиться. Тот понимающе кивает, но отреагировать не успевает – раздается гудок стоящего на столе селектора. Я в этих делах уже опытен и могу поспорить на что угодно – это Горбунов, и сейчас меня к нему пригласят. Так оно и есть – секретарь вешает трубку, молча идет к двери, ведущей в кабинет спикера, и, только после того, как ручка опущена до упора, торжественно объявляет:

– Господин председатель вас ждет!

Кабинет председателя Верховного Совета Латвии декорирован и обставлен в соответствии с советскими партийно-бюрократическими стандартами, а облик хозяина ему под стать. Горбунов – это не Ландсбергис. Не в смысле национальности (латвийский спикер вообще из рода русских староверов, некогда

бежавших в эти края, спасаясь от «богохульств» патриарха Никона), а в смысле эстетики образа. Тот – рафинированный интеллигент с консерваторским уклоном, этот – рафинированный номенклатурный совпартработник.

Для меня этот феномен всегда был загадкой – коммунистические бонзы, долгие годы огнем и мечем насаждавшие в обществе идеалы марксизма-ленинизма и тем кормившиеся, в мгновение ока и с необычайной проворностью становились убежденными и яростными противниками своей прежней веры. Примеров тому великое множество – хоть на верхних этажах власти, хоть на нижних.

Взять того же Анатолия Горбунова. В 1989 году он возглавил Верховный Совет Латвии, который окончательно порвал с коммунистическими идеями и, по сути дела, положил начало развалу СССР. А ведь всего за три года до этого он являлся секретарем ЦК латвийской компартии, отвечающим за вопросы идеологии. Подчеркиваю: идеологии, а не строительства и не сельского хозяйства! Разве не удивительная метаморфоза?!

Но Горбунов – это все же невеликая партийная сошка. Есть примеры поярче. Президент Ельцин, которого в 91-м году уже воротило от всего коммунистического, три года до того, в 88-м, буквально, искрился радостью от того, что избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и первым секретарем Московского горкома партии. Президент Нурсултан Назарбаев, который мягко, без потрясений очистил Казахстан от налета коммунизма, до 1991 года возглавлял казахскую компартию. А президент Узбекистана Ислам Каримов, фактически поставивший республиканскую компартию под запрет? До своего президентства нынешний главный узбекский антикоммунист был главным узбекским коммунистом. Лидер туркменской компартии Сапармурат Ниязов – это вообще песня! В 1991 году – еще верный ленинец. Год спустя – уже единовластный правитель Туркменистана, Туркменбаши, султан. А ставший главой Азербайджана Гейдар Алиев? Его послужному списку присуще редкостное разнообразие – он и лидер республиканской компартии, и глава КГБ республики, и замглавы советского правительства, и член Политбюро ЦК КПСС. А далее все та же метаморфоза – при президенте Алиеве прикаспийская республика стала клановобюрократическим государством, в котором идеи преданности коммунизму заменены идеями преданности Лидеру и его Семье.

Все это наталкивает на две мысли. Первая – некогда созданный Сталиным Советский Союз был идеологизированным государством, которым управляла безыдейная партийная

бюрократия. И вторая – безыдейные лидеры СССР стали безыдейными главами независимых государств. Отсюда многие уродства постсоветской действительности, которые не скоро изживем.

Горбунов встречает меня довольно приветливо, но сесть не предлагает. Разговариваем «на ногах». По этому непротокольному жесту, а еще по устало-торопливому тону спикера чувствую, что он не видит особой надобности в моем появлении в Риге.

– Ну, что вам сказать? Если бы не ОМОН, ситуация в городе была бы абсолютно спокойной. Они провоцируют беспорядки! Позавчера напали на баррикады у Вецмилгравского моста, избили людей, сожгли автомобили. Вчера захватили школу милиции, избили курсантов, похитили много оружия. Больше терпеть эти бесчинства мы не намерены. Я поставил перед нашим МВД задачу: как можно быстрее разоружить этих бандитов!

– Вы думаете, они добровольно согласятся сдать оружие?

Чувствую, мой вопрос пришелся хозяину кабинета не по душе – он как-то занервничал и стал похож на прежнего секретаря ЦК по идеологии, подчиненный которого, проявив политическую незрелость, поинтересовался: а надо ли проводить в республике открытые партсобрания, посвященные решениям партии по вопросам дальнейшего развития и повышения урожайности хлопководства?

– Что значит «не согласятся»?! Не согласятся, заставим!

Похоже, в этом кабинете информации больше, чем я уже получил, не получу. Так оно и выходит:

– В общем-то, обо всем этом я вчера вечером по телефону уже рассказал Борису Николаевичу. Так что… – и Горбунов разводит руками, жестом давая понять то, что было бы недипломатично произнести вслух: «Так что не знаю, на хрена вы сюда заявились?!».

– Понятно. Но мы, если вы не против, все-таки поработаем у вас пару дней.

Горбунов улыбается и понимающе кивает: да, вы человек молодой, а в Риге есть чем себя развлечь. Но, кажется, его куда больше устроило, если бы я сказал, что уезжаю вечерним поездом.

– В приемной вам дадут ключи от квартиры, где вы можете жить то время, пока будете в Риге. Это недалеко отсюда. Если потребуется связь с Москвой, там есть и телефон, и факс, и вообще все, что нужно. Будут ко мне вопросы, свяжитесь через секретаря. Так что добро пожаловать в независимую Латвию!

И все-таки Рига хороша в любую погоду, даже в такую слякотную! Покуда ищем нужную нам улицу и нужный дом,

несколько раз прибегаем к помощи горожан. На наш русский говор местные реагируют без неприязни, хотя и не выказывая особой радости. Щупленького вида старушка даже любезно предложила проводить нас до нужного места, но не смогла – одетая в комбинезон собачка, которую та держала на поводке, потащила ее другим маршрутом. Покуда не вошли в дом, как более опытный товарищ, даю своим спутникам необходимые наставления:

– Имейте в виду, такие квартирки для того и создаются, чтоб подслушивать да подглядывать за гостями. Поэтому! Первое – ведем себя прилично, никакой нецензурщины! Второе – никаких приглашений в гости коллег и давних знакомых. Тебя, Андрюша, это касается в первую очередь, у тебя повсюду отыскиваются друзья-приятели. Третье – захочется выпить с устатку, сходим в какое-нибудь кафе. В квартире – сухой закон. И последнее – все обсуждения наших дел исключительно на улице!

Дом, где нам предстоит провести несколько дней, роскошен даже по меркам прошлого века, а уж в нынешнем, падком на модернистский минимализм с его незатейливыми формами и предельной функциональностью, определенно, предназначен очень даже для непростой публики. С замысловатыми украшениями на фасаде, с высокими зеркальными окнами, с массивным цоколем из серого гранита. В подъезде еще острее чувствуется буржуазное довольство – отделанный красным деревом лифт, белоснежной чистоты мраморная лестница, кованые чугунные перила и, конечно же, потолок, щедро украшенный лепниной. Но нам, чей эстетический вкус испорчен простотой нравов социалистического общежития, более всего бросается в глаза (правильнее было бы сказать – в нос) отсутствие знакомых с детства подъездных запахов – причудливой смеси ароматов кошачьей мочи и выкипающих на плите щей. Словом, Европа!

Поднимаемся на свой этаж, ключом открываем массивную дверь, входим и…

Единственное, что способен выдавить из себя ошарашенный Крайний – «Оттянуться хочется, до смешного!». Такого размера квартир до сего дня мне видеть не доводилось, как не доводилось видеть и столь располагающую к безмятежности обстановку. К примеру, подобные кровати, что стоят в спальнях, по моему разумению, предназначены для чего угодно, только не для того, чтобы на них спать. Это было бы верхом беспечности и форменным ротозейством. Кажется, нас специально разместили в апартаментах, из которых не хочется выходить на улицу. Тем более, что там мерзопакостная погода, а здесь благостно до

изнеможения. Так и тянет развалиться в кресле, включить гигантских размеров телевизор, закурить сигару, налить стаканчик доброго вина и поболтать с приятелями о чем угодно, только не о коммунизме, не о демократии и не об омоновских мятежах.

Эх, а идти-то ведь надо…

День проходит в беготне по городу: я выуживаю информацию у знакомых латвийских политиков, Крайний встречается с офицерами дислоцированных здесь армейских частей, Муратов отправляется в штаб созданного сторонниками независимости «Народного фронта». К вечеру у нас уже складывается мозаичная картина происходящего, и она один в один схожа с вильнюсской. Здешние сторонники независимости, а они в большинстве, тоже ничего не желают слышать о новом Союзном договоре и требуют от властей неучастия в его обсуждении. Что касается противной стороны, то есть тех, кто хотел бы видеть себя гражданами «могучего и нерушимого», то они разуверились в Горбачеве, деморализованы и не верят, что в стране есть сила, способная удержать ее от распада. Все это подхлестывает аппетиты здешних национал-радикалов, которые все более и более влияют на власти предержащие. Похоже, как и в Литве, рубеж невозврата Латвии в СССР уже пройден, а делать ставку на то, что, добившись независимости, республика бросится в объятия России, пусть даже России во главе с Ельциным – все равно что рассчитывать на добросердечное отношение волка к зайцам в пору зимней бескормицы.

В Риге, так же как и в Вильнюсе, местные власти подстрекают граждан, уверовавших в жизненные преимущества независимости, к активному неповиновению союзному Центру. И там, и здесь Кремль демонстрирует неуклюжие попытки восстановить конституционный правопорядок. Разница лишь в том, что в столице Литвы это делается руками армии и спецподразделений КГБ, в столице Латвии – с помощью малочисленного ОМОНа. В общем-то, они выполняют ту же задачу, только у военных есть какое-никакое командование и хоть какие-никакие приказы свыше, у рижских омоновцев – лишь безоглядная вера в милицейский долг и присягу. По той информации, что мы сегодня раздобыли, министр внутренних дел СССР Борис Пуго сначала отдал ОМОНу приказ взять под свой контроль подразделения республиканского МВД, а после, когда тем потребовалась поддержка силами полка внутренних войск, отказал, заявив, что не намерен проводить в городе масштабную войсковую операцию. В этой ситуации милиционеры выглядят как камикадзе. Только у тех за спиной был император и Империя, у

этих – никого и ничего.

От руки пишу донесение шефу и отправляю его факсом в Москву. Надеюсь, там еще не все разошлись по домам и успеют перепечатать мои каракули. На всякий случай сообщаю номер телефона в наших апартаментах. Не проходит и десяти минут, как раздается звонок. Почему-то уверен, что это кто-то из Белого дома. И не ошибаюсь – звонит ельцинский спичрайтер Геннадий Харин:

– Шеф доволен твоей работой в Вильнюсе, молодец, – чувствую, чего-то недоговаривает. – Номер, по которому я тебе сейчас звоню, это где?

– В квартире, которую выделил Горбунов.

Видимо, это обстоятельство Харина вполне устраивает, поэтому приступает к главному:

– Завтра утром возвращайся в Москву.

– Это шеф так велел?

– Он считает, что ситуация ему уже ясна, и тебе там более выискивать нечего.

– Ситуация как раз не вполне ясна. Например, с ОМОНом – совершенно непонятно, чьи приказы он сейчас выполняет. Поэтому я хочу завтра попробовать встретиться с его командиром и…

– Вот с ним-то тебе и не следует встречаться. Это уже никакое не специальное подразделение милиции, а черт знает что! По информации, которую мы получили сегодня, министр внутренних дел Латвии отдал приказ: открывать огонь на поражение по любому омоновцу, который приблизится к объектам республиканского МВД ближе, чем на 50 метров. Так что не сегодня-завтра они этих махновцев разоружат, и все успокоится.

– И кто же их будет разоружать? Уж не те ли мальчишки, что вступили в «Силы национальной самообороны»? Гена, видели мы сегодня эти «силы» – какая-то пионерская игра в «Зарницу»! А по другую сторону – полторы сотни прекрасно обученных и экипированных бойцов.

– В общем, решай сам. Я тебе пожелание шефа передал.

А что решать? Мы для себя уже все решили – завтра будем искать выходы на командира рижского ОМОНа Чеслава Млынника, и если найдем, договоримся о встрече. Только через кого это возможно сделать? Единственный, кто нам может помочь – здешний собкор «Комсомолки» Карен Маркарян. Но захочет ли? Он парень толковый и приятный во всех отношениях. Но сейчас наши собкоры в союзных республиках в сложном положении. Перед каждым вопрос: на чей информационный запрос ориентироваться – на московскую редколлегию или на местных

глашатаев независимости? Деньги платит Москва, но она далеко и у нее сейчас нет возможности заступиться за своего человека, если тот попадет в жернова набирающего силу сепаратизма. Зато местные вожди становятся все требовательнее и напористей. Говорят о демократии, но исповедуют большевистский лозунг: кто не с нами, тот против нас! С ними можно ссориться лишь в одном случае – если у тебя нет особого желания навсегда остаться в этих краях. У нашего вильнюсского собкора оно есть, это очевидно. Вон даже фамилию переиначил на литовский манер. Конечно, ярко выраженному армянину Маркаряну труднее «олатышиться», но при большом желании и такое возможно. Тут уж ничего не поделаешь. Как говаривал старик Цицерон: «О времена! О нравы!».

Эти слова не следует воспринимать как осуждение коллег. Когда помимо твоей воли раскалывается огромная льдина, ты волен прыгнуть на тот ее осколок, который, как тебе кажется, дрейфует в нужном направлении. Да и с какой стати журналистов следует судить строже, нежели всех прочих?

Помню, под Берлином, в Потсдаме, встретил нескольких наших офицеров, которые, предвидя скорый вывод на Родину подразделений Западной группы войск, с помощью оборотистых штатских родственников заранее стелили соломку на мягкую германскую землю – создали частные фирмы для реализации украденного военного имущества и закупки потребительских товаров, которые в задушенном дефицитами Союзе реализовывались с немалой выгодой. Таким образом зарабатывался первоначальный капитал, без которого русскому в Германии делать нечего. Разговоры о присяге и воинском долге стали уделом «неудачников», обреченных на безденежье и бездомность. «Удачливые» говорили исключительно о рыночных ценах на объекты выставляемой на продажу военной недвижимости, на горюче-смазочные материалы, на списанную военную технику, на обмундирование, солдатское белье и портянки. Вчерашние защитники социалистического лагеря торопились стать добропорядочными и законопослушными бюргерами. И стали-таки!

А сколько кадровых дипломатов и внешнеторговых работников после распада Союза, интересы которого они отстаивали на международной арене, не вернулось домой и навсегда осталось в стане потенциального противника? Сотни, если не тысячи!

В этой связи вспоминается одна история…

Весной 1991 года в шахтерских регионах России сложилась ситуация, близкая к гуманитарной катастрофе – с прилавков практически полностью исчезли продукты и товары первой

необходимости. Назревали массовые беспорядки. Ельцина такая перспектива тревожила, ибо теперь, когда он возглавил Верховный Совет РСФСР, уже не мог всю вину за шахтерские беды списывать на бездействие союзного Центра и лично на президента Горбачева. Надо было что-то предпринимать, и причем срочно. Не знаю почему, но для разговора об этом шеф позвал меня не к себе в кабинет, а на дачу в Архангельское.

– Вот что нам надо сделать: в пожарном, понимаешь, порядке закупить за границей товары для шахтерских регионов. В первую очередь – для больниц, детских учреждений и рабочих столовых. Шахтеры должны увидеть: от Горбачева – одни обещания, от Ельцина – реальная помощь! Ваш «Российский, дом» сможет оперативно решить такую задачу?

Представил возмущенное лицо президента «Российского дома» Володи Ряшенцева, который от моих слов «Надо помочь» и без того уже впадает в неконтролируемый гнев, и закинул удочку насчет финансового обеспечения поставленной передо мной задачи: у компании на большие объемы может не хватить собственных средств. Шеф отреагировал так, будто я попросил деньжат на прогулку с девочками по Москва-реке: «Чта-а?! Нет в бюджете свободных денег!».

– Вы меня не поняли, я не про деньги. Деньги не нужны, нужен ликвидный ресурс, – шеф морщится: «Какой еще ликвидный?». – Ну, что-то такое, что можно легко продать за границей, а на вырученное купить все, что нам требуется.

– Об этом вы с Хасбулатовым поговорите. Я ему скажу про ваш ликвидный.

Конечно, логичнее было бы направить меня к премьеру Силаеву. Тот выдает лицензии на экспорт любых ресурсов, от нефти до древесных отходов. Но у шефа, похоже, в этом есть какой-то неведомый мне резон. Своего заместителя Хасбулатова он вообще не особо жалует. Уж слишком часто тот позиционирует себя даже не как правую руку Председателя Верховного Совета, а как обе его руки. Ельцину об этом известно, а потому в отношениях с не в меру амбициозным замом держит дистанцию. Их деловые отношения так и не приобрели характер дружеских. И едва ли приобретут. Зато когда речь заходит о тратах, из-за которых могут возникнуть трения с парламентской оппозицией, шеф демонстративно признает первенство Руслана Имрановича: мол, как-никак известный ученый-экономист, профессор, пусть он и «принимает» уже принятое мною решение!

Как и следовало ожидать, Хасбулатов, узнав о поставленной Ельциным задаче, снимает трубку, звонит Силаеву и просит решить вопрос, в котором якобы заинтересован лично Борис

Николаевич:

– Вам Вощанов при встрече объяснит, в чем суть дела…

Руками подаю знаки, стараясь обратить на себя внимание:

– Ряшенцев, Ряшенцев пойдет к Силаеву!

– А-а, да! вот тут мне подсказывают, что Ряшенцев придет и все объяснит, – и, считая свою миссию выполненной, Хасбулатов вешает трубку и поворачивается ко мне: – Вы уже определились с местом переговоров с партнерами?

– Да, Париж.

Хасбулатов озадаченно качает головой, будто я сообщил ему, что переговоры пройдут в охваченной гражданской войной Гватемале:

– Пожалуй, мне придется слетать с вами на пару дней. Это придаст вашей позиции больший вес.

– Отлично!

– Но это должен быть частный визит, не по линии Верховного Совета. Пусть «Российский дом» решит вопросы с билетами, отелем и суточными.

…От премьера Володя Ряшенцев возвращается, сияя, как полярная звезда на безоблачном ночном небе:

– Ты не представляешь, что я для нас выбил! Блеск!

В нынешние смутные времена самым ходовым российским товаром на мировом рынке являются нефтепродукты, катодная медь и редкоземельные металлы (а еще какая-то полумифическая «красная ртуть», о которой все говорят, но которую никто в глаза не видел). Заполучить экспортную лицензию на любой их объем – все равно что вытащить из колоды козырного туза. Поэтому первое, что приходит в голову, – Ряшенцев выбил у премьера что-то из этого заветного набора. Но тот качает головой: мимо, друг мой, мимо!

– Ну, если ты скажешь, что тебе дали лицензию на необработанные якутские алмазы…

– Миллион противогазов гражданского назначения!

– Чего?!

– Правда, половина из них с истекшим сроком службы.

– Да хоть новехонькие! Что мы с ними будем делать?! Кто у нас купит этот хлам?!

В том, что касается «купи-продай», Ряшенцев непревзойденный ас. Не мне с ним тягаться. Я в этом убеждался не один раз. Так вышло и с противогазами – они ушли «на ура» на перепуганный войной в Персидском заливе Ближний Восток. Спрос был настолько велик, что покупатель даже не обратил внимание на обилие экземпляров просроченной годности. Так что первая половина коммерческой операции под кодовым названием «Утихомирим

шахтеров» прошла безукоризненно. Оставалось выполнить вторую – закупить товары для поставки в шахтерские регионы. После многочисленных и весьма бурных переговоров (никогда бы не подумал, что отставной офицер Ряшенцев способен торговаться из-за каждой копейки, как завзятый купец из Великого Устюга) определились поставщики: качественную, но недорогую одежду закупаем на Тайване, продукты питания – в Венгрии. В общем, задание Родины, можно сказать, выполнено. Завтра возвращаемся в Москву.

И все-таки в жилах Ряшенцева течет какая-то толика купеческой крови – ну не может он уехать из Парижа, не обмыв заключенные контракты! А обмыть их надлежит непременно в русском ресторане:

– Хочу рюмку ледяной водки, малосольный огурчик и горячие пельмени в горшочке!

– Потерпи до завтра. Дома тебе будет и водка, и огурчик, и пельмени.

– Дома – это дома. А я хочу здесь, на Елисейских полях!

В районе Елисейских полей есть только один более или менее аутентичный русский ресторан – «Распутин». Туда и направляемся.

В зале, кроме нас, ни души. И тем не менее, лишь только мы усаживаемся за столик, на подиум, под до боли знакомую музыку выскакивают разудалые русские девчонки в лубочных сарафанах с кокошниками на головах. И вдруг…

«Потолок ледяной, дверь скрипучая.
За шершавой стеной тьма колючая…»

Господи, Боже ж ты мой – Эдуард Хиль! Для нас с Вовкой Ряшенцевым поет суперзвезда советской эстрады Эдуард Хиль! Непостижимо!

…Наверное, он не принял бы наше приглашение, если б не знал меня по публикациям в «Комсомольской правде». Мы сидим в кафе неподалеку от «Распутина» и пьем кофе с пирожными. Хочется расспросить Хиля про его работу в ресторане, но как-то неловко. Вдруг эта тема ему неприятна? Но все ж, наверное, я бы не удержался, и спросил, если б он сам не завел разговор об этом:

– Какой-нибудь год назад русский посетитель в «Распутине» был большой редкостью. Разве кто из старой эмиграции заглянет. А в последнее время появились советские отставники.

– Это кто ж такие?

– Дипломаты, торговые работники, ваш брат, журналист. Те, что с государственной службы ушли, а домой возвращаться не пожелали. Здесь как-то пускают корни.

– И чем же они тут занимаются?

Хиль смеется: «Секретами Родины торгуют!», на что Ряшенцев реагирует с хмурой ухмылкой: а что, еще осталось, чем торговать?

– А знаете, кто из них самый удачливый? Те, что еще недавно на КГБ работали. Эти часто приходят. И по одному, и компаниями. Мужики при деньгах, не бедствуют.

– А с чего вы взяли, что они из КГБ? Это, вообще-то, секретная информация.

– Ой, ребята, я вас умоляю! Во-первых, здесь всем известно про то, у кого из советской диаспоры есть кагэбэшное прошлое, а у кого его нет. А во-вторых, эти, – Хиль стучит пальцами по воображаемому погону, – и сами его не особо скрывают. Как выпьют, так заказывают «Не думай о секундах свысока». Я пою, а они вскакивают с рюмками в руках и подпевают хором.

…Однажды в Нью-Йорке, на Брайтоне, где почти все говорят по-русски, мне довелось пообщаться в шашлычной с отставным полковником одной из советских спецслужб. Под первую бутылку он рассказывал, как ему замечательно живется на новом месте. Под вторую – взгрустнул по Москве и поведал про то, как и где боролся с врагами Родины. А когда мы откупорили третью, вдруг ожесточился и обвинил меня в том, что это я, служа Ельцину «с его сраными демократами», развалил Советский Союз.

– Если бы не вы!.. не такие, как ты!.. да я бы сейчас не вот с этими уродами якшался, – он ткнул пальцем в сторону прогуливающихся по набережной русскоязычных американцев, – а служил бы… великой стране служил бы! Я б ни за что не уехал! Даром бы работал, на воде и хлебе сидел, а не уехал бы!

Какое удивительное обилие «бы»! Думаю, он бросил бы великую страну задолго до того, как ее дружно взялись расшатывать все те, кто ею правил. Причем расшатывать при молчаливом потворстве таких, как он, защитников нерушимости устоев. А почему ж не бросил? Совесть и убеждения тут ни при чем. Не позволяли страхи. Один из них, самый большой страх – за близких, которые в тот момент еще оставались дома. Но как только ослаб репрессивный аппарат государства, как только посбивали замки с границ, – сразу же появилась непреодолимая тяга к перемене мест, а заодно и Веры, которой у него, по большому счету, никогда не было. И что же теперь осталось от былой преданности порушенному Отечеству? Застольные всхлипывания про утраченный патриотизм да краткосрочные вояжи на историческую Родину. Как меж собой говаривают многие из бывших наших соотечественников: «В Рашку, говнеца похлебать».

Чувствуется, коллеге Маркаряну в напряг устраивать нам встречу с Чеславом Млынником, но отказать в просьбе не может. Не позволяют еще не отторгнутые сердцем правила корпоративной взаимопомощи.

– Вы покуда отдохните, попейте кофе, а я попробую дозвониться до Млынника. Как мне ему вас представить?

– Как есть, так и представь – коллеги из «Комсомолки».

Попытка занимает не более пяти минут – командир мятежного ОМОНа назначает встречу, причем без особых уговоров: сегодня, в 18:00, на базе в Вецмилгрависе, ближнем пригороде Риги. Карен подробно объясняет, как туда добраться: троллейбусом до конечной остановки, а там с километр, может чуть меньше, пешком по дороге вдоль кладбища.

– Веселенькое место. Мы уж лучше такси возьмем.

– Вечером туда такси не повезет. Место больно глухое и неспокойное.

…В вечернем полумраке местечко это и впрямь кажется гиблым. Именно про такие герой Савелия Крамарова говаривал: «А вдоль дороги мертвые с косами стоят, – и тишина!». Опасность подстерегает с обеих сторон: справа – заросший высокими кустами пригорок старого кладбища, слева – прижавшиеся друг к другу убогие гаражи. И на километр пути всего два тусклых фонаря, болтающихся на деревянных столбах. По разумению Андрюши Крайнего, лучшего места, чтоб нас безнаказанно подстрелить, просто невозможно себе представить.

База рижского ОМОНа не производит впечатление воинской части. Куда больше похожа на тщательно охраняемую лагерную зону, обнесенную двурядным забором, увенчанным серпантином колючей проволоки. Сходство с ней еще больше усиливается высокими железными воротами со смотровым окошком и пятиметровой сторожевой вышкой с пулеметом и двумя мощными прожекторами. Луч одного из них спрыгнул с голых верхушек кладбищенских деревьев и впился в нас: «Стоять! Кто такие?!». Судя по всему, командир предупредил охрану о визите московских журналистов – из ворот выходит одетый в боевой камуфляж боец с автоматом наперевес и, проверив наши документы, спрашивает, скорее для проформы, нежели из оперативной необходимости: оружие при себе имеется?

Вот тебе раз – об этом я как-то не подумал! Скажу «да» – какой же я после этого журналист из «Комсомолки»? Скажу «нет» – а ну как обыщут? И в том, и в другом случае предстану перед омоновцами, у которых сейчас до предела взвинчены нервы, вражеским лазутчиком, замыслившим под маркой прессы проникнуть в расположение их боевой части. Убить, конечно, не

убьют, но в какой-нибудь цугундер посадят «до выяснения», это наверняка. И выяснять будут долго, может, и не один день. А как выяснят, что я – «человек от Ельцина», то опять же не заторопятся выпускать на волю, подержат в назидание. Маркарян говорил, что они моего шефа на дух не переваривают. Он для них – один из символов предательства.

Так что же мне все-таки сказать: есть у меня оружие или нет? Выручает артистическое дарование Крайнего – он экспромтом разыгрывает этюд под названием: «Удивление с легким налетом обиды». Надо признать, получается у него очень даже правдоподобно:

– Ты что, братишка! Да откуда у нас оружие? Хотя к армии мы отношение кое-какое имеем, – и достает из кармана еще одно потертое удостоверение, на сей раз газеты Московского военного округа.

Боец, взглянув на фото кучерявого офицера, с недоверием поглядывает на близкий к облысению оригинал. Выручает природная сообразительность Муратова:

– Вы не смотрите, что сейчас волос меньше! Это у него на нервной почве. Сами знаете, горячие точки.

Боец понимающе кивает, и возвращает Крайнему документ, который в этой поездке выручает нас уже во второй раз: идемте, вас ждут.

В полумраке трудно разглядеть омоновские казармы. Похоже, это обычные строительные бытовки, причем не первой свежести. Возле некоторых замечаем молодых женщин с детьми, и сохнущее на веревках явно не мужское белье. Значит, в целях безопасности бойцы перевезли семьи из городских квартир к себе на базу.

Штаб ОМОНа – небольшая комната в обитом крашеной жестью деревянном вагончике. Все жизненное пространство в ней поглотил большой стол с расставленными вокруг стульями. На стене, что напротив входа, висит красное знамя с золотом вышитым барельефом Ленина и серпом-молотом. На других – традиционные атрибуты казарменных «ленинских комнат». Тут и сусально-пафосные портреты основоположников, и текст присяги в большой рамке под стеклом, и какие-то вымпелы с почетными грамотами. Но в первую очередь бросаются в глаза развешанные по стенам самописные призывы к борьбе, победе и самопожертвованию, создающие ощущение партизанской землянки. Кстати сказать, это первое, что приходит в голову, едва ступаешь на территорию базы: рижский ОМОН – боевое подразделение, действующее в тылу противника, на оккупированной им территории. Нанести максимальный урон врагу и продержаться до прихода своих – этим эмоциональным

зарядом буквально пропитана здешняя атмосфера.

Кроме Млынника, в комнате еще двое – его заместитель по политчасти (во всяком случае, таковым он нам показался) и молодая женщина, похоже, супруга одного из них. Я помалкиваю. Ребята задают вопросы. Млынник отвечает охотно и вполне искренне. Чувствуется, человек с болью переживает происходящий в стране развал:

– Как же мы, скажите, сохраним наш Союз, если во всех республиках, в том числе и здесь, в Латвии, не восстановим конституционную законность? Но ведь уговорами-то этого уже не сделать, упущен момент. Хочешь или нет, а придется применить силу.

– Но согласитесь, в Школе милиции с применением силы явно переборщили – избили курсантов, поломали оборудование. Да и нужно ли было начинать восстанавливать правопорядок с учебного заведения?

– Какое «учебное заведение»?! Боевиков в этой школе готовят, а не милиционеров! Хотите, зачитаю перечень оружия, которое мы там изъяли? Слушайте: 42 автомата, 215 пистолетов, 5 пулеметов, 4 снайперские винтовки, несколько гранатометов! Я знаю, что вы мне сейчас скажете – мол, надо же будущих милиционеров на чем-то учить. Но не многовато ли «учебных пособий»? Тут его на полноценное боевое подразделение! А знаете, что у них сейчас преобладает в «учебной» программе? Тактика ведения уличных боев.

– Вы докладывали об этом своему министру в Москву?

– Пуго, что ли? Конечно, докладывали.

– И что?

– Да ничего! Нам присылает приказ: навести порядок! А перед местными руководителями оправдывается: мол, мы что-то там нарушили, что-то превысили, и обещает наказать. После этого здешние сепаратисты на каждом углу кричат: «ОМОН вышел из подчинения! ОМОН превратился в полубандитское формирование! Расформировать! Арестовать! Отдать под суд!». А Москва смотрит на все и не вмешивается. Вроде ее это не касается. Мы тут жизнями рискуем, товарищей теряем, семьям своим создали невыносимые условия, – а ради чего? Получается, не ради того, чтоб выполнить приказ и восстановить законность.

Слушая Млынника, не могу отделаться от мысли, что он выпал из времени – готов положить собственную жизнь и жизнь товарищей ради спасения того, чего фактически уже не существует. Нет больше Советской Латвии! Все наши государственные вожди уже это поняли, и этим в какой-то мере объясняется их бездействие. Не оправдывает, но объясняется. Они

только говорят о свершившемся по-разному – кто-то вслух, кто-то мысленно. И с разными интонациями – с гневом, со злорадством, с едва скрываемой радостью. Что же касается моего шефа, то тот лишь делает вид, что борется за целостность Союза, а на деле уже воспринял его распад как данность, и даже видит в нем рождение нового, более совершенного государственного организма. Здешние омоновцы думают, что кого-то и от чего-то спасают. Поздно, ребята, упущен момент. Спасать нужно вас самих. В разгар боя брошенные командирами и оставшееся без тылов, вы обречены на поражение и на месть победителей. Теперь, чего бы ни случилось, кто бы ни был повинен в пролитой крови, а ответите за все вы.

Теперь я понимаю, какую информацию следует донести до Ельцина в первую очередь – пока еще не поздно, нужно спасать этих людей от них самих. Сделать это возможно только одним способом – потребовав, чтобы Пуго немедленно передислоцировал рижский ОМОН в Москву и передал его в подчинение российскому МВД. Иначе тот неизбежно перейдет границу допустимого. Причем допустимого не только латвийским, но даже нашим советским законом. А такое может случиться в любой момент. Хоть сегодня, хоть завтра.

Прощаясь с нами, Млынник предупреждает:

– На дороге будьте осторожны. Лучше передвигаться поодиночке, соблюдая дистанцию. Так снайперу труднее будет вас подстрелить – в темноте одиноко идущая фигура хуже просматривается.

Едва выходим за ворота, Крайний с Муратовым принимаются дружно обыгрывать рекомендованный Млынником способ передвижения:

– Нет, все-таки надо не идти, а ползти на расстоянии друг от друга.

– Точно! И лучше посередине дороги.

– Это же не гигиенично!

– Зато на грязном асфальте одиноко ползущая фигура просматривается хуже одиноко ползущей по заснеженной обочине.

Шутки шутками, но чернеющие кладбищенские кусты на пригорке, из которых в любой момент может прогреметь выстрел, и впрямь не вселяют жизнеутверждающего оптимизма. К счастью, Крайний, творчески относящийся к авантюре и риску, способен любой опасности, с коими мы сталкивались не единожды, придать блеск увлекательного приключения. Мало того, что от этого становится легче и, что греха таить, не так боязно, но и после происшедшее вспоминается исключительно в его трактовке

– если не со смехом, то с улыбкой. Вот и сейчас у него именно такой настрой:

– Вощанов, разоружись! Выдай нам с Митей по пистолету! Ни к чему они тебе.

– Что значит «ни к чему»?

– А ты сам подумай: кто ты и кто мы? Ты – человек государев! Сановник! Мы при тебе – рядовые народные ополченцы, и нам никак нельзя без оружия. Без оружия мы боярина не защитим!

– И что ж вы, ополченцы, станете делать, если в меня, в боярина, снайпер пальнет вон из тех кустов?

– Ты погибнешь, а мы отомстим за тебя!

Так они веселятся всю дорогу до троллейбусной остановки. И я понимаю, что отныне этот сюжет с моим участием будет с насмешками вспоминаться в каждом совместном застолье: промозглый рижский январь, ночь, пустынная дорога, кладбищенский пригорок, поросший тревожащим воображение густым кустарником, и Вощанов, обвешанный оружием, которое Коржаков выдать выдал, а как оно стреляет, не рассказал.

…Прямо из Внуково, не заезжая домой, мчусь в Белый дом. Хочется поскорее доложить шефу о ситуации в Вильнюсе, но более всего – о том, что происходит сейчас в Риге. Это тем более важно, поскольку утром, когда мы возвращали ключи от наших апартаментов помощнику Горбунова, тот рассказал, что вчера омоновцы опять устроили стрельбу в центре города, и на этот раз по ним был открыт ответный огонь. Так что ситуация в любой момент может повторить вильнюсскую.

В приемной Ельцина необычная для полудня тишина. Кроме восседающего за секретарским бюро Валерия Дивакова, нет ни души. У нас есть несколько депутатов, которые стараются постоянно попадаться шефу на глаза. Когда ни придешь, а они у него в приемной на диванчике, и никто не знает, чего высиживают. Просто сидят и чего-то ждут. Отлучаются разве что по нужде или перекусить. Секретари на них злятся, но ничего поделать не могут – депутаты! Так вот, даже их сейчас нет. А это уже совсем нехороший признак.

– Надо полагать, шефа сегодня не будет?

– С утра на спорте, а после, – и Диваков разводит руками, – это уж как на небесах распорядятся.

Видимо, на небесах распорядились не торопиться. До конца дня шеф в Белом доме так и не появился.

…С утра прихожу в приемную и располагаюсь на диване. Совсем как те депутаты, что каждодневно томятся здесь в надежде на высочайшее внимание и востребованность. Но мне важно не упустить шефа. Дежурный секретарь смотрит на меня

почти с жалостью:

– Ну, что ты здесь высиживаешь? Иди к себе. Как освободится, я тебе сразу же позвоню.

– Спасибо, но так вернее. Кто у него сейчас?

Секретарь не успевает ответить – дверь кабинета распахивается и на пороге появляется Коржаков, а следом Ельцин. Оба в пальто, и у обоих на головах шапки. Господи, неужели разговора опять не получится?!

– Борис Николаевич!

Ельцин смотрит на меня с удивлением: мол, а этот тип что тут делает? Коржаков недовольно буркает: давай позже, мы торопимся! Но шеф, будто вспомнив, кто я такой, откуда приехал и что от него хочу, кивает на дверь кабинета: зайдите.

Мы стоим возле закрытой двери. По тому, что он не снимает шапки и даже не расстегивает пальто, понимаю, что разговор будет предельно кратким. Настраиваюсь выпалить все, что наметил, но шеф жестом останавливает меня:

– Я читал ваши… эти, э-э-э… м-м-мм… сообщения, понимаешь. Молодцы. Вот так и впредь: что-то случилось, выехали – и у меня вся информация!

Такое начало разговора мне нравится, хорошее начало. И я, удовлетворенно кивнув, настраиваюсь телеграфно отбарабанить самое неотложное – про рижский ОМОН. Но шеф вновь останавливает мой порыв:

– Но! – и назидательно грозит мне пальцем. – Главную задачу вы все-таки не решили.

Я догадываюсь, к чему он клонит, но изображаю на лице полное неведение. И это, похоже, не нравится даже больше, чем то, что я не решил главной задачи. Поэтому шеф заканчивает мысль уже с легким раздражением:

– Кто отдал приказ стрелять в мирных граждан в Вильнюсе? Не Горбачев? Он, понимаешь, опять ни при чем. Но люди-то погибли! Значит, все его слова – ложь. Вот что вы должны были доказать в первую очередь. Так? Так.

Обладай я непоколебимым характером Джордано Бруно, наверное, с готовностью бы сгорел на костре ельцинского негодования, выкрикнув: «А все-таки такого приказа не было!». Возможно, я сейчас малодушен, но мне не резон выглядеть пустозвоном перед Муратовым с Крайним, которым клятвенно обещал, что сразу по приезде доложу шефу о ситуации с рижским ОМОНом и изложу нашу идею, как ее разрулить. Конечно, можно было бы рубануть правду-матку и озвучить то, в чем уверены: «Если Горбачев в сердцах и произносил какие-то слова про наведение порядка в Вильнюсе, то приказ применить оружие

отдал кто-то другой. А, скорее всего, его вообще никто не отдавал. Просто ситуация у телебашни в какой-то момент вышла из под контроля. Или ее кто-то из-под контроля сознательно вывел».

Но чем закончится мой героический монолог? И гадать нечего – ничем. Шеф выставит меня из кабинета, и я не скоро в нем появлюсь. Разве что через неделю, а то и через две. А за это время в Риге рванет так, что от надежд на гражданское согласие останутся одни клочья.

– Борис Николаевич, в Риге ситуация развивается по сценарию Вильнюса…

– Да что вы мне, понимаешь, говорите! Мне звонил Горбунов!

– А он рассказал вам про рижский ОМОН?

– И без него знаю! ОМОН подчинен МВД СССР. Это проблема Пуго и Горбачева. Вот пусть они ее и решают.

– Я встречался с Млынником…

– С кем?

– С Млынником. Командиром ОМОНа.

– А-а-а, с этим, с коммунякой.

– Борис Николаевич, надо предложить Горбачеву срочно вывезти ОМОН из Риги. Иначе…

– Что вы мне, понимаешь, навязываете свой ОМОН?! Ничего никому не надо предлагать! Это проблема Горбачева! Пусть решает, если он вообще что-то может решить! Когда это станет моей проблемой, я ее решу за пять минут!

Проблема рижского ОМОНа стала его проблемой сразу же после августовского путча. В Юрмале, на встрече с главами трех прибалтийских республик, уже добившихся фактической независимости, он пообещал Горбунову вывезти ОМОН в Россию. И слово свое сдержал.

…Захожу к шефу согласовать кое-какие детали его интервью, которое должно транслироваться на весь мир. Ельцин смотрит на меня с усмешкой:

– Я закрыл вопрос с вашим ОМОНом.

– Не понял, Борис Николаевич…

– Горбачев не хотел выводить ОМОН из Риги, а я распорядился вывезти. Все! Точка! Проблема закрыта!

– И где же они теперь будут служить?

– Сейчас Баранников подбирает для них место службы.

– Но это будет Москва?

– Почему Москва? Нечего им в Москве делать! Коммунистов на митингах охранять, что ли? У тех тут своих защитников хватает!

…В конце августа 1991 года рижских омоновцев самолетами перебросили к новому месту службы – в Тюмень. Согласно договоренности между Москвой и Ригой, перед отправкой в аэропорт все имеющееся оружие они должны были сдать представителям латвийского МВД. Не получилось. «Банда Млынника», как ее частенько называли в либеральной российской прессе, наотрез отказалась разоружаться. Так и летели – в полной экипировке, с оружием, боекомплектом, средствами защиты и связи. И уж что вообще не предусматривалось министром внутренних дел России Виктором Баранниковым – с семьями на борту.

Глава 8
Грузинский схрон

Февраль 91-го измучил чередованием лютой стужи и оттепелей с обильными снегопадами. То, что в СССР дезорганизованы и перестали нормально функционировать все службы, нагляднее всего иллюстрирует Гидрометцентр, который уже не угадывает погоду не то что на месяц вперед, а даже на предстоящие сутки. Каждое утро, собираясь на службу, гадаю и не могу угадать, во что мне одеться. То укутаюсь не по погоде и после в метро изнываю от жары. То, напротив, одеваюсь слишком легко и промерзаю на улице как бездомный пес, аж зуб на зуб не попадает. А результат плачевный – мучаюсь от перманентной простуды. Ужасно неловко перед коллегами – хожу, и все время хлюпаю носом. Глядя на меня, Анатолий Григорьев, личный врач Ельцина, оберегающий его от всяческой хвори, озабоченно качает головой:

– Ты бы поостерегся с ним контактировать.

– А если он сам пожелает вступить со мной в контакт?

– Знаешь что, друг мой, шел бы ты со своим насморком домой!

И я пошел. Только не домой, а на встречу с объявившимся в Москве Гурамом Абсандзе, вице-премьером и министром финансов Грузии. В целом он неплохой человек, и к тому же мой давний приятель, но у него в характере есть одна черта – если звонит и предлагает повидаться, значит, во мне появилась какая-то надобность. Вначале нашего знакомства я обижался из-за этого, и даже очень, но со временем перестал реагировать на любые проявления прагматизма. Решил относиться к ним с философским смирением: если не хочешь остаться без друга, принимай его таким, каков он есть, с присущими ему заморочками, причудами и недостатками.

…Сидим в заведении, гордо именуемом рестораном. На самом деле его даже столовой можно назвать с очень большой натяжкой. Не из-за кухни, конечно, а из-за дизайна и комфорта. Еще не так давно в этом павильоне из стекла и неоштукатуренного бетона красовались автоматы разлива пива, и самые колоритные люди московского захолустья, стоя с кружками в клубах табачного дыма, задушевно матерились, обсуждая между собой бренность бытия со всеми его достоинствами и пороками. Теперь интерьер слегка облагородился. Появились раскладные алюминиевые столики, накрытые клеенкой с узором,

имитирующим скатерть, и на каждом – бумажные салфетки в граненых стаканах и два блюдечка, одно с солью, другое с перцем. Помещение отапливается плохо, и это обстоятельство располагает к питию крепкого алкоголя. Но мы с Гурамом, вопреки температурному дискомфорту, отдаем предпочтение сухому грузинскому вину, в последние годы заметно сдавшему в качестве, но все же остающемуся лучшим в СССР. И, конечно, едим умопомрачительно вкусные хинкали, в приготовлении которых с Зурабом, хозяином заведения и нашим давним приятелем, может соперничать разве что сам Зураб. Разумеется, если станет готовить их не тут, в Москве, а у себя в Зугдиди.

Надо признать, что выражение «едим хинкали» применимо лишь ко мне. Гурам почти ничего не ест. Во-первых, потому что поставил перед собой заведомо невыполнимую задачу – похудеть. Его убойный вес недавно перевалил за сотню кило, и в грузинской прессе по этому поводу появились язвительные заметки о нем как о политико-диетологическом «тяжеловесе». Ну, а во-вторых, его сюда привел вовсе не голод, а желание поговорить со мной о весьма важном и неотложном деле. В этом смысле мои сомнения относительно его бескорыстия в очередной раз оправдались.

– В конце марта у нас в Грузии референдум о независимости. Звиад Константинович хочет, чтобы Борис Николаевич знал – это не против него, это против Горбачева.

Я не тороплюсь реагировать на эти слова, поскольку знаю отношение Ельцина к Звиаду Гамсахурдиа, в ноябре прошлого года избранному председателем Верховного Совета Грузии. Оно, как минимум, настороженное, а если сказать жестче – неприязненное.

– Ельцин недавно встречался с Шеварднадзе…

– Э-э-э! – Гурам закипает при одном упоминании имени главного оппонента своего шефа. – Его в Грузии никто не поддерживает! Мамой клянусь – никто! Вся Грузия за Звиада!

– Я понял, понял, – «Господи, как же хороши у них эти хинкали!» – Так вот, Шеварднадзе целый час ему втолковывал, что Гамсахурдия оголтелый националист, и если он станет президентом Грузии, будет проводить откровенно антироссийскую политику.

– Что он болтает?! – от возмущения Гурам краснеет, как перезрелая хурма, и начинает говорить по-русски с ярко выраженными мингрельскими интонациями. – Какой такой «антироссийский политика», да?! Совсем с ума сошел этот Амвросиевич-Мамвросиевич! Зачем его слушать?!

– Может, Шеварднадзе и сошел с ума, и слушать его не надо,

только у Ельцина есть и другие источники информации. Он, например, знаком с заявлением председателя Верховного Совета Грузии господина Гамсахурдиа о русской оккупации.

– Слушай, зачем так говоришь, да?! – Гурам смотрит на меня с искренним огорчением, будто я только что по недомыслию отказался поддержать его любимый заздравный тост. – Это же большая политика! Я с тобой дружу, Звиад с тобой дружит, мы все друзья – почему будем против России?! Хочешь, Звиад Константинович напишет письмо Ельцину? Ты ведь сможешь его передать прямо в руки? Напрямую, чтоб без всяких там канцелярий-манцелярий. Сможешь?

– Смочь-то я смогу, но, думаю, письмами ничего не решить, нужен поступок.

– Надо поступок, сделаем поступок! Какой надо сделать?!

Гурам смотрит на меня выжидающе, а я не знаю, что ему ответить. Нутром чувствую, выбор между Шеварднадзе и Гамсахурдиа будет сделан не в пользу последнего. И не потому, что Эдуард Амвросиевич Ельцину ближе и дороже Звиада Константиновича. По большому счету, в данной ситуации ему до обоих нет никакого дела. Решение будет принято исходя из другого критерия – из соотношения сил в противостоянии между ним и президентом СССР Горбачевым. В этом смысле пусть ненадежный, но все же союз с Шеварднадзе, имеющим обширные связи на Западе, позволит Ельцину усилить свои позиции. А вот сближение с Гамсахурдиа мало чего даст. Его влияние на кремлевскую бюрократию равно нулю, а что касается Запада, и прежде всего США, то там его не знают и знать не желают.

И все же…

– Гурам, а вы у себя в Грузии можете найти такое укромное место, где, в случае чего, можно было бы укрыть семью Ельцина, и чтоб никто об этом не знал?

– Конечно, есть! Найдем такое место! Завтра же поговорю со Звиадом Константиновичем, – и, почувствовав прилив жизненных сил, Гурам решительно отвергает мысль о борьбе с излишним весом как контрпродуктивную: – Эй, Зураб, неси еще тарелку хинкали, шашлык и бутылку вина! И зелень, зелень не забудь!

…С очередного совещания в Ново-Огареве, которое на этот раз Горбачев посвятил вопросам распределения налоговых поступлений между союзным и республиканскими бюджетами, Ельцин приехал мрачнее тучи и сходу устроил разнос дежурным секретарям за то, что в коридоре возле его двери толпится, как ему показалось, слишком много зевак с депутатскими мандатами. Что они тут, понимаешь, трутся?! Занять себя нечем?! Накопленный за день потенциал недовольства делает

маловероятным конструктивный диалог. Но отчего бы и не попробовать? Пристраиваюсь за спиной Коржакова, несущего за шефом его портфель, и проникаю в кабинет, что называется, тихой сапой. Полдела сделано. Теперь главное – не вылететь отсюда с треском и под бурные аплодисменты охранника, не терпящего ничьего своеволия, кроме собственного.

– Чта-а?!

Ельцин явно недоволен моим бесцеремонным вторжением. И понять его можно – хочет хоть немного передохнуть, а тут я лезу без приглашения и непонятно с каким вопросом.

– В чем дело?!

Это тот самый случай, когда суть вопроса надо выкладывать без предисловий, иначе вмиг окажешься за дверью, причем без шанса в скором времени еще раз переступить этот порог.

– Борис Николаевич, помните, вы как-то говорили мне, что семья – это ваше самое уязвимое место? – во взгляде шефа появляются признаки интереса. – Я, кажется, нашел, где в случае чего можно было бы…

Ельцин прижимает палец к губам и многозначительно кивает на письменный стол с телефонами. Мы отходим к окну, но и тут он не дает завершить рассказ:

– Завтра у меня встреча с избирателями в Зеленограде. Приезжайте туда, и когда освобожусь, обо всем расскажете.

– Мне в Зеленоград самому добираться или ехать вместе с вами?

– Я распоряжусь насчет машины для вас.

…В вестибюле зеленоградского Дворца культуры прохаживается охранник Ельцина Юра Одинец, человек недюжинной силы, склонный к проявлению полярных эмоций – ярости, что, в общем-то, типично для людей его профессии, и необыкновенного добродушия, встречающегося в этой среде крайне редко. Из битком набитого зала (люди толпятся даже в дверях) доносится усиленный микрофоном негодующий голос Ельцина, обличающего партийную номенклатуру за ее страсть к необоснованным привилегиям. Тема благодатная и любой аудиторией воспринимается «на ура».

– Насчет меня какие-то указания поступали?

– Указания? – по насмешке в глазах Одинца чувствую, его одолевает желание выдать по этому поводу какую-нибудь хохму, но она у него, как назло, никак не придумывается. – Велено в машине дремать.

Что ж, дремать, так дремать. Тем более что недавно шеф пересел с «Волги» на «Чайку», а в ней дремать намного комфортнее. Располагаюсь на заднем сиденье, и, чтоб как-то

скоротать время, предаюсь размышлениям о том, как изменилась моя жизнь после встречи с Борисом Ельциным. Можно сказать, перевернулась…

С ним захватывающе интересно…

Хотя бывает очень трудно…

Помню, как однажды в Японии…

Да-а, непростой человек…

И своенравный, очень своенравный…

– Это кто тут у нас так храпит? Ну-ка, пересаживайся на откидной стульчик!

Бурбулис шутейно тычет мне кулаком в бок. С трудом сбрасываю дрему, нехотя пересаживаюсь и оказываюсь лицом к лицу с Ельциным. Тот сидит с закрытыми глазами, вытянув ноги, и молчит. Чувствуется, устал. В такие моменты его лучше не беспокоить. Наклоняюсь к Бурбулису и спрашиваю шепотом:

– Геннадий Эдуардович, а куда это мы едем?

– Шеф вымотался совсем, надо снять напряжение.

– Мне бы с ним потолковать о наболевшем…

– Вот там и потолкуете.

– Где «там»?

– В бане.

Едем недолго, буквально несколько минут, и останавливаемся перед воротами какой-то пожарной части. Водитель моргает фарами, и из сторожки выскакивает немолодой подполковник. Подбежав к машине, он по-военному четко рапортует вылезшему из машины Коржакову: объект в полной готовности! По тому, каким тоном это сказано, можно судить о склонности седовласого брандмейстера к самопожертвованию.

– Посторонние на территории есть?

– Никак нет!

После первого пара и первой рюмки садимся с Ельциным на диван, поодаль ото всех. Завернутый в белую простыню, в этот момент он чем-то напоминает римского патриция, отдыхающего после произнесенной в Сенате обличительной речи.

– Борис Николаевич, помните, вы мне поручали проработать вопрос о вашей семье на случай кризисной ситуации?

Шеф определенно недоволен тем, как я сформулировал свой вопрос. Будто осмелился напомнить ему, как однажды в Нью-Йорке, будучи в гостях у Рокфеллера, он пролил на скатерть брусничный соус. И я понимаю, что допустил промах. Не нужно было начинать разговор со ссылки на его волю, выраженную в частном порядке и к тому же полунамеком. Всякая просьба, выходящая за рамки служебных взаимоотношений, порождает моральные обязательства, которыми оказавший услугу может

злоупотребить. Поэтому большие начальники не терпят подобные ситуации, а уж для Ельцина они хуже каторги. Его просьба никогда не выглядит просьбой, а благодарность – благодарностью.

– На днях ко мне приезжал человек от Гамсахурдиа. Я ему вполне доверяю, потому что это мой давний товарищ…

Коржаков в белом банном халате хлопочет возле стола и недовольно поглядывает в нашу сторону. Ему определенно не нравится, что есть такие вопросы, которые шеф обсуждает со мной с глазу на глаз, и к тому же в столь расслабляющей обстановке. В его напряженном взгляде просматривается готовность броситься на помощь охраняемому лицу, если тот выкажет хотя бы малейшие признаки недовольства нашей беседой. Но Ельцин их не выказывает. Напротив, ее тема представляется ему весьма своевременной.

– Борис Николаевич, – наклоняюсь и шепчу в самое ухо, – я думаю, что укрытие в Грузии не понадобится, но пусть оно будет. Почему нет? Так, на всякий случай.

– Не хочется мне с Шеварднадзе из-за этого ссориться. Он же считает Грузию своей, понимаешь, вотчиной.

– Он и знать ничего не будет!

– Пронюхает…

– Ну, даже если и пронюхает. Может, это и неплохо, сговорчивей будет.

От разговора Ельцина отвлекает (меня, кстати, тоже) соблазнительный аромат копченого муксуна, привезенного с Севера газовым генералом Виктором Черномырдиным, и он спешит подвести итог нашим сепаратным переговорам:

– Давайте сделаем так: вы поезжайте в Тбилиси и на месте все выясните. Но только не как мой помощник. Вы ведь можете оформить командировку от «Комсомольской правды»?

– Конечно, могу. Но лучше поеду по линии «Российского дома».

Ельцин согласно кивает и, выдержав многозначительную паузу, тычет мне в грудь указательным пальцем, что со стороны может показаться, будто он делает мне строгую выволочку:

– И чтоб никаких, понимаешь, просьб и обещаний от меня лично! Никаких!

– Я представлю дело так, будто все это моя личная инициатива, и вы о ней ничего не знаете, – шеф пожимает плечами: поверят ли? – В общем, придумаю, что сказать.

– Хорошо, – Ельцин хлопает себя по коленям, – а теперь за стол!

…Для того чтобы ни у кого не возникло сомнений, что я

приехал в Грузию как эмиссар «Российского дома», Ряшенцев отправляет вместе со мной своего сотрудника, Евгения Нескоромного, с образцами аппаратуры для защиты от прослушки телефонных переговоров. Мартовская Москва еще утопает в снегу и ежится от зимней стужи, а в Тбилиси уже вовсю бушует весна. Почки на деревьях набухли, и город вот-вот засверкает изумрудом молодой зелени. Но самое большое чудо – цветущий миндаль, от которого просто невозможно оторвать взгляд и не позавидовать грузинам.

Но лишь присмотришься к деталям нынешней грузинской повседневности, и зависть сразу же сменяется жалостью: как же им тяжело живется! В квартирах сыро, холодно, а по вечерам еще и темно, потому что в это время суток повсеместно отключается электричество. Едва ли не каждая семья обзавелась печкой-буржуйкой с ржавым дымоходом, выведенным на улицу через прорезь в оконном стекле. Она в состоянии обогреть всего одну комнату, ставшую одновременно и гостиной, и спальней. Все, у кого есть такая возможность, отправили женщин с малыми детьми к родственникам в деревню. Оставшиеся в городе мужчины забегают домой, только чтоб переночевать да переодеться. Полное ощущение военного лихолетья.

Но любовь к дружеским застольям не покинула души грузин. Кажется, они не изменят ей, даже если вдруг наступит конец света. Хоть мы и прилетели утренним рейсом, но встречающий нас в аэропорту вице-премьер Абсандзе с многозначительным видом обрисовал наши планы на ближайшую перспективу:

– Сейчас поедем в одно интересное место…

Я в Грузии далеко не впервые и хорошо знаю, что означает на местном жаргоне «поехать в одно интересное место», однако делаю вид, что не вполне понял цель нашей поездки туда:

– Со Звиадом Константиновичем там встретимся?

– Нет, там будет хлеб-соль, потом к нему.

– А нельзя ли поменять очередность?

– Никак невозможно!

– Это почему же?

– Звиад Константинович меня не поймет!

«Интересных мест» оказалось не одно, а целых три. Сначала мы наносим визит некто Отари, незнакомому мне земляку Гурама. В детстве они жили в одной деревне в Мингрелии, и поэтому мы просто обязаны посетить его гостеприимный дом. К тому же Отари, если узнает, что я приезжал в Тбилиси, а к нему не зашел (Гурам ему много обо мне рассказывал и тот, хоть и не видел меня ни разу, но уже любит, как брата), так вот, Отари очень и очень, понимаешь, обидится. И на Гурама, и на меня. Но,

конечно, больше всего на Гурама, потому что такой культурный человек как я, будь на то моя воля, ни за что бы не отказался навестить сей благословенный дом.

Разумеется, хозяин гостей не ждет, потому как встречает нас в домашней пижаме.

После него мы заглядываем в осетинский подвальчик отведать только что сваренного пива и горячих пирогов из дровяной печи. Но все это лишь прелюдия торжественной встречи. Сразу после пивной отправляемся в столовую Верховного Совета Грузии, где нас уже ожидает небольшая, но сплоченная группа членов правительства и депутатов. Поскольку многих из них знаю по учебе в московской аспирантуре, встреча оказывается щедрой на такие тосты, какие в Грузии пьются исключительно стоя и до дна. В результате где-то около полудня я теряю коллегу Нескоромного.

– Устал, наверное, с дороги, – Абсандзе смотрит на раскисшего гостя с жалостью. – Я скажу, чтоб его в гостиницу отвезли. Пусть до вечера отдохнет.

Последние слова меня настораживают: а что у нас вечером? Гурам оставляет мой вопрос без ответа, ибо в данный момент ему гораздо важнее произнести здравицу в честь покидающего застолье Нескоромного:

– Наш великий кавказский поэт Расул Гамзатов так сказал о настоящей мужской дружбе: «Если верный конь, поранив ногу, вдруг споткнулся, а потом опять…»

Спотыкающегося Нескоромного собравшиеся провожают гортанными возгласами одобрения и поддержки.

…Внутренний двор Верховного Совета Грузии залит солнцем, а в кабинете его председателя царит полумрак. Плотные шторы задернуты, верхний свет погашен и только тусклая лампа с шелковым кружевным абажуром горит на столе. Последний раз я видел Звиада Гамсахурдиа года два назад, когда, еще работая в «Комсомольской правде», приезжал в Тбилиси собирать материал о забастовочном движении в Закавказье. Тогда он показался мне уверенным в себе человеком неиссякаемой энергии. Тот, кого я вижу сейчас, не похож на него даже внешне – нездоровая бледность кожи, давно не видевшей солнца, серые мешки под глазами и нервная суетливость рук, все время ищущих, чем бы себя занять. Но главное – взгляд, усталый и бесчувственный.

– Ну, как Борис Николаевич? Держится?

Мы сидим на диване так близко друг от друга, что остается только обняться.

– У меня есть то, что он ищет для своей семьи, – Гамсахурдиа говорит шепотом, давая понять, что не уверен в

конфиденциальности нашего разговора. – Большой дом в горах с бассейном и с большим садом. Есть площадка, где может сесть вертолет. Даже две таких площадки – одна у самого дома, другая – немного ниже, возле села.

– Территория охраняется?

– Если будет нужно, мы обеспечим надежную охрану.

– Я могу осмотреть это место?

– Конечно. Я распоряжусь.

В кабинете неживая тишина. Никаких звуков извне. Ни с улицы, ни из приемной, ни сверху, ни снизу. Такое впечатление, что мы здесь в полной изоляции от внешнего мира и что у нас нет ни малейшего шанса вырваться из нее.

– У меня к вам просьба: не мог бы ваш друг, – и, уловив в моих глазах непонимание, Гамсахурдиа уточняет, – ну, тот человек, что с вами приехал, не мог бы он проверить мой кабинет? Надежные люди, работающие в здешнем КГБ, сообщают, что меня прослушивают. Он сможет найти здесь гэбэшные жучки?

– Если они тут есть…

– Обязательно есть!

– Тогда он их найдет. Только не сегодня.

– Конечно, не сегодня. Сегодня вы поедете в одно очень интересное место.

От этого сообщения сердцу становится тревожно, и я спрашиваю со слабой надеждой услышать не то, что ожидаю услышать:

– Что за место?

– Кахетия. Сердце великой Грузии!

– А какова цель поездки?

– Там живет один очень хороший человек! У него вчера сын родился.

– А вы тоже туда поедете?

– Нет, мне нельзя.

– Думаю, что и мне тоже не следует.

– Если он узнает, что вы в этот день были у нас в Грузии, а к нему не заехали, очень обидится! Очень!

По Грузии лучше всего передвигаться в светлое время суток, потому что таких красот, как здесь, в мире крайне мало, если они вообще еще где-либо есть. Но на юге темнеет рано и мы, как назло, едем в кромешной тьме, а потому видим лишь мелькание деревьев и дощатых заборов, освещенных яркими лучами фар старенького джипа. Мы с Гурамом Абсандзе сидим на заднем сиденье. Доставленный из гостиницы Нескоромный клюет носом рядом с водителем. И пускай себе клюет. Ему сегодня предстоит трапезничать за двоих, потому как я не могу позволить себе

никаких излишеств. По двум причинам. Во-первых, потому что мое имя здесь как-то связывают с именем Ельцина, и мне негоже бросать на него тень. А во вторых… Однажды, в один из первых приездов в Грузию, мой хороший товарищ Иван Квачахия, переводчик на русский язык стихов Галактиона Табидзе, провожая на очередное дружеское застолье, напутствовал меня такими словами: «За грузинским столом напивается только тот, для кого не имеет значения уважение всех присутствующих».

Хозяин, этот «очень хороший человек», оказался к тому же еще и членом Верховного Совета. За огромным столом министры, депутаты и еще какие-то солидные дядьки, к именам которых собравшиеся непременно прибавляют уважительное «батоно». По левую руку от меня сидит Тенгиз Кетовани. За глаза его тут называют бандитом, в глаза – будущим министром обороны. Заметив у меня подмышкой пистолет (презент Коржакова для поездок в «горячие точки»), интересуется: какой системы? Узнав, что «Макаров», достает из-за спины точно такой же, и кладет на стол возле тарелки:

– Давай во дворе стрельнем на брудершафт и поменяемся?

В выданном мне разрешении на ношение оружия указан его номер, поэтому подобный обмен, как на него ни взгляни – полная ахинея. Но, шутки ради, делаю вид, что раздумываю над предложением: стоит или не стоит? Беру со стола ствол и осматриваю со всех сторон:

– У меня новенький, а этот какой-то весь поцарапанный.

– Зато безотказный, много раз в деле проверенный.

В разговор вмешивается сидящий напротив министр внешних экономических связей Борис Коландия, человек безукоризненно-аристократических манер:

– Друг мой, не советую меняться. За твоим пистолетом наверняка ничего дурного не числится, а за этим …

В глазах Китовани вспыхивают и гаснут злые искры:

– Э-э, зачем так говоришь?!

Застолье начинается с выбора тамады. Им становится один из степенных «батоно». Мы выпиваем за него первый тост, после чего избранный нами тамада поднимается со стаканом вина в руке и начинает что-то страстно произносить на грузинском. Он еще не закончил свою речь, как все вдруг вскочили с мест и принялись чокаться, шумно выражая поддержку сказанному.

– За что пьем-то?

– Как за что?! – Китовани смотрит на меня с удивлением. – У них теперь первый тост всегда за Звиада Константиновича!

– Почему «у них», а не «у нас»?

– Э-э, дорогой, «у них», «у нас», какая разница?!

Второй тост произносится уже на русском: за нашего дорогого Бориса Николаевича Ельцина, большого друга Грузии и всего грузинского народа! Как и предыдущий, он тоже пьется стоя и до дна. После этого тамада вспоминает о поводе, ради которого все собрались, и присутствующие начинают поочередно славить новорожденного, его родителей, семью, далеких и близких родственников, ну и, конечно, дом, под крышей которого мы сидим, а малышу предстоит расти. Завершается официальная часть прославлением родного села хозяина дома, земли благословенной Кахетии и всей Грузии. Далее следует долгая череда персональных тостов за каждого из присутствующих гостей.

Делаю вид, что у меня возникла нужда ненадолго покинуть застолье, и выхожу во двор в поисках укромного местечка, где бы можно было продержаться без пития до окончания праздничной трапезы. Заметив меня, преклонных лет старик машет рукой: иди сюда!

– Ну что, сынок, замучили они тебя?

– Не могу я столько вина пить!

– Правильно сделал, что ушел. Пойдем со мной.

Старик открывает калитку, и мы выходим в сад. Воздух насыщен ароматами пряных трав и помидорной рассады. Кажется, что я попал в миску с салатом. В середине большого сада горит фонарь, освещая поляну с разбросанными по ней пустыми холщовыми мешками. Наверное, их положили на землю сушиться. Дед поднимает один из мешков, и я вижу под ним деревянную крышку, накрывающую горлышко врытого в землю огромного глиняного кувшина.

– Это что?

– Квеври, сынок. Подай-ка мне вон ту палку.

Только теперь замечаю прислоненный к цветущему абрикосу шест, с прикрученной алюминиевой кружкой на конце. Старик хитро подмигивает:

– Но тем мальчишкам, – кивает в сторону дома, откуда доносятся голоса, – не говори, что пробовал такое вино.

– Почему не говорить?

– Ты что, не понимаешь, да?! – старик хитро подмигивает: – Умрут от зависти!

Это незабываемо! Бездонное звездное небо над головой, утопающий во тьме сад, терпкое кахетинское «Саперави», равного которому нет в мире, и трели ночных цикад, под аккомпанемент которых звучит старинная грузинская песня. Это мы со стариком поем. Поем негромко, вполголоса, но что самое удивительное – дуэтом. Вот чего творит животворящее вино Грузии!

…Увидев меня в приемной, Коржаков усмехается: от кого это тут так пахнет вином и барашком? Возразить нечего. Но и упрекнуть себя тоже не в чем. Вино, шашлык – не скрою, все это имело место, и в немалых количествах. Так ведь не в ущерб делу! Теперь, если для семьи Бориса Николаевича вдруг возникнет какая-то опасность или если его станут шантажировать ею, у нас имеется надежное место, где можно на какое-то время укрыть и жену, и детей, и внуков. Там им будет комфортно, а главное – безопасно. Я сделал то, что поручалось сделать – со всеми переговорил и обо всем договорился, куда надо съездил и все, что надо, увидел собственными глазами. А еще привез послание от Гамсахурдия, что тоже немаловажно, учитывая, что вскоре (и об этом уже можно говорить без тени сомнения) тот станет президентом независимой Грузии. Времена, конечно, изменились, но все же не следует забывать ту ключевую роль, которую эта страна играет на Кавказе. Сто с лишним лет назад один из российских дипломатов в своем донесении императору в Санкт-Петербург так и написал: «Последний день русского пребывания в Тифлисе будет первым днем расставания России с Кавказом». Значит, нам никак нельзя отталкивать от себя Гамсахурдиа, пусть даже такого, каков он есть.

Протягиваю Ельцину письмо Звиада. Тот смотрит на конверт, как мне кажется, более чем равнодушно:

– Отдайте Виктору Васильевичу.

Любая записочка, пусть даже писанная карандашом на клочке бумаги, если она попадает в руки Илюшину, сразу же становится документом, который должен иметь официальный ход. Видимо, шеф вспомнил о бюрократическом педантизме своего главного помощника, и переменил принятое решение:

– Или ладно, положите его вон на тот столик.

Ельцин слушает мой доклад вполуха, а на разложенные перед ним фотографии грузинского схрона и вовсе не смотрит.

– На словах Гамсахурдия просил передать, что крайне заинтересован в вашей поддержке и что в случае своего избрания президентом будет координировать с вами свою политику. Развитие сотрудничества с Россией по всем направлениям станет одним из главных его приоритетов.

Шеф вздыхает, давая понять, что ему не слишком интересно то, о чем я говорю:

– Вы ему сказали, что по поводу семьи я вам ничего не поручал?

– Конечно. Сказал, что вы даже ни о чем не догадываетесь, а я действую по собственной инициативе и с согласия некоторых ваших помощников, которые…

Ельцин не дает договорить:

– Хорошо, но больше на связь с ним по этому вопросу не выходите.

– Да, но если вдруг…

– Что-то еще непонятно?

– Все понятно.

В голове свербит мысль: почему все— таки сначала он согласился на мою поездку в Грузию, а теперь ничего не желает слышать про ее результаты? Какая муха его укусила? Похоже, у этой мухи есть имя – Саша Коржаков. В последнее время тот все, что не согласовано с ним лично и что не укладывается в его служебные и неслужебные интересы, преподносит шефу как коварные происки. Хранитель тела всеми силами старается стать хранителем помыслов. Добром это не кончится.

– Борис Николаевич, мне сказать грузинам, чтоб не держали для нас этот объект?

Ельцин морщится, будто от зубной боли:

– Лев Евгеньевич все объяснит. Переговорите с ним.

Вот уже битый час сижу у себя в кабинете, тупо листаю телеканалы и ничего не предпринимаю. Даже на телефонные звонки не реагирую. И все потому, что не могу унять уязвленное самолюбие. Черт меня подери! Оказывается, у Льва Евгеньевича Суханова уже что-то продумано и придумано! Так зачем же тогда я летал в Тбилиси? Зачем морочил голову Гамсахурдия? Зачем выдавал векселя Абсандзе? Зачем одалживался у Володи Ряшенцева? Зачем все это?!

Неожиданно дверь открывается, и в кабинет входит улыбающийся Лев Евгеньевич Суханов. За те недолгие месяцы, что я работаю в аппарате председателя Ельцина, могу по пальцам пересчитать его визиты ко мне, что называется, не по делу. Стало быть, и на сей раз заглянул не просто так, хотя и начинает издалека:

– Привет. С возвращением! Удачно съездил?

– Если не считать того, что моя поездка оказалась никому не нужной, то вполне удачно.

Суханов, похоже, не почувствовал моего раздражения или не счел нужным на него реагировать. Но, глядя на его приветливое лицо, у меня пропадает желание таить обиды:

– Шеф сказал, у вас есть какой-то план, и вы мне о нем поведаете.

– План? Какой еще план?

– Ну, насчет его семьи.

– А! ты просто не понял его! – Суханов берет стул и садится рядом со мной. – Тут вот какое дело…

…Валерий Окулов, зять Бориса Николаевича. До 1985 года он работал штурманом в свердловском авиаотряде, а когда тесть возглавил Московский горком партии, сразу же перевелся в Москву, в Центр управления международными воздушными сообщениями, и теперь летает за границу на самолетах «Аэрофлота». Точнее – летал, потому как с некоторых пор родство с Ельциным перестало быть стимулятором карьерного роста. В общем, на днях его отстранили от полетов и вообще грозят увольнением.

– Мстят Борису Николаевичу, сволочи! – Суханова отличает способность воспринимать житейские невзгоды шефа как собственные. – Ты же понимаешь, как он из-за этого переживает!

– Но чем я-то могу помочь? Разве что попрошу кого-нибудь из «Комсомолки» написать заметку про героического штурмана Окулова, которого чиновники от авиации гнобят за родство с Борисом Ельциным.

– Не надо ничего писать. Надо на время отправить его с женой куда-нибудь за границу. Например, в Испанию. Напряги свой «Российский дом», у них наверняка есть там какие-нибудь партнеры.

– А хотите, отправлю Окуловых в Грузию?

– Только не в Грузию! У Шеварднадзе есть информация…

– А он что, опять к шефу приходил?

– Нет, они позавчера встретились на завтраке у американского посла.

Не в этом ли причина потери интереса к идее грузинского схрона?

…Ночь. Чертовски хочется спать. Сижу на кухне и жду телефонный звонок из Мадрида от Фредерика Шапю, бизнесмена, женатого на дочери богатейшего выходца из Южного Вьетнама, совладельца невероятного числа разбросанных по свету фирм и компаний, вхожего в дома многих европейских лидеров, гражданина мира с бесчисленным количеством паспортов и кредитных карт. О чем бы ни зашла речь, но на вопрос: «А можно ли это сделать?», он всегда отвечает: «Сделаем!». Правда, не факт, что будет сделано именно так, как тебе требуется, потому что Фредерик – человек-импровизатор, отдающий предпочтение не конечной полезности той или иной комбинации, а ее изяществу и необычности. Это самый обаятельный из всех авантюристов, повстречавшихся мне на жизненном пути.

Ночной звонок – это всегда испуг. Даже если его ждешь, он все равно заставляет вздрогнуть: что-то случилось?! Но сейчас я наверняка знаю, кто звонит и зачем. В голосе Шапю звучат нотки жизнеутверждающего оптимизма:

– Встретили, разместили, по-моему, они всем довольны! Ты знаешь, дети твоего Бориса оказались очень приятными людьми!

Прихожу на работу совершенно не выспавшимся, но все же вовремя. Не успеваю разложить на столе утреннюю прессу – ко мне заглядывает Лев Суханов. У того понятный интерес к новостям из Испании: как доехали, где устроились, все ли в порядке? Отвечаю словами неунывающего мсье Шапю: встретили, разместили, всем довольны.

– Ну и слава Богу. А ты, я смотрю, совсем не выспался? Пойдем ко мне, я тебе хорошего кофейку налью.

– Сейчас, Лев Евгеньевич, только сначала к шефу зайду.

Суханов удивленно вскидывает брови:

– А зачем?

– Так ведь надо же ему доложить…

– Не советую! – и, почувствовав мое удивление, задает ставящий в тупик вопрос: – Он тебе что-то поручал? Лично он? Нет. Стало быть, и не надо ему ни о чем докладывать. Пойдешь – и поставишь его в малоприятное положение должника. Чувствуешь, чем такое для тебя может закончиться?

– Господи, да какой же он должник?! Мы ж свои тут люди! Можно сказать, соратники! Как говорится, кашу ели из одного котелка, и не раз!

– Забудь обо всем, что раньше между нами было. У него теперь другой статус, и у нас тоже.

– Ох, уж эти ваши, Лев Евгеньевич, аппаратные заморочки!

Вопреки совету Суханова захожу в кабинет к Ельцину и с порога сообщаю новость: ваши долетели, устроились, все в порядке! Шеф сидит, склонившись над раскрытой газетой, и никак не реагирует на сообщение. Может, не расслышал? На всякий случай повторяю:

– В общем, все у них хорошо. Думаю, вечером сами вам позвонят и обо всем расскажут. Такая возможность у них имеется.

Неожиданная реакция шефа ставит в тупик:

– Вы в курсе, что в вашей любимой «Комсомолке» творится? Нет?! С прессой надо больше работать, а не мировые проблемы решать!

– А что случилось, Борис Николаевич?

– Что случилось? – шеф говорит тоном, не предвещающим хорошего завершения моего визита в этот кабинет. – Вот, взгляните! Что это такое?! На первой полосе: «Борис, ты опять не прав»?! Какой я им, понимаешь, Борис!

Если Ельцин переполнен недовольством, разговаривать с ним о чем-либо, объяснять и тем более оправдываться бесполезно. Поэтому скороговоркой обещаю разобраться, хотя не знаю с кем и

в чем, и возвращаюсь к себе в кабинет. Ощущение от происшедшего препоганое. Я-то знаю, что шел не за тем, чтоб Ельцин обнял меня, прижал к груди и произнес прочувствованно: «Спасибо тебе! Выручил!». Но для него, похоже, все выглядело именно так. Вот поэтому и получил чувствительный щелчок по носу. И поделом.

Гордыня сродни глупости.

Глава 9
Израильская прелюдия

С той поры, как мы шумно оскандалились в Америке, не прошло и полугода. За это время успели побывать и в Японии, и в Европе. Теперь, встречаясь, бывает, вспоминаем те вояжи, со всеми их плюсами и минусами. А вот поездку в США – никогда. Малейшее упоминание о ней – и у Бориса Николаевича портится настроение. Что же касается Геннадия Алференко и Джима Гаррисона, продюсеров программы под условным названием «Ельцин в Америке», то шеф до сего дня считает, что это не без их участия произошли «утечки» информации деликатного свойства, породившие разговоры о пьянстве и политическом бескультурье российского литера.

И вдруг…

Февраль 90-го выдался донельзя хлопотным – на носу выборы народных депутатов РСФСР. Ельцин баллотируется от Свердловска, но и о московском электорате не забывает, ибо в будущем, когда придет срок выбирать президента России, столичный регион во многом определит шансы кандидатов на победу. Вот и сегодня у него была какая-то встреча в подмосковном Калининграде. Меня туда не позвали. Поэтому, едва вхожу в дом, сразу включаю телек: скажут о ней хоть что-нибудь в вечерних новостях или нет? Скорее всего, не скажут и уж тем более не покажут. Но посмотреть все же надо. Чем черт не шутит!

Ожидание прерывает телефонный звонок. Ну как же это не вовремя! И ведь наверняка не по делу. Скорее всего, кто-то из стародавней банной компании. Сегодня пятница, вот и хотят поинтересоваться моими планами на завтрашнее субботнее утро. Чего бы ни случилось в подлунном мире, но в этот день они сначала лупят друг друга березовыми вениками в Тетеринских банях, а после пьют пиво в подвальчике у Столешникова переулка, и сей распорядок не могут нарушить никакие политические катаклизмы. Он так же предопределен мирозданием, как восходы и закаты.

Поднимаю трубку и с трудом сдерживаю раздражение: слушаю! Никакого ответа. Ну, и что же мы молчим? Говорите же или повесьте трубку! И вдруг – голос Ельцина:

– Павел, приехал Джим Гаррисон.

Скажу честно: поражен доселе небывалым явлением. Обычно звонит Суханов и предупреждает, что сейчас со мной будет

говорить Борис Николаевич. А тут вдруг на тебе – сам! По всей видимости, Лев Евгеньевич и в этот раз набрал мой номер (шеф его отродясь не знал) и стоит где-то рядом. Но все равно такое в диковинку. А еще диковинней услышанное – вот уж, действительно, новость так новость! Не в том смысле, что Джим объявился в Москве. Мало ли какие у него тут могут быть дела. Удивительно, что после всего происшедшего в Штатах он решился выйти на связь с Ельциным, а тот не послал его куда подальше. Не нахожу этому объяснения.

– Давайте завтра вечером встретимся с ним у меня дома, на Лесной. Поужинаем и послушаем, что он нам скажет. Ярошенко я уже предупредил.

…Не знаю, готовила ли все эти угощения сама Наина Иосифовна или же кто-то другой, но все очень вкусно. Причем ради заморского гостя стол накрыт в уральском стиле – с пельменями и обилием всевозможных салатов и разносолов. Единственное, что выпадает из традиций малой родины хозяев дома, так это выпивка – откушиваем виски.

Гаррисон пришел без Алференко, но с молоденькой и довольно милой барышней. Та заметно робеет перед шефом, но переводит бойко. У Джима, как и следовало ожидать, громадье планов относительно мистера Ельцина – издание в Америке его будущей книги, цикл лекций в ведущих американских университетах, обсуждение бизнес-проектов с руководителями крупнейших банков и инвестиционных компаний и, конечно же, неофициальные рабочие контакты с президентом, ключевыми сотрудниками аппарата Белого дома, сенаторами, конгрессменами и губернаторами.

Поскольку сижу по левую руку от Ельцина (правое ухо у него почти не слышит), имею возможность шепнуть: это же один в один программа прошлой поездки! Шеф кивает в ответ и озвучивает мною мысль, но в собственной интерпретации:

– Вы и в тот раз обещали такие же золотые горы.

На лице Гаррисона появляется выражение страдальческого недоумения. Я ничего не знаю об этом кучерявом моложавого вида господине с изящными очочками на носу – об его семейном статусе, об образовании, об имущественном положении. Но почему-то именно такими мне представляются американцы из небогатых семей, стремящиеся любой ценой приблизиться к кругу избранных, стать в нем если не ровней, то, по крайней мере, как у нас говорят, рукопожатным. Возможно, в детстве он даже недоедал, а потому и вырос по-юношески субтильным.

Джим ни слова не понимает по-русски. Но когда шеф что-то говорит, он весь напрягается и вслушивается в тональность

произносимых звуков, стараясь уловить: это для него хорошо или плохо? И, как правило, улавливает. Вот и сейчас барышня еще не закончила перевод, а он уже реагирует на реплику Ельцина:

– За эти полгода взгляды руководителей Соединенных Штатов сильно переменились. Поэтому нам гарантирован успех.

– И в чем же перемены?

– Они поняли, что будущее вашей страны – это Ельцин, и никто другой!

Шеф благостно-иронично усмехается: «Что ж, лучше поздно, чем никогда». Зато Суханов высказывается язвительней: «А быстрее нельзя было соображать?».

Вообще-то мне не очень понятно, зачем шеф позвал нас с Ярошенко на этот ужин. Если и на самом деле рассчитывает, используя связи Гаррисона, установить «теневые» контакты с американским руководством, то наше сегодняшнее присутствие едва ли можно считать оправданным. При повторной реализации заокеанского проекта ему вообще лучше опереться на новую команду. Мы – это напоминание о предыдущем провале. Нас будут узнавать и посмеиваться: «Опять со своими собутыльниками приехал!», и это априори придаст визиту негативный фон. Не думаю, что Борис Николаевич этого не понимает.

Проект «Визит-2» обсуждается, что называется, под соленый огурчик, в паузе между закусками и основным блюдом. Причем хозяин дома ограничивается общими фразами и ничего конкретного не обещает. Я, кстати сказать, не раз замечал, что шеф, выслушав какое-нибудь предложение, пусть даже безусловно полезное и важное для него, никогда сразу не соглашается, и всем своим видом демонстрирует муки раздумья. А покуда он тянет с ответом, тот, кто полагал, что оказывает ему немалую политическую услугу, «дозревает» в томительном ожидании. И в тот момент, когда слышит от Ельцина: «Ну что ж, давайте попробуем…», душа его переполняется признательной радостью лишь за то, что помощь принята с благосклонностью. Открытость и простодушие чужды людям большой политики.

Но Гаррисон – не тот случай. Он не предлагает шефу помощь, это очевидно. Он предлагает взаимовыгодный бизнес, в котором всё, как говорится, баш на баш, и даже не старается скрыть свою выгоду – эксплуатируя интерес к Ельцину, рассчитывает сблизиться с влиятельными политическим кругами своей страны. Что ж, в этом, похоже, их желания совпадают. Это понимают оба, а потому оба довольны сегодняшней вечеринкой. Особенно Гаррисон, судя по его аппетиту.

На часах девять вечера. Заокеанскому гостю пора уходить, у

него самолет рано утром. Да и мне, признаться, тоже хочется откланяться. Неплохо было бы хоть сегодня прийти домой не заполночь. Но Суханов останавливает: шеф просит задержаться, есть разговор.

Вот ведь поганая натура! Каких-нибудь пять минут назад рвался домой, а стоило узнать, что у Ельцина есть ко мне какое-то дело, так сразу и передумал. Сижу и жду. Может, заурядное любопытство? Что ж, не без этого. Небезынтересно узнать, о чем меж нами пойдет разговор – о книге, которую для него пишет Валя Юмашев, о сегодняшних предложениях Гаррисона или о чем-то доселе еще не обсуждавшемся.

Но не только в любопытстве причина. Ельцин для меня – олицетворение демократических устремлений. Именно этим рождено стремление быть у него под рукой. В газете я, конечно, влияю на политику и политиков, но словом. Это тоже немало, но не всегда действенно – иной раз ты чего-то не понял, иной раз тебя не поняли. Да и словом твоим могут распорядиться по-разному – и в плюс, и в минус. А с Ельциным – это совсем другое. Быть рядом с ним – не просто чувствовать сопричастность к происходящим в стране переменам, но и возможность самому в ней что-то попробовать поменять к лучшему. У кого она есть? Не у многих. А у меня есть. Ценю это, как одно из величайших жизненных обретений. А потому сижу и жду…

Он многое обещал стране – и создать эффективную рыночную экономику, и по справедливости перераспределить национальные богатства, и ликвидировать номенклатурные привилегии, и добиться равной ответственности всех и каждого перед Законом, и искоренить произвол чиновничества. Пройдет пара лет, и относительно него у большинства сограждан пропадут все иллюзии и надежды. Со мной это случится много раньше – меньше, чем через год. И станет стыдно за каждое написанное в его поддержку слово. И не только в его. Все они, рожденные уличным недовольством политики-демократы, на поверку окажутся чистопородными лицемерами-демагогами: прилюдно рассуждали о благополучии всех, втайне лелея мысль о благополучии для себя. Встречались, конечно, исключения (на заре перемен их было даже немало), но это какие-то реликтовые идеалисты, и их политический век не был долгим. Вспыхнули, зажгли в легковерных душах светлые чувства, и угасли, оставив после себя удушливый запах паленых надежд.

Что сегодня сохранилось от прежней обветшалой веры в коммунизм? Всевластие больших и малых столоначальников. Чего так и не родила новая вера в демократию? Свободы человеческого

духа. С первым и без второго вся борьба за обновление лишена смысла. Чего бы мы ни принялись создавать, в итоге неизбежно получим то, что с болью отринули в начале 90-х. И неважно, как наше государственное устройство будет называться – авторитарным коммунизмом, социализмом «с человеческим лицом» или либерально-рыночным капитализмом. Тексты гимнов можно переписать и заучить за день, а вот на то, чтобы изменить состояние людских душ, уйдут десятилетия. А потому любому, кто, движимый иллюзиями, станет обслуживать интересы Правителя (обожаемого народом или презираемого им – это тоже не суть важно), рано или поздно придется оправдываться за свою близость к нему.

Застольные посиделки с Гаррисоном не принесли ничего, кроме приятной сытости и легкого опьянения. Во всем, что он предлагал, нет ни новизны, ни оригинальности. Кроме издания в США еще не написанной книги Ельцина – это, по сути, полный повтор программы прошлогодней поездки, которая, надо сказать, была перегружена никчемными и откровенно коммерческими мероприятиями. Но шеф доволен и пребывает в благостном расположении духа.

– Гаррисон привез мне привет от… – и замолкает, предоставляя возможность угадать имя отправителя.

Мысленно перебираю все наши американские контакты, но не нахожу в них никого, чей привет произвел бы столь приятное впечатление. Конечно, это мог быть Рональд Рейган, которого Ельцин навестил в военном госпитале, когда мы были в Миннеаполисе. Но тот, насколько мне известно, сейчас не в таком состоянии, чтобы слать приветы в далекую Россию, к тому же человеку, которого едва ли мог вспомнить через полчаса после его ухода. Шеф не любит, когда собеседник на лету ловит его мысль, выставляя напоказ свою феноменальную сообразительность, но еще больше не приемлет общение с тугодумами. Я, похоже, сейчас окажусь именно в их числе:

– Борис Николаевич, ну не могу догадаться.

– От Буша!

Вон оно что! Такое мне почему-то в голову не пришло. Теперь понимаю, чем он так доволен. Но не понимаю другого – когда Гаррисон успел передать ему президентскую весточку? К Ельциным он пришел позже меня, из-за стола я никуда не отлучался, до двери провожал его вместо со всеми. Так что все это время находился рядом и ничего подобного не слышал. Странно. Ну, не по телефону же они говорили об этом?! Скорее всего, уже где-то встречались. Тогда все, что произносилось за

столом, – лишь дополнение к чему-то более значимому, о чем нам с Ярошенко знать не дано. И что это может быть? Думаю, не просто привет от старины Джорджа. Нечто повесомее привета.

– Буш уже понял, что дело надо иметь только с Ельциным!

Что ж, этого следовало ожидать. Горбачев слабеет, вера в него как в надежного партнера теряется, и прагматичные американцы ищут пусть не во всем равноценную, но достаточно предсказуемую замену. Но не в характере Бориса Николаевича останавливаться на достигнутом:

– А вот европейские лидеры этого еще не поняли. Еще верят, понимаешь, в Горбачева. Все еще ждут, что он развяжет все конфликтные узлы. Не дождутся, – шеф устало откидывается в кресле, закрывает глаза, и мне кажется, что продолжения разговора не будет, но ошибаюсь. – Ельцин эти узлы развяжет! Только Ельцин! Вот в чем мы их должны убедить.

– Может, мне заняться подготовкой вашей программной статьи о решении самых актуальных международных проблем? Это было бы интересно для европейцев.

– Статьи? Статьи… – Ельцин на минуту задумывается, оценивая предложенное на пригодность. – Нет! Статья – это слова. А нужен какой-то сильный ход. Такой, какого ждали от Горбачева, а он его так и не сделал!

Вдруг вспомнилась недавняя встреча с приятелем, несколько лет назад выехавшим из Союза на ПМЖ в Израиль. Под рюмочку и соленый огурчик он на чем свет стоит клял Горбачева за то, что тот до сих пор не восстановил дипломатические отношения с Иерусалимом. Может, это как раз и есть тот самый «сильный ход», о котором говорит Ельцин?

– Борис Николаевич, Советскому Союзу давно следовало восстановить дипломатические отношения с Израилем. Горбачев почему-то тянет с этим вопросом, никак не может решиться. А ведь это один из анахронизмов «холодной войны». Мне кажется, в этом вопросе вы могли бы проявить инициативу.

– При чем тут Израиль?! – Ельцин недовольно морщится. – Я же вам говорю про европейских лидеров, а не про еврейских.

– Во всех европейских странах существуют еврейские диаспоры, очень сильные и очень влиятельные. Если вы инициируете дипломатическое признание Израиля, это будет замечено не только в Европе, но и во всем мире. А в Америке в первую очередь. Так что убиваем сразу несколько зайцев. Мне кажется, это сильный ход.

Ельцин прищуривается, поджимает верхнюю губу и задумчиво покачивает головой. Похоже, идея не кажется ему никчемной.

– Ну- у, может быть, может быть…

Воодушевленный, развиваю успех:

– А еще Горбачев обещал предпринять шаги к вступлению СССР в Совет Европы. Но в прошлом году, когда выступал в Европарламенте, об этом так ничего и не сказал. Говорят, многие европейские лидеры этим разочарованы. Думаю, это еще один хороший повод выступить с инициативой.

Шеф и это предложение воспринимает благосклонно, но идея завоевать симпатии еврейских диаспор, причем не только в Европе, но и во всем мире, ему, похоже, больше пришлась по душе:

– Два «сильных шага» нам одновременно не потянуть. Так что сосредоточьтесь на Израиле. Только вот что, – Ельцин поднимает вверх указательный палец, что означает: «Внимание, я сейчас скажу нечто самое важное!». – Все должно быть сделано в режиме «народной дипломатии». Ничего официального! Чтоб всем было понятно: Вощанов действует от моего имени, но без моего непосредственного участия!

В этот момент он чем-то напоминает мою школьную учительницу по физике. Та каждую пятницу заканчивала урок словами: «Теперь запишем задание на завтра!». И мы хором кричали: «А завтра у нас нет уроков!». Она останавливала радостный гвалт резким хлопком ладони по столу, после чего произносила абракадабру, которую каждый из нас знал на зубок и мог повторить даже спросонья: «Для таких, как вы лоботрясов, “завтра” – это не есть завтра. Это следующий урок, к которому вы должны начинать готовиться именно завтра!».

Возвращаюсь домой пешком. Это не близко, где-то с час хода. Но надо осмыслить разговор с шефом. Таких невыполнимых заданий я от него еще не получал. И ведь корить некого, сам напросился. Думал, мое дело – присоветовать, а дальше все и так как-то сложится. Ан нет! Теперь надо ломать голову, как выполнить предложенное – на неофициальном уровне установить рабочие контакты известного, но, по большому счету, рядового советского парламентария Ельцина с первыми руководителями государства Израиль. И при этом не использовать никакие официальные каналы и не имея никаких документально закрепленных полномочий, а в расходах рассчитывать лишь на спонсорские пожертвования.

В том, что Ельцин победит на российских парламентских выборах, у меня нет ни малейшего сомнения. Как и в том, что после возглавит Верховный Совет РСФСР. А до этого мы едва ли успеем осуществить наш израильский план. Значит, если чуть повременить, то к лету появится реальная возможность опереться

на российский МИД. Во главе его Ельцин наверняка поставит кого-то из своих людей. Но ведь он об этом и слышать не желает: «Только в режиме народной дипломатии!». А почему? Скорее всего, попросту хочет обезопасить себя на случай неудачи. Если что-то вдруг пойдет не так у МИДа – это его, Ельцина, поражение, ибо он давал задание и ему, так или иначе, подчинено дипломатическое ведомство. А вот если что-то не сложится у волонтера Вощанова – это личный прокол дилетанта, заморочившего голову и взявшегося не за свое дело. Репутационный ущерб и в этом случае присутствует, но он все же несколько меньше. Можно будет покарать виновника «необщением» и, огорченно вздыхая, сокрушаться: не на того понадеялся!

Так, может, надо было отказаться? Ни в коем случае! Конечно, это авантюра. Но какая захватывающая авантюра!

…Как я и предполагал, на выборах народных депутатов РСФСР, состоявшихся 4 марта 1990 года, Борис Николаевич одержал сокрушительную победу. Можно сказать, за него проголосовал весь Свердловск. А вот дальше начались проблемы. Депутатская оппозиция Ельцину в новом российском парламенте оказалась многочисленнее и влиятельнее, чем предполагалось. Так что сходу заполучить кресло спикера ему не удалось. Потребовались долгие переговоры, в которых сам он непосредственного участия не принимал, а лишь руководил процессом из закулисья. Только спустя два месяца, 29 мая, у двери главного кабинета на третьем этаже Белого дома повесили новую табличку: «Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Николаевич Ельцин». Понятное дело, до того ему было не до Израиля и уж тем более не до меня.

И слава богу! Потому как мне тоже не до него. С утра и до позднего вечера пропадаю в Верховных Советах. Если не в союзном, так в российском. Вот и сегодня весь день провел на Краснопресненской, готовя репортаж с очередного парламентского заседания. Но у творческого горения есть свой предел. Уже направляюсь к выходу, когда в вестибюле меня окликает Лев Евгеньевич Суханов:

– Весь день тебя ищу!

– Что-то случилось?

– Шеф о тебе сегодня несколько раз спрашивал. Хочет увидеться.

Первая мысль: Ельцин вспомнил про Израиль и решил поинтересоваться, что сделано. А не сделано ничего, так что придется оправдываться. Ой, как нехорошо! Но Суханов загадочно улыбается:

– У него к тебе есть интересное предложение.

Значит, разговор пойдет не про Израиль. Только не знаю, радоваться этому или печалиться. Дело в том, что позавчера он вот так же позвал к себе Виктора Ярошенко и предложил тому возглавить российское Министерство внешних экономических связей. Вероятно, и мне хочет отписать какую-нибудь должностишку подле себя. Наверное, не такую масштабную, как у Виктора, но тоже достаточно ответственную. Что греха таить, конечно, такое льстит. Чего хорошего в том, если человек, с которым ты сотрудничал несколько лет, заняв большой государственный пост, теряет к тебе всяческий интерес? Только я не готов к подобным переменам. Мне все по душе в «Комсомолке». У меня там друзья, свой читатель и почитатель, какое-никакое общественное признание. Наконец, там у меня есть свобода. И творческая, и жизненная. А будет ли все это на госслужбе? Едва ли. Да и какой из меня чиновник? Так что, как говорится, от добра добра не ищут. Но встретиться с Ельциным надо, иначе осерчает.

– Сейчас уже поздно. Приходи завтра, прямо с утра.

Прихожу к девяти. Приемная уже набита посетителями. В основном это депутаты, и у всех что-то архиважное и архисрочное. Так что до меня очередь доходит только к полудню. Выглядит шеф прекрасно и, по всему чувствуется, внутренне торжествует. Он даже приветствует меня с несвойственной ему теплотой – обнимает и чмокает в щеку. Несколько слов про избрание и про нынешние спикерские заботы, и, наконец, о главном:

– Хочу вам предложить очень ответственное место в структурах новой российской власти!

За годы нашего знакомства, тем более в поездках, где общение более доверительное, я неплохо узнал натуру Бориса Николаевича. Так вот, одна из его особенностей – он никогда и никого не уговаривает. Каких бы вопросов это ни касалось – от участия в волейбольном матче до создания оппозиционного политического движения. Предложил, услышал отказ – все, забыл, и разговора такого не было! Признаться, это подтачивает мою решительность: а не совершаю ли я ошибки? Солидная должность с кабинетом и персональной машиной – все это, конечно, мишура. Но быть сейчас рядом с Ельциным – значит участвовать в таких переменах, каких у нас в стране уже больше никогда не будет. Такой шанс дается единожды.

– Борис Николаевич, вы не обидитесь, если я откажусь? Ну, во всяком случае, пока, – на лице шефа не отражается никаких эмоций, а это значит, надо как-то аргументировать отказ. – Мне

кажется, в газете я сейчас вам принесу больше пользы. Все-таки огромный тираж, миллионы читателей…

Шеф обнимает и притягивает меня к себе:

– Я и сам такой! Не люблю, понимаешь, сидеть в кабинетах. Люблю с людьми. Живое дело люблю!

– Но я с вами…

– И в команде!

Ухожу, чувствуя облегчение – об Израиле он так и не вспомнил. Может, передумал да забыл мне сказать? В конце концов, задание я получал от депутата Ельцина, а сегодня встречался с руководителем парламента России. Разный политический статус, разные политические цели. Напомнит, тогда и буду что-то предпринимать. А пока…

А пока занялся собственной политической карьерой. В стране началось выдвижение делегатов на предстоящий 28-й съезд КПСС, и коммунисты издательства «Правда» отдали предпочтение моей скромной, но уже довольно известной персоне. Такого у нас отродясь не бывало – рядовые коммунисты пошли поперек воли партийных боссов! Правда, не бывало и такого, чтоб типографские работяги, интеллектуальная элита советского пролетариата, без уговоров и по собственной воле, поддержали не кого-то из своих, а кандидата от пишущего сословия. Не скрою, меня просто распирало от гордости, и воспылав желанием не осрамиться, сосредоточился на подготовке к партийному форуму, который, по всем признакам, должен был стать или реформаторским, или погребальным. И в том, и в другом случае в стране начиналась новая политическая эпоха.

Половина июля пролетела в беготне между Кремлевским дворцом и редакцией «Комсомолки». Я и делегат, я и газетный обозреватель, ежедневно публикующий репортажи с заседаний партийного съезда. Первые дни и ту и другую работу делаю с удовольствием. Не перестаю радоваться: «Какой накал страстей! Какое столкновение принципиальных позиций! Сколько новых идей!». И вдруг где-то на полпути к финалу – будто шарик сдулся. На трибуну выходят лишь для того, чтобы приструнить несогласных с генеральной линией партии и произнести аллилуйные словеса в адрес ее лидера, Михаила Сергеевича Горбачева. Мысль захлебнулась банальностями: про лодку, которую нельзя раскачивать, про коней, которых на переправе не меняют, и про народ, который нам не простит, если позволим бросить тень на светлые идеалы марксизма-ленинизма. Закончилось все демаршем – Ельцин, а следом за ним и его сторонники демонстративно покинули съезд.

Сижу в редакции и не знаю, чем бы себя занять. Ехать на

церемонию закрытия съезда? Не хочется до одури. Все происходящее в Кремле потеряло для меня всякий смысл. Просто одурел от тамошней упертости и пустословия. Писать дежурную заметку с итогами партийного слета? Это вообще полный бред! Итог-то, по сути, один – правящая страной КПСС приказала долго жить и обернулась бесплодным призраком политической организации. Но об этом уже писал, и не раз. Я вообще уже обо всем писал. И что же мне дальше делать в «Комсомолке», да и вообще в журналистике? Спел я свою журналистскую песню! Неплохая была песенка, но, увы, уже спетая, до самого последнего слова, до последней ноты. Стоит ли повторяться? Лучше-то ведь, увы, не получится.

Как жить дальше?! К какому благому делу себя пристроить? Да и есть ли такое благое дело?

Снимаю трубку, набираю номер, известный, как любит говорить Лев Суханов, только «ближнему кругу». Главное, чтоб шеф оказался на месте. Есть!

– Борис Николаевич, можно я к вам сегодня заеду? В любое удобное для вас время!

– Сегодня у меня-я-я…

– На пару минут, не больше!

– Ну, хорошо. Приезжайте.

Такого знойного июля, кажется, еще не было. Во всяком случае, я не припоминаю. Москва похожа на гигантский духовой шкаф. Воздух пропитан удушливым жаром разогретого асфальта и выхлопными газами городских автобусов. Даже в метро нечем дышать. От «Краснопресненской» до Белого дома не так далеко, но в такую нестерпимую жару каждую сотню метров нужно считать за пятьсот.

Влетаю в приемную председателя Верховного Совета, дыша, как борзая после неудачной погони за зайцем.

– Шеф у себя?

– Ты сядь, отдышись сначала, выпей водички, – дежурный секретарь смотрит на меня с усмешкой. – Хочешь холодненькой минералки?

– Так он у себя или нет?

– У себя. Сейчас там Хасбулатов. Будешь за ним.

Руслан Имранович – человек образованный и очень неглупый (ум и образование, увы, не всегда соседствуют, но у него в этом плане все гармонично). Впервые я встретил его у нас в редакции, куда тот приходил со своей очередной статьей о рыночных новациях за рубежом. После, мы даже путешествовали вместе по БАМу на агитпоезде «Комсомольская правда». В наших

журналистских кругах Хасбулатов слыл новатором. Наверное, так оно и было. Я его трудов не читал, а потому не могу судить о нем как об ученом. Хотя знакомые экономисты (а их у меня в ту пору было немало) отзывались о нем как о знающем свое дело специалисте.

Но наука – это одно, бюрократия – совсем другое. До того как избраться вице-спикером российского парламента (правда, до определенного момента он, представляясь, предпочитал именовать себя иначе – «заместитель Ельцина»), это был милый в общении человек, не заносчивый и не требующий к себе особого отношения. Помню, на БАМе именно от него я впервые услышал впечатливший меня рассказ про депортацию чеченцев – как под охраной бойцов НКВД их везли в Казахстан в грязных товарниках для перевозки скота, как на остановках люди возле насыпи голыми руками торопливо рыли могилы, чтоб успеть похоронить умерших в пути, и как после, голодные и обмороженные, рыли землянки в заснеженной казахстанской степи, в которых им предстояло прожить оставшуюся жизнь. Во всяком случае, тогда казалось именно так – другой жизни уже не будет. Я слушал эти рассказы и испытывал к нему чувство глубочайшего уважения: это ж надо, такое пережить и остаться незлобивым человеком!

…Вот сейчас он выйдет от Ельцина и, увидев меня, приветливо улыбнется, а то и приобнимет на свой чеченский манер. Но очень скоро этот человек станет другим – хмурым, неулыбчивым и не слишком церемонящимся в обращении с нижестоящими. Нет, он не поглупеет. Просто сольется с обстановкой своего сановного кабинета и станет тем, чье мироощущение определяет должность. А она у него немалая – как ни крути, второй человек после Ельцина.

Есть люди, для которых высокие должности противопоказаны. Они для них – что геморрой для гея.

Борис Николаевич встречает меня приветливо, хотя, чувствую, ему сейчас явно не до меня.

– Ну, что там у вас на съезде? – Ельцин насмешливо улыбается. – Не наговорились еще?

– А-а! – машу рукой: мол, бог с ним, с этим съездом! – Борис Николаевич, я знаю ваше правило, но… Возьмите меня к себе!

Он смотрит на меня так, словно хочет разглядеть на моем лице причины неожиданной перемены в моих планах и настроениях.

– Что, коммунисты все-таки взяли вас в оборот?

Объяснять, что никакие коммунисты к моему желанию расстаться с газетой отношения не имеют, что элементарно

утратил журналистский кураж, что все, о чем хотел написать, мною уже написано и не вижу для себя дальнейшей творческой перспективы – это и долго, и путанно. Да и поймет ли? Во-первых, у него голова сейчас забита формированием российских бюрократических структур, а во-вторых, он хоть и бывший, но все ж партаппаратчик, а у них свое мерило карьерного счастья. Поэтому лишь горестно вздыхаю в ответ, и этот вздох должен указать на мою немоготу, причину которой каждый волен трактовать как угодно. Ельцину понятнее, что на меня «накатили» коммунисты. Что ж, пусть так оно и будет. Но я этого не говорил.

– У меня был план предложить вам Министерство печати и информации, но вы… – Ельцин задумывается, видимо, мысленно перебирая в уме варианты моего трудоустройства. – Пресс-секретарь у меня есть, Валентина Ланцева. Вы же понимаете, это будет непорядочно с моей стороны, если…

– Ни в коем случае!

– Эксперт! – шеф произносит название моей будущей должности со значением, почти торжественно. – Эксперт председателя Верховного Совета! Мне кажется, так будет правильно.

– А по каким вопросам эксперт?

– Просто – эксперт! Завтра подойдете к Алексею Царегородцеву, он вам скажет, как и у кого оформиться.

Аудиенция окончена. Направляюсь к двери. В спину летит вопрос, заставляющий внутренне напрячься:

– А что у нас с Израилем? Что-то получается?

Я об этой затее, признаться, уже и думать забыл. Но раз шеф вспомнил, стало быть, она для него все еще важна. И мне совсем не хочется свою службу «при дворе» начинать с выслушивания недовольств и упреков. Поэтому ничего не остается, как соврать: да, конечно, я вам потом доложу.

…Это мой первый полноценный рабочий день в Белом доме. В команде Ельцина почти всех знаю поименно, поэтому не чувствую себя здесь чужаком. Зато ощущаю другое – что явно не у дел. Мне выделили отдельный кабинет с компьютером, телевизором и даже с сейфом. После редакционной беспрестанно галдящей коммуналки, в которой все, от карандаша до места за письменным столом, обобществлено и не имеет постоянного пользователя – это невероятной комфорт. Но все равно как-то не по себе. В «Комсомолке» достаточно выйти из лифта на шестом этаже, и ты чувствуешь свою сопричастность к общему делу. Здесь же полдня просидел у себя в келье, и ко мне никто ни разу не заглянул и никуда не позвал. Хоть бы на какое совещание или просто чайку попить. А вышел в коридор – все суетятся, какие-то

бумаги носят из кабинета в кабинет, что-то обсуждают на бегу! И лица такие озабоченные, прямо как у колхозного ветеринара в канун массового отела.

Не выдерживаю испытания неприкаянностью и ухожу на час раньше. Правда, не домой, а в «Российский дом», к Ряшенцеву. Хочу потолковать с ним насчет Израиля. Вдруг что-то дельное присоветует. Политических контактов за рубежом у него, думаю, нет, зато деловых – хоть отбавляй. К тому же он обожает совать нос в большую политику. Иногда кажется, ему просто надоедает бизнес, и он с удовольствием подключается к какой-нибудь из очередных моих авантюр. В чем мы с ним определенно нашли друг друга, так это в том, что касается острых ощущений. Пророчества вроде «вам за это голову оторвут!» нас возбуждают и подталкивают к действию.

Как и следовало ожидать, Ряшенцев воспринимает рассказ о желании Ельцина наладить неформальные контакты с руководством Израиля с воодушевлением и жизнеутверждающим оптимизмом:

– Даже не сомневайся, друг мой, все будет сделано наилучшим образом! А знаешь, с чего начнем? Я позвоню в Израиль своему давнему приятелю Боруху… У нас он, правда, был Венедиктом – ты, случайно, не знаешь, что общего между этими именами? Не знаешь. Жаль.

– Кто он такой, твой Борух? Главный раввин Израиля?

– Ты его не знаешь. Мы с ним когда-то вместе работали.

– Как это «вместе работали»?! На Лубянке, что ли?! Ни за что не поверю, что отставного офицера КГБ выпустили в Израиль!

– А он и не работал в КГБ. Адвокат. Специализировался на делах, связанных с хищениями социалистической собственности. Большой спец.

– Мосье Вова, слушай меня здесь: ты дядю устал своей наивностью! Сейчас твой отставной Веня-адвокат наверняка работает продавцом в какой-нибудь галантерейной лавке в Хайфе. Нет, он, конечно, скажет: «Какие проблемы?! Я вас умоляю!», и пообещает устроить дружескую вечеринку с самим Шамиром. Только после этого ты каждый день будешь звонить ему в Израиль и интересоваться: встреча с премьером, она-таки будет или таки уже нет?

– Ты не знаешь Боруха! Я поставлю перед ним задачу: надо устроить Павлу Вощанову встречу с премьер-министром или с министром иностранных дел Израиля. Он в лепешку расшибется, а сделает!

…На поиски загадочного Венедикта-Боруха у Ряшенцева ушла неделя. Я уж начал терять надежду, но сегодня он позвонил

мне ни свет ни заря и радостно сообщил: нашел и договорился о встрече!

– Где? В Израиле? У нас же с ним, по-моему, нет авиасообщения.

– Борух спросил, куда в Европу мы можем приехать без визы. Я сказал, что в Венгрию. Так что 2 марта в 12:00 мы должны быть в Будапеште, на горе Геллерт, возле главного входа в старую крепость.

– Но ты хотя бы узнал, чем этот твой Борух сейчас занимается? Приедем, а окажется, что он портной или зубной техник.

– Узнал. Только не у него, у других людей: он по нужным нам делам. Так что можешь не волноваться.

– И все же?

– О Моссаде слышал? Политическая разведка.

…В Венгрии наступление весны чувствуется уже в середине февраля – днем пригревает солнышко, снег, если он вообще выпадал, тает и на деревьях стремительно набухают почки. Настроение у людей под стать погоде – радостное и беззаботное. Не чета нашей февральско-мартовской авитаминозной депрессивности. Но в этом году холода и тут задержались. В равнинном Пеште и то зябко, долго не погуляешь, а уж тут, в Буде, да еще на вершине нависающей над Дунаем горы, студеный ветерок пробирает до костей.

Ряшенцев знакомит меня с Борухом и идет греться в машину.

– Ну что, прогуляемся вокруг замка?

– Давайте прогуляемся.

Борух примерно моего возраста, но чуть ли не на две головы выше, кучерявый, с выраженными негроидными чертами лица. Может, он до переезда в Обетованную и жил в Москве, но его говорок выдает в нем уроженца местечковой Украины. Не знаю, как он, а я промерз до чертиков. Просто зуб на зуб не попадает. В такую погоду все разговоры, если они ведутся на свежем воздухе, должны быть лаконичными и без лирических отступлений. Но еврей-репатриант не был бы евреем-репатриантом, если б, прежде чем приступить к делу, хотя бы пяток минут не уделил расспросам про то, «как там сейчас». Боруха интересует многое: растут ли сейчас тиражи советских газет, хорошо ли журналистам платят, нет ли у меня знакомых в московской Коллегии адвокатов, на какой улице я жил в Ташкенте и не знавал ли там Фиму Хейфеца, лучшего джазиста города: «Он подрабатывал на фоно в ресторане “Зеравшан”. Не доводилось бывать?».

Обсуждение, как сказал бы Михаил Сергеевич Горбачев, общечеловеческих ценностей довело меня до дрожи в теле и

стука зубов:

– Ряшенцев рассказал вам о нашей задаче? Что вы об этом думаете?

– Это хорошо, что ваш шеф проявляет такой интерес к Израилю. В руководстве нашей страны это, безусловно, будет воспринято положительно и с интересом. Но я хотел бы спросить: у господина Ельцина есть шанс сменить Горбачева и возглавить Советский Союз?

– Лично я такую возможность не исключаю.

– Он хочет, чтоб условия восстановления дипломатических отношений были оговорены с руководством Израиля заранее, я правильно понял?

– Для начала, как первый шаг, нас устроил бы обмен устными посланиями между ним и руководителями Израиля.

– А следующий шаг?

– Следующий нам подскажет внутриполитическая ситуация в СССР.

– Я доложу о ваших предложениях премьер-министру.

Круг сделан. Мы опять у главного входа в замок. Я несколько разочарован: «Доложу премьер-министру…» – и из-за этого ни к чему не обязывающего обещания я летел два часа и еще час мерз на ветру на этой чертовой горе?! В кармане скопился ворох бумажных носовых платков, непригодных к дальнейшему употреблению. Представляю, как жалко я сейчас выгляжу с красным носом и подрагивающими губами! А израильтянину хоть бы что. Вот ведь устойчивый к невзгодам народ – что синайская жара, что колымский холод, все нипочем!

– Что ж, буду ждать от вас какой-то ответ. Не хотите подойти к нашей машине, попрощаться со своим приятелем?

– Не стоит. Скажите, рад был повидаться, – и уже пожимая руку: – У вас, по-моему, послезавтра выборы в российский парламент? То, что ваш шеф станет депутатом, это для нас очевидно. А дальше?

– Дальше будут выборы парламентского спикера, а еще дальше – президентские выборы. То, что и те, и другие он выиграет, это для вас тоже должно быть очевидным.

– Отлично. Удачи!

…Мне казалось, что Венедикту-Боруху, для того чтобы доложить своему премьеру о предложении Ельцина установить неформальный личностный контакт и получить от того какой-то ответ, потребуется дней пять, не больше. Но прошла неделя, потом другая, а он на связь так и не вышел. Сначала я чуть ли не дважды в день, утром и вечером, интересовался у Ряшенцева: твой израильский дружок не звонил? А после понял: не позвонит!

Не знаю почему, но нутром чувствовал – не позвонит. И не приведи Господь, если информация о нашей будапештской встрече получит хоть малейшую огласку. Шеф воспримет это не иначе, как предательство. А с предателями он расстается без колебаний.

С утра сижу у Ельцина в приемной, жду, когда тот приедет. Дальше тянуть некуда – надо признаться, что ничего у меня с израильской затеей не вышло. И лучше всего это сделать прежде, чем его задергают бесчисленные просители, из-за которых в нем накопится негатив. А он его имеет обыкновение выплескивать на ближайшее окружение. Не то чтобы я сильно опасаюсь «барского» гнева, хотя, конечно, нечего приятного в нем нет. На этот случай у меня даже заготовлено оправдание – в конце концов, я не профессионал в таких делах, и не стоит ждать и требовать от меня слишком многого. Но оно, прямо скажем, довольно хиленькое. Ведь, когда получал задание, об этом и не заикнулся, самонадеянно полагал, что справлюсь. И выдал шефу векселя. Значит, какая-то вина за мной все же есть. Но, думаю, не том беда, что у меня чего-то не получилось. Беда в том, что не могу объяснить причину израильского провала. И сам не могу понять, и ему не смогу объяснить.

Разговор начинаю издалека – о вариантах названия информационного агентства, которое Россия создает, как альтернативу союзному ТАСС. Шеф недовольно вздыхает:

– Мне об этом Полторанин уже докладывал, – и кидает взгляд на стопку лежащих перед ним бумаг. – У вас все?

Судя по настроению, сейчас не тот момент, чтобы докладывать о малоприятном, но откладывать нельзя, будет хуже:

– Хочу вас проинформировать о своей встрече с представителем израильского премьер-министра…

– Не надо, – сказал, как сплюнул, причем с крайне недовольной гримасой на лице. – На днях Горбачев собрал дипломатов и устроил разнос за то, что тянут с признанием Израиля. И дал задание: к осени установить дипотношения и обменяться посольствами.

От его взгляда становится не по себе. В нем целая гамма чувств – и сожаление, и разочарование, и насмешка, и даже презрение. Наверное, так смотрит на жокея владелец конюшни, лошадь которого на бегах пришла последней. А ведь на нее возлагались большие надежды и были поставлены немалые деньги. Но, поди ж ты, спотыкнулась, вредная кляча! И попробуй объясни, почему спотыкнулась.

– Вы, Павел, сработали плохо! Горбачев вас переиграл!

Признаться, ожидал услышать что угодно, любые обвинения,

но только не это – Горбачев меня переиграл! Какая связь между моими переговорами с представителем Моссад и указанием президента СССР к осени восстановить дипломатические отношения с Израилем?

– Как я должен буду отреагировать, если израильтяне все же выйдут со мной на связь?

– Никак. Пускай теперь Горбачев ими занимается, – и, помолчав, итожит нашу «беседу»: – Хорошо хоть меня не втянули в это дело.

Спустя несколько лет Иосиф Кобзон и Александр Гликлад привлекли меня к изданию в Израиле газеты «Русский израильтянин». Как ее соредактор с российской (русской) стороны, я стал бывать в этой стране так часто, что вскоре меня уже не воспринимали как чужака и приглашали на мероприятия с участием местной элиты. На одной из таких тусовок я и встретил своего знакомца Боруха, он же Венедикт. Правда, не сразу его узнал в эффектной военной форме. Похоже, мы оба сомневались, стоит ли нам признавать друг друга. Но любопытство пересилило, и мы поздоровались. А после стояли с бокалами вина в руках и разговаривали, в общем-то, ни о чем. Старой истории не касались. И только прощаясь (на светских раутах не принято сосредотачиваться на общении с одним гостем), он вдруг спросил:

– Хотите знать, почему у нас тогда ничего не вышло?

– Люди из нашего МИДа считают, что это из-за моего чудовищного невежества в дипломатии.

Борис засмеялся:

– Хочу вас успокоить, что у вашей акции был дипломатический позитив – после нее нас уже не пугал возможный приход Ельцина в Кремль. Но мы решили, что конфликт двух советских лидеров дает нам хорошую возможность ускорить процесс взаимного признания. Поэтому и довели до сведения Горбачева информацию о намерениях Ельцина, после чего тот и заторопился – в октябре 91-го установил с нами дипломатические отношения.

– Ну, а Борис Николаевич сделал бы это в январе 92-го. Велика ли разница?

– Для вас, может, ее и нет, а мы не хотели рисковать.

– Не вижу, в чем риск…

– Мы с вами встречались, по-моему, в начале 91-го года, так? После у вас были выборы, потом парламентская неразбериха с назначением Ельцина, а после к руководству вашим МИДом пришел Андрей Козырев, и настроения российской дипломатии стали меняться не в лучшую для нас сторону.

– Да ладно вам! Не помню случая, чтоб Козырев, со своими либеральными воззрениями, да еще с еврейскими корнями, выступил бы против Израиля!

– Вы не очень хорошо представляете себе наши отношения с Евроатлантикой и ситуацию в так называемом «еврейском мире». Вся деятельность Козырева была так или иначе сфокусирована на США, а роль связующего звена между ним и Белым домом выполняли клерикальные круги еврейской общины. Но между их интересами и интересами Израиля, уж вы мне поверьте, нельзя ставить знак абсолютного равенства. Подчеркиваю – абсолютного равенства нет и никогда не было! Так что не поторопись мы тогда, и после решали бы вопросы наших дипотношений уже не в Москве и не в Иерусалиме, а в Вашингтоне.

Не знаю, можно ли согласиться с таким взглядом на Израиль и российско-израильские отношения, но что касается экс-министра Козырева (кстати, в настоящее время проживающего в США, кажется, в Майами), думаю, оценка израильтянина близка к истине. Во всяком случае, подозрения, что наш главный дипломат эпохи Ельцина был сосредоточен не только, а может, и не столько на российских интересах, не лишены оснований. В связи с этим не могу не вспомнить нашу случайную встречу в Нью-Йорке в феврале 1992 года.

…Официальная российская делегация во главе с президентом России прибыла в Нью-Йорк для участия в заседании Совета Безопасности ООН и встречи с президентом США Джорджем Бушем (старшим). По сути, это его первый крупный зарубежный вояж. Обстановка в наших рядах нервозная, потому как никто из ближайшего окружения Ельцина не имеет опыта общения на столь высоком международном уровне. Помню ту суетную атмосферу всеобщей неразберихи – каждый кого-то ищет, что-то уточняет, с кем-то консультируется. Многоопытные советские дипломаты, месяц как ставшие российскими, ощущая высокомерное недоверие к себе прибывших из Москвы, нервничают еще больше. Они ежеминутно подмечают протокольные огрехи, но не решаются на них указать. Тем более что у Ельцина все завязано на главного охранника, а у того гонор неимоверный, и еще более неимоверная подозрительность. В общем, к исходу рабочего дня каждый чувствует себя выжатым как лимон.

Министр иностранных дел России Андрей Владимирович Козырев во всей этой суете не участвует. Он как бы с нами, но его вроде как с нами нет. Если сегодня, по прошествии лет, спросить о нем кого-то из участников той поездки, думаю, ни один ничего конкретного не припомнит. И это удивительно.

Но вот, наконец, дневное заседание Совбеза закончилось.

Виктор Васильевич Илюшин командует: «Свободны, можете отдыхать». И сразу же меня берут в плен двое коллег по «Комсомольской правде» – собкор в США Елена Овчаренко и собкор в Канаде Павел Веденяпин. Время не позднее, где-то около пяти, а потому решаем отправиться в наш корпункт и посмотреть, как Овчаренко обустроилась на американской земле. План прост, как крик петуха – посидим, немного выпьем и наговоримся вволю о своем журналистском житье-бытье. Любой аккредитованный за границей корреспондент скажет: если нагрянули коллеги с Родины, так оно всегда и бывает! Но нам реализовать свой замысел не удается. Так случилось, что в данный момент времени наша Лена пребывает в состоянии мучительного развода с мужем. Поэтому, едва войдя в офис и сделав глоток виски, начинает жаловаться на не сложившуюся семейную жизнь и на супруга, бесчувственного негодяя. Но ладно б только это – из глаз нашей подружки полились горькие слезы, и все попытки их как-то остановить не увенчиваются успехом. Становится понятно – если хотим пообщаться и получить удовольствие от общения, надо идти на люди. Веденяпин, сосед Овчаренко по североамериканскому континенту, принимает командование на себя:

– Все! Идем в бар! Ленка, ты знаешь хороший бар поблизости?

– Не нужен мне ваш бар! Не хожу я по барам!

– Не будешь слушаться, Вощанов скажет Ельцину, и тот лишит тебя не только мужа, но и гражданства!

Наверное, бар и впрямь был хорош, потому как желающие утолить жажду стоят даже на улице. Но Паша Веденяпин был бы не Веденяпиным, если б не избавил нас от изнурительного ожидания под моросящим противным дождем. Минута, и швейцар распахивает перед нами дверь: «Прошу вас, господа!». Входим и у самой двери сталкиваемся с большой группой хасидов в традиционных черных костюмах-тройках и черных широкополых шляпах со свисающими из-под них пейсами. Никогда не думал, что правоверные иудеи посещают подобные питейные заведения.

Они стоят в проходе и что-то оживленно обсуждают, обращаясь к господину, по стилистике гардероба выпадающему из их компании. Что за знакомое лицо? Боже ж ты мой! Веденяпин, узнав министра иностранных дел России, не может сдержать удивление: а этот-то что здесь делает?!

– Веденяпин, странный ты человек – а мы что здесь делаем?

– Мы – это другое дело! Мы – коллеги по «Комсомолке». Если бы я увидел его тут в компании министров иностранных дел стран – членов Организации центральноамериканских государств, слова бы не сказал. Но почему…

– А если это его родственники? Днем не мог, был занят.

Почему ж нет-то?

Мы встретились с министром глазами и «не узнали» друг друга.

…Для особо чувствительных хочу сразу сделать оговорку: в рассказанной истории не следует высматривать-вынюхивать никакого антисемитизма и никаких намеков на «всемирный еврейский заговор», потому что в ней их нет даже на малую толику. Евреи, хасиды, пейсы – все это в рассказе ровным счетом ничего не определяет. Рядом с Козыревым в тот момент могли быть чистопородные янки, и, наверное, бывали, просто нам этого не довелось видеть. В этом маленьком сюжете важно лишь то, что он в какой-то мере подтверждает (именно подтверждает, а не доказывает) мнение офицера знаменитой разведки Моссад: «Вся деятельность Козырева была так или иначе сфокусирована на США, а роль связующего звена между ним и Белым домом выполняли клерикальные круги американской еврейской общины».

В чем же я ошибся? Неужели переоценил внешнеполитическую притягательность своего шефа? По сути дела, мы предложили премьер-министру Израиля сделать выбор (хотя сейчас я, честно говоря, сомневаюсь, что он был проинформирован о будапештских переговорах): Горбачев, фактический глава советского государства, или Ельцин, политик, хоть и не имеющий реальных рычагов влияния на внешнеполитический курс страны, зато с перспективой внутриполитического роста. Я полагал, что в выборе между сегодняшней и завтрашней выгодой предпочтение будет отдано последнему. А вышло наоборот. Может, в этом моя ошибка?

Я понял, Борис Николаевич – на израильском проекте ставим крест. Получается, у меня больше нет никаких поручений…

Таким раздраженно-угрюмым вижу его едва ли не впервые. Кажется, ему даже смотреть на меня в тягость – в большом мясистом кулаке зажата горсть карандашей и тяжелый взгляд зацепился за их остро оточенные концы. Он не торопится отреагировать на мои слова. Видимо, прикидывает, что лучше – озадачить или отлучить?

– У вас, кажется, был и второй вариант?

Возможно, становлюсь мнительным, как всякий служка, но слова «у вас» меня цепляют. Почему не «у нас»? Похоже, после израильского прокола шеф заранее стелет для себя соломку.

– Да, Страсбург, ваш визит в Европарламент.

– Вот и поработайте над этим. Только уже так, чтоб без замечаний. На все сто!

Вечером мы впервые крепко повздорили с Ряшенцевым. Из-за

моих слов: черт тебя дернул свести меня с этим Борухом из Моссада! Да и из Моссада ли он?

…Тогда я еще не знал, что это не последний мой внешнеполитический конфуз. Следом за ним последует еще один – европейский. Но этот отчасти объясняет то, почему после «тихой» неудачи с наведением мостов между Ельциным и премьером Израиля, громким провалом закончился мой проект № 2 – неофициальный визит Ельцина в Европарламент.

Глава 10
Евроконфуз (покаянное откровение)

Идеи всех зарубежных вояжей Ельцина рождались не абы как, не от барской прихоти: «А не съездить ли нам, понимаешь…» Все начиналось с приглашения из-за бугра, причем неоднократного и настойчивого. Например, поехать в Японию его полгода уговаривала крупнейшая частная телекомпания этой страны. А согласился он лишь тогда, когда та, взяв на себя все расходы и организационные хлопоты, гарантировала, что его благожелательно встретят, с интересом выслушают и проводят без истеричных выкриков про советскую оккупацию «северных территорий» (последнее условие, правда, не всегда выполнялось). В нынешнем же проекте нет ничего подобного. В Страсбург Ельцина до сих пор никто не звал и, насколько мне удалось выяснить через французских коллег, аккредитованных при Европарламенте, желающие позвать его покуда себя никак не проявили.

В наследство от предыдущего обитателя моего белодомовского кабинета, кроме вороха никчемных пожелтевших бумаг и пропитавшихся пылью статистических справочников, мне достался новенький перекидной календарь на 1991 год. Открываю сегодняшнюю страницу, 1 августа, и вывожу крупными печатными буквами: «ПРИГЛАШЕНИЕ ОТ ЕВРОПАРЛАМЕНТА». И ставлю три жирных знака вопроса. Это значит, что с сего дня буду ломать голову над этой проблемой. А пока даже не представляю, с какого боку к ней подступиться. Да и есть ли у нее такой бок?

От невеселых размышлений отрывает телефонный звонок. В Софии обо мне вспомнил мой хороший приятель Венцель Райчев, бывший главный редактор одной из крупнейших в Болгарии газет, нечто вроде нашей «Правды»:

– Прилетай к нам, приятел! Есть повод выпить ракийки!

– Что за повод?

– Как, ты разве еще не слышал?! Наш друг Желю сегодня вступил в должность президента Болгарии!

Желю Желев – философ и журналист, умный и удивительно обаятельный человек, с интересными, хотя и небесспорными взглядами на проходящие в «советском блоке» перемены. Он долгие годы работал в софийском Институте культуры, а когда в Болгарии началась своя перестройка, окунулся в политику и вскоре возглавил Союз демократических сил, от которого и был избран депутатом Национального собрания. Мы познакомились

несколько лет назад (инициатором знакомства как раз и был Венцель), когда в СССР готовилась к изданию на русском языке его книга «Фашизм. Тоталитарное государство», долгие годы бывшая у нас в стране под запретом КГБ.

– Слушай, Венцель, а не мог бы ты узнать для меня у Желю его мнение: поездка моего шефа в Европарламент и выступление перед тамошними депутатами – это, на его взгляд, выполнимая задача? Имеет смысл ею заняться?

– Странная просьба! Почему ты для Ельцина что-то узнаешь у президента Болгарии, а не у своего Горбачева?

– Я узнаю не у президента, а у нашего с тобой товарища и коллеги. И то лишь потому, что тот, как я слышал, совсем недавно был в Страсбурге, а значит, имеет представление о тамошних настроениях.

Но, в общем-то, Венцель прав: интересоваться начет поездки Ельцина у Желева – такое и впрямь выглядит странновато. Но я же не могу признаться в том, что шеф, по неведомой мне причине, запретил по этому вопросу контактировать с российским МИДом – это будет еще страннее. Но насчет Горбачева – тут он меня поддел. Ох уж эти болгарские другари! Не упустят возможности наступить на больную мозоль «старшему брату»!

Часа через три Венцель звонит еще раз:

– Тебе привет от нашего друга!

– Спасибо. Что он сказал по поводу Европарламента?

– Сказал, что твой начальник не будет доволен тем, как его там примут.

– К нему так плохо относятся?

– Нет, просто пока еще это не его уровень. Для Европарламента равновеликая фигура – Михаил Сергеевич Горбачев, глава советского государства. А твой шеф может представлять интерес разве что для некоторых депутатов. Кстати, он сказал, что этих самых «некоторых» надо остерегаться. Среди них немало радикалов, близость к которым не придаст Ельцину солидности и оттолкнет от него влиятельные политические круги Европы.

В общем-то, Желев не сообщил ничего такого, о чем бы я и сам не догадывался. Это правда, Ельцина в Европе не ждут и, по всей видимости, его появлению слишком сильно рады не будут. Он не услышит: «Пожалуйте в Европарламент! Милости просим в Елисейский дворец!». Придется потоптаться у закрытых дверей, покуда хозяева соизволят его заметить. Так, может, шефа стоит заранее предупредить, что ни в Страсбурге, ни, тем более, в Париже его не примут с протокольными почестями,

установленными для глав государств и правительств? Может быть. Только он едва ли в такое поверит. Моя информация будет воспринята как еще одно подтверждение, что он имеет дело с недееспособным болтуном. У меня уже была возможность убедиться в этом несколько дней назад, когда докладывал ему о сложностях с получением приглашения от руководства Европарламента. Выслушав, он буквально огорошил словами: «Наговорил, уговорил, наобещал, а теперь, понимаешь, ставит передо мной какие-то проблемы! Вот и решайте! Или прикажете мне их самому решать?!». Так что задний ход давать нельзя. Это уже вопрос деловой репутации.

Хотя в чем он прав, так это в том, что будучи в самом начале пути, еще практически ничего не предприняв, я уже сомневаюсь в возможности добиться успеха. Тут мне стоит поучиться у Ельцина его способности творить (а иногда и вытворять) чудеса в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Можно только удивляться тому, как ему такое удается. Иной раз все делает супротив общепринятых правил, а в итоге оказывается победителем. Даже явные недоброжелатели, доселе кривившие рот от его слов и поступков, и те выстраиваются в очередь, чтобы пожать руку и уверить в своем почтении. Эффект всесокрушающего варварства.

…Париж не создан для изнурительного труда. Он создан для радостного созерцания жизни. А Париж в начале октября – это вообще вершина беззаботности и довольства. Во всяком случае, советский человек, вырвавшийся из замученной перестроечными неурядицами страны, воспринимает его именно так. Хочется обо всем забыть, сесть за столик кафе на солнечной стороне улицы, закрыть глаза и, ни о чем не думая, наслаждаться кофейно-кондитерскими ароматами, тихим шорохом теплого ветерка в бронзовеющих кронах платанов и беспечным щебетанием птиц, не знающих, что такое зимняя бескормица и трескучий мороз.

Мы с Ряшенцевым уже неделю здесь, но пока о такой неге только мечтаем. Дни пролетают в хлопотах, и к вечеру сил остается, только чтоб добраться до отеля и развалиться на диване у телевизора. Правда, отель у нас очень даже приличный – Concorde Lafayette, а номера вообще самые крутые – Top Club. Денег это удовольствие пожирает немало, и по этому поводу у нас даже вышел спор. Я посчитал, что апартаменты с двумя спальными и большой гостиной в 4-звездочном отеле в центре Парижа – это чрезмерное расточительство. Но Ряшенцев, в принципе одобрив мою тягу к самоограничению, заявил, что здешние политики и бизнесмены, которых мы каждодневно «окучиваем», пока еще оценивают нас исключительно по платежеспособности – где поселились, во что одеты-обуты,

пользуемся ли арендованным автомобилем с водителем, в состоянии ли заплатить за деловой обед в ресторане. Подобные затраты носят статусный характер, а потому вполне оправданны. Что ж, наверное, он прав, и воздай ему, Господь, за доброту и щедрость! Хотя это не мешает каждое утро за завтраком зудеть, что мы с Ельциным подрываем финансовое благополучие его «Российского дома».

В последние дни чаще всего общаемся с Фредериком Шапю, неуемным оптимистом, гражданств и бизнесов у которого так много, что в них немудрено запутаться. Я думаю, он чистопородный авантюрист-романтик, причем международного масштаба. Как ни странно, но именно эти качества делают его для меня особенно привлекательным. Он как-то сразу проникся искренним желанием помочь и едва ли не каждый день устраивает встречи с людьми, так или иначе связанными с Европарламентом. Правда, пока еще ни один из них не показался нам способным на что-то большее, чем пространные рассуждения. Из-за этого Ряшенцев стал называть Фредерика Яшкой-артиллеристом из Малиновки. Слыша это, тот неизменно интересуется: не понимаю, почему я – артиллерист? Ряшенцев смеется в ответ: «Потому что у тебя каждый раз: бац, бац… и мимо!». Понять, что такое русский «бац-бац», Фредерик не в состоянии, но думает, что это нечто родственное сродни французскому «bla-bla». Поэтому обижается и уезжает домой. Но обида не мешает наутро вернуться с очередной идеей. Вот и сегодня, явившись к нам на завтрак, он, загадочно подмигнув, радостно сообщает:

– Парни, сегодня у вас обед с человеком, очень влиятельным в политических кругах Европы. Это совсем не «бац-бац»!

Влиятельным человеком оказывается Жан Эленштейн, один из руководителей общеевропейской неправительственной организации «Международный политический форум». Он действительно не «бац-бац», а все, что говорит – не «bla-bla». Пожалуй, это первая за последние дни встреча, когда мы в деталях обсуждаем идею визита Ельцина в Европарламент. Мало того, Жан добавляет к ней такие штрихи, о которых мы до сих пор не догадывались:

– Допустим, господин Ельцин прибыл в Страсбург и встретился с руководством парламента. Вы полагаете, в этом случае его визит можно будет считать успешным? – мы с Ряшенцевым согласно киваем: несомненно! – Сожалею, господа, но это не так. Это лишь половина успеха, и он не будет полным, если в ходе своего турне господин Ельцин не будет принят президентом Французской Республики.

Похоже, мой друг Ряшенцев сегодня определенно встал не с той ноги – ко всем и ко всему настроен весьма саркастически. Вот и сейчас театрально разводит руками: да нам такое на счет раз! По всему чувствуется, Эленштейн – человек в европейской политике многоопытный, и он не может не понимать, что имеет дело с двумя дилетантами. Наверное, поэтому относится к ехидствам моего коллеги весьма снисходительно, как к замечаниям, вполне заслуживающим обсуждения:

– С людьми такого уровня и в таких вопросах важна доверительность отношений. А вы, насколько мне известно, господину Миттерану даже не представлены.

– Ну, так представьте ему нас!

Потрясающая выдержка! Эленштейн и на этот раз не обращает внимания на насмешку:

– Хорошо, я подумаю, как это сделать, – и, считая тему исчерпанной, переходит к главному: – Теперь о том, что касается официального приглашения. Хочу вас огорчить – от Европарламента вы его не добьетесь. Ни при каких обстоятельствах. Это будет явным нарушением протокола и вызовет дипломатический скандал. Советский МИД наверняка заявит очень резкий протест. Поэтому приглашение прибыть во Францию (а оно нужно хотя бы для того, чтоб оформить въездные визы господину Ельцину и всем членам его делегации) пришлет моя организация – «Международный политический форум». И это даже хорошо, потому что подчеркнет неофициальный характер визита.

Не знаю, согласится ли на такое мой шеф. Скорее всего, просто откажется ехать, и этим закончатся наши хлопоты. Конечно, в предыдущие поездки нас тоже приглашали не госструктуры, а крупные информационные агентства или неправительственные организации, вроде этого Форума. Но тогда Ельцин был еще в статусе народного депутата, а для этого уровня такое незазорно. Но сейчас он рангом много выше. По сути, руководитель крупнейшей союзной республики СССР. Приемлемо ли, чтоб председатель российского парламента отправлялся на встречу со своими европейскими коллегами не по их приглашению? Сомневаюсь. Но у Эленштейна на сей счет свое мнение:

– Мы можем предпринимать с вами любые усилия, но не добьемся невозможного. Наш единственный шанс – представить визит как сугубо неофициальный, – чувствуя мою разочарованность таким поворотом дела, Жан поясняет: – Знаете, в чем преимущества неофициального визита? В том, что у него нет зафиксированного сторонами четкого плана встреч и

мероприятий, и если что-то вдруг у вас не получится, сорвется, всегда можно будет сказать, что это и не предполагалось.

– У нас такое называется «сделать хорошую мину при плохой игре».

– Именно так.

А ведь в том, что он говорит, действительно есть резон. Как я об этом раньше не подумал? По информации, которой мы уже располагаем, далеко не все депутаты Европарламента относятся к Ельцину с должным почтением. Многие считают его рвущимся к власти непредсказуемым популистом и даже националистом. Один из евродепутатов вообще назвал его главной угрозой международной стабильности. Так что Жан прав, – сбои возможны, и их негативные последствия надо как-то минимизировать. Один из способов – тот, что он предлагает. Сбой в ходе неофициального визита менее заметен и чувствителен, нежели официального. С этим не поспоришь.

Кажется, все обговорили и обо всем договорились. Но Эленштейн, похоже, не считает разговор законченным и не торопится уходить.

– Жан, вы еще что-то хотите сказать?

– Да, два момента. Первый: в вашей делегации, – и он руками указывает на нас с Ряшенцевым, – не хватает еще одного участника. Работающий на Ельцина известный журналист и известный в России предприниматель – это не совсем то, что сработает у нас на уровне первых лиц. Вместе с вами должен быть какой-то действующий политик.

Мы переглядываемся и едва ли не хором произносим одно и то же имя: Виктор Югин!

– Жан, депутат российского парламента подойдет?

– Просто депутат?

– Нет, не просто – член президиума Верховного Совета, председатель Комитета по средствам массовой информации и связям с общественно-политическими организациями.

– Отлично!

– Считайте, что он уже с нами! Второй момент?

– Сейчас к нам присоединится одна очень интересная женщина…

– Да-а-а?!

– Элен Д'Анкос – известный в Европе советолог. Самый известный! Она хотела бы задать вам несколько вопросов касательно нынешней ситуации в СССР, – и, уловив мой усталый взгляд, сообщает: – У нее прямой контакт с президентом республики и руководителями Европарламента.

Элен оказывается умной и удивительно приятной в общении

дамой. Даже на отчаянного нигилиста Ряшенцева она производит сильное впечатление. Настолько сильное, что тот уговаривает ее и Жана задержаться и отужинать с нами. Fruits de mer, сырые морепродукты, выложенные на огромной горе льда, да еще белое вино, какого мы в Союзе отродясь не пробовали – чем не вселяющее надежды на успех завершение сегодняшних переговоров?!

…Последние пять месяцев живу на два города – то в Москве, то в Париже. Поездка Ельцина в Страсбург намечена на апрель 1991 года. Остается меньше месяца, а нерешенных вопросов пруд пруди, и среди них самые главные – состоятся ли встречи с президентом Франции Франсуа Миттераном, председателем Европарламента Энрике Бароном и генеральным секретарем Совета Европы Катрин Лалюмьер. Информацию о том, что его визит будет считаться неофициальным и что ему не предоставят возможность выступить с главной парламентской трибуны, шеф, естественно, воспринял с неудовольствием и даже рыкнул: «Ну, и зачем мы тогда туда едем?!», но услышав, что встречи с президентом и общеевропейскими лидерами остаются в силе, успокоился и даже попросил подготовить для него соответствующие биографические справки: who is who. Если кому сказать, что всем этим я занимаюсь один с двумя волонтерами, Югиным и Ряшенцевым, никто не поверит. Перед Новым годом, когда показывал Ельцину черновой вариант программы, еще раз заикнулся насчет привлечения в помощь кого-нибудь из российского МИДа, но тот опять отказал. Вот и кручусь.

Уже три или даже четыре недели Жан Эленштейн не выходит на связь. Зато вездесущий Фредерик Шапю, можно сказать, днюет и ночует у нас в отеле. Вчера и сегодня буквально не слезает с телефона и ведет с кем-то переговоры по нашему вопросу. Судя по тому, что ничего конкретного о результатах не сообщает, они явно неутешительные. Неужели придется давать отбой? Не представляю, как после буду объясняться с Ельциным. Полгода обещаний, полгода поездок во Францию (хорошо хоть не за счет казны) – а в итоге такое досадное фиаско. Я бы даже сказал, позорное. Страшно подумать!

И вдруг…

– Парни, у нас отличные новости!

Фредерик сияет так, словно только что получил сообщение о предоставлении ему гражданства какого-нибудь крохотного, но чертовски милого островного государства с прелестями, о коих мечталось многие годы – с отсутствием телефонов и телексов, без переговорных залов, более похожих на тюремные комнаты для допроса, с безмятежной дремотой в шезлонге на золотых пляжах,

с ласковым солнцем и добросердечными всепонимающими мулатками в коротеньких пальмовых юбочках.

– Только что позвонил Жан: завтра утром вы встречаетесь с двумя президентами Франции!

– Господи, откуда столько взялось?! – трудно понять, Ряшенцев шутит или недоумевает на полном серьезе. – Ну, первый – Миттеран, это понятно. А второй? Надеюсь, не покойный Шарль де Голль?

– Нет, с де Голлем вам встречаться еще рановато – Жискар д'Эстен.

…Внутреннее убранство Елисейского дворца напоминает давно не ремонтировавшийся Дом культуры, в котором некогда размещалось уездное Дворянское собрание. Да, это не наш сияющий византийской роскошью Кремль. Но все равно – как же здесь хорошо! Даже не знаю почему.

Нет, знаю! Потому что скоро закончатся мои мытарства – Борису Николаевичу обещаны желанные встречи на высшем уровне. Нужно лишь соблюсти два непременных условия – находясь на французской земле, не требовать отставки Горбачева и не выступать с заявлениями о выходе России из СССР. И тогда получит желанные аудиенции.

А я получу…

Даже не знаю, что я от всего этого получу…

Покой получу! Жизнь без постоянного стресса получу! А еще получу право сказать самому себе: ты сделал невозможное!

…Вечер. С высоты 26-го этажа мерцающий миллионами огней Париж напоминает рассыпанные по земле горящие угли. Вид такой, что взгляд не оторвать. Но нам не до любования ночными красотами. Мы – три выжатых лимона. Дедушка Югин (с некоторых пор к нему приклеилось это почетное звание) лежит на диване и категорически отказывается подниматься. Мы с Ряшенцевым развалились в креслах, и у нас тоже ни на что нет сил. До такой степени нет, что на журнальном столике вот уже полчаса красуется нераскупоренная бутылка дорогого виски.

– Ряшенцев, да открой ты, наконец, эту чертову бутыль и налей нам по стаканчику!

– Сам открывай.

– Я не могу, я – народный депутат.

– Вот и заботься о нас, о своем народе.

– Ты – не народ. Ты – буржуй.

– Тогда открой и налей Вощанову.

– Вощанов – политический авантюрист и приспешник буржуазии. Его ждет гильотина.

Все, что сейчас произносится, – словесная отрыжка

отравленных политическими интригами существ, вдруг почувствовавших долгожданное облегчение. Есть же выражение: камень упал с души. У нас сейчас именно такое состояние – с наших душ упал камень. Огромный камень.

– Вот что я тебе скажу, товарищ депутат Югин, – ценой неимоверных усилий Ряшенцев приподнимается и с тяжелым вздохом тянется за бутылкой. – Завтра вы с Вощановым не полетите ни в какую Москву.

– Да? Это почему же?

– Вы полетите со мной в Стамбул.

– Что?! – слова Ряшенцева производят на нас такое же впечатление, как если б он сейчас сообщил нам, что завтра у него состоится бракосочетание с Анни Жирардо, с которой мы на днях случайно столкнулись в офисе у Фредерика. – Ты в своем уме?

– Именно так – в Стамбул! Во-первых, я вас здесь уже целый месяц поддерживаю, и теперь ваша очередь меня поддержать. Во-вторых, мы перенапрягли свои мозги, а значит, нам требуется пополнить их фосфором, которого очень много в свежевыловленной турецкой рыбе. И в-третьих, у нашего приятеля Али Шена небольшое семейное торжество, и мы с вами в списке приглашенных.

Али Шен, по утверждению Ряшенцева, весьма влиятельный турецкий бизнесмен. Я знаком с ним вот уже больше года, но до сих пор не знаю, каким именно бизнесом он занимается. Такое впечатление, что всеми без исключения. Из того, что мне более или менее понятно – владеет каким-то футбольным клубом и частной авиакомпанией Greenair. Глядя на него, можно сразу и не догадаться, что перед тобой чистопородный турок. Скорее какой-то швед – светлокожий, светловолосый, с европейскими чертами лица. А вот жена у него действительно скандинавка, так что их сыновья и подавно не похожи на янычар. Словом, вполне цивильная семья, близкая нам по обычаям и нравам.

Пройдет чуть более двух лет, и Али Шен станет одной из действующих фигур в трагической истории двух наших товарищей – Сергея Мажорова и Бориса Балкарея, представителей «Российского дома», соответственно, в Венгрии и Болгарии.

К тому времени компания, созданная Ряшенцевым на останках убиенного «танковым» скандалом АНТа, уже наберет немалые обороты. Пожалуй, на тот момент она едва ли не самая крупная из всех, что зарегистрированы под юрисдикцией РСФСР. А как известно, испокон века русские купцы руководствовались правилом: «Голове подсказывает карман». Вот и у Ряшенцева оно, видно, было заложено в гены: как только на банковские счета «Российского

дома» легли приличные суммы, причем не в наших рублях, а в конвертируемой валюте, на которую можно покупать что угодно и где угодно, он стал буквально фонтанировать идеями, одна глобальнее другой. Началось с задумки приобрести в Венгрии и Болгарии предприятия, производящие соки и овощные консервы. Какой ему в этом виделся прок? Возможность закупать то, в чем остро нуждался обескровленный перестройкой советский рынок, не у иностранцев, а у самого себя. То есть не отдавая на сторону деньги, вырученные от лицензионной продажи советских природных ресурсов. Может, расчет был и иллюзорный, но не бессмысленный, если учесть, что все это происходило в канун приватизации госсобственности. Дело в том, что накопленные таким способом средства Ряшенцев в последующем намеревался использовать в качестве инвестиций и в целях технологической модернизации приобретенных отечественных предприятий. Так, по его мнению, социалистическая экономика стала бы капиталистической, но при этом не утратила национально-ориентированного характера.

Другая его идея – модернизировать транспортную схему поставки на советский рынок закупаемых «Российским домом» потребительских товаров и продовольствия:

– Ты подумай, какие мы деньги теряем от того, что возим фурами и по железной дороге!

– А чем же еще возить? Не самолетами же.

– По воде! Черным морем, по каналу Волга – Дон, а далее по всему Союзу!

С помощью нашего болгарского друга Венцеля Райчева был приобретен сухогруз класса «река – море» под романтическим названием «Фирюза». Болгарина так увлекли прожекты Ряшенцева, что тот в итоге бросил свое журналистское ремесло и полностью переключился на бизнес «Российского дома». Райчев – рафинированный интеллигент, но с внешним обликом голландского шкипера. Такая же бородка, такой же остренький нос и такие же цепкие глазки отчаянного гуляки. Его ценность – обширные связи в Болгарии, да и вообще на Балканах. Но бизнесмен из него, мягко говоря, никакой. Встав во главе болгарского представительства, он стал бомбардировать Ряшенцева предложениями немедленно переименовать «Фирюзу». У нее якобы в прошлом не очень хорошая биография, и это портит имидж нового судовладельца.

– Ну, и как же ты предлагаешь назвать?

– «Кира Георгиевна»!

Кира Георгиевна Андрейчина – русская жена Венцеля Райчева. Милейшая и добрейшая женщина. И она вполне заслуживала того, чтобы по Черному морю ходил пароход ее имени. Но переименование судна – это немалые хлопоты и немалые деньги. И

с тем, и с другим у Ряшенцева на тот момент был напряг. Это он и пытался втолковать Венцелю, но тот так хотел удивить супругу (дело было как раз в канун юбилея их свадьбы), что не воспринимал никакие доводы. Сломать его удалось лишь довольно-таки фривольным аргументом:

– Венцель, ты знаешь, что при подходе к порту кричат шкиперы капитану нашего судна? «Эй вы там, на "Фирюзе"!». А что теперь будут кричать? «Эй вы там, на "Кире Георгиевне!"». И каково ей будет такое слышать? Пойдут разговоры, начнутся издевки. Оно тебе надо?

Вопрос с переименованием был закрыт. Зато на повестку дня встал другой – о порте приписки «Фирюзы». До сих пор им был болгарский Бургас, и в том было два минуса – дорого и постоянные проблемы с ремонтом. В итоге долгих дебатов решено было перерегистрировать судно на один из черноморских портов Турции. Обсуждать эту проблему с Али Шеном в мае 1992 года в Стамбул и отправились на машине Сергей Мажоров и Борис Балкарей.

…Из Стамбула они выехали ранним утром, не было еще и семи. Петляющая меж невысоких гор дорога красоты необыкновенной. Глаз не оторвать! До турецко-болгарской границы оставалось чуть менее двадцати километров. А там еще пару часов – и София. Можно сказать, дома. Неожиданно из-за поворота выскочила многотонная фура, идущая по встречной полосе. Сидящий за рулем Мажоров притормозил и прижался к обочине. Непонятно почему, но водитель большегруза тоже прижался к той же обочине. Лобового столкновения избежать не удалось.

Вот такая трагическая история.

Два цинковых гроба в Москву доставили самолетом авиакомпании Greenair. Как оказалось, у турок все цивильно лишь наполовину: сопроводительные документы оформлены как положено, но на гробах никаких пометок – кто в каком? Пришлось вскрывать. Определяли по обрывкам одежды и косвенным признакам тел. Все были в шоке.

– Али Шен, скажи мне, что будет вашему водителю за эту аварию? Он ведь остался жив?

– Легкие ушибы, – Али Шен старается не смотреть на нас с Ряшенцевым. – Думаю, его Аллах покарает.

Через месяц мы узнали, что водитель фуры, имевший пятерых малолетних детей, повесился в камере за несколько дней до суда…

…Самолет из Парижа подруливает к стамбульскому терминалу частных авиакомпаний. У трапа гостей встречает радостный господин Али Шен:

– Ну что, ребята, если устали, тогда в отель, если нет – едем

обедать.

Отдых отдыхом, но мне нужно в офис, чтобы связаться с Москвой. Я должен сообщить шефу дату предполагаемого отъезда в Страсбург и рассказать ему о предстоящих там встречах. Это нужно сделать побыстрее, чтоб было достаточно времени подготовиться. Али Шен смотрит на меня с удивлением: для того чтобы позвонить в Москву, вовсе не нужно ехать в офис.

– Номер помнишь? Звони, – и протягивает какую-то коробку, чуть меньше обувной, с надписью «Motorola».

– Это что, такой телефон?! Ну, шайтан-коробка!

Чувствую, Ряшенцев завидует своему турецкому партнеру, но старается этого не показывать: подумаешь, у нас скоро тоже будет такая связь. Али Шен, как истый бизнесмен, с ходу рождает бизнес-идею: а давайте учредим в России совместную компанию мобильной телефонии?! Но она, эта идея, главу «Российского дома» не увлекает: сначала заработаем на том, что народ накормим, а уж после…

Соединиться с Россией удается не сразу. Набираю раз пять, прежде чем раздаются длинные гудки. Трубку берет Валентин Мамакин. Он сегодня за дежурного секретаря.

– А деда нет. Они с бабкой позавчера в Кисловодск улетели.

– Как?!

– Так. В отпуск.

– Мы же через несколько дней должны ехать в Страсбург!

– Не знаю. Я слышал, он вроде как передумал.

Сообщение из разряда «обухом по голове». От потрясения не могу выдавить из себя ничего, кроме бранного, но емко описывающего данную ситуацию слова: п****ц! Ряшенцев напряженно смотрит на меня, ожидая известия о чем-то страшном и непоправимом. Югин много лучше его знаком с нравами Белого дома, а потому сразу догадывается о происшедшем: передумал, да?

– Уехал отдыхать в Кисловодск!

Ряшенцев в сердцах повторяет произнесенное мною бранное слово, предварив ему еще одно, означающее полноту случившейся с нами беды. Что же делать?! Просто не представляю, что делать! Во-первых, для того, чтобы этот визит состоялся, мы задействовали столько влиятельных людей в Париже и в Страсбурге, что теперь давать задний ход, объясняя его тем, что Ельцин-де передумал – верх неприличия. В отместку в прессе против нас поднимут такой шум, что после не отмоемся ни от «желтой», ни от «черной» грязи. Не менее страшно и «во-вторых» – Ряшенцев из потаенного кошелька «Российского дома» уже оплатил не только отели, но и все сопутствующие визиту

расходы. Если все отменяется, можно считать эти деньги просто выброшенными на ветер. Но сейчас он думает не о них. Мысль об убытках, видимо, придет к нему чуть позже:

– Это как же прикажите понимать?! Сегодня вам Миттерана с Европарламентом подавай! Завтра вам к ним ехать не хочется! Вы что, демократы хреновы, в бирюльки играете?! Как я после такого позора своим партнерам в глаза буду смотреть?! Один Фредерик сколько сил на вас положил!

Решение проблемы подсказывает Али Шен:

– Кисловодск – это ведь совсем недалеко от Минеральных Вод, да? У меня самолет иногда выполняет рейсы в тот порт. Сегодня закажем коридор, завтра отправим вас к вашему Ельцину. Полетите и все уладите!

Ряшенцеву в Союз дорога заказана. Прошлым летом Генеральная прокуратура СССР возбудила в отношении него уголовное дело по так называемой «танковой афере АНТа» – попытке незаконного вывоза за рубеж военной техники и вооружений. Из-за этого он вот уже полгода руководит своей компанией из Будапешта, куда вместе с ним переместилась и часть управленческой команды. Так что завтра полетим вдвоем с Югиным. В общем-то, он тоже мог бы остаться с Ряшенцевым на день-два, поскольку Ельцин не в курсе его участия в страсбургской эпопее. Но Виктор отвергает такой вариант: «Летим вместе!». Что ж, это вполне по-дружески. К тому же его присутствие усилит мою аргументацию и облегчит разговор с шефом. Все-таки не рядовой депутат, а член президиума Верховного Совета.

И все же жаль, что приходится так скоро улетать, не увидев ни Босфора, ни Дарданелл, ни византийских храмов Константинополя. Кто знает, когда еще доведется?

– Ты никогда не был на Босфоре? – Али Шен воспринимает знаменитую есенинскую строчку как продукт моего личного творчества и сочувственно качает головой: – Сейчас побываешь. Обедать будем в ресторане на берегу пролива. Там такую рыбу готовят! Ни на какой Босфор смотреть не захочешь!

…На таком самолете я еще не летал. Gulfstream G100, изящная реактивная птичка, рассчитанная на экипаж из двух человек и восемь пассажиров. Но сейчас нас, пассажиров, только четверо – мы с Виктором да семейная пара, какие-то стамбульские приятели Али Шена. До Минеральных Вод два часа лету. Наверное, мы их и не заметили б, но над Черным морем гроза, и самолет бросает из стороны в сторону. Кажется, сейчас вздрогнет всем фюзеляжем – и крылья полетят вниз. Югин кричит мне в ухо: «Как думаешь, он дотянет хотя бы до наших

территориальных вод?».

– А тебе не все равно?

– Так я ж кандидат в мастера по плаванью!

– Повезло.

– Надо было в детстве не с мальчишками во дворе хулиганить, а спортом заниматься!

И все-таки мы долетели. И не за два часа, а за час сорок! Когда самолет уже бежит по бетонной дорожке, пилот оборачивается и кричит в приоткрытую дверь:

– Господа, нам повезло – попутный ветер!

Лучше б все-таки мы летели положенные два часа.

Самолет отчего-то останавливается не у здания аэропорта, а почти у самой рулежной дорожки. Подъехавшие на «газике» пограничцы собирают паспорта. На всякий случай, во избежание лишних вопросов, мы с Югиным вручаем им еще и служебные удостоверения. Турецкая пара не вызывает никаких подозрений – их сажают в микроавтобус и увозят в аэропорт. По поводу нас суровый лейтенант связывается по рации с каким-то важным начальником:

– Товарищ майор, из Стамбула прибыли помощник Ельцина Вощанов и российский депутат Югин… Слушаюсь! – и уже обращаясь к нам: – Значит, так: багаж из самолета забираете и ждете возле трапа.

Ждем неизвестно чего около получаса. Наконец за нами приезжает тот же раздолбанный микроавтобус и отвозит в зал прилета Международного сектора аэропорта «Минеральные Воды», напоминающий давно не мытый аквариум. Ни стульев, ни кресел, только аляповатое панно с изображением донельзя радостных граждан под вьющейся над головами лентой с надписью «Добро пожаловать!».

– Ждите!

Опять ждем. Теперь уже почти час. Народный депутат, член президиума Верховного Совета РСФСР Виктор Алексеевич Югин закипает от негодования и намеревается устроить скандал. Но в этот самый момент к нам подходит пузатый – ну, прямо на сносях! – майор и устраивает допрос:

– Вы из СССР вылетали в какую страну?

– Во Францию.

– А почему возвращаетесь из Турции?

– По причине служебной надобности.

– Тогда почему не в Москву, а в Минеральные воды?

– Потому что здесь сейчас отдыхает наш непосредственный начальник, Борис Николаевич Ельцин. Еще вопросы будут?

Вопросы наверняка есть, но майор, почувствовав наш

агрессивный настрой, видимо, решает не накалять обстановку и, не торопясь, удаляется в служебное помещение. Проходит еще минут двадцать. И вот, наконец, нам выносят паспорта с отметками о пересечении государственной границы Союза ССР. Принимай, Родина, блудных сыновей своих!

…Такси останавливается у ворот кисловодского санатория «Красные камни». Из сторожевой будки выходят двое милиционеров в бронежилетах и с автоматами. Значит, мы приехали по нужному адресу, шеф здесь. Предъявляю удостоверение:

– Я – помощник Бориса Николаевича. Со мной народный депутат Югин. Прибыли по вызову.

Шлагбаум поднимается, и машина медленно катится по тенистой аллее к главному корпусу. Ну, слава богу, добрались! Протягиваю водителю деньги.

– Может, не надо? Раз вы к Ельцину, я и так…

– Берите, берите! Спасибо.

Кисловодский воздух пропитан весной. Прыгающие повсюду солнечные зайчики и веселый гвалт птиц создают удивительное ощущение безмятежности. Почти как в Париже. Даже не верится (точнее, не хочется верить), что приехали сюда по делу. Чета Ельциных с охраной занимает целый этаж в правом крыле корпуса. Но сейчас шефа нет на месте. Ребята из охраны сообщают, что они с Коржаковым ушли на теннис. Отправляемся на поиски, но находим его не на корте, а прогуливающимся с Наиной Иосифовной по тенистой аллее. Верный оруженосец и спарринг-партнер бредет позади с объемистой сумкой в руках. Наверное, с теннисными причиндалами. Так что мы вовремя, поскольку от игры Бориса Николаевича уже было бы не оторвать.

Шеф здоровается с нами так, словно давно и с нетерпением ждал. Таким расслабленно-беззаботным я его уже давненько не видел. Вот что значит человек на отдыхе! Самый момент «брать быка за рога»:

– Борис Николаевич, с Европарламентом все вопросы решены. В середине апреля вас ждут…

С напряжением вглядываюсь в лицо шефа. Если на нем сейчас отразится брезгливое неудовольствие, значит, уговоры бесполезны. Не дай Бог! Но шеф остается благодушным.

– Сделаем так, – шеф кивком подзывает Коржакова. – Сейчас у нас спорт, а после вас Александр Васильевич разместит у нас на этаже. Отдохнете с дороги, а после ужина соберемся у меня в номере, посидим, и вы обо всем расскажете.

– Отлично! А я вам как раз сувенир из Парижа привез.

Насчет Парижа – вранье. Коньяк был куплен в самый

последний момент в Стамбуле. Так, на всякий случай, вдруг сгодится для задушевности разговора. Вот и сгодился.

– Хорошо. Значит, после ужина у меня.

До тех пор, пока не освободится Коржаков и не распорядится насчет нашего размещения, заняться нам абсолютно нечем. Поэтому остаемся у корта и делаем вид, что с интересом наблюдаем за игрой. Я болею за охранника (кто-то же должен быть за него), Югин – за Ельцина. Хотя, на самом деле, мне лично исход этой встречи абсолютно безразличен. Голова занята другим: шеф сразу на все согласится или придется уговаривать? Над Виктором не висит дамокловым мечом это проклятый вопрос, а потому у него и мысли вполне санаторские:

– Я тут в холе видел буфетик с напитками. И там не только лимонад! Может, зайдем? Надо же отметить возвращение на Родину.

– Ты что! Нам же после с шефом беседовать!

– Так ведь мы перед этим поужинаем.

Все же порой в депутатских головах рождаются очень даже здравые мысли.

…В своем докладе о переговорах в Париже и Страсбурге сознательно опускаю негатив. Например, как долго пришлось уговаривать европейских боссов согласиться на встречу с Ельциным и какие влиятельные силы для этого были задействованы. Шеф слушает внимательно, не перебивая, и только когда речь заходит об аудиенции у Миттерана, задает вопрос:

– Что значит «неафишируемая» встреча? То есть он со мной готов встретиться, но так, чтоб об этом никто не узнал, так что ли?

– Ну, примерно так же, как вы недавно встречались с Бушем…

Это тот самый случай, про который можно сказать: брякнул, не подумав. Ведь знал же, что шеф терпеть не может вспоминать про поездку в Америку и про встречу в Белом доме! Теперь у него настроение испорчено на весь вечер. Неужели я своей болтливостью все загубил? Черт бы меня подрал…

С президентом Бушем Ельцин встретился только на третий день после приезда в Штаты. Но все это время, буквально на каждом мероприятии, будь то пресс-конференция, лекция или частный ужин, неизменно произносил один и тот же текст: «Нам с американским президентом надо встретиться! Я готов к встрече! Дело за ним! Нам есть что сказать друг другу!». Последний раз это было сказано с университетской трибуны в Балтиморе, причем

сразу же после более чем резкой критики Горбачева и заявления о его, Ельцина, неожиданном американском прозрении:

– Все мое представление о капитализме, о Соединенных Штатах, об американцах, которое годами вдалбливали мне в голову, в том числе и при помощи «Краткого курса истории ВКП(б)», – эти слова сопровождались красноречивым постукиванием кулаком по собственной голове, – все это за два дня пребывания у вас развернулось на 180 градусов!

Ельцин еще отвечал на вопросы из зала, а мы уже знали – его приглашают в Белый дом на встречу с советником президента по национальной безопасности Брентоном Скоукрофтом. Как только здесь все закончится, они с Сухановым и переводчиком едут на машине в Вашингтон. А сразу после встречи в Белом доме возвращаются в Балтимор и присоединяются к нам на обеде с сенаторами от штата Мэриленд и бывшим советником по национальной безопасности Збигневом Бжезинским. Но, прежде чем уехать, он должен поучаствовать во встрече с представителями местных общественных организаций, от которой, по словам Алференко, никак нельзя отказаться.

Новость о встрече с Бушем воспринимается с удовлетворением, хотя и не без злорадства: «Долго же он не мог решиться!». Зато новость о встрече с общественниками – с гневом.

– Вы что, понимаешь, мне тут напланировали?! Что это еще за общественные организации?! «Объединение по сбору пожертвований»! «Действие в пользу бездомных»!

– Борис Николаевич, прошу вас, всего тридцать минут!

По дороге в Вашингтон Ельцин выдает Суханову очередную порцию недовольства:

– Я с кем еду встречаться?!

Суханов объясняет: мол, едем как бы на встречу с советником президента по национальной безопасности, но…

– Какой, понимаешь, советник?! Не буду я ни с каким советником встречаться! Не мой уровень! Встреча с президентом предполагается? Если нет, поворачиваем назад!

– Борис Николаевич, это такой политес. Вы едете к советнику, но на встречу с президентом. А уже после Белого дома предполагается встреча с Госсекретарем США Джеймсом Бейкером. Один на один. Поэтому нам никак нельзя отказываться, эти две встречи связаны друг с другом. Не пойдем на эту, сорвется та.

Ельцин успокаивается, кладет голову на плечо и делает вид, что дремлет. Открывает глаза только тогда, когда машина останавливается у ворот Белого дома.

…Желающие узнать о той встрече побольше могут прочитать

о ней в книге Льва Суханова «Как Ельцин стал президентом». Там все правда, кроме ореола почтительной торжественности: «Ворота Белого дома открылись… Машина подкатила к парадному входу… Нас проводили по широкой мраморной лестнице…» Все выглядело прозаичнее. Именно так, как того хотела принимающая сторона, а она хотела, чтобы встреча «как бы состоялась», но чтоб ее «как бы не было». Спустя несколько лет один из бывших сотрудников уже бывшей администрации Буша (старшего) показал мне некий меморандум, положениями которого в тот памятный день надлежало руководствоваться сотрудникам аппарата Белого дома:

«Машина г-на Ельцина должна быть подана к западному крылу с тем, чтобы его приезд не был замечен прессой. В кабинет г-на Скоукрофта его надлежит провести через подвальный проход. Информация для гостя: встреча с президентом возможна, но не гарантируется. Ее продолжительность не должна превысить четверти часа. В случае отказа г-на Ельцина следовать этим условиям возможно предложить ему вернуться в отель».

Все было именно так. Вышедшего из машины Ельцина приветствовала Кондолиза Райс, сотрудник Совета национальной безопасности, неплохо владеющая русским. Она предложила гостю пройти в основное здание Белого дома через подвальный проход. Ельцина насторожила некуртуазность его интерьера, и он поинтересовался, причем сделал это с нескрываемым раздражением:

– Вы всех гостей президента водите этим ходом или только меня?

– Нет, не всех. Просто сейчас в Белом доме готовится к записи выступление президента по вопросам борьбы с наркоманией, и верхняя колоннада заставлена аппаратурой.

Сообщение о записи не успокоило, а еще больше насторожило:

– Президент намерен встретиться со мной? – и увидев, что Райс в ответ лишь неопределенно пожала плечами, остановился как вкопанный. – Я шага больше не сделаю, если мне не гарантирована встреча с президентом!

Райс улыбнулась своей обаятельной афроамериканской улыбкой:

– Господин Ельцин, если вы не желаете говорить с советником президента по национальной безопасности, вы вправе вернуться в отель.

Ельцин еще больше насупился и молча двинулся по подвальному проходу к парадным апартаментам Белого дома. Но на том злоключения не закончились. Когда они с Сухановым и переводчиком

вошли в кабинет Скоукрофта, тот не сразу поднялся со своего кресла. Задержался с приветствием, буквально на несколько секунд, но их было достаточно, чтобы гость почувствовал свою второсортность.

– Добро пожаловать в Белый дом, господа! – и, пожав гостям руку, огорошил вопросом: – Мистер Ельцин, а зачем вы, собственно, сюда приехали? Что вы хотите?

Наверное, кто-то другой стушевался бы, но Ельцина «выбить из седла» не так просто. Правда, его ответ по напористости не соответствовал лобовому вопросу хозяина кабинета:

– Ну-у, во-первых, я никогда не был в Америке. Я приехал сюда по приглашению ваших видных сенаторов и Фонда Рокфеллера…

Услышав это, советник президента криво усмехнулся, причем сделал это так откровенно, что гость не мог этого не заметить. Дело в том, что сказанное Ельциным было неправдой – ни сенаторы, ни Фонд Рокфеллера не направляли ему никаких приглашений. Оно было прислано Институтом Эсален, который по вопросам СССР имел кое-какие контакты с Госдепартаментом, а по непроверенным слухам – еще и с ЦРУ.

– Во-вторых, мне интересно посетить вашу великую страну и познакомиться с вашим трудолюбивым народом…

Наверное, Ельцин сформулировал бы еще и «в-третьих», но в этот момент в кабинет вошел президент Буш. Поздоровавшись за руку со своим советником и с помощником своего советника, он «вдруг» заметил гостя и расплылся в улыбке:

– Рад вас приветствовать у нас в Белом доме! Как поживаете? – и, не дожидаясь ответа (чисто американская манера), сходу задал вопрос: – Каково ваше мнение о событиях в СССР?

Ельцин привычно приступил к пространному изложению того, какую громадную роль могли бы сыграть Соединенные Штаты в становлении демократии и рыночной экономики в России.

– Мы уже многого добились, но добились бы еще больше, если бы не нерешительность и противодействие со стороны союзного Центра! Горбачев не может заставить себя порвать с коммунистическими догмами и с коммунистической номенклатурой…

Буш резко поднимается со стула, что должно было означать: bye!

– Хорошо. Я вас понял. У меня, к сожалению, очень мало времени. Сейчас запись моего телеобращения. Но я буду рад встретиться с вами еще раз. Передавайте от меня привет Михаилу Горбачеву. Надеюсь, вам понравится у нас в США.

На следующий после визита Ельцина день Буш попросил трех

своих сотрудников, участвовавших во встрече, в письменном виде сформулировать свое впечатление о госте. И те, независимо друг от друга, сформулировали: грубый, невоспитанный, мужлан. Президент, прочитав написанное, пожал плечами:

– А мне кажется, приятный парень. Хотя, конечно, простоват для политики.

Я иногда посмеиваюсь над Югиным из-за, как мне кажется, идеалистического восприятия новорожденной российской демократии, но при этом не отрицаю его несомненный приоритет в вопросах аппаратного политеса. Тут он намного искуснее меня, и это неоспоримо. Видимо, дает о себе знать многолетний опыт руководства подконтрольной партийным властям «Сменой», одной из популярнейших газет Ленинграда. Да и руководство парламентским Комитетом, собравшим амбициозных депутатов-журналистов, думаю, тоже многому научило. Чего бы там ни говорили простачки-романтики, а на таких должностях не выживают те, чья позиция описывается прямой линией. Как известно, у нее, у этой самой прямой, тоже две крайние точки – назначение и отставка, только расстояние между ними зачастую не более дефиса.

Вот и сейчас я еще только ломаю голову, как бы сгладить неловкость, рожденную моими неуместными упоминаниями про встречу с Бушем, а Югин уже предпринимает отвлекающий маневр – на ходу выдумывает пару весьма правдоподобных историй про то, с какой огромной симпатией относится к Ельцину турецкая интеллектуальная элита, чего никак нельзя сказать про президента Горбачева. Шеф слушает, снисходительно улыбаясь. Ему определенно нравится Витина байка.

На столе коньяк, фрукты и какое-то печенье, явно ненашенского производства. После выпитой рюмки шеф оттаивает. Разговор заходит о спорте. Ельцин вспоминает свое страстное увлечение волейболом, Югин – плаваньем и греблей. Мне вспомнить нечего, кроме многочисленных прогулов школьных занятий по физкультуре. Но в этой компании о таком лучше не заикаться. Воспользовавшись паузой в разговоре двух экс-спортсменов, делаю второй заход:

– Борис Николаевич, мы должны выжать из ситуации максимум возможного. И неважно, как будут обставлены все эти встречи, важен сам факт того, что они состоялись.

– Что вы мне об этих встречах твердите?! Я, по-вашему, должен лететь во Францию только для того, чтоб просто пожать руку вашему Миттерану?

– Уже одно то, что он пожмет вам руку, будет означать признание, что вы на равных! Разве это не важно?

– Ельцина не надо признавать! Он уже признан! Признает он меня, понимаешь, – шеф хоть и злится, но в нем уже чувствуется некое благодушие, и это хороший признак. – И что вы мне все про своего Миттерана?! Миттеран! Миттеран!

– Нет, но…

Отмахнувшись от меня, словно от надоедливо жужжащей мухи, шеф поворачивается к Югину:

– Ну что, Виктор, вы тоже считаете, надо ехать?

Югин не просто согласно, а, я бы сказал, размашисто кивает в ответ. В этот момент он чем-то напоминает пацана у витрины спортивного магазина, возбуждено отреагировавшего на многообещающий вопрос родителя: «Ну что, Вить, ты считаешь, нам именно этот велик надо брать?»:

– Конечно, Борис Николаевич, обязательно надо ехать!

– Вы так считаете? – теперь я уже абсолютно уверен, что он для себя все решил, и обращенный к Югину вопрос – это не более чем поддержание застольного разговора. – Хорошо. Давайте готовиться.

Поздно вечером упавший с моей души камень окропляется красным вином, которое русский депутат Югин тайно реквизировал из погреба турецкого предпринимателя Али Шена, якобы в качестве не полученной с Турции контрибуции за войну 1877 года. И как же нам сейчас хорошо! В тишине! В покое! Ни о чем не думая и ни за что не тревожась! Даже уезжать не хочется. Хотя долго нам тут гостевать не удастся. Во-первых, Югина ждут в Верховном Совете, а мне надо поскорее вернуться в Страсбург и к приезду Ельцина окончательно утрясти программу его визита. А во-вторых, Коржаков нам просто не позволит тут долго засиживаться. Он пока ничего не говорил, но в его глазах и без слов читается недовольство: мол, решили свои вопросы, и будьте любезны!

Перед отъездом попрощаться с шефом не удается. Охрана не пускает под тем предлогом, что он-де еще спит. Что ж, нельзя так нельзя. Хотя трудно поверить, что в девять утра Ельцин еще в постели. На моей памяти такого отродясь не бывало. Так что, скорее всего, просто получили приказ не пускать. Мы с Югиным тут, в «Красных камнях», не более суток, а я уже успел почувствовать, что наш милый Саня, Саша, а теперь уже Александр Васильевич с вдохновением вживается в роль верного опричника, призванного оберегать государя от неверности бояр. Человек он незатейливый, а потому и начал с незатейливого – сменил тон своего общения с коллегами.

– Значит, так: с тобой на подготовку визита полетит мой человек.

По тону – это приказ, который нельзя не выполнить. Где я возьму деньги на перелет и проживание еще одного человека – его не касается. Я сказал, ты решай. Вопрос не обсуждается.

– А с какой целью, позволь спросить, он со мной полетит?

Охранник усмехается:

– Ты что-то в вопросах безопасности смыслишь?

– Извини, об этом не подумал. А кто именно полетит? Мне надо заранее знать, чтобы успеть решить вопрос с визами и билетами.

– Полетит Валя Мамакин.

– Отлично!

И это действительно отлично. Валентин – вполне вменяемый и, что немаловажно, доброжелательный человек. Думаю, с ним будет комфортно. Тем более я ни при каких условиях не стану погружаться в вопросы охраны нашего Бориса Николаевича. Насмотрелся на мучения его бодигардов – вот уж чей хлеб полит слезами и потом!

…Неприятности начинаются на второй день после возвращения в Париж. Сначала меня огорошили известием о неожиданном визите во Францию председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова. Еще каких-нибудь пару недель назад об этом здесь никто и слыхом не слыхивал. Даже сотрудники советского посольства, коих мы с Ряшенцевым щедро, хотя и не вполне бескорыстно, потчевали в ресторанах аристократического Пале-Бурбона, не предполагали, что вскоре им придется обихаживать столь высокого гостя с Родины. А тут вдруг на тебе – прилетает! И надо же – в то же самое время, что и Ельцин! Понятное дело, это сразу поставило под удар все наши договоренности с Елисейским дворцом. Его генерального секретаря, который до моего отъезда в Стамбул отзывался о шефе чуть ли не как о желанном госте французского президента, словно подменили – разводит руками и произносит бесстрастным тоном привыкшего к чужому горю патологоанатома: просьба о встрече должна быть оформлена через советское посольство!

Еще более неприятный сюрприз преподносится в парламентском Страсбурге – по неведомой причине разом рушатся все прошлые договоренности с европейскими лидерами. Те демонстративно отмежевываются от предстоящего визита Ельцина. И если генеральный секретарь Совета Европы Катрин Лалюмьер делает это более или менее деликатно: «Я приму его исключительно по личной просьбе», то председатель Европарламента Энрике Барон особо не церемонится: «Я Ельцина в Страсбург не приглашал!». Но, пожалуй, самый болезненный удар наносится не политиками, а парламентской обслугой –

давно заказанный и проплаченный отель, в котором обычно останавливаются приехавшие в Европарламент высокие гости, расторгает с нами договор, причем без объяснения причин.

Совещание с сотрудниками парламентского протокола, начавшееся в шесть вечера, затянулось. Скоро девять, а мы никак не можем договорится о главном: Ельцин – гость Европарламента или просто заехал полюбопытствовать? Импозантный Валентин Мамакин (его с одинаковым успехом можно принять и за заместителя любого министра, и за артиста больших и малых академических театров) сидит рядом со мной и являет собой молчаливого, но очень важного сотрудника аппарата председателя Верховного Совета РСФСР. Время от времени наклоняюсь к нему и шепчу: «Валя, не соглашайся!», и тот недовольно мотает головой. Шептать «Соглашайся!» не приходится – соглашаться не с чем. Разговор ведется в ультимативной форме:

– Господин Барон встретит и поприветствует господина Ельцина, когда тот войдет в здание и будет подниматься по лестнице… Нет, беседа в рабочем кабинете господина Барона не предусматривается… У господина Ельцина будет возможность выступить лишь перед депутатами отдельных фракций… Он сможет осмотреть Зал заседаний, но только с гостевой трибуны… Нет, ему не может быть предложено выступить… Его присутствие в Зале среди депутатов не допускается протоколом… А какие у вас проблемы с отелем? Сожалею, но этот вопрос вне сферы нашей компетенции.

Какие-то мелочи удается отстоять, но именно мелочи. По самым важным позициям, по которым не так давно не было особых разночтений, хозяева непреклонны. И вот ведь что удивляет более всего: с чиновником, который сейчас разговаривает со мной столь жестко, пару месяцев назад мы мило общались за ужином в одном из парижских ресторанов, и я слышал от него совсем иные речи: «О-о, господин Ельцин! О-о, этот визит станет большим политическим событием!». Он тогда не сразу сказал мне «да», взял паузу в несколько дней, чтобы согласовать наши договоренности со своим руководством. Но ведь согласовал же, черт его дери! Сам меня об этом после и известил! Что же за это время переменилось? Хочу задать ему этот вопрос, но тот, видимо, разгадав мое намерение, скороговоркой произносит: «Благодарю вас, господа, будем считать, что мы обсудили все, что требовалось обсудить», и пулей вылетает в коридор.

Такое состояние, будто меня прилюдно раздели и выпороли. То, что они сейчас устроили, иначе как подлянкой не назовешь –

Ельцин прилетает через два дня, а из программы исключается все, ради чего он летит! И это называется «la diplomatie»?! Похоже, они вообще задумали устроить шефу всеобщий афронт и во всем, даже в протокольных мелочах, продемонстрировать свое пренебрежение. В голове с болью пульсирует единственная мысль: как же мне после всего происшедшего надлежит поступить? Или срочно отменять визит, или оставить все, как есть, а там будь что будет. И в том и в другом случае ущерб политической репутации Ельцина неизбежен. И в том и в другом случае вся вина ляжет на меня.

Господи, где ж те чаши весов, на которых можно взвесить эти два ущерба – от «ехать» и от «не ехать»?!

Обсудить сложившуюся ситуацию могу только с одним человеком – с Ряшенцевым, который остался в Париже и через наших французских друзей пытается каким-то образом уладить вопрос со встречей в Елисейском дворце. Время позднее, уже за полночь, но сейчас не до учтивостей:

– Друг мой, ты, главное, не паникуй!

– Ты разве понимаешь, что происходит? Меня кто-то очень крепко подставил!

– С Елисейским дворцом все непросто, но, думаю, французы пойдут нам навстречу. Фредерик задействовал все свои связи. Главное – это соблюдать три условия…

– Почему три? До сих пор говорилось про два – публично не требовать отставки Горбачева и не делать заявлений о выходе России из СССР. Какое еще появилось?

– Заранее не афишировать саму возможность встречи с Миттераном.

…Десять утра, а я все еще у себя в номере, пью кофе и смотрю какую-то идиотскую передачу по телеку. Как ни странно, торопиться мне некуда. Рано утром в Страсбург прилетели Ряшенцев с Шапю и теперь решают вопрос с отелем для нашей делегации. Посмотрим, что у них получится. Буду ждать, другого дела у меня пока нет. Вчерашнее совещание все расставило по своим местам. Итог, конечно, не в мою пользу, но большего мне, увы, не добиться. Как говорится, лбом стену не прошибешь. А я оказался перед стеной. Причем перед свежеуложенной стеной, это для меня очевидно. Месяц назад ее не было и в помине.

К полудню вопрос с размещением улаживается – Ельцин с командой будет занимать этаж 5-звездного отеля, неподалеку от Европарламента. Он даже шикарнее того, где нам отказали в постое. Но вот со всеми прочими проблемами, похоже, полный швах. Догадаться об этом нетрудно. Достаточно хотя бы взглянуть на непривычно унылый вид мсьё Шапю, который уже не выглядит

неуемным оптимистом. Пожалуй, впервые вижу его задумчиво-грустным, и впервые слышу слова о каких-то наших ошибках:

– Мы, друзья, не учли, что в окружении Ельцина есть люди, заинтересованные в том, чтобы эта поездка закончилась неудачей.

– Что ж, наверное, даже наверняка, такие есть, и их немало. Например, Горбачев не в восторге от этой поездки и, полагаю, не слишком расстроится, если она пройдет из рук вон плохо.

– Ты меня не понял. Я говорю о людях из окружения Ельцина, а не о его политических оппонентах.

Сидим в уютном кафе на площади Клебер. Она чудо как хороша! Прижавшиеся друг к другу элегантные дома с многоярусными мансардами. Степенно прогуливающиеся благообразные горожане, детишки, обряженные так, словно у них у всех сегодня День ангела. Конные экипажи, неспешно катающие туристов. И, конечно же, желтоватый свет фонарей, придающий всему вокруг очарование старинной открытки. От всего этого веет упорядоченностью бытия и неторопливо текущим временем. Завидую! Мне бы тоже хотелось погрузиться в эту милую европейскую безмятежность. Как же я намаялся за эти дни!

– Что ты темнишь, Фредерик? Если тебе что-то известно, так говори.

– Кто у вас министр иностранных дел?

– В СССР – Бессмертных, в России – Козырев.

– Я же говорю о команде Ельцина! Ты знаком с Козыревым?

– Нет, его назначили всего полгода назад. Кажется, в октябре.

– То, что я тебе сейчас скажу, не имеет доказательств. Это то, что, как вы говорите, сорока на хвосте принесла. Только таких сорок ко мне прилетело сразу несколько, и они никак не связаны друг с другом, но все из гнезда на самой вершине дерева. Ты меня понимаешь?

– Что ты мне сказки-то рассказываешь? Тоже мне, Ганс-Христиан.

– Это не сказки. У вашего министра очень серьезные личные интересы и очень влиятельные покровители в Штатах. Ему важно закрепиться в МИДе, им – чтобы вся внешняя политика Ельцина контролировалась их человеком. Поэтому, когда Козыреву стало известно про вашу поездку, по всем европейским каналам была запущена информация, что ее готовит группа сомнительных личностей, не имеющих к дипломатии никакого отношения, зато пагубно влияющих на Ельцина. А из Вашингтона послали другой message: Ельцин – непредсказуемый популист, который не принесет Западу безопасность и спокойствие, и ему не следует, в пику Горбачеву, оказывать незаслуженно радушный прием. Ты

спрашивал, почему всем вашим договоренностям вдруг дали задний ход? Вот потому и дали.

– Все настолько мудрено, что даже неправдоподобно.

– Хочешь убедиться в правдоподобности? Завтра убедишься. Только запомни то, что я тебе сейчас скажу: до самого приезда Ельцина тебе не будут говорить, с представителями каких фракций Европарламента ему предстоит встретиться. Скажут в последний момент, и это будут депутаты-социалисты.

– И что с того, что социалисты?

– Они более других симпатизируют Горбачеву и с радостью порвут в клочья репутацию твоего босса. После этого Миттеран даже слышать не захочет о встрече с ним. А вот когда он вернется в Москву, его пригласят в американское посольство и намекнут, что в следующий раз в такого рода делах (если он, конечно, не хочет опять осрамиться) ему следует опираться только на Козырева, и ни на кого больше. Ельцин будет часто менять своих министров, но Козырев продержится дольше других, а уйдет лишь в двух случаях. Или Штаты подберут ему равноценную замену, или оппоненты Ельцина вынудят принять такое решение.

– Тогда чего ради мы здесь высиживаем? Надо срочно отменять визит и не подставлять голову под топор.

– Поздно отменять. Резонанс будет еще хуже.

Видимо, Фредерика вся это история тоже изрядно вымотала, потому что он делает то, что ему совершенно несвойственно – умолкает. Берет со стола наполненную водкой рюмку и пьет, отхлебывая маленькими глоточками. Господи, как же они, европейцы, могут ее пить таким богомерзким способом?! Смотрю на его усталое лицо и гадаю: ему-то к чему эти заботы-переживания? Наверняка ни к чему. Просто авантюрист. Чистопородный авантюрист. Каждодневно наполняет жизнь новыми острыми ощущениями. Сегодня он что-то затевает в политике, завтра – в бизнесе, послезавтра – в прессе. Человек азарта. Завидую.

– Да, ребята, мы попали в политическую мышеловку. Теперь главное – не соблазниться на сыр, и тогда появится шанс выскользнуть из нее с минимумом потерь.

– Фредерик, что-то ты сегодня загадками изъясняешься. Говори яснее.

– Наша тактика – не стремиться ни к какому триумфу! Предложили встретиться – встретился, задали вопрос – ответил. Минимум интервью. И никакой критики Горбачева, никаких призывов к признанию независимости советских республик! Свести цель визита к самому факту визита – приехал, продемонстрировал себя и уехал. Главное – не дать повода для

обвинений, и тогда можно будет считать визит вполне успешным.

Совет этот, быть может, и хорош, но, к сожалению, не для моего шефа. Он привык лупить политических оппонентов наотмашь. Это его образ и это его стиль. Иначе не может, иначе перестанет быть Ельциным. Так что будем готовиться к худшему. К тому, что визит окажется не вполне успешным. А говоря по-простецки – хреновым.

…Спецрейс из Москвы прилетает около десяти вечера. Отвечающему за безопасность Мамакину нужно, как он выразился, заранее оглядеться на местности. Поэтому мы приехали на полтора часа раньше и теперь маемся в небольшом зале аэропорта, специально предназначенном для встречи VIP-гостей. Обстановка более чем скромная, и о протокольном предназначении помещения напоминают разве что расставленные вдоль стены флаги государств – членов Совета Европы. Говорят, когда здесь встречают главу государства, не представленного в Совете, как знак особого к нему уважения, выставляется и его флаг. Но нашего, РСФСРовского, сейчас нет. Я намекнул, что неплохо было бы уважить моего шефа, но получил решительный отказ. Мол, господин Ельцин не является главой государства, а ваш флаг не является государственным: «Мы даже не знаем, как он у вас выглядит».

Кроме нас с Мамакиным и парламентского протокольщика, в зале еще несколько потрепанного вида репортеров. У меня на эту публику глаз наметанный – они явно не из солидных европейских изданий. Скорее всего, местная «желтая пресса», и это нехороший признак. Значит, во всем, что скажет и сделает здесь Ельцин, будет искаться, прежде всего, скандальный подтекст. Что-то отыщется, а что-то придумают. Именно так случилось с нами в 89-м в Америке, и случилось не без наущения свыше. На Западе зарубежных политиков такого масштаба вообще крайне редко мажут грязью из паталогически бескорыстной любви издателей к скандалам и сплетням. Чаще всего дипломатическая «клубничка» выращивается по заказу, за который сулят хорошие барыши и дают гарантии безнаказанности.

Симпатичная дежурная в элегантной униформе сообщает с улыбкой: «Господа, ваш рейс прибыл, ожидайте». Она наверняка ни слова не понимает по-русски, но Мамакин на всякий случай понижает голос до полушепота:

– Готовься, сейчас побежим.

– Куда? Зачем?

– Мы должны первыми подняться по трапу и доложить о протоколе встречи. Так положено.

Аэропорт Страсбурга такой же игрушечный, как и город.

Сюда и днем-то прибывает немного рейсов, а уж сейчас, в вечернее время, кроме нашего, вообще ни единого. Поэтому ошибиться не можем – это наша горящая посадочными прожекторами «Тушка» выруливает на стоянку. На глазах изумленной дежурной Валентин распахивает дверь и выскакивает на поле. Какие-то служащие, вероятно, охрана, возникают из темноты, что-то возмущенно лопочут по-французски и пытаются нас остановить. Наивные люди! Мамакин, двигаясь то левым, то правым галсом, ловко обходит растопыривших руки служителей и с криком «Рашэн секьюрити!» устремляется к остановившемуся самолету. Я, стараясь не отстать ни на шаг, двигаюсь у него в кильватере, выкрикивая то же магическое заклинание. Дверь еще не успели открыть, а мы с Мамакиным уже на верхней площадке трапа, готовые отрапортовать о протоколе встречи.

Ельцин с Коржаковым уже у выхода. За их спинами – Бурбулис и Суханов. Далее замечаю заместителя министра иностранных дел Андрея Федорова. За ним выстроились человек пять охраны. В конце салона маячит аршинного роста Дима Соколов, приписанный к Службе безопасности в качестве личного фотографа Ельцина. Как всегда, подшофе. Следом Саша с Леной, неразлучная парочка «вроде бы телерепортеров», которым Коржаков дал эксклюзивные права на съемку Ельцина и на которых постоянно жалуются иностранные журналисты за то, что те в наглую торгуют официальными материалами, запрашивая за них непомерно высокую цену, причем в валюте. Высматриваю прибывших не из любопытства, а чтоб понять, не просчитались ли мы с количеством заказанных гостиничных номеров. Вдруг в последний момент в состав делегации включили еще кого-то, и тогда возникнет проблема с размещением.

Господи, сделай тек, чтобы это была самая большая моя проблема в ближайшие пару дней!

– Кто встречает? – вопрос отчего-то задает не Ельцин, а Коржаков.

– В VIP-зале встречает заведующий Службы протокола Европарламента.

– Почему не у трапа?

– Так здесь заведено.

На самом деле здесь заведено не так. И встречает не сам заведующий, а его заместитель. Но к чему сходу раздражать шефа тем, что его здесь воспринимают не как главу государства, а как руководителя органа законодательной власти одной из провинций Советского Союза? Ему и без того предстоит сделать немало малоприятных открытий, касательно своего имиджа в глазах европейской политической элиты.

Скорее бы все закончилось! Как угодно, но лишь бы скорее!

Ужинаем в номере у шефа. В просторной гостиной накрыт стол. Еда и напитки доставлены из ресторана (хвала Ряшенцеву за гарантию оплаты всех гостиничных расходов). Признаться, я чертовски голоден, с утра ничего не ел. Только сейчас не до трапезы – докладываю основные пункты программы на завтрашний день. Но он волнует моих коллег много меньше, нежели сегодняшний. Похоже, они рассчитывали на прием с почетным караулом, оркестром и председателем Европарламента у трапа.

– В аэропорту был выставлен наш флаг? – шеф обводит взглядом сидящих за столом. – Кто-нибудь обратил внимание?

На мне его взгляд не задерживается, что означает одно – опалу.

– Так был наш флаг или его не было?!

Никто, кроме меня, не знает этого наверняка. Поэтому, хочешь не хочешь, придется обратить на меня внимание.

– Был флаг, просто вы его не заметили.

Это еще одна «ложь во благо». Что будет со мной после этого визита – мне по фигу. Но что будет в ближайшие дни, на которые положено так много сил, причем не только моих – ради этого готов наврать хоть с три короба.

– Видно, его так поставили, что мы сразу и не заметили, – чувствую, Борис Николаевич не может преодолеть возникшую ко мне неприязнь. – А почему этот самый Барон не приехал меня встречать? В конце концов, я в том же звании, что и он – председатель парламента! Он вообще-то собирается со мной встречаться?

Ну, держись, дружище Вощанов! Сейчас будет салют наций из всех орудий!

– Завтра, когда вы войдете в здание, он будет встречать вас у входа.

– И это все?! Да вы что, понимаешь!

Пытаюсь объяснить шефу ситуацию, в которой мы оказались. Мол, для нас самый разумный выход из нее – придать визиту пассивно-ознакомительный характер. Но он уже ничего не воспринимает. Смотрит на меня, как на вонючего лестного клопа, оказавшегося в миске с малиной. Если бы не Бурбулис, наверное, меня бы уже не было в номере. Геннадию Эдуардовичу как-то удается сохранить видимость заинтересованного обсуждения:

– А почему ты считаешь, что от завтрашней встречи с фракцией социалистов следует отказаться?

– Потому что социалисты настроены агрессивно по отношению к Борису Николаевичу. Их кумир – Горбачев.

Ельцин презрительно фыркает: «А чем вы раньше думали, когда меня сюда зазывали?!», но рассудительный Бурбулис в очередной раз понижает градус сановного недовольства:

– Политическая работа – это не только встречи с соратниками. Это еще и умение спорить с оппонентами. А Борис Николаевич – полемист от Бога. Так что никаким здешним социалистам его не одолеть. Встречаться надо со всеми.

Вот уж чего не следует делать, так это встречаться со всеми. Где-нибудь да оступимся, и это наложит негативный отпечаток на весь визит. Он и без того не обещает быть блистательным.

– Геннадий Эдуардович, я вообще предлагаю сохранить в программе только две встречи – с генеральным секретарем Совета Европы и с экс-президентом Франции Жискар д'Эстеном.

– Как это «только две»?! – успокоившийся было Ельцин вновь впадает во гнев. – А встреча с Миттераном? Или с ней тоже еще ничего не решено?!

Скорее бы все закончилось! Как угодно, но лишь бы скорее!

…Чего я не ожидал от председателя Европарламента, так это мелочности. Его обещание встретить и поприветствовать гостя, как только тот войдет в здание, на поверку оказывается демонстрацией откровенного неуважения. Все происходящее выглядит именно так.

Войдя в здание, Ельцин, сопровождаемый Федоровым, с приветливой улыбкой на лице поднимается по лестнице. Почему-то он решил, что стоящие по сторонам депутаты его радостно приветствует, хотя на их лицах не чувствуется никакой радости. В лучшем случае любопытство. Там, наверху, его должен встретить Энрике Барон. Но вот уже последняя площадка, а перед ним никого. Шеф понимает, что, сделай он еще несколько шагов, и окажется в нелепой ситуации – придется стоять на виду у публики и ждать, когда опаздывающий спикер соизволит появиться. Наверное, это не лучший ход, но Ельцин делает вид, будто что-то забыл, разворачивается и спускается вниз, где у входа ожидают своей очереди члены делегации. Сердце мое сжимается от ожидания непоправимого: сейчас выйдет на улицу, сядет в машину и уедет в отель! На том все и закончится. Но, слава Богу, пронесло. Постояв с полминуты у дверей, шеф вновь поднимается по лестнице. И все повторяется – наверху его опять никто не встречает. Только на третий раз появляется Энрике Барон и скороговоркой произносит несколько ничего не значащих приветственных фраз. В глазах хозяина – дипломатичное равнодушие, в глазах гостя – дипломатичная ярость.

Представляю, что сейчас на душе у шефа. Как ни объясняй происшедшее, а от него сильно отдает элементарным хамством.

Зачем же было обещать встречу, а после столь унизительным образом исполнить обещанное? Хотя чего еще можно ожидать от социалиста со стажем (в свое время Барон был одним из видных деятелей Испанской социалистической рабочей партии), для которого Горбачев – идеал советского демократа, а его оппонент Ельцин – демагог и популист. Наверное, шеф разразился бы гневной тирадой и в его, и в мой адрес, если б нам не надо было торопиться на первую в этот день встречу.

В небольшом зале, чем-то похожем на буфет, собрались депутаты-социалисты. Председательствует их лидер – француз Жан— Пьер Кот, по слухам, человек крайне амбициозный и самовлюбленный. Поначалу все выглядит тихо-мирно – он за руку здоровается с Ельциным и вежливо предлагает ему занять место рядом с собой. А далее следует «приветственное» слово:

– Господин Ельцин! Вы – любезный человек, но у вас есть склонность к демагогии, и иногда вы демонстрируете безответственность.

Шеф вскидывает брови и пристально смотрит на выступающего. Похоже, не ожидал столь неделикатной запевки.

– Вы поддерживаете националистические стремления к независимости в Прибалтике, в Грузии, в Армении! Вы поощряете русский национализм! Вы состоите в оппозиции Горбачеву, человеку, который мирно освободил Восточную Европу от тирании коммунизма, остановил гонку вооружений и холодную войну!

Шеф улыбается. Мне знакома эта улыбка, но до сих пор не могу к ней привыкнуть, всякий раз становится не по себе. Уж больно зловещая. Эдакий предвестник грома и молний. Горемыка Кот не догадывается, какая страшная беда нависла над ним. И она не заставила себя ждать – Ельцин берет выступающего за локоть и, потянув вниз, силой усаживает на стул. Надо признать, выглядит это довольно грубо, и я жду, что главный парламентский социалист сейчас устроит скандал. Наверное, так бы и случилось, но шеф жестом останавливает его гневный порыв:

– Я к вам пришел с открытым сердцем, а вы меня тут отчитываете, понимаешь, как студента. Может быть хватит читать мне морали?

Кот вскакивает и почти выкрикивает в зал:

– Если вам не нравится слушать неприятные для вас вещи, тогда не приходите в демократический парламент! Выход вон там!

В зале раздаются аплодисменты. Если б они были бурными, может, Ельцин встал и ушел (такое однажды случилось в Японии). Но аплодируют только сидящие ближе к

председательскому столу. Социалистическая галерка безмолвствует. И это обстоятельство подсказывает шефу, к кому следует апеллировать:

– Вам там, господа, это еще не надоело? Может хотите меня послушать?

Снова раздаются редкие аплодисменты, только теперь уже на галерке. Председательствующий, поняв, что злоупотребил своим положением, завершает «приветствие» столь же необычно, как и начал:

– Мы чувствуем себя в большей безопасности с Михаилом Горбачевым, чем с Борисом Ельциным! Вы прибыли, чтобы убедить нас в обратном? Я даю вам слово!

Ельцин встает и начинает говорить в своей обычной манере – будто зачитывает обвинительный приговор военного трибунала. Про догматизм и медлительность Горбачева. Про его зависимость от правящей партийной номенклатуры. Про буксующие в стране реформы. Про стремление России к демократии и рыночной экономике. Про то, что она, Россия, поддержит законное стремление братских народов СССР к независимости и свободе. Что Горбачеву самое время уйти в отставку, а вся полнота власти в стране должна быть передана Совету Федерации в составе руководителей союзных республик. Что он, Ельцин, намерен всемерно содействовать возвращению России в Европу, неотъемлемой частью которой она была на протяжении веков. Словом, произносит все то, чего симпатизирующие нам европейские друзья не советовали произносить в ходе этого визита, если, конечно, мы хотим, чтобы он оказался более или менее успешным.

Молоденькая социалистка, сидящая в партере, довольно визгливо выкрикивает, видимо, измучивший ее вопрос: «Чем вам мешает Горбачев?! Чем вам мешает Советский Союз?!».

– Борьба за суверенитет России и других республик нашей страны есть, прежде всего, борьба с советской тоталитарной системой и лишь после этого – с ее последним звеном в лице союзного Центра, который воспроизводит, понимаешь, традиционные, репрессивные методы управления. В старом унитарном Союзе перемены невозможны. Необходим демонтаж мощных командно-бюрократических структур!

Выступление окончено. В зале тишина. Ни аплодисментов, ни гула неодобрения. Ельцин произносит нечто отдаленно напоминающее «До свидания!» и выходит из зала. Это наш первый испеченный в Европарламенте блин, и он, как ему и положено, комом.

Но самое неприятное происходит чуть позже, на встречах с

Катрин Лалюмьер и Жискар д'Эстеном. В общении с ними Ельцин делает упор на тему важности и необходимости своей встречи с президентом Миттераном. Видимо, полагает, что так до того быстрее дойдет его настойчивое пожелание. Но и этого показалось мало – все свои сегодняшние интервью, а их было около пяти, он неизменно заканчивает словами: «Нам с президентом Франции есть что сказать друг другу! Я готов к встрече. Дело за ним». В 1989 году он точно таким же способом в Америке выбивал встречу с президентом Бушем. Но не думаю, что с Миттераном это «прокатит». Скорее всего, позиция Елисейского дворца станет настолько жесткой, что нам попросту откажут, причем сделают это в чувствительной для самолюбия форме. И с последствиями для репутации.

Скорее бы все закончилось! Как угодно, но лишь бы скорее!

Уже в коридоре какой-то депутат хватает Ельцина за руку и тащит в телевизионную студию Европарламента. Такое вообще не предусматривалось программой! Что за депутат, что за телепередача?! Пытаюсь остановить шефа: «Борис Николаевич…», но со вчерашнего вечера меня для него не существует. Он уже сидит в кресле, режиссер уже скомандовал: «Камера!», и тут ко мне подходит руководитель парламентской Службы протокола и шепчет на ухо:

– Это выступление очень навредит репутации господина Ельцина.

– А в чем дело?

– Вы разве не знаете, кто сидит рядом с ним? Жан-Мари Ле Пен. Поверьте, очень одиозная фигура. Лидер французских националистов.

Поздний вечер. Готовясь к завтрашнему перелету в Париж, российская делегация отдыхает в отеле. Все мероприятия отменены. Обо мне шеф едва ли вспомнит, поэтому ужинаю с Ряшенцевым и Шапю в маленьком ресторанчике, неподалеку от Кафедрального собора. Правильнее было бы сказать – они ужинают, ибо у меня нет ни малейшего аппетита. Что называется, кусок в горло не лезет. А Фредерику еда не мешает рассказывать о первой реакции европейской прессы на наш визит. Надо признать, она довольно скверная. Ельцина не жалуют комплементами. Общая оценка – в Европарламенте ему оказан более чем холодный прием. Как написала одна из парижских вечерних газет: «Европейские депутаты вылили на демагога и популиста из России бочку ледяной воды».

…Перелет из Страсбурга в Париж занимает не многим более часа. Почти как от Москвы до Питера. Чтоб лишний раз не попасть на глаза Ельцину, сажусь в самом конце салона. Не

потому, что страшусь его гнева, а потому, что если он вдруг спросит меня про Миттерана, сказать мне ему пока нечего – вопрос остается открытым. Вчера, уже поздно вечером, мне в номер позвонил Ряшенцев и сообщил тревожную новость – сегодня, то есть именно тогда, когда мы прилетим в Париж, президент Франции у себя в Елисейском дворце примет председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова. Согласится ли Миттеран в тот же самый день встретиться с еще одним советским гостем, причем крайне враждебно настроенным к первому? Большой вопрос. Но завтра нам уже надо возвращаться в Москву. Так что вырисовывается патовая ситуация – или сегодня, или никогда.

Наш дипломат, Андрей Федоров, весь полет проявляет невиданную доселе активность – готовит для шефа какие-то тексты, которые всю дорогу перепечатывает на машинке его молоденькая секретарша. Наивный человек! Уж я то знаю, что ничего из того, что он усердно формулирует и согласовывает с Бурбулисом, востребовано не будет. Пустые хлопоты. Разве только чтоб убедить шефа в своей полезности? Хотя и это, в общем-то, ни к чему – он не особо жалует излишне суетящуюся челядь.

В зале прилета аэропорта Орли Ельцина поджидает с десяток репортеров. Вопросы стандартные – о конфликте с президентом СССР и об отношении к сепаратизму советских республик. С замиранием сердца жду, что произнесет на сей раз, ибо от этого будет зависеть все дальнейшее. Похоже, шеф сделал выводы из страсбургского провала – в ответах резко снижает тон обвинений Горбачева и уже не требует его немедленной отставки:

– Я готов работать с Горбачевым! Мы вместе должны выступить против наступления правых и хаоса!

– А с какой целью вы хотите ликвидировать СССР?

– Россия ни в коей мере не выступает за прекращение существования Советского Союза. Но наш новый Союз должен быть построен снизу, усилиями самих республик. И Россия – локомотив этих реформ!

Хвала Господу, хотя бы отель пришелся по вкусу! И немудрено – Ельцин занимает роскошные апартаменты в фешенебельном 5-звездном De Crillon. Но, к сожалению, этим исчерпывается сегодняшний позитив в его настроениях. Кто-то из наших (не знаю, чья это была инициатива – Федорова, Бурбулиса или переводчика) знакомит с содержанием статей из утренних французских газет, в которых рассказывается о нем и об его выступлениях в Страсбурге. Оценки самые нелицеприятные – демагог, популист, националист, невежественный мужлан. Шеф в

ярости. На сегодня запланировано два мероприятия – деловой обед в шикарном ресторане, который устраивают в его честь крупнейшие бизнесмены Франции, и поездка в Гренобль, где его ждет мэр со всей городской знатью. Шеф категорически отказывается и от того, и от другого:

– Ни на какие встречи не пойду! Мне нужна одна встреча – с Миттераном! По ней у вас есть какая-то информация?! Нет? Все!

– Борис Николаевич, – Бурбулис не теряет надежды уговорить шефа не отказываться хотя бы от обеда с деловыми кругами, – может, пока решается этот вопрос…

– Буду сидеть и ждать! Больше никаких встреч!

Атмосфера накаляется до опасного предела – Ельцин удаляется к себе в спальню и хлопает дверью так, что, кажется, его демарш услышали даже на площади Конкорд. Звоню в офис Шапю: есть новости по Миттерану?

– Работаем. Поверь, мы предпринимаем максимум усилий! Только ты не мешай… – Фредерик делает паузу, видимо, прикидывая, стоит ли об этом говорить. – Ты зачем подключил к этому вопросу какую-то женщину, вашего депутата? Звонит в Елисейский дворец через каждые полчаса и уговаривает. Из-за ее звонков у меня был очень неприятный разговор с секретарем президента. К чему эта суета?

– Какая женщина?! О чем ты говоришь?!

– Сейчас скажу… Галина Старовойтова.

– Ничего об этом не знаю!

– Какой же хаос у вас в команде: один не знает, что делает другой! Так вы, парни, ничего не добьетесь.

– Ладно, Фредерик, об этом после поговорим. Сейчас мне нужно только одно – встреча Ельцина с Миттераном. Хоть какая. И любой ценой!

Буквально через пять минут у меня в номере звонит телефон. На проводе Жан Эленштейн:

– От вашего отеля до Елисейского дворца пятнадцать минут ходьбы. Встречаемся у ворот. Не опаздывайте! Нас ждет президент.

Скорее бы все закончилось! Как угодно, но лишь бы скорее!

Чем выше забираешься, тем меньше ощущаешь простоты и откровенности. Мне не сказано «да», но и не сказано «нет». Мне вообще ничего не сказано, кроме слов про напряженный график работы:

– Вы же понимаете, протокол есть протокол, и его нельзя нарушать. К тому же визит господина Ельцина вне всяких планов. Мы попробуем найти небольшое окошко в расписании, но это будет, что называется, «встреча на бегу». Но генеральный

секретарь Елисейского дворца сможет уделить господину Ельцину около получаса. Вас такое устроит?

– Если вы не можете предложить ничего лучше, то, конечно, устроит.

– О точном времени встречи вас известят… – пауза, и не слишком радующее уточнение: – В том, конечно, случае, если мы сможем вписать эту встречу в свой график.

На улице, возле ворот Елисейского дворца, меня поджидает переполненный негодованием Владимир Ряшенцев:

– Слушай, вы меня доконаете!

– Что еще случилось?

– В Страсбурге из комнат отеля, где жила ваша охрана, пропали махровые халаты и полотенца! Ты знаешь, какой счет мне за них выставили?! На такие деньги я мог бы одеть-обуть весь ваш Верховный Совет!

– Да ладно тебе, спиши в убытки.

– Что «да ладно»?! Думаешь, с меня слупили только за то, что эти архаровцы сперли?! Если бы! Они еще и за молчание взяли, чтоб информация о «порядочности» команды Ельцина не попала в прессу. Вот тебе и «да ладно»!

Скорее бы все закончилось! Как угодно, но лишь бы скорее!

…Нынешняя ситуация один в один повторяет американскую. Тогда Ельцина к себе в кабинет пригласил помощник президента США по национальной безопасности, и туда, как бы невзначай, заглянул глава Белого дома. Они сказали друг другу всего несколько фраз, и это общение заняло не более пятнадцати минут. Сегодня шеф, направляясь через анфиладу парадных залов в кабинет генерального секретаря Елисейского дворца, нос к носу, как бы случайно, столкнулся с президентом Миттераном. Они сказали друг другу несколько приветственных и ни к чему не обязывающих фраз, и это общение не заняло даже пяти минут.

Разумеется, Ельцина не особо радует такое отношение к нему, к общепризнанному лидеру демократической России. Он рассчитывал на большее. Но, если не судить строго, он своего добился – встреча с Миттераном состоялась, и это общеизвестный факт. А то, что она, по сути дела, была мимолетной – не суть важно. Именно поэтому градус недовольства мной несколько снизился. Настолько, что шеф дозволяет Бурбулису позвать меня на прощальный ужин к нему в номер. За столом, кроме меня, еще трое – Бурбулис, Коржаков и Суханов. Разговор ни о чем – о скаредности французов и об их предпочтениях в еде и горячительных напитках. Лев Евгеньевич, выбрав момент, шепчет мне на ухо:

– Ты что-нибудь знаешь о сегодняшней встрече Миттерана с

Лукьяновым? Это правда, что она длилась два часа? – и, в ответ на мой утвердительный кивок, предупреждает: – Не вздумай сейчас об этом шефу рассказывать!

Признаться, у меня и мысли такой нет, тем более, что за столом возникает другая, не менее взрывоопасная тема – о том, что так и не смогли посмотреть Париж.

– Это ничего, – шеф хмуро усмехается, – нам Павел про Париж расскажет. Он здесь свой.

Перед самым отъездом в аэропорт получаю информацию из Гренобля – мэр в интервью французским газетам дал несколько нелицеприятных оценок случившемуся – «неуважение», «бестактность», «хамство». Но мне уже все равно. Визит завершен. Конечно, его нельзя назвать успешным, но, полагаю, мы выжали из него максимум возможного и вышли с минимумом потерь. Могло быть гораздо хуже. Если меня сейчас что-то и мучает, так это то, как и когда сказать шефу, что не лечу с ним в Москву и что мне надо задержаться в Париже еще на несколько дней, чтоб подвести кое-какие итоги с французскими партнерами. Наверное, лучше это сделать в аэропорту, перед самым вылетом. Но прежде договориться с Бурбулисом.

Спасибо тебе, Господи, что все, наконец, закончилось! Спасибо, что дал мне силы пережить это безумие!

– Борис Николаевич, если вы не против, мне надо задержаться тут на несколько дней…

Бурбулис не дает закончить челобитную:

– Конечно, тебе надо задержаться! Решай тут все вопросы, чтоб после к нам не было никаких претензий.

Прощаемся вполне дружелюбно. Разве что Коржаков в ответ на мое «До встречи на родной земле!» шипит нечто полупрезрительное. В другое время я бы пропустил это мимо ушей, но сейчас чаша моего терпения переполнена:

– Саша, ты бы лучше сказал своим бойцам, чтоб в следующий раз не воровали из отеля халаты и полотенца. Да и мини-бары, знаешь ли, тоже не сувенирная лавка.

Охранник смотрит на меня с невозмутимой усмешкой:

– Ничего, пусть твой «Российский дом» заплатит. Они на нас больше заработали.

Что за человек?! Забыл, видно, как я каждый месяц передавал ему деньги «Российского дома» для премирования особо отличившихся сотрудников его службы. Ну, да ладно, Бог ему судья…

Вот она, радостная минута расставания!

Спасибо тебе, Господи, что все, наконец, закончилось! Спасибо, что дал мне силы пережить это безумие!

Возле терминала меня ожидает заранее арендованная машина с водителем. До отеля, где мне заказан номер, с учетом напряженного трафика ехать почти час, а может, и больше. Так что можно вздремнуть. Но не удается – через каждые десять минут звонит Ряшенцев и обеспокоенно задает один и тот же дурацкий вопрос: «Ну, вы уже где?». Где, где… В пути!

Вхожу в гостиничные апартаменты и попадаю в объятия радостного Шапю:

– Павел, ты счастлив?! Все закончилось!

– Фредерик, ты знаешь хотя бы одно русское ругательство?

– Да! Меня Владимир научил – «жёпа»!

– Вот! Тогда ты поймешь то, что я тебе сейчас скажу.

Чувствую себя преотвратительно – в голове пустота, в теле ломота. И какая-то слабость, будто все эти дни не покладая рук долбил киркой на угольных копях. Никаких особых желаний – принять душ, выпить чего-нибудь покрепче и завалиться спать. А проснувшись, не вспоминать ни о чем. Будто и не было этого безумного визита. Который, как оказалось, я придумал и я провалил.

После этой поездки дверь в кабинет Ельцина была для меня закрыта. Иногда я оказывался на мероприятиях с его участием, и если наши взгляды встречались, чувствовал его глубочайшую неприязнь, а может, и того хуже. Это продолжалось ровно два месяца, до президентских выборов июня 1991 года. Наверное, и после них он бы не вспомнил обо мне, если б не Бурбулис. По его просьбе мне было высочайше дозволено занять пост пресс-секретаря президента Российской Федерации. Наделение сановным статусом сопровождалось напутствием: «Я так тогда был на вас зол! В таких делах следует быть ответственнее!».

В феврале 1992 года президент Миттеран селит прибывшего во Францию с официальным визитом Бориса Ельцина, уже президента Российской Федерации, в Версале, в королевских покоях дворца Трианон. Это удивительная картина – шеф входит в отведенные ему апартаменты и останавливается на пороге, пораженный помпезностью обстановки. Даже на него, достаточно равнодушного к внешним проявлениям роскоши (в этом надо отдать ему должное), она производит сильное впечатление. Хозяева ожидают услышать от гостя какие-то слова восторга. И слышат:

– Горбачев тоже здесь жил?

Сопровождающий сотрудник французского протокола сходу не улавливает смысл вопроса:

– Простите, что вы спросили про мсье Горбачева?

– Я спрашиваю, он здесь тоже жил?

– Нет, только вы.

Таким довольным мы его давно не видели.

В советской прессе и в околокремлевских кругах этот визит называли не иначе как «вопиющим проявлением дилетантизма». Мне довелось прочитать и услышать немало нелицеприятных слов в свой адрес. Какие-то из них вполне справедливы, какие-то замешаны на неприязни и зависти. Но никто не задал себе вопрос: а возможно ли такое, чтоб Павел Вощанов, недавний журналист, не имеющий ни малейшего отношения к дипломатии, вдруг взял да уговорил прожженного политика Бориса Ельцина отправиться в прогорбачевски настроенную Европу, соблазнив того пустыми обещаниями организовать встречи на самом высоком уровне? Согласитесь, это же полный бред!

В ту пору меня действительно распирало от неуемного желания не наблюдать со стороны за происходящими политическими переменами, а самому преобразовывать окружающую действительность. Ради этого готов был переступить – и переступал! – границы дозволенного, играя на человеческих слабостях государственного деятеля, от «да» и «нет» которого зависело пока еще не все, но уже очень многое. Но все же должен признаться – это удивившее и возмутившее политизированную советскую общественность древо моей фантазии проросло из случайно брошенного семени. Оно, это семя, может, и зачахло б, не проклюнувшись никаким ростком, если бы сеятелем не был сам Борис Николаевич…

Пройдет несколько лет, и Ролан Дюма, к тому времени уже бывший премьер-министр Франции, так отзовется о том визите:

– Да, конечно, я хорошо помню, какой холодный прием был тогда оказан господину Ельцину. И это не была ошибка тех, кто готовил его визит. Это была ошибка Франции. Серьезная ошибка.

Почему я вспомнил именно эти слова? Вовсе не для того, чтоб как-то оправдаться за безусловный провал. Хочется по справедливости разделить вину за него между собой и Францией. Хотя, конечно, большая ее часть – на мне. Но если разобраться, нас с Францией ловко подвели к этому провалу.

Глава 11
Объяснение необъяснимого

Теперь наверняка знаю, кем бы не хотел быть в этой суетной жизни – пресс-секретарем президента Ельцина. Вот уже два месяца, как тружусь в этом качестве, а никакого удовлетворения не испытываю. Мы с этой высокой должностью чужды друг другу. Она для меня – что жена голодного людоеда, взятая из соседнего племени. Я для нее – не пришей кобыле хвост. Все более очевидной становится новая и весьма печальная реальность моего придворно-бюрократического бытия – Коржаков жаждет заменить и вскорости заменит Ельцину всех и вся, и начнет именно с прессы. Он уже сейчас зачастую определяет, кто из журналистов достоин взять интервью у охраняемой им персоны, а кого к ней и на пушечный выстрел не следует подпускать. И шефа, похоже, такой порядок вещей вполне устраивает. Он как-то очень охотно уверовал, что именно Служба безопасности должна определять, что надлежит знать о нем стране и миру, а что должно быть покрыто завесой строжайшей тайны. В общем-то, причина нам всем понятна, но об этом никто не говорит вслух – этот странный альянс охранника и главы государства рожден корыстью одного и слабостями другого.

В идеале у пресс-секретаря президента должен быть свой технический аппарат. У меня он тоже есть. Правда, немногочисленный, в составе одной боевой единицы – я и отдаю указания, я же их и выполняю. И о какой же системной работе с прессой может идти речь? Любая, даже простейшая задача ставит в тупик. Если, к примеру, требуется обзвонить редакции и созвать журналистов на пресс-конференцию, трачу на это едва ли не два, а то и три дня, и все равно получается не так, как должно быть. А должно быть «не хуже, чем у Горбачева» – это сейчас главный критерий качества. Но ведь выше головы не прыгнешь! Пробовал говорить о своих проблемах с Ельциным – разговора не получилось. Он теперь выше таких «холопских» забот. Пришлось обратиться к Бурбулису, который в своем новом качестве – Государственный секретарь! – стал одной из центральных фигур президентской команды.

– Решим мы твои проблемы, не переживай! Ты, главное, собирай надежную журналистскую команду. Надо самому действовать, а не ждать, когда Борис Николаевич тебе на это укажет.

– Так ведь Коржаков…

– А что Коржаков? Он подбирает то, что плохо лежит. Не выпускай вожжи из рук, и тогда тебе никакой Коржаков не помеха.

…Через несколько дней Ельцин полетит с визитом в Алма-Ату, к Назарбаеву. Формально – на подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между Казахстаном и Россией. Истинная цель никому не известна. Знаем одно – два лидера хотят встретиться подальше от Кремля и о чем-то договориться. Мне почему-то кажется, речь пойдет о будущем СССР. Это, конечно, лишь догадка, но она не беспочвенная. Многие люди из окружения Горбачева говорят, что дата подписания нового Союзного договора им уже намечена. Выходит, алмаатинская встреча состоится буквально накануне, и эти два события не могут быть не связаны между собой. Только вот почему-то у меня от шефа по поводу горбачевского договора никакой информации: готов он его подписывать или не готов? В прессе – что в нашей, что в иностранной – миллион догадок на сей счет. Журналисты меня уже одолели этим вопросом, а я молчу, как партизан на допросе. Напускаю загадочность. А что делать? Не разводить же руками: ребята, а я и сам не знаю…

Но далее такую неопределенность терпеть не могу – выводит из душевного равновесия. Так что, хочешь не хочешь, а надо зайти к шефу и, наконец, прояснить ситуацию.

– Борис Николаевич, хочу спросить насчет Союзного договора.

– Что вам не ясно?

– Если через несколько дней состоится его подписание, то нам, наверное, надо заранее подготовить какое-то заявление для прессы?

– Погодите с заявлением, – шеф задумчиво постукивает карандашом по столу. – Это Горбачев хочет поскорее подписать договор, а у нас по нему еще много вопросов. Главный – кто кому делегирует полномочия: Центр республикам или республики Центру? – Ельцин задумывается. – Об этом не надо никому говорить, но мы с Назарбаевым условились послезавтра у него в Алма-Ате этот вопрос меж собой обсудить. Надо выработать совместную позицию, с которой пойдем к Горбачеву.

Что ж, теперь мне, по крайней мере, понятна цель нашего вояжа в Алма-Ату. А то все гадал: чего это вдруг несемся в такую даль, если Назарбаев через несколько дней сам к нам приедет на подписание Союзного договора? Но ведь Горбачев не просто так определил дату. Наверняка получил предварительное согласие руководителей союзных республик. Тогда, выходит, они просто морочат ему голову. В глаза говорят: «Да, мы согласны!», а про

себя думают: «Надо еще прикинуть – нам-то что с того?». Во всяком случае, у моего шефа, как я почувствовал, нет настроя на подписание. И у Назарбаева, по всей видимости, тоже нет. Иначе с чего бы они стали встречаться?

…Вчера Илюшин поручил подготовить список наших и зарубежных журналистов, которых возьмем в эту поездку, поэтому с утра забегаю в Кремль, в Верховный Совет СССР. Хочу встретиться со знакомыми парламентскими репортерами и поговорить насчет создания постоянного журналистского пула, который будет освещать деятельность президента России и сопровождать его во всех поездках, начиная с алмаатинской. Это, по большому счету, мой первый «блин» на пресс-секретарской кухне, и не хочется, чтобы он и впрямь оказался комом.

В коридорах 14-го корпуса (советское архитектурное убожество, сооруженное в древнем Кремле на месте снесенных древних монастырей XIV века) непривычно малолюдно. То ли тема сегодняшней повестки никого не интересует, то ли у депутатов напрочь пропала охота работать в увядающем советском парламенте. Даже в столовой, что расположена в подвальном помещении, почти все столики свободны. А такое уж совсем несвойственно этому учреждению кремлевского общепита.

В дальнем углу замечаю академика Федорова. Сидит эдаким отшельником, спиной к залу, и трапезничает в одиночестве.

– Святослав Николаевич, позволите в вашем обществе кофию испить? – академик согласно кивает, правда, молча и без особой охоты. – Не знаете, чего это здесь сегодня все так обезлюдело?

Федоров, не поднимая головы, неопределенно пожимает плечами. Наверное, я все-таки напрасно к нему подсел, не в настроении человек, а потому не сложится у нас разговор. Но ошибаюсь.

– Слышал, вы теперь у Ельцина работаете?

– Да. Уж скоро год как. Просто мы с вами давно не встречались.

– Вы же прекрасный журналист! И зачем вам это надо?

– Как зачем? Чтоб поучаствовать в демократических переменах…

– Вы это серьезно? – Федоров поднимает на меня удивленно-насмешливый взгляд, грустно вздыхает и вновь склоняется над лежащими на тарелке не по-советски душистыми сосисками с консервированным зеленым горошком. – Не туда устроились, батенька, адресочком ошиблись.

Слова уважаемого мною академика не так уж и далеки от истины, и от этого в душе рождается непокой, а мысль крутится вокруг злополучного вопроса: и впрямь, зачем мне все это надо?!

И от того, что она, моя мысль, не может найти на него ответ, настроение портится вконец, причем на весь оставшийся день. А тут еще малоприятный сюрприз: возвращаюсь в Белый дом – и у себя на столе нахожу подготовленный Службой безопасности список журналистов, заявленных на предстоящий алмаатинский визит. Черт знает что такое! Теперь сижу и давлюсь гневом: с какой стати они лезут в то, что никак не относится к их компетенции?! Но хуже всего, что жаловаться бесполезно. Шеф не то что примет сторону Коржакова, а, скорее всего, даже не выслушает мою смиренную просьбу высочайше дозволить пресс-секретарю делать то, что тому положено делать.

Виктор Васильевич Илюшин, руководитель президентского секретариата и мой второй после Ельцина руководитель, крайне редко демонстрирует недовольство тем, что происходит в наших рядах. Его стиль – насмешливо-философское восприятие любой бюрократической дури. Тем более, если она, эта дурь, осуществляется с высочайшего дозволения.

– Павел Игоревич, а ты передай мне свои кандидатуры. Перечисли всех, кому уже предложил или пообещал эту поездку.

– Так ведь люди приедут в аэропорт, а их охрана в самолет не пустит. Это ж скандал!

– Ты все-таки дай мне списочек, а уж я буду как-то решать этот вопрос.

…Хвала Всевышнему! Оказывается, в нашей команде есть еще люди, способные что-то делать наперекор Саше Коржакову – все, кого я наметил, включены в список сопровождающей Ельцина журналистской команды. Правда, как дополнение. Охрана меж собой их так и называет – «вощановские». Вообще, чувствую, мое сопротивление не осталось без последствий – отношение со стороны бодигардов изменилось не в лучшую сторону. Шеф президентской охраны видимого недовольства не выказывает, зато рядовые сотрудники (те, что из новичков, поступивших на службу к Коржакову уже после президентских выборов) все оставшиеся до отъезда в Алма-Ату дни не упускают случая продемонстрировать мне свое нерасположение. То оказываюсь без места за столом переговоров с председателем Верховного Совета Украины, то меня «забывают» позвать на совещание по вопросу парламентских расследований, то номера моей машины не оказывается в разрешении на въезд в Архангельское, где шеф встречается с поддерживающими его депутатами. Я этим ребятам ничего дурного не сделал, но, видимо, ими движет некий инстинкт стаи – визгливые щенки завсегда лают на того, на кого тихо порыкивает их матерый вожак.

В рабочем графике, который сегодня передали из

Секретариата, значится: 16 августа 1991 года – отлет в Алма-Ату, 18 августа – возвращение. В общей сложности неполных два дня. Что ж, выдержать можно. И не такое выдерживали. Тем более, что главный вопрос, по которому шеф будет договариваться с Назарбаевым (с чем пойти к Горбачеву и что от него потребовать), сугубо конфиденциального свойства и не подлежит огласке. А это значит, что никакой особой работы у меня как у пресс-секретаря в этой поездке не предвидится. И это очень даже неплохо. По крайней мере, полюбуюсь красотами Медео. А еще отведаю настоящий бешбармак. И непременно навещу живущего в Алма-Ате однокашника по институту. Почитай, лет двадцать не виделись.

Вечером, накануне отъезда, на связь из Будапешта выходит мой неугомонный друг Ряшенцев:

– Завтра летите в Алма-Ату?

– Летим.

– Не боитесь?

– Чего?

– Сегодня ко мне из Москвы приехал старый товарищ. Он из этих… ну, ты меня понимаешь.

– Из кагэбэшников, что ли?

– Ну, что у тебя за язык такой?!

Я уже не раз подмечал у него немотивированную тягу к конспирации. В письмах ко мне, которые время от времени доставляют из московского офиса его «Российского дома», все непременно как-нибудь зашифровано: правительство – это «ансамбль», премьер Силаев – «перец», авиадвигатели – «самовары», противогазы – «грелки». Голова раскалывается от угадывания его намеков и полунамеков. Видно, не доиграл парень в секретность у себя на Лубянке – ушел в бизнес, а тяга к чекистской романтике осталась.

– Неделю назад на «поляне» в Теплом стане встречались «крючок» и «композитор»…

«Поляна» – это конспиративный объект КГБ, в чекистских кругах именуемый АВС. «Крючок» – председатель КГБ СССР Крючков, а «композитор» – первый секретарь Московского горкома КПСС Прокофьев. Догадаться нетрудно. Но хочется поприкалываться:

– Постой, постой, «композитор» – это у тебя Мусоргский или Алябьев?

– Нет, блин, Шуберт! – возникает короткая пауза, вызванная необходимостью подавить всплеск раздражения. – Так вот, они обсуждали, как надавить на твоего «папу», чтоб тот не препятствовал госпитализации «дедушки». Ты меня понимаешь?

Если кто-то и прослушивает наш разговор, то ему свои мозги напрягать не придется. Даже начинающий «слухач» догадается: «папа» – Ельцин, «дедушка» – Горбачев, а «госпитализация» – смещение с должности. Только что в этом нового и неожиданного?

– Если ты помнишь, со мной на эту тему чуть ли не год назад вел разговор человек от Янаева. И я тогда доложил об этом шефу…

– Тогда они только говорили, теперь будут действовать. Знаешь, как все может случиться? «Папа» улетит в Алма-Ату, а вернуться ему не позволят до тех пор, пока не согласится сотрудничать.

– Не думаю, что такое возможно.

– Думаю, не думаю, а ты все-таки ему доложи об этом. Информация очень надежная. Человек, который у меня гостит, он с «поляны».

С августовским путчем связано немало мифов. Одни из них (разоблачительные) рождены противниками Ельцина, другие (героические) – его соратниками. В каждом присутствуют своя правда и своя неправда. И каждый старается представить август 1991 года, как столкновение непримиримых идеологий. То есть тем, чего на самом деле не было и в помине. Демократы того времени отличались от ретроградов лишь флагами да призывами. Во всем остальном – это люди одной крови.

В чем состоит врожденный порок СССР? В отсутствии механизмов естественной ротации управленческих кадров. Поэтому время от времени возникала необходимость каким-то образом расчистить бюрократическую поляну. Сталин решал эту проблему легко и незатейливо: старые кадры объявлялись врагами народа и на их место сажались новые. И так повторялось много раз. Но после Хрущева все изменилось. И не потому, что коммунисты стали гуманнее. Сам того не ведая, Никита Сергеевич ослабил репрессивность советского государства, а потому уже не мог обновлять правящую элиту сталинскими методами. Пришедший ему на смену Брежнев не нашел лучшего решения этой проблемы, чем «бережное отношение к кадрам». Разумеется, к своим. Несчастье Союза в том, что Леонид Ильич слишком долго правил, почти двадцать лет. В результате власть обветшала до безобразия, а в очереди на сановные кабинеты скопилось сразу несколько поколений управленцев. Возник острейший бюрократический кризис. Внутренние противоречия во власти, которые существовали всегда, обострились и достигли своего апогея в период «кремлевского мора», когда верховные правители

сменялись чуть ли не ежегодно.

Пришедший к власти Горбачев, в общем-то, взялся за разрешение кризиса бюрократических кадров почти по-сталински – провозгласил перестройку, вслед за чем появились «не понимающие ее целей и задач» и «не способные работать в новых условиях». Но все это происходило на фоне еще большего ослабления репрессивности государства – в КГБ и МВД прошли масштабные чистки, что на несколько лет фактически парализовало их работу. А тут еще советская интеллигенция, от научной до творческой, заголосила о рыночных новациях, которые якобы непременно приведут страну к всеобщему благоденствию. Вот тут-то молодые и неплохо образованные управленцы смекнули: рынок – это собственность, а собственность – это собственник. Одно подкрепило другое, и возник иллюзорный эффект борьбы нового со старым. Но при этом все боролись за одно и то же – за власть. Только ретрограды боролись за нее по старинке – ради самой власти. Новаторы – ради собственности. В этом и было отличие.

Но это так, лирическое отступление…

Будущие члены ГКЧП в полном составе собирались на АВС всего один раз, буквально накануне путча. До того все обсуждалось в узком кругу. О чем на этих встречах шла речь? Как восстановить управление страной и спасти ее от развала, который с каждым днем становился все неизбежнее. Общее мнение: у трагедии есть два творца – Горбачев со своей нерешительностью и Ельцин со своими непомерными амбициями. Но открывать сразу два фронта – обрекать дело на неудачу. Споры велись вокруг вопроса – кого из этих двоих надо принудить к сотрудничеству, а кого политически нейтрализовать.

Встреча Крючкова и Прокофьева, о которой говорил Ряшенцев, состоялась 8 августа, то есть за десять дней до путча. Позже мне довелось ознакомиться с записью их разговора. В нем много такого, что не представляет исторического интереса. Но кое-что, как мне кажется, проливает свет на события августа 91-го.

***Крючков:** Надо давить на Горбачева. Он должен примкнуть. Мы должны заставить его использовать президентские полномочия во благо, а не во вред стране.*

***Прокофьев:** Горбачев потерял авторитет. Его народ не поддержит и, если мы сделаем ставку на него, люди пойдут за Ельциным. Поэтому договариваться, думаю, надо с ним, а не с Горбачевым.*

***Крючков:** Что ж, пожалуй. Только не договариваться, а принудить к сотрудничеству! Ельцин – трус. Амбициозный, но трус. Вот на это и надо делать ставку.*

***Прокофьев:** Ельцин враждебно относится к Горбачеву – вот на*

что надо делать ставку. Но я не представляю, кто с ним захочет говорить и кому он не решится перечить.

Крючков: *С ним должен поговорить Язов! Ельцин не дурак и понимает, что за спиной у маршала армия. Только встреча эта должна состояться не на Краснопресненской и не в Минобороны.*

Прокофьев: *Сюда, к вам, он тоже не поедет.*

Крючков: *Они должны встретиться в аэропорту, когда Ельцин прилетит из Алма-Аты.*

Прокофьев: *Он разве туда летит?*

Крючков: *Летит.*

Прокофьев: *Вы уверены?*

Крючков: *Мне на днях Назарбаев об этом сказал. Он сам его пригласил.*

Прокофьев: *А Ельцин в курсе, что Язов будет его встречать?*

Крючков: *Ему Назарбаев скажет в последний момент.*

Основываясь на этом диалоге, каждый волен делать свои выводы и строить свои догадки. Я же ничего не утверждаю. У меня, например, нет уверенности, что Крючков в этой истории не исказил роль Назарбаева. Ему нужны были аргументы, чтобы привлечь Прокофьева на свою сторону и склонить к перемене позиции с «Договариваться с Ельциным» на «Принудить Ельцина». Упоминание имени казахского президента – один из таких аргументов, и в той политической ситуации весьма весомый. Для меня несомненно лишь одно – после возвращения из Алма-Аты Ельцина ждал непростой разговор с бывшими соратниками по Политбюро. Правда, никто не предполагал, что разговаривать придется, стоя по разные стороны стихийно воздвигнутых баррикад. Члены ГКЧП ошиблись в главном – в амбициозности Ельцина не распознали его всесокрушающую жажду самовластия.

…Подъезжаю к КПП правительственного терминала Внуково-2 и замечаю стоящую возле него группу журналистов из моего многострадального списка:

– В чем дело, ребята? Почему вы еще здесь?

– Не пускают! Говорят, нас нет в каком-то списке.

– Что за ерунда? Подождите, сейчас выясню.

В дежурке, кроме милиционера, сотрудник из службы Коржакова. Из новеньких. Но, видно, уже осведомлен о симпатиях и антипатиях своего командира. Смотрит с ухмылкой, явно провоцируя на скандал.

– Почему этих людей не пропускают?

– Потому что их нет в списке.

Достаю из портфеля утвержденный Илюшиным список сопровождающих Ельцина журналистов: а это что? Охранник

непонимающе пожимает плечами:

– Это какой-то другой список. У меня тот, где указано, кому разрешен допуск на территорию аэропорта. Их имен в нем нет.

– А то, что у них есть допуск в самолет, это не имеет значения?

– Допуск в самолет меня не касается. У меня приказ: проследить за допуском на территорию аэропорта.

– Отлично. Пойду решать этот вопрос. Но если не успею, и самолет улетит без них, тогда уж, брат, извини, он, этот вопрос, тебя так коснется, что мало не покажется. Обещаю.

Такой поворот его, похоже, не устраивает, а потому идет на попятную: хорошо, пропускаем, но под вашу личную ответственность. Вот уж чем мне легко расплачиваться за услуги, так это личной ответственностью. Я тут, похоже, вообще ни за что не отвечаю. Так что с меня не убудет.

Кортеж Ельцина еще не подъехал, но журналистов уже досматривают и сажают в самолет сопровождения. Хочу убедиться, что и тут не возникла проблема у людей из моего списка. И как в воду гляжу – для троих (двое наших и один американец) не находится свободного места. Все занято. Начинаю выяснять, и оказывается, что охрана взяла на борт трех якобы фотокоров, никому не известных и непонятно на кого работающих. То ли бодигарды польстились на банальный гешефт, то ли посодействовали кому-то из друзей-приятелей. Со скандалом изгоняю «нелегалов» и восстанавливаю справедливость. Молодой охранник (тоже из новеньких) шипит в спину: «Много на себя берешь! Не пожалеть бы!». Поворачиваюсь, но тот делает вид, что ничего такого не говорил. Интересные наступили времена!

…Ельцин приезжает минут за пятнадцать до вылета. По прижившейся у демократов старосоветской традиции чинопочитания его провожает в двухдневную командировку едва ли не все руководство Российской Федерации. Стою и ломаю голову: сообщить то, о чем вчера поведал мне Ряшенцев, или не стоит? Вдруг это обычная лубянская байка? Деморализованные и потерявшие жизненную устойчивость чекисты (не все, но многие), желая продемонстрировать свою лояльность и полезность, едва ли не каждодневно и под большим секретом сообщают нечто подобное обитателям сановных кабинетов Белого дома. Ну, а те, ясное дело, сразу бегут в приемную Ельцина или прямиком к нему в кабинет. И каждый уверяет: информация получена из весьма и весьма надежного источника! Он уж, поди, устал от таких сообщений про заговоры и перевороты. Мое, кстати, будет выглядеть ничуть не лучше. Того же поля ягода – кто-то что-то

шепнул бизнесмену-эмигранту Ряшенцеву. Несерьезно. Может, лучше рассказать обо всем не Ельцину, а Бурбулису? Наверное, так будет правильнее.

Ельцин, стоя посреди зала, о чем-то говорит с Силаевым, Бурбулисом и Полтораниным. Топчусь в двух шагах от них, жду подходящего в момента, чтоб отозвать в сторонку Геннадия Эдуардовича. И вдруг… Встречаемся с Ельциным взглядами, и тот, кивнув на меня, насмешливо произносит:

– А Павел у нас опять чем-то недоволен.

Такое часто бывает – долго обдумываешь, сомневаешься, взвешиваешь варианты, а решение приходит неожиданно и вопреки здравому смыслу:

– Борис Николаевич, я всем доволен. Просто мне надо вам кое-что сообщить.

– Чта-а?!

– Буквально два слова.

Ельцин делает пару шагов в сторону и жестом показывает, чтоб я подошел. В этой ситуации ни к чему пересказывать все, о чем поведал мне Ряшенцев. Нужно не рассусоливать, а сообщить лишь самое главное, причем телеграфным стилем:

– Информация с Лубянки. В Кремле против вас что-то затевается. Когда будем в Алма-Ате, они предъявят какой-то ультиматум. Если вы его не примете, наш самолет Москва не примет.

На лице не дрогнул ни один мускул. Взгляд спокоен, даже насмешлив. Будто я не про кремлевскую реальность сообщил, а, перечитав фантастических романов, принес донельзя нелепую весть о заговорщиках с далекой Кассиопеи.

– Это все?

– В общих чертах – да.

– Хорошо. В самолете поговорим. Я позову.

В самолете не поговорили. Шеф меня к себе в салон не позвал. И вообще никого не позвал. Уединился с Коржаковым.

…Алма-Ата встречает удушливым бензиново-асфальтовым жаром аэродрома и висящим в воздухе монотонным стрекотом неугомонных цикад. Назарбаев обнимает Ельцина как самого разлюбезного друга. Не может быть и тени сомнения, что он счастлив видеть его у себя в гостях. Короткий ритуал встречи, президенты садятся в лимузин и в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов отбывают в неизвестном нам направлении. Надо полагать, в личную резиденцию Нурсултана Абишевича. С Ельциным только Коржаков и Суханов. Остальным дан отбой до утра. Что ж, отбой, так отбой.

– Поеду-ка я в гости к старинному другу! Почитай, лет

двадцать не виделись.

Моего коллегу, пресс-секретаря казахского президента, такое решение, похоже, очень даже устраивает – не надо тратить вечер на выказывание знаков внимания московскому гостю. Но есть проблема – прямо из аэропорта нас отвезут в загородную резиденцию, где мы и будем спать-почивать.

– До города я вас довезу. А как вы от своего друга назад вернетесь? Такси туда не поедет, да и охрана ночью его на территорию не пропустит.

– Что ж, значит, не судьба!

Утопающая в зелени резиденция – царство горной прохлады. Говорят, здесь жили все коммунистические правители Казахстана, от Брежнева до Кунаева. И вот в эдаком оазисе беззаботного кайфа нам предстоит провести ночь и весь завтрашний день. Хорошо, если они будут такими же беззаботными, как этот вечер: шефа нет, и делай, что хочешь! Но появляется озабоченный Лев Суханов, и надежды на безмятежное времяпрепровождение исчезают, как мираж в бескрайней казахской степи.

– Лев Евгеньевич, а шеф-то где?

– Ужинает с Назарбаевым.

– Он ночевать тоже здесь будет?

– Неподалеку, – Суханов не настроен говорить на отвлеченные темы и, по всему видно, преисполнен бюрократической отвагой. – А вот тебе сегодня ночевать не придется. Есть поручение шефа – к утру подготовить речь, которую он завтра произнесет после подписания договора на торжественном ужине. Минут на пять-десять, не больше, но чтоб в конце непременно несколько фраз на казахском.

– С казахским у меня, знаете ли, как-то не очень – читаю и перевожу со словарем.

Суханов шутку не воспринимает:

– Так узнай у кого-нибудь из местных. В общем, разместишься – и за работу. Машинистка Бориса Николаевича в твоем распоряжении.

Комнату, которую мне выделили для работы, пришлось уступить охранникам – им не хватило мест в спальнях. Работаю в холле, сидя на диване. Передо мной журнальный столик с вазой фруктов и кое-какими напитками. В общем, расхолаживающая обстановка. За свою недолгую бюрократическую жизнь я написал для шефа немало речей, но ни одна из них не давалась с таким трудом. Видимо, здесь не располагающая к таким занятиям обстановка. Просидел едва ли не всю ночь.

Утром мучаюсь от бессонницы. С удовольствием бы выпил чего-нибудь расслабляющего и завалился спать. Хорошо лишь

одно – шеф моей писаниной остался доволен. Особенно ему понравились несколько фраз на казахском, которые он без труда заучил наизусть (все-таки отличная у мужика память!) и несколько раз произнес их при мне, дабы не ошибиться в произношении. Чудак Суханов сказал ему, что я неплохо владею казахским: мол, недаром Павел в Ташкенте учился.

Большая часть дня проходит в безделье – шеф опять уединился с Назарбаевым и ведет разговоры с глазу на глаз. Договор о дружбе и сотрудничестве между Казахстаном и Россией подписывается уже под занавес дня. Процедура занимает не более получаса. После нее – торжественный прием. Казахский язык Ельцина производит фурор. Хозяева радуются как дети. В остальном ужин как ужин. С возлияниями, в какой-то момент перешедшими грань желательного.

…Ощущение наступившего воскресенья – утренняя прохлада и всеобщее похмелье. С кем ни заговоришь, от всех исходит аромат ночного застолья. К счастью, на утро не намечено никаких официальных мероприятий. День начинается с любования игрой двух президентов в теннис. Наш демонстрирует характерную ему агрессивную манеру игры, но получается не слишком правдоподобно. Соперник не особо старается выглядеть на площадке бойцом и стучит по мячу скорее в угоду гостю. Члены делегации (казахская сторона делает это убедительней и, я бы сказал, самозабвенней) страстно сопереживают и возгласами поддерживают своих кумиров. К счастью, матч длится недолго.

Дальше – опять ничего серьезного. Едем в Талгарский район, в совхоз имени Панфилова, смотреть соревнования конников. Но начинаются они не со скачек, а с национального ритуала одаривания дорогого гостя – Ельцину преподносят молодого и чертовски породистого жеребца. Потрясающе красив! Глаз не оторвать! С ужасом ожидаем, что шеф захочет его оседлать и прогарцевать перед трибунами. Видимо, и Назарбаев этого опасается, а потому распоряжается приступить к спортивной части программы. Ельцин, выбрав понравившегося ему всадника, демонстрирует характерную ему агрессивную манеру спортивного боления. Получается не ахти.

И, наконец, вот она, кузница советских конькобежных рекордов – высокогорное плато Медео! Здесь можно стоять и часами любоваться то катком, то величественным урочищем стремительной Алмаатинки. Шеф демонстрирует интерес и к тому, и к другому, но как-то вяло, без присущего ему азарта. Наверное, слегка притомился и уже живет ожиданием завершающего визит мероприятия – отдыха в долине у горной речки.

В общем-то, отдых как отдых. Так испокон советского века расслаблялись на природе все партийные бонзы – обильная еда, море выпивки, угодливая челядь и, конечно же, услаждающие слух и глаз популярные артисты. Здесь все то же самое, только с национальным колоритом – казахские юрты в тени ветвистых деревьев, чем-то похожих на наши осины, бурный ручей с чистейшей, как слеза, горной водой, музыканты, самозабвенно исполняющие песни на слова Нурсултана Абишевича, и столы со всевозможными казахскими яствами, главное из которых – лежащие на огромных блюдах вареные лошадиные головы. Из наднациональных атрибутов застолья – обилие выпивки на любой вкус.

Ельцин, под присмотром Александра Васильевича, трапезничает в по-байски роскошном шатре хозяина. Суханов, явно недовольный тем, что его разлучили с шефом, отправляется в юрту к ближайшим помощникам Назарбаева. Я же отдаю предпочтение обществу охранников российского и казахского президентов, тем более что на это мероприятие Коржаков взял старых служак, с которыми у меня взаимная симпатия. Их компания кажется мне веселее сановной. Если в нашей юрте произносятся немногословные тосты за боевое братство и рассказываются веселые байки из жизни телохранителей, то в той – долгие и заунывные здравицы в честь президентов, осчастлививших народ своим избранием на этот высокий государственный пост.

Где-то спустя час после начала пикника у Ельцина рождается куражливое желание окунуться в ледяную воду. Понятное дело, Назарбаев, а следом и все остальные, принимаются отговаривать. Чудаки! Не понимают, что для него сейчас важнее важного – продемонстрировать удаль. Чем больше голосов простонет: «Не надо!», тем решительней и несговорчивей он будет настроен. Раздевшись до трусов, шеф лезет в речку. Коржаков, движимый чувством долга, самоотверженно страхует охраняемое тело от падения на камни в бурном потоке. Следом за президентом России, в воду лезут преисполненные верноподданническими чувствами сопровождающие его лица. Правда, не все. Те, что измучены циститом и простатитом, сопереживают на берегу.

Купание в ледяной воде дает новый импульс застолью. Сидим в шатре, поедаем лошадиную голову (вкусно, но лошадку все-таки жалко) и слушаем доносящиеся с поляны старинные казахские мелодии, удивительно гармонирующие с величием окружающего мира. Вдруг у музыкантов случается какая-то заминка, а после нее все идет вразрез музыкальному ладу. Многоопытный охранник Юра Одинец радостно хлопает ладонью

по столу:

– Наш подключился!

Ельцин, по-казахски поджав ноги (насколько такое возможно при его габаритах), сидит на ковре, расстеленном возле назарбаевского шатра, и покачивающейся горой возвышается над музыкантами. В руках у него домбра, отобранная у пожилого и, по всей видимости, почитаемого в этих краях акына. Шеф размашисто бьет смычком по струнам, домбра истошно визжит, но он получает от этого несказанное удовольствие. Аж глаза зажмурил, демонстрируя вдохновенное восприятие музыкальной культуры братского казахского народа. Единственное, что ему не нравится – коллеги по ансамблю перестали играть. Сидят и смотрят растерянно то на него, то на Назарбаева.

– Э-э, а вы что не играете? Давайте вместе!

Назарбаев подходит к Суханову:

– Что будем делать?

– Надо закругляться. Через полтора часа у нас вылет.

– Никакого вылета! Сейчас отведем его в юрту и пусть поспит пару часов. Полетите позже. Я распоряжусь. В порту журналистов полно, а он в таком состоянии.

Повторюсь: с августовским путчем связано немало мифов. Один из них – гэкачеписты якобы хотели посадить самолет Ельцина на военном аэродроме в Кубинке и, по приземлении, арестовать его вместе со всей командой. У этого мифа есть и «подмиф»: узнав об этом, Ельцин приказал экипажу посадить самолет на аэродром в Чкаловске, тем самым избежал ареста и спас нарождающуюся российскую демократию. На самом деле, все было без какого бы то ни было трагизма – самолет благополучно сел во Внуково, и Ельцин (он, кстати, весь полет проспал и физически не мог отдавать никакие приказы) благополучно отбыл на дачу в Архангельское.

Так почему же не случилось того, о чем Крючков говорил Прокофьеву 8 августа на спецобъекте АВС? Почему маршал Язов не встретил Ельцина и не провел с ним «жесткую» беседу? Не следует искать великое там, где его нет. Все это случилось бы, если б из-за гульбы на речке самолет не опоздал с прибытием почти на пять часов.

Когда страну «отпутчило» и когда я уже ушел от Ельцина на вольные хлеба, в Вене, в гостях у общих знакомых, повстречал одного из теперь уже бывших руководителей правительственного терминала Внуково-2. Разговорились, вспомнили былое, прониклись друг к другу доверием. Тогда он и рассказал мне, что в тот вечер, 18 августа, Язов приезжал в аэропорт и дожидался Ельцина более

часа. Уехал лишь после того, как узнал, что прибытие спецборта откладывается на неопределенное время из-за нездоровья российского президента. О чем говорить с «нездоровым» Ельциным?

Вот ведь как оно иной раз бывает – одна-две лишних рюмки, и развитие политической ситуации в огромной стране пошло по иной траектории. Кто знает, может, это был тот самый случай, когда Борис Николаевич перепил не в силу непреодолимого влечения, а намеренно поддался пагубному пристрастию?

В Москву прилетаем далеко за полночь. Домой приезжаю где-то в начале третьего. Еще не знаю, не ведаю, что на сон мне отпущено не более трех часов. В начале седьмого из приемной звонит дежурный секретарь и передает распоряжение Бурбулиса: срочно, и как можно скорее, явиться в Белый дом.

– Что-то случилось?

– В стране государственный переворот. Горбачев смещен. На подходе к Москве танковые колонны.

Всю дорогу до Белого дома пытаюсь найти ответы на мучающие меня вопросы, коих немало. По тому, как при отлете в Алма-Ату шеф отреагировал на мое сообщение, могу предположить, что оно для него не было неожиданностью. Тогда что же получается – он и без меня знал о готовящемся перевороте? Выходит, знал. А коли так, почему напился до бесчувствия? Невозможно поверить, что зная обо всем (пусть не в деталях, а в общих чертах), он по слабости душевной не смог удержаться от обильных возлияний. Ведь надо же было принимать какие-то решения, делать какие-то упреждающие шаги. Да, этот человек склонен к питию, но с мозгами-то у него пока все в порядке! Тогда почему же?

А может, все это было намеренно – и пьянка у ручья, и купание, и игра на домбре, и задержка с отлетом? Но ради чего?!

Ищу объяснение необъяснимого.

Раннее утро, а в Белом доме полно народу. Ощущение всеобщей депутатской мобилизации. И только в крыле, где размещается аппарат премьера Силаева, царит ничем не нарушаемая безмятежная тишина, будто ничего и не произошло. Для себя отмечаю оперативность Коржакова – на подступах к кабинету Ельцина выставлена вооруженная охрана. Но самого шефа на месте нет, он пока еще на даче в Архангельском. Всеми командует Бурбулис, принявший на себя роль координатора сопротивления заговорщикам. Подхожу с вопросом: какие будут распоряжения?

– Я еду к шефу. Ты со мной.

– Может, я лучше здесь, вместе со всеми? Сейчас сюда

наверняка нагрянут полчища журналистов, так что мне и здесь работы хватит.

– Нет, ты со мной. У шефа для тебя могут быть особые поручения. Надо готовить какие-то заявления для прессы, обращения к армии, к народу, всякие коммюнике… ну, в общем, ты знаешь, о чем я говорю. С журналистами будешь общаться после того, как Борис Николаевич обозначит свою позицию.

Что ж, это вполне разумно.

…В общих чертах мы с шефом обо всем договорились, все распоряжения от него получены. Надо возвращаться в Белый дом. У меня есть два варианта выбраться из Архангельского – на машине Геннадия Бурбулиса или на машине Сергея Шахрая.

– Поезжай с Сергеем. Его машину не знают, поэтому меньше шансов, что задержат.

Ельцин поддерживает:

– Поезжайте с Сергеем Михайловичем. К моему приезду надо подготовить обращение к народу. Такое, понимаешь, чтоб… Воззвание!

Несколько лет назад в одном из интервью Руслан Имранович Хасбулатов рассказал, как он, получив информацию о путче, первым примчался к Ельцину и, застав его растерянным и готовым к капитуляции, уговаривал взять себя в руки. И якобы уговорил. Мне трудно сказать, кто первым, а кто последним появился на дачу в Архангельском. Когда мы с Бурбулисом туда приехали, у шефа уже были какие-то люди (лица в памяти не сохранились, потому как некогда было разглядывать). Но это и не имеет особого значения. Важно другое – в то утро я не видел растерянного и потерявшего самообладание Ельцина. Он не был застигнут врасплох, и уж тем более не готовился капитулировать.

Возможно, я не прав, но не могу отделаться от ощущения, что август 91-го – величайшая мистификация нашего времени. И с нее, с этой мистификации, в России начались реальные потери и иллюзорные обретения, на которые потрачено было без малого десять лет.

Глава 12
Бункер для демократов

На обесточенную Пресню опустились густые вечерние сумерки. Стоящие в углу напольные часы пробили девять. В другое время вздохнул бы с облегчением и покинул Белый дом с чувством, может, и не очень хорошо, но все же исполненного долга. Но сегодня на календаре 20 августа 91-го года, второй день путча, а это значит, что ничему еще не конец, все только начинается.

Со слов Илюшина знаю, что информаторы Коржакова из КГБ сообщили: «Альфа» уже подтянута к Краснопресненской набережной и ждет приказ о начале штурма, который может поступить от ГКЧП в любую минуту. Но скорее всего, это будет несветлое время суток, вечер или даже ночь. Во-первых, Белый дом в момент штурма будет обесточен и все, кто находится внутри здания, не смогут реально противостоять многоопытным бойцам антитеррора, оснащенным в том числе и приборами ночного видения. А во-вторых, вечером и ночью здесь наверняка будет меньше народу, как защитников, так и просто зевак, а значит, меньше сопротивления и нежелательных жертв.

Но вот уже десятый час, а горожане, пришедшие защищать штаб новой российской власти, не расходятся. Белый дом ощетинился баррикадами. Наружное освещение погасло, но люди запалили костры. Не знаю почему, но происходящее чем-то напомнило строки из дневника помещика осажденной французом деревни под Яропольцем: «Смотрю в окно и даюсь диву: мои мужички, коих порол нещадно за любую провинность, без угроз, без уговоров сбежались с вилами да топорами защищать от супостата усадьбу ненавистного им барина, ибо в сей трудный для Родины час он стал для них единственным законным представителем государства».

Где-то около девяти вечера ко мне в кабинет заглядывает Рудольф Пихоя, руководитель Государственной архивной службы России, с автоматом на плече.

– Ух ты! Где взял?

– Коржаков в приемной помощникам президента раздает.

Облик Рудольфа Германовича, доктора исторических наук, не вяжется ни с какими атрибутами смерти. Типичный университетский профессор. В начале своего творческого пути увлекался историей церкви в Древней Руси, а позже написал научный трактат про общественно-политическую мысль

трудящихся Урала в XVIII веке. Поэтому можно с уверенностью сказать: Пихоя и «Калашников» друг другу противопоказаны.

– А стрелять-то обучен?

– Да куда там!

– А зачем же взял?

– Для меня это не оружие, а символ причастности к сопротивлению.

У меня тоже есть такой символ причастности – пистолет «Макарова». Но «Калаш» мне кажется более убедительным. Даже не знаю почему. Наверное, в юности не наигрался «в войнушку».

– Рудольф, и охота тебе таскать на себе эдакую тяжесть! Давай меняться?

У Пихоя нет своего кабинета в Белом доме, поэтому ему предстоит всю ночь, а, может, и весь завтрашний день маяться, таская на плече увесистый «символ причастности», и это его определенно не радует. Будучи сугубо штатским человеком, он не задумывается над такими мелочами, как строгий персональный учет розданного оружия и боеприпасов. Для него все предельно просто: предложили – взял, не понравилось – поменялся.

Уже с выменянным автоматом на плече прихожу в приемную Ельцина. Коржаков смотрит с удивлением: я тебе вроде не выдавал?

– У Пихоя выменял. На «Макарова».

– Как дети малые!

Ныне в окружении Ельцина есть два человека, над головами которых вот уже второй день сияет ореол героизма – это Руцкой и Коржаков. Вице-президент весьма шумно и энергично выстраивает внешнюю оборону Белого дома – ведет переговоры с военными, создает отряды гражданской самообороны, руководит строительством баррикад. У главного охранника своя стезя – тот раздает оружие сотрудникам аппарата, расставляет посты и засады на подступах к президентским апартаментам, а главное – через своих людей на Лубянке добывает информацию о планах ГКЧП. Первый мелькает как Чапай на взмыленном коне – вроде только что был здесь, и вот его уже нет, он уже размахивает шашкой где-то в другом месте. Второй нетороплив и погружен в загадочность. Кажется, только ему одному известно, что сейчас происходит и что вскоре произойдет.

По пути в приемную президента сталкиваюсь с несущимся по коридору Руцким и едва успеваю схватить того за рукав:

– Ваше превосходительство, что у вас намечено на сегодняшний вечер? Штурм будет, али как?

Обычно наш бравый вице-президент охотно откликается шуткой на шутку, но сейчас ему определенно не до того – брови

сурово хмурятся, погруженный в пышные усы нос производит шумные вдохи-выдохи:

– Пашка, сынок, ты делай свое дело, а об этом даже не думай.

– Но мне же надо как-то подготовить прессу.

– Готовь ее к тому, что мы победим, – слова «мы победим» доносятся уже из-за двери какого-то кабинета.

В общем-то, про прессу я сказал просто так. Она, как мне кажется, лучше нас информирована о происходящем. Во всяком случае, именно от журналистов, с которыми приятельствую уже не первый год, узнаю и про передвижения войск по Москве, и про реакцию иностранных посольств, и про то, что некоторые члены КГЧП уже и сами не рады тому, во что ввязались.

Сижу в приемной и жду, когда Ельцин освободится. Сейчас у него Александр Николаевич Яковлев, разошедшийся с Горбачевым во взглядах на будущее СССР (говорят, требовал перехода к конфедерации) и четыре дня назад исключенный из КПСС. Наверное, пришел засвидетельствовать поддержку, а заодно и прощупать возможность вхождения в послепутчевое российское руководство. Спрашиваю у сидящего на секретарском месте Коржакова: не знаешь, Яковлев у шефа надолго? Тот недовольно морщится, словно посетитель лично его отрывает от наисрочнейших дел:

– И чего притащился? Только от дел отрывает!

Не знаю, для чего задаю Коржакову тот же вопрос, что и Руцкому: штурм-то ждать или как? Охранник смотрит с ехидной ухмылкой:

– А ты не жди. Сиди и учи молитвы.

Руцкой и Коржаков, оба военные люди, а на один и тот же вопрос ответили по-разному. Не в том смысле, что разными словами – с разной степенью человечности. «Мы все равно победим!» – хоть вице-президент и отмахнулся от моего вопроса, заданного не ко времени, а эти его слова все равно рождают в душе азартный оптимизм. А от слов охранника про молитвы становится как-то гадостно. Понятное дело, что в сравнении с любым из его бойцов, даже самым отстающим в боевой и политической подготовке, я – беспомощное дитя. Но разве это о чем-то говорит? Мне доводилось видеть под Баку, как офицер прятался от бандитских пуль, а безоружный журналист выводил стариков из-под огня. Так что по-всякому бывает.

Одиннадцать часов вечера. Кабинет погружен в полутьму. По потолку бегают отблески костров за окном. Валя Сергеев, руководитель пресс-службы премьера Силаева, уверял меня прошлой ночью, что их жгут якобы для психологического устрашения противника. Костры-де создают у него иллюзию

многочисленности нашей поредевшей к ночи обороны. Может, оно и так, только полчаса назад я выходил на улицу и убедился в другом – люди замерзли и им хочется хоть как-то согреться. Многие пришли сюда еще днем, когда на небе светило солнце и было тепло, и не рассчитывали провести ночь – а теперь уже и вторую! – под открытым небом. А еще костер объединяет и рождает ощущение сплоченности.

С иллюзией многочисленности обороны Сергеев тоже не прав. Конечно, многие из тех, кто был тут днем, действительно ушли домой, но зато остались те, кто будет стоять до конца. Один оставшийся стоит десятерых ушедших. Кем-то движет нереализованный из-за многолетних запретов юношеский романтизм, а кем-то – вера, что здесь и сейчас решается судьба страны и их собственная судьба. Черенки от лопат, какие-то обрезки арматуры и булыжники, выковырянные из мостовой – таким далеко не летальным оружием готовы защищать до конца свои выстроенные из городского и строительного мусора баррикады. Удивительные люди!

Пройдет каких-нибудь полгода, и защитников Белого дома станет в разы больше. Каждый, кто хотя бы единожды в свободное от работы и домашних забот время прогулялся у баррикад, станет рассказывать, как «мы тоже там были». Сначала – с гордостью. Позже, в пору «увядания» политической репутации Ельцина – с усмешкой разочарования. Большинство из этих людей, в общем-то, никакого отношения к гражданскому сопротивлению августа 1991 года не имеет. Одни – «сочувствующие экскурсанты». Они приходили, чтоб на короткий миг ощутить свою причастность к происходящим историческим переменам. Посмотрели, послушали разговоры, может быть даже поучаствовали в них, – и домой, к телевизору, глядя в который можно еще раз, но в более комфортных условиях посопереживать борьбе за российскую демократию. Другие – «любопытствующие экскурсанты». Ими двигало желание своими глазами увидеть нечто такое, чего у нас в стране отродясь не было – массовый гражданский протест.

А кого же можно считать истинными защитниками Белого дома? Тех, что в голоде и холоде простояли на баррикадах три дня и три ночи. Люди, наделенные разным жизненным опытом, по-разному образованные, имеющие разный социальный статус и уровень материального благополучия, а главное, исповедующие разные политические убеждения или вовсе рафинированные нигилисты, – они стояли бок о бок! Это был уникальный феномен гражданского единения, примеров которому не отыскать ни до, ни

после августа 91-го. Какие жаркие споры велись ночами у костров! Но, несмотря на очевидное разномыслие, люди были сплочены общей целью – стремлением добиться права строить свою жизнь без оглядки на обветшалые догмы правящей партии и ее вождей, отождествивших политику с закулисными интригами, а собственное благополучие – с интересами государства.

Уже после, когда все закончилось и мы собрались у президента-победителя в Архангельском, он произнес с гордостью: «Сотни тысяч людей пришли защитить Ельцина!». Наверное, ему так представили то, что происходило в эти три августовских дня. На самом деле, все выглядело по-другому. Среди защитников Белого дома были и те, кто симпатизировал российскому лидеру и даже считал его своим кумиром, и те, кто сомневался в нем и как в политике, и как в человеке. Консолидировал не он, и даже не призрачные идеи свободы и демократии, о которых в ту пору едва ли не у каждого было собственное представление. Консолидировало ощущение того, что это есть наш общий шанс начать новую жизнь – достойную и справедливую, без лицемерия и обмана.

…Вот и подошел к концу второй день путча, этой самой большой политической нелепицы советской эпохи, похоже, подводящей черту под горбачевской перестройкой. Сколько еще продлится наше «великое сидение» в Белом доме? Думаю, день-два, не больше. Вчера, 19 августа, у меня еще было ощущение какой-то неопределенности относительно его исхода, но сейчас ни на йоту не сомневаюсь – победа будет за нами!

Но как же я устал от всей этой суеты и нервотрепки! С удовольствием сейчас выпил бы рюмку чего-нибудь крепкого и завалился спать на пару-тройку часов. Кстати, в чем у меня нет нужды, так это в выпивке и закуске. Ко мне в кабинет весь день идет нескончаемый поток журналистов, советских и зарубежных, и почти каждый в качестве жеста поддержки и солидарности вручает презент, своего рода «паек фронтовика». Наши приносят водку с колбасой и баночками чего-нибудь маринованного, западники – виски или коньяк с конфетами и фруктами. Все попытки отказаться отвергаются с негодованием. В итоге одна из полок в стенном шкафу уже ломится от ненужных даров с «большой земли». А ненужные они, потому как не ко времени. Сейчас не до выпивки и не до закуски.

Правда, произошел сегодня один забавный эпизод, выпадающий из общей тенденции корпоративной солидарности. Где-то около пяти вечера ко мне заявились двое коллег из «Комсомолки», они же сотоварищи по поездкам в «горячие точки» и просто друзья по жизни – Дмитрий Муратов и Андрей Крайний,

великие скептики, способные осмеять самого Господа Бога. Но за отсутствием такового, понятное дело, принялись осмеивать меня, а заодно и все происходящее внутри и вокруг Белого дома. Но в основном все же меня. И за звонкоголосые воззвания к народу, которые строчу вот уже второй день подряд. И за висящий на вешалке «Калашников», который, если в здание войдет «Альфа», даже с предохранителя снять не успею. И за небритость, которой якобы похожу на затравленного революционной матросней комиссара-разночинца времен Октябрьского переворота.

– Ладно, Крайний, Вощаныча мы навестили, духом его революционного романтизма прониклись, – теперь можно и восвояси!

– Как это «восвояси»?! – Крайний смотрит на Муратова с возмущением, будто тот неожиданно для него и для самого себя предложил сей же момент добровольно принять обет воздержания во всем, что так или иначе связано с естественными позывами их еще не состарившейся плоти. – А выпить за победу демократии?

Тут уже настает мой черед удивляться:

– Пришли с пустыми руками и собираетесь что-то тут выпивать? Мне вас, ребятки, угощать нечем, да и некогда.

– Ну, насчет «нечем» это ты, брат, другим расскажи, – Крайний окидывает кабинет цепким взором не привыкшего к безденежью таможенника. – А вон в том шкафчике у тебя что?

– В том шкафчике у меня служебные документы, как и во всех прочих. И не надо шарить тут по шкафам, не у себя в редакции.

– Сейчас мы с тобой, Митя, примем по сто грамм документов чрезвычайной государственной важности! – и Крайний тянет на себя дверцу шкафа. – Ба-а! да с такими запасами мы тут можем сидеть до полной и окончательной победы демократии в нашей стране!

Муратов смотрит на меня с осуждением: мол, как нехорошо товарищей обманывать! Но, видимо, разглядев в моем поведении какие-то оправдывающие обстоятельства, милостиво дозволяет:

– А ты, Вощаныч, работай, работай, не отвлекайся. Мы тут у тебя в уголочке, тихонечко, за все хорошее и светлое…

К счастью, друзья-шутники посидели в уголочке недолго. Ровно бутылку шотландского односолодового виски.

…Обстановка в городе накаляется. В вечерней программе «Время» объявили о введении в Москве комендантского часа. Наш премьер Силаев уже несколько раз звонил Анатолию Лукьянову, одному из лидеров ГКЧП, и тот всякий раз уверял его, что штурма Белого дома не будет. Но от военных поступают сообщения, что они получили приказ готовиться, и что Министерство обороны

довело до командиров подразделений детальный план «действий по восстановлению в столице законности и порядка». Нейтрализация российского руководства (поименный список якобы составлен и утвержден) поручена подчиненной КГБ группе «Альфа», которая приведена в полную боевую готовность. В Москву введены подразделения Кантемировской и Таманской дивизий, а также Тульской дивизии ВДВ. А час назад в приемную Ельцина позвонил не представившийся сотрудник столичного ГАИ и сообщил, что военные уже взяли на себя патрулирование центра города.

Масла в огонь подливают и наши депутаты. Часа не проходит, чтоб кто-то из них не пришел в приемную президента и не принес «архиважную» и «архисекретную» информацию. Суть ее практически одна и та же – вот-вот начнется штурм, кровавый и беспощадный. И получена она тоже одним способом – благодаря личным отношениям с кем-то из очень близких к ГКЧП людей: «Как вы понимаете, никому другому он бы и под пытками не открылся!». Кстати сказать, наши доблестные вояки, вице-президент Александр Руцкой и назначенный вчера министром обороны России генерал Константин Кобец, тоже вольно или невольно нагнетают страсти. Но их я еще могу понять – военные люди оказались в привычной для себя напряженной атмосфере войсковой операции. Депутатов (не всех, но многих) не понимаю. От их суетной «разведдеятельности» за версту несет лицемерием и позерством.

Не могу избавиться от ощущения, что во всем происходящем присутствует налет ненатуральности, какой-то игры в путч, причем с обеих сторон. Конечно, к Краснопресненской подтянуты танки, и далеко не игрушечные. Но все же нет никаких оснований утверждать, что они в любой момент могут открыть огонь по Белому дому и по людям вокруг него. С командирами подразделений, стоящих на подступах к Пресне, в этот день не довелось пообщаться, не мой уровень, но с офицерами среднего звена поговорил. Они, конечно, отвечали с большой неохотой, но даже по тому, что цедили сквозь зубы, чувствовалось – им не по душе выполнять то, что приказано выполнить. Это явный признак потери мотивации, которая зачастую и приводит к бездействию и поражению.

Хотя, надо признать, в том, что происходило сегодня, есть и тревожный симптом, указывающий на вероятность штурма – тихо, не говоря никому ни слова, Белый дом покинули практически все сотрудники аппарата главы российского правительства. Эвакуировались в неизвестном направлении. Час назад ко мне заходил парламентский корреспондент Интерфакса и рассказал

(перепроверять сведения не у кого и некогда), что часов в семь вечера премьер всех своих людей распустил по домам и сам дематериализовался, оставив на хозяйстве слегка выпившего для храбрости секретаря. На вопрос: «Почему многих помощников Силаева сейчас нет на рабочем месте?», тот реагирует с раздражением: «Нет, потому что так надо!», но успокоившись, дает понять, что в этом заключена некая политическая хитрость. Мол, если президент Ельцин и его команда будут захвачены гэкачепистами, то должна оставаться на свободе другая часть российского руководства, премьерская, которая и продолжит борьбу.

…Половина второго ночи. По внутреннему радио Белого дома, с трансляцией на улицу, выступает Руцкой. Говорит о готовящемся штурме. Просит людей отойти на 50 метров от здания с тем, чтобы в случае обстрела никого не поранило разбитым оконным стеклом. По эмоциональной заряженности – это речь коменданта осажденной неприятелем крепости, призывающая ее защитников к последнему и решительному бою. Кажется, еще мгновение – и вице-президент затянет, а следом за ним подхватит и вся площадь: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!».

Руцкой еще не закончил говорить, а из секретариата президента уже сообщают: все помощники Ельцина должны собраться у него в приемной. На всякий случай беру с собой автомат и выхожу из кабинета. Полуосвещенный коридор пятого этажа, перегороженный баррикадами из столов и стульев, рождает ощущение нереальности происходящего. Еще острее она чувствуется здесь, в приемной, – полумрак, верхний свет погашен и горит только настольная лампа на бюро у секретаря, да и та в полнакала. Мир теней. Присматриваюсь к коллегам – большинство с оружием. У кого-то пистолет, у кого-то автомат. Спрашиваю Суханова:

– Как думаете, верхний свет не зажигают из-за снайперов? Руцкой говорил, они засели на крышах соседних домов.

– И поэтому, наверное, тоже. Но вообще-то нам Крючков электричество отрубил, сидим на резервном питании.

– Почему вы решили, что это Крючков?

– А кто же еще?!

В приемной необычно много народа. Здесь и коржаковские бойцы, и помощники президента, и ответственные работники администрации, и, конечно же, депутаты из числа тех, что всегда подле Ельцина. В другое время секретарь половину из них выставил бы в коридор, но сейчас не тот случай. Виктор Югин, председатель парламентского Комитета по средствам массовой

информации, отзывает меня в сторону:

– Слушай, дружище, ты где автомат раздобыл?

– У Коржакова, где же еще.

– А мне, паразит, не дал!

– А тебе-то зачем? Ты – народный депутат, тебя народ защитит. А меня защищать некому. Сам себя вынужден защищать.

Виктор насмешливо кривится:

– Да ты, поди, и целиться-то не умеешь.

– В данной ситуации целкость никакой роли не играет. Пресс-секретарь с автоматом в руках – это всего лишь один из композиционных сюжетов почитаемого в народе образа демократического великомученика Бориса Победоносца!

Похоже, мы с Югиным развеселились не ко времени. Наши смешки определенно не одобряют стоящие неподалеку народные депутаты, всем своим видом демонстрирующие готовность к героическому самопожертвованию. Хотя один из них, Шелов-Коведяев, в опереточном галстуке-бабочке, еще меньше, чем мы со своим радостным оптимизмом, гармонирует со всеобщей атмосферой напряженного ожидания. Но ему позволительно, он – народный избранник, а на меня Суханов поглядывает с укоризной и неодобрительно покачивает головой:

– Веселишься? А минут через 30–40 начнется штурм.

– Откуда это известно?

– Самое большее через час, – Суханов не реагирует на мой вопрос, видимо, сочтя его неуместным. – Коржаков пошел уговаривать шефа спуститься вниз, в бомбоубежище. Ты ведь знаешь, что глубоко под нами бомбоубежище на случай ядерной войны?

Я этого не знал. Но не удивлен. Это вполне в духе советской доктрины гражданской обороны. Помнится, еще когда работал в институте Госстроя, обращал внимание на то, что в сметы строительства почти во всех более или менее крупных объектов административного назначения в обязательном порядке закладываются затраты на создание такого рода защитных сооружений.

В отличие от Суханова и многих присутствующих здесь, в Илюшине не чувствуется никакой нервозности. Абсолютно спокоен. Такой, как всегда, будто ничего экстраординарного не происходит. Должен сказать, за то время, что мы работаем вместе, другим его и не видел. Ни разгневанным, ни огорченным, ни растерянным, ни тем более испуганным. Человек, не зависящий от обстоятельств и настроений. Ценное и редкое качество. При всем моем критическом отношении к самому себе и к своим нынешним коллегам считаю, что Илюшин, и по тому, что

он делает, и по тому, как он это делает – единственный в окружении Ельцина, кого по праву можно считать помощником главы государства. От него узнаю только то, что положено знать, и еще самую малость, чтоб догадаться о том, чего знать не обязательно, но не бесполезно для дела.

– Виктор Васильевич, вы тоже полагаете, что шефу следует переждать штурм в бомбоубежище?

– Думаю, это будет не лишним.

Похоже, Суханов считает илюшинскую аргументацию эмоционально бедноватой, а потому дополняет ее более трепетным тезисом:

– Мы не можем рисковать Ельциным!

Дверь, ведущая в кабинет президента, распахивается, и в приемную выходит Борис Николаевич в сопровождении Коржакова и свиты ближайших политических соратников – госсекретаря Геннадия Бурбулиса, новоиспеченного главы президентской администрации Юрия Петрова (указ о его назначении датирован 19 августа) и московского градоначальника Гавриила Попова. Шеф выглядит на удивление радостно-возбужденным, будто подзаряжен энергией. До сего дня я видел его таким, пожалуй, лишь дважды. Первый раз – во время поездки по Америке, когда вдруг пришло долгожданное сообщение, что президент Буш согласился на встречу с ним. И второй – в день, когда он, уже будучи председателем Верховного Совета РСФСР, заявил о своем выходе из КПСС и демонстративно покинул партийный съезд.

– Ну, что скажете? – президент обводит взглядом группу своих помощников во главе с Илюшиным. – Тоже считаете, мне надо спуститься вниз?

Виктор Васильевич, как старший по должности, и к тому же стоящий в центре нашей группы, повторяет ранее высказанный им аргумент: это будет совсем не лишним. В этой ситуации Суханов, видимо, тоже не считает возможным промолчать и повторно озвучивает свою мысль: мы не можем рисковать Ельциным! Тот, кем мы не можем рисковать, удовлетворенно кивает, хотя, похоже, он для себя и так уже все решил:

– Виктор Васильевич, вы остаетесь?

– Да, Борис Николаевич, думаю, правильнее будет, если останусь на своем месте.

Ельцин согласно кивает: «Хорошо», и, теряя интерес к теме, добавляет:

– Вы тогда сами решите, кто идет со мной, а кто остается с вами, – и, уже глядя на Коржакова: – Ну что, спускаемся?

– Сейчас, Борис Николаевич, девушки только самые важные

документы из кабинета заберут. Их надо тоже отнести вниз.

Из кабинета выходят две машинистки-стенографистки президента в сопровождении нескольких коржаковских бойцов с объемистыми коробками в руках. Замыкающий несет пишущую машинку и какую-то канцелярскую утварь.

– Готово! Можем идти.

…Не знаю почему, но именно этот момент, вроде бы один из самых ярких, вспоминается как полусон в сумеречных тонах, в котором не разобрать, что было наяву, а что пригрезилось. Отчетливо помню лишь зашторенные окна да тусклую лампу на бюро у секретаря. А вот что говорили те, кто в тот момент был рядом с Ельциным, вспоминаю с трудом и не могу поклясться, что так и было сказано на самом деле. Помню лишь, как поздоровались и даже приобнялись с Бурбулисом. Но вот что мы с ним в тот момент сказали друг другу —, этого не помню. Воспоминания утеряны. Какая-то амнезия.

После, спустя месяц-два, расспрашивая своих товарищей по августу 91-го, с удивлением обнаружил, что никто из них тоже не может с точностью до деталей и реплик воспроизвести происходившее в ту ночь в приемной у Ельцина. Выслушал, наверное, с десяток подобных рассказов и убедился – все они совпадают лишь в описании места действия. Коллеги вспоминали несвойственную огромному городу тишину за окном, полумрак заваленного мебелью коридора, тусклый свет лампы на бюро и нелепые коробки с документами, которые охрана (очевидно, по указанию Коржакова) зачем-то переносила в подвал. А вот в деталях никакого сходства. Будто рассказывали о разных событиях, происшедших в разных местах и в разное время. Удивительный феномен…

Илюшин поворачивается ко мне:

– Я думаю, Павел Игоревич, вам надо идти с шефом.

– Зачем? Что мне там делать?

– А кто же тогда после напишет обо всем? – Илюшин говорит вроде бы серьезно, но в глазах его чувствуется ирония. – Именно сейчас пресс-секретарю и следует быть рядом с президентом.

Спорить некогда – Коржаков уже распахнул дверь, ведущую в коридор. Мне хорошо известна излюбленная манера Ельцина всюду передвигаться полубегом. За ним только поспевай. Так что если замешкаюсь и отстану, сам дорогу в это чертово подземелье ни за что не найду. А спросить будет некого, по коридорам никто не разгуливает. Да если кто и попадется, едва ли станет отвечать на вопрос: скажите, а как пройти в бомбоубежище, что на случай

ядерной войны? Так что надо держаться свиты и не отставать.

Лифты не работают. Спускаемся вниз по плохо освещенной лестнице (тусклые фонари горят через пролет), имеющей явно техническое назначение. Где-то впереди грохочут кованые ботинки президентских охранников. Чуть ближе ко мне звонко цокают каблучки стенографисток. Кто-то гулко топает у меня за спиной. Кажется, у этой лестницы не будет конца. Интересно, на каком мы уже этаже? С уверенностью можно сказать только то, что ниже цоколя.

Еще один пролет…

И еще один…

И это еще не конец!

Такие толстые стальные двери с полуметрового диаметра штурвалом вместо обычной ручки я видел только в Институте ядерной физики, куда мы с Ельциным года полтора назад ходили обличать партийную номенклатуру. Только там они защищали от радиоактивной опасности, исходящей изнутри, здесь – извне. Возле входа какая-то табличка. Буквы поблекли от сырости и неразличимы. Зато хорошо читается номер помещения – 100. Сразу за дверью большой зал с бетонными полами и низким неоштукатуренным потолком. Вдоль стен, неряшливо вымазанных белилами, стеллажи с противогазами, пропылившимися костюмами химзащиты и еще какой-то утварью малопонятного назначения. Прямо напротив вход в другое помещение. Оно чуть меньше, но уже походит не на склад, а на ночлежку для лиц, пережидающих вражескую бомбежку. В нем без всякой системы расставлены дощатые нары, на которые в другое время я побрезговал бы не то что лечь, даже присесть на краешек.

Ельцина ни там, ни там нет. Может, я ошибся и не туда зашел? Спрашиваю Юру Одинца, офицера Службы безопасности: где шеф? Тот кивает на дверь, которую я сразу и не заметил.

– А что там?

– Резервный кабинет президента. На случай чрезвычайных ситуаций.

Чему я не научился за время штатной работы на Ельцина, так это субординации – открываю дверь и вхожу в «резервный кабинет». И что же вижу? Обычная комната, правда, отделана чуть опрятнее прочих. Главная ее достопримечательность – большой обеденный стол, накрытый на шесть персон. Все как полагается по этикету: белая скатерть, фарфоровая посуда, хрустальные бокалы, столовые приборы. А посередине – блюда со всевозможными яствами. Тут и севрюга с лососем, и колбаска нескольких сортов, и сыры. А еще всякая зелень. И конечно же,

горячительные напитки. Какие именно – водка, коньяк или виски, разглядеть не успеваю – Бурбулис берет меня под руку и выводит за дверь:

– Нам надо с Борис Николаевичем кое-какие вопросы обсудить. Так что подожди здесь, хорошо?

Вспоминаю напутственные слова Виктора Васильевича Илюшина о том, что именно сейчас пресс-секретарь должен быть рядом с президентом, дабы после поведать стране и миру о том, как тот боролся за торжество демократии. И о чем же я теперь поведаю? Задачка…

Нахожу еще не занятые нары, кладу под них автомат, ложусь и вытягиваюсь во весь рост. На душе гадостно, но зато спокойно: уж если они сели выпивать, стало быть, ничего страшного не случится. Не будет никакого штурма, и они это знают наверняка. Все мы – и те, что здесь, в бомбоубежище, и те, что наверху, и те, что мерзнут на улице – участники масштабной мистификации под названием «Путч».

В дальнем углу зала замечаю вице-мэра Москвы Юрия Лужкова с молодой супругой. Сидит, погруженный в какие-то явно невеселые думы, и ни на кого не обращает внимания. Спрашиваю сидящего рядом Одинца:

– А Лужков-то как сюда попал? Я его вроде наверху у шефа не видел.

– Приехал часа полтора назад – и сразу сюда.

– А что такой мрачный?

– Обиделся. Наш его за стол не позвал.

…До сих пор полагал, что «как ужаленному» можно только подскочить, но уж никак не проснуться. Теперь вижу, что ошибался, – просыпаюсь именно как ужаленный. Первая мысль обжигает змеиным укусом – все ушли, а я остался один в этом чертовом каземате! Вторая еще больнее – великий шутник Юра Одинец, в назидание за беспечность, утащил мой автомат! Но, сбросив с себя остатки сна и оглядевшись вокруг, понимаю, что, к счастью, ни та, ни другая не соответствует действительности. Какие-то люди еще спят на нарах, а наши стенографистки о чем-то безмятежно шепчутся в уголочке. Что касается моего автомата, то и он на своем месте. То есть там, куда я его и положил.

Но Одинца рядом действительно уже нет, и многих ребят из охраны Ельцина тоже не видно. Неужели все наши ушли наверх, а я прошляпил?! Какое позорище! Смотрю на часы: около семи утра. Это значит, проспал я чуть менее двух часов. Но не могли же боссы за это время все обсудить и закруглиться? Как я успел заметить, на столе стояло никак не меньше двух «серьезных вопросов».

Выхожу в большой зал и вижу, как комнату, которую Одинец помпезно величал резервным кабинетом президента, покидают высокопоставленные участники ночных бдений. По Петрову с Бурбулисом не скажешь, что те сильно выпивши – взгляд светлый, шаг твердый. Зато по Борису Николаевичу чувствуется, что навеселе, причем изрядно. Но все же держится молодцом. Во всяком случае, шагает без посторонней помощи. Последним комнату покидает Гавриил Харитонович Попов. Его выводят под руки два прикрепленных к нему коржаковских бойца. Увидев меня, он заплетающимся языком выдавливает из себя самокритичную шутку: «Пашка, я как свинья нализался!». Похоже, наш грек в полном ауте. Только поэтому один из его охранников, которые обычно прилюдно никак не реагируют на свою клиентуру, чего бы та не вытворяла, позволяет себя высказать недовольство:

– Теперь нам эту тушу переть на себе на пятый этаж!

Его товарищ тоже не горит желанием проявлять служебное рвение, а потому предлагает принципиально иной подход к транспортировке обездвиженного тела пламенного глашатая отечественной демократии:

– А чего ему делать на пятом этаже? Пусть лучше здесь покемарит, а как снимут оцепление, так сразу домой!

К счастью, лифт заработал. Только отчего-то долго не откликается на мой вызов. Бегает над головой вверх-вниз и никак не доберется до бомбоубежища. Хотя, может, и напрасно я выражаю недовольство в его адрес? Может, мне вообще не стоит подниматься наверх, а покемарить тут рядышком с Харитонычем, а как снимут оцепление, так сразу домой. Домой!

И забыть эту ночь.

И никогда ее не вспоминать.

И никому о ней не рассказывать. Особенно тем, кто сейчас на улице защищает свободу, демократию и президента Ельцина.

Из глубины шахты слышится характерное шипение приближающегося подъемника. Что-то за дверьми лифта гулко ухает, и они открываются. В ярко освещенной кабине (видно, вернул-таки наше законное электричество этот зловредный чекист Крючков, ночью отобравший его столь возмутительным образом) стоит охранник, со вчерашнего дня прикрепленный к Петрову, новообращенному главе президентской администрации.

– Что-то забыл?

– А-а! – тот сокрушенно машет рукой, что красноречивее любых слов передает чувство охватившей его досады. – Початую бутылку коньяка оставили. Подожди, не уезжай, я быстренько сбегаю.

Забыть!

Не вспоминать!

Никому никогда не рассказывать!

…Десять минут назад поступило сообщение – войска покинули город. КГЧП конец. Вчера казалось: если такое случится, бросимся друг другу в объятья. Сейчас в наших рядах никакого ликования не наблюдается. Наверное, потому что устали и нестерпимо хочется спать. Мне, конечно, не так сильно, как остальным. Все-таки хоть немного, но вздремнул в подвале.

Сижу в каморке у главного кормильца-поильца Ельцина Димы Самарина и пью чай с печеньем. Надо бы пойти к себе в кабинет, но там с ночи квартирует Мстислав Ростропович. Вдруг уснул? Не хочется будить гения. Тем более что Самарин общительный и добросердечный человек, не гонит. Хотя вся его поварская жизнь завязана на Ельцина – куда тот, туда и он со своими ложками-поварешками. Поэтому для него мое слишком долгое чаепитие может создать определенные неудобства.

– Слушай, ты меня извини, но я должен собирать свое хозяйство, – «Ну ты подумай, как в воду глядел!». – Сам понимаешь, дед в любой момент может сказать, что выезжаем. Надо быть наготове.

У Самарина своя система шифрования имен: дед – это Ельцин, бабка – Наина Иосифовна, внучка – Татьяна Дьяченко.

– Ладно, спасибо тебе за чай!

– Может, рюмку «на дорожку» налить?

– Не стоит.

Как же мне надоело таскать за собой этот чертов «Калаш»! Надо бы разыскать Рудольфа Пихоя и забрать у него мой «Макаров». Тот весит раз в десять меньше.

Все помощники президента разбрелись по своим кабинетам и ждут высочайшего дозволения разойтись по домам, где не были уже более двух суток. Как только Илюшин его получит, так сразу сыграет отбой. Но мне невтерпеж, и я сам иду к нему в кабинет. Не знаю зачем, но иду. Он единственный, кому можно, не сдерживая себя, рассказать о том, что видел в бомбоубежище. Но по глазам чувствую, он и так уже обо всем знает и не горит желанием выслушивать мой рассказ.

– Павел Игоревич, ты ведь сейчас без семьи живешь?

Виктор Васильевич со мной, как, впрочем, и со всеми, общается исключительно по имени-отчеству и на «вы». Но иногда, когда речь заходит о делах неслужебных, отступает от этого правила и позволяет себе свойское «ты». Причем этот переход у него настолько естественен, что я его просто не замечаю.

– Мы с Семенченко договорились, когда все закончится,

поехать ко мне на дачу и снять напряжение. Татьяна уже готовит нам ужин. Нет желания присоединиться?

Желание есть. Хотя бы потому, что сейчас, после всей этой кутерьмы, меньше всего хочется быть одному. А встречаться со стародавними дружками-приятелями – значит непременно рассказывать, что и как было на самом деле. Но вот рассказывать-то об этом как раз и не хочется. Хочется забыть.

Захожу к себе в кабинет. За моим столом сидит Ростропович и пьет растворимый кофе, презент журналистки итальянской газеты Corriere della Sera.

– Голубчик мой! Ты уж прости, я тут немного похозяйничал, – и он вдруг радостно хлопает в ладоши: – Ну что, победа?! Победа, брат! Победа!

– Мстислав Леопольдович, а давайте-ка мы с вами выпьем по рюмашке!

– За победу?

– За победу.

– Наливай, мой хороший!

…22 августа. Теплый предосенний день. На небе светит уже не жаркое, но все еще ласковое солнышко. Внутри Белого дома и рядом с ним коммунальные службы уже наводят порядок, убирают атрибуты «противостоянии демократии и тоталитаризма». Вокруг прогуливаются семьи с детьми. Для них путч – уже героическая история.

Ровно в девять утра у меня в кабинете появляется Валентин Сергеев. До путча знавал его как главу пресс-службы премьера Силаева, а сегодня читаю его интервью, причем в нескольких газетах, в которых он уже фигурирует как руководитель Отдела информации президента России. Что это за отдел, когда его успели создать и знает ли о его существовании сам Борис Николаевич – для меня загадка. Во всяком случае, я еще вчера ни о чем таком и слыхом не слыхивал.

Кстати сказать, это не единственное мое «послепутчевое» открытие. Сегодня с раннего утра смотрю телевизор и диву даюсь: как же много известных стране людей в те дни и ночи были рядом с Ельциным! Я и не подозревал.

Последний раз Валю Сергеева видел в Белом доме на заре путча, 19 августа, да и то лишь до обеда. После он куда-то пропал. Наверное, примкнул к команде своего шефа, премьера Силаева, в канун штурма распущенной по домам. Зато сегодня пришел на работу вовремя, ни на минуту не опоздал. Свежий, выбритый, в безукоризненно белой рубашке. И настроение у него под стать внешнему облику – приподнятое, праздничное, внушающее почтение к чину и званию. А в глазах торжество.

Торжество победителя.

…Спустя несколько недель Валентин Михайлович Сергеев стал полномочным представителем председателя Совета Министров РСФСР. Без тени иронии или злорадства вспоминаю это знаменательное событие. Считаю, что такие люди полезны любому политическому режиму – умные, коммуникабельные, с великолепным чувством юмора, а потому способные выжить и найти себя в любой бюрократической конфигурации. Но при этом следует иметь в виду одно немаловажное обстоятельство – ни один режим, какую бы здравую или абсурдную идею ни исповедовали его лидеры, не может рассчитывать на таких людей в трудный для себя час. Это категория рационально-циничных слуг, способных сказать впавшему в немощь хозяину: «Ухожу, больше не нуждаюсь в тебе!».

Глава 13
На границе тучи ходят хмуро

Вспоминаю минувшую неделю и диву даюсь: какой невероятный калейдоскоп событий! Ничего подобного в моей жизни не было, и, наверное, уже никогда не будет. Выходные, 17 и 18 августа, – тяжелейшая во всех отношениях поездка в Алма-Ату. Думал, на обратном пути в самолете передохну, но всю душу вынул Дмитрий Соколов, фотограф, числящийся в штате у Коржакова и по этой причине позиционирующий себя как фигуру неприкасаемую. Воспользовавшись щедростью принимающей стороны и услужливостью экипажа президентского авиалайнера, этот папарацци-секьюрити напился «на дармовщину» до полубесчувственного состояния и тем лишил нас покоя на все четыре часа перелета, превратив его в сущий кошмар. А едва приехал домой и принял с дороги душ, как позвонили из приемной президента и передали приказ: срочно явиться в Белый дом, потому как в стране переворот и чрезвычайное положение. Потом поездка к президенту в Архангельское, а от него – назад, в Белый дом, обгоняя колонны танков, БТРов и военных грузовиков с солдатами. Ощущения не из приятных. Будто попали во вражеское окружение.

Потом были три безумных дня путча. Практически семьдесят часов на ногах, не считая короткой паузы в бомбоубежище. А в четверг, 22 августа, когда все завершилось низложением ГКЧП, нагрянули толпы журналистов, и весь день прошел в нескончаемых рассуждениях про то, какой отныне будет внешняя и внутренняя политика России. Думал, пятница даст хоть какую-то передышку – куда там! В этот день состоялась встреча Ельцина и российских депутатов с доставленным из Фороса Горбачевым. Она заняла немногим более часа и не запомнилась ничем, кроме демонстративного унижения, которому подвергли Михаила Сергеевича. Из-за этого пришлось до позднего вечера отвечать на бесчисленные звонки советских и зарубежных СМИ. Всех интересовал один и тот же вопрос: как понимать все происшедшее в Белом доме – Ельцин больше не признает государственный приоритет президента СССР?

…Вот оно, блаженное бездельем субботнее утро! И вдруг – телефонный звонок. Первая мысль – опять что-то случилось! Но оказывается, звонит матушка. Старушка ни свет ни заря у плиты и в ультимативной форме требует, чтобы непременно прибыл к ней на обед. Ей важно, наконец, своими глазами увидеть

непутевого сына и убедиться, что жив, здоров и не слишком исхудал. С трудом уговариваю заменить обед ужином, потому как около полудня должен быть на Манежной площади. Там сегодня панихида по ребятам, погибшим 21 августа. А во сколько она закончится, это непредсказуемо.

Звонок Илюшина лишает надежды на то, что субботний вечер будет проведен у родительского очага:

– Павел Игоревич, – по голосу руководителя Секретариата чувствую, сейчас он меня чем-то очень сильно «обрадует», и не ошибаюсь, – когда все закончится на Манежной, приезжайте в Белый дом. Нам придется немного поработать. У Бориса Николаевича на вторую половину дня намечено ответственное протокольное мероприятие.

Наверное, и даже наверняка, это большой грех – присутствовать на панихиде и мечтать о том, чтобы она поскорее закончилась. Но я устал. Чертовски устал. Стою в толпе, и в какой-то момент кажется, что сейчас кровь отольет от головы, ноги ослабнут, подогнутся в коленях, и я погружусь в беспамятство. Хорошо, если рядом окажется кто-нибудь из сердобольных – подхватит и не даст рухнуть на асфальт. Сколько же мне еще бороться со сном? Если ориентироваться на нашу протокольную службу, панихида продлится часа два. Во всяком случае, на такую продолжительность устроители ориентируют автоинспекцию, которая перекрыла движение в центре города. Но все будет зависеть от числа выступающих, которое заранее невозможно предугадать. Первым, разумеется, скажет прощальное слово наш шеф. Из Моссовета сообщили о намерении Гавриила Попова. Знаю, спичрайтеры Горбачева готовят для него соответствующий текст. Наверняка выступит кто-то от депутатов, может, даже и не один. А вот далее непредсказуемо – тут и защитники Белого Дома, и посланцы борцов с ГКЧП из других регионов, и, наконец, друзья погибших и их родственники.

Те, кому по должности положено скорбеть, незаметно покидают трибуну. Слежу за Ельциным – он тоже уходит. Значит, и мне пора. От Манежной до Белого дома рукой подать. Отпускаю машину с водителем и иду пешком по Калининскому проспекту, тем более что погода солнечная и вполне располагает к безмятежным прогулкам на свежем воздухе. Вглядываюсь в лица москвичей, идущих навстречу, и пытаюсь разглядеть в них какую-то новизну. Они, в общем-то, такие же, как и несколько дней назад. Но отчего-то очень хочется заметить в них перемены, которых на самом деле нет – будто с лиц исчез налет недружелюбия, извечного раздражения и безысходного недовольства.

Возле кабинета Ельцина замечаю прогуливающихся взад-вперед двух прибалтийских лидеров – Арнольда Рюйтеля и Анатолия Горбунова. Чуть поодаль, двумя раздельными группками, стоят люди их свиты. Догадываюсь, что «ответственное протокольное мероприятие», о котором утром говорил Илюшин, – встреча президента России с председателем Верховного Совета Эстонии и председателем Верховного Совета Латвии. Только почему о ней нас не известили заранее? И как она будет проходить – с обоими сразу или с каждым в отдельности? И какие вопросы будут обсуждаться?

Хватаю за руку пробегающего мимо заведующего президентской канцелярией Валерия Семенченко: не знаешь, что тут у нас намечается? Тот загадочно подмигивает: уговаривать приехали!

– Уговаривать? Кого? В чем?

– Кого же еще?! Папу, конечно! Чтоб признал их независимость.

– Так ведь пока только у Горбачева есть такое право?

– Папа признает, Мишка никуда не денется! – Семенченко говорит это так, будто они с Ельциным только что обсудили эту геополитическую интригу. – Хотя я бы лично не торопился. Зачем? Пускай еще немного с Горбачевым пободаются, а уж после папа скажет свое слово. Ценить будут больше.

Первым в кабинет Ельцина приглашают Горбунова со товарищи. С нашей стороны, кроме президента, присутствуют госсекретарь Бурбулис, госсоветник Шахрай и глава президентской администрации Петров. Но почему-то нет министра иностранных дел Козырева. Спикера парламента Хасбулатова тоже нет, хотя, согласно протоколу, ему следовало бы быть. Все-таки Горбунов в равном с ним статусе. В общем, все выглядит как-то странно. То ли это полуофициальные переговоры, то ли полуприватная встреча. Мы с Илюшиным ожидаем завершения этого «ни то ни се» в приемной. Здесь же Коржаков и Дмитрий Рюриков, недавно назначенный помощником президента по международным делам.

И все-таки какие-то странные переговоры – уложились в четверть часа! Ведущая в кабинет дверь открывается, и на пороге появляются улыбающиеся Ельцин и Горбунов. Как мне кажется, улыбаются они все же по-разному: латвийский спикер – будто молодой папаша, которому только что сообщили о рождении долгожданного первенца, российский президент – как добросердечный дедушка, на которого с рождением дитяти свалилась масса забот.

– Виктор Васильевич, – Ельцин протягивает Илюшину

листок, – прямо сейчас сделайте несколько копий.

Через плечо Илюшина заглядываю в бумагу. Читаю: «Акт о признании независимости…» Сердце ёкает от неожиданности: конец Союзу! Но как ни относись к происшедшему, оно будет навечно вписано в Историю. Не думал, что подобные акты могут рождаться экспромтом и выглядеть так обыденно – листок формата А4 с напечатанными на нем несколькими строчками, под которыми стоят две подписи-закорючки. Ни гербов, ни печатей, ни ленточек, ни сургуча. Больше смахивает на черновик. А ведь это, по сути дела, свидетельство о разводе двух стран и двух народов. Какой-нибудь час назад мы еще жили вместе, хотя, может, и не в любви, и не в согласии. А вот теперь уже врозь. Навсегда врозь. Мы им чужие, и они нам не родня.

– Борис Николаевич, я уже могу передавать этот документ в прессу?

Ельцин медлит с ответом, будто что-то прикидывает, но Бурбулис опережает его решение:

– Конечно. Передавай.

Спустя час Россия Бориса Ельцина так же решительно и безоговорочно признала независимость Эстонии. Уложились в те же четверть часа. Похоже, сами балтийские посланцы не рассчитывали на такое великодушие, поэтому выглядят слегка растерянными. Они отказываются от предложенного обеда, наспех, прямо в приемной, выпивают за свершившееся по бокалу шампанского, и, рассыпавшись в благодарностях и уверениях, торопливо откланиваются. Видно, торопятся ошеломить свои народы отвоеванной, наконец, у России свободой.

Теперь надо переслать текст подписанных документов в Российское информационное агентство. Захожу к себе в кабинет, чтоб связаться с президентом РИА Андреем Виноградовым, и нахожу у себя на столе срочный телекс из Киева: только что, буквально полчаса назад, тамошний Верховный Совет, который отныне будет именоваться Верховной Радой, провозгласил независимость Украины. Вот это сюрприз! Надо срочно сообщить Ельцину, вдруг еще не знает. Застать бы только на месте, а то, может, уже уехал.

Несусь по коридору и пулей влетаю в приемную:

– У себя? – секретарь удивленно кивает. – Кто у него?

– Бурбулис и Коржаков.

Вхожу в кабинет и, не дожидаясь вопросов, докладываю: полчаса назад Украина провозгласила независимость. Ельцин выдавливает из себя зловеще-задумчивое: та-ак! Бурбулис разводит руками: в общем-то, мы с вами такой вариант просчитывали. Коржаков, со свойственной ему простотой

суждений, в которых все укладывается в незатейливую схему «за нас – против нас», произносит, будто сплевывает: «Ах, Макарыч, подложил-таки бяку!».

– Борис Николаевич, сейчас со всех сторон посыплются вопросы насчет вашей реакции. Что отвечать?

Ельцин, сидя в кресле, легонько постукивает ребром ладони по подлокотнику и покачивается взад-вперед, совсем как китайский болванчик. Только уж больно крупный.

– Ничего не отвечать.

– Да, но…

– Ни-че-го! – и, погрозив пальцем, что обычно означает: «Задумайтесь над тем, что я сказал!», уже вполне примирительным тоном отдает распоряжение: – Держим паузу.

Дабы избежать нежелательных журналистских вопросов и не крутиться ужом на сковородке, стараясь не произнести ни «да», ни «нет», прерываю все свои контакты с внешним миром – не отвечаю ни на какие телефонные звонки. Ни на городские, ни на местные. Меня ни для кого нет на месте.

…Воскресное утро радует приятным ощущением беззаботности. Как же это здорово – никуда не торопиться! Вчера допоздна просидел в Белом доме. Отслеживал сообщения, поступающие с Украины и из Прибалтики. Вдруг шефу срочно понадобится информация о том, что там происходит? Но сегодня он отдыхает у себя в Архангельском, а потому и я, что бы ни случилось, посвящу день сладостному ничегонеделанью. Сейчас попью кофе и отправлюсь к матушке в Кузьминки. Старушка ждала в субботу, но так и не дождалась. Поди, обижена.

Вдруг оживает мой старенький телефон. Это уже просто какое-то дежавю – каждое утро начинается с телефонного звонка! И кто же тревожит мой покой на сей раз? Привычка названивать в неурочное время свойственна многим западным журналистам, не отличающимся особой деликатностью. Если им что-то от тебя надо, для них не существует понятия «неудобно». Надо, значит, надо! Из гроба поднимут. Может, это кто-то из них? Но интуиция подсказывает, что звонят с работы. «Послепутчевые» времена уж больно неспокойные и хлопотные.

Так и есть – с работы! В трубке слышу голос доблестного начальника президентской охраны:

– Будешь говорить с Борисом Николаевичем, – и уже не мне, а ему: – Вощанов на проводе.

Как всегда в таких случаях, шеф опускает приветственные слова и сходу переходит к постановке задачи:

– Надо, понимаешь, срочно сделать такое заявление пресс-секретаря, но как бы от имени президента…

Далее следует краткая постановка задачи – что я должен упомянуть и на что намекнуть в своем заявлении. Главная цель – припугнуть возомнивших о себе невесть что соседей территориальными претензиями: если какая-либо республика СССР, провозглашая государственную независимость, отказывается от союзнических отношений с Россией, то в этом случае наша страна вынуждена будет поставить вопрос о существующих границах и о своем законном праве на территории, которые по решению Президиума ЦК КПСС у нее некогда были отторгнуты и переданы в административное подчинение соседним с нею союзным республикам.

– Вам все понятно?

– Понятно. Когда принести текст на согласование?

– Передадите через Виктора Васильевича.

Моя неприученная к суровой субординации вольнолюбивая газетная сущность захлебывается недовольством: это ж надо – поговорил, как с автоответчиком! Ни тебе «здрасьте!», ни «до свидания!». Про «спасибо» с «пожалуйста» и говорить не приходится. Ну, а то, что текст заявления нужно передать не напрямую, а через Илюшина – это вообще что-то новенькое! Такого отродясь не бывало.

…Если ориентироваться на рабочий график президента, правда, составленный почти неделю назад, шеф сегодня будет на месте где-то до полудня, а после уедет в Ново-Огарево, на очередное совещание по Союзному договору. Поэтому надо торопиться. Первым делом захожу к себе в кабинет, быстренько набираю на компьютере и распечатываю текст моего заявления, который можно было бы озаглавить: «Прости меня, мама…», ибо из-за него в очередной раз поставлен крест на поездке в Кузьминки. После этого бегу к Илюшину. Сейчас еще половина одиннадцатого, но надо, чтоб тот успел прочитать и, если возникнут вопросы, то и задать их мне. А то, что он ничего не станет передавать шефу, что называется, не глядя, в этом можно не сомневаться. Не его стиль. Человек он по-хорошему скрупулезный, и если какой-то документ проходит через его руки, должен знать о нем не меньше самого исполнителя.

– Что ж, мне кажется, получилось. Сейчас же отправлю фельдсвязью в Юрмалу.

– В какую Юрмалу?

– А вы не знали? Горбунов позавчера уговорил Бориса Николаевича съездить на несколько дней к нему в Юрмалу.

Если Илюшину что-то не слишком нравится в словах или поступках нашего шефа, он никогда не позволит себе высказаться на сей счет, тем более при подчиненных. Но об его отношении к

происходящему можно догадаться. Во всяком случае, я догадываюсь. Не знаю, замечает ли он за собой эту привычку или нет, но его недовольство Ельциным можно почувствовать по тону, каким он говорит о нем в данной ситуации – со снисходительной улыбкой и усталым вздохом сожаления. Как о малом дитяти, к шалостям которого приходится относиться снисходительно. При этом, если разговор идет с глазу на глаз, непременно переходит с повседневно-уважительного «вы» на воскресно-внеслужебное «ты». Вот и сейчас:

– Ты ж понимаешь, какие у него были тяжелые дни. Все на нервах. Ему просто необходима пауза, – говоря это, Илюшин упаковывает текст моего заявления в конверт для фельдсвязи. – Пусть отвлечется. Пусть погуляет по песочку. Пусть подышит морским воздухом.

– Но почему именно в Юрмалу, а не в Сочи или в Крым?

Задаю вопрос скорее по инерции, нежели от неведения. И чувствую насмешку в глазах Илюшина: к чему спрашивать других о том, что тебе самому и без того понятно?

В прошлом месяце шеф был в Юрмале дважды. Последний раз за три недели до путча. Это были частные визиты, заявленные как кратковременный отдых, но оба раза он встречался на взморье с тремя закоперщиками «балтийской независимости» – Ландсбергисом, Рюйтелем и Горбуновым. И отчего-то возвращался донельзя усталым, всем и всеми недовольным.

В сентябре 1994 года в Париже некто David Kreys (думаю, имя вымышленное), представившийся сотрудником европейского подразделения международного сыскного агентства Krol Associates, ознакомил меня с документом, который он якобы приобрел у одного из отставных сотрудников латвийского КГБ. Приведу лишь некоторые выдержки из него (при цитировании мною сделана не меняющая сути косметическая корректировка авторской стилистики и правописания):

«27 июля 1991 года в резиденции Балтийского Совета (б. резиденция правительства СССР), по адресу: Юрмала, улица Юрас, 13, состоялась встреча членов Балтийского Совета А.В. Горбунова (Латвия), А. Рюйтеля (Эстония), В. Ландсбергиса (Литва) с президентом России Б.Н. Ельциным. Официальная часть встречи проходила в музыкальной гостиной резиденции. Сопровождающие лица и представители прессы присутствовали лишь первые 5 минут…

На встрече президент Б.Н. Ельцин около часа рассказывал о своем принципиальном несогласии с политикой президента СССР М.С. Горбачева по ключевым вопросам внутренней и внешней

политики, а также о своих планах реформирования Российской Федерации. Присутствующие вопросов не задавали. По всей видимости, руководителей Балтийского Совета данная тема не интересует…

Члены Совета, соблюдая очередность, изложили президенту России свою позицию по вопросу признания независимости балтийских государств. При этом В. Ландсбергис заявил, что Литва уже фактически независима, на что Ельцин возразил в резкой форме, сказав, что до тех пор пока независимость не признана Россией, она так и останется на бумаге…

Президент Ельцин проинформировал присутствующих о своем разговоре с М.С. Горбачевым по поводу признания независимости стран Балтии. Он заявил, что без его давления Горбачев не отважится на такой шаг…

Примерно в 17:00 А.В. Горбунов предложил продолжить разговор в неформальной обстановке …

По поводу ужина сообщаю следующее: управляющий резиденцией распорядился накрыть стол в гостиной на четыре персоны. Завезено большое количество алкоголя. Приоритет отдан виски и коньяку. Численность обслуживающего персонала на время ужина сокращена до минимума…

А.В. Горбунов предложил тост за гостя – президента России. Ельцин обратил внимание, что Горбунов, Ландсбергис и Рюйтель наливают ему по полной рюмке, тогда как себе вдвое меньше. Гость потребовал, чтобы все было на равных, и до окончания ужина лично следил за этим…

18:40 – разговор за столом вновь приобрел политическую направленность. Участники вернулись к вопросу о признании независимости Балтийских государств. Президент Ельцин участвует отдельными репликами, касающимися его отношений с Горбачевым…

Обсуждение политических вопросов на время прервано. Горбунов, Ландсбергис и Рюйтель по очереди произносят тосты за Ельцина и за Россию…

Обсуждение политических вопросов продолжено. Ландсбергис предлагает вернуться к какому-то документу. По всей видимости, в нем идет речь о признании Россией независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Все трое объясняют, что учли замечания Ельцина, которые были им сделаны на предыдущей встрече (очевидно, речь идет о встрече 13 июля 1991 года в Юрмале)…

Ельцин потребовал дать ему ручку и что-то исправил в документе. После него какие-то исправления внесли Ландсбергис и Горбунов.

Ельцин произнес тост за благополучие Юрмалы, всей Латвии и ее балтийских соседей. Горбунов произнес ответный тост…

Горбунов вполголоса зачитал исправленный документ. Слышны лишь обрывки фраз. Ельцин сказал, что общими усилиями они нашли правильное решение. Все четверо ставят на документе свои подписи. Ельцин провозгласил еще один тост за независимость Балтии и за ее нерушимый союз с Россией…

Под конец ужина возникла проблема – Ельцин нуждается в отдыхе. Горбунов предложил воспользоваться апартаментами на втором этаже резиденции. Охрана Ельцина выразила обеспокоенность крутой лестницей. При участии Горбунова, они помогли Ельцину подняться наверх. После его ухода оказалось, что пропал подписанный документ. Кто-то (точно сказать, кто именно, затруднительно) высказал предположение, что его забрал Ельцин.

В 21:40 Горбунов, Ландсбергис, Рюйтель покинули резиденцию…

28 июля, 9:00 – завтрак подан в гостиную. Присутствуют: Горбунов, Ландсбергис, Рюйтель. Ельцин к завтраку не вышел…

12:00 – Рюйтель заявил, что больше не будет ждать, что уходит. Горбунов уговорил еще немного подождать…

14:10 – Ельцин вышел из апартаментов и спустился в гостиную. Выглядит нездоровым. От завтрака отказался. Объявил собравшимся, что все утро обдумывал состоявшийся за ужином разговор и принял решение – Россия признает независимость государств Балтии. Это будет одно из его первых решений по возвращении в Москву…»

Можно ли верить этому документу, да и документ ли это, а не какая-то самоделка, коих немало гуляет по мировому рынку политического компромата? Все может быть. Но я показывал его людям, сопровождавшим российского президента в той поездке. Они отметили некоторые фактологические неточности, но признали, что в целом, в общих чертах, он достаточно правдиво описывает происходившее в резиденции Балтийского Совета в Юрмале 27–28 июля 1991 года.

Но куда же в таком случае подевался подписанный «под рюмочку» исторический документ и каково его содержание? В общем-то, он никуда не девался. Если верить латвийской прессе, на следующее утро его обнаружила уборщица валяющимся на полу под сервантом. И это был (опять же, если верить латвийской прессе) черновой набросок Акта о признании Россией независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Прообраз тех документов, которые были подписаны спустя месяц – 24 августа 1991 года.

…Вторник, 27 августа, раннее утро. Ранним называю его лишь потому, что обычно появляюсь на службе в девять, а сейчас еще нет и восьми. Для меня это равнозначно подвигу. Первым делом, не заходя к себе в кабинет, направляюсь в приемную президента. Надо узнать у дежурного секретаря, не приходило ли что для меня от Бориса Николаевича. Оказывается, не приходило. Может, отправили не сюда, а в Секретариат, к Илюшину? Звоню ему, благо Виктор Васильевич имеет обыкновение приходить на работу на час раньше. Но и у него для меня никакой информации из Юрмалы. Что ж, буду ждать.

Жду до десяти, после чего повторяю попытку в той же последовательности – звонок в приемную, звонок Илюшину. Ничего нет.

В одиннадцать иду на третий заход. И снова безрезультатно.

Ответ получаю только после полудня: Борис Николаевич уведомил Илюшина, что документу, который готовил Вощанов, можно давать ход. Через час все мировые информагентства с пометкой «молния» передали заявление пресс-секретаря президента Российской Федерации:

«В последние дни в ряде союзных республик провозглашена государственная независимость, заявлено о выходе из Союза ССР. Возможны и другие решения, существенно меняющие баланс отношений в рамках единой Федерации. В связи с этим уполномочен Президентом РСФСР сделать следующее заявление:

Российская Федерация не ставит под сомнение конституционное право каждого государства и народа на самоопределение. Однако существует проблема границ, неурегулированность которой возможна и допустима только при наличии закрепленных соответствующим договором союзнических отношений. В случае их прекращения РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ. Сказанное относится ко всем сопредельным республикам, за исключением трех прибалтийских (Латвийской, Литовской, Эстонской), государственная независимость которых уже признана Россией, чем подтверждена решенность территориальной проблемы в двусторонних отношениях».

С этого момента жизнь моя становится сущим кошмаром. По телевизору только и говорят, что о провокационном заявлении пресс-секретаря Бориса Ельцина, которое подорвало то взаимное доверие, что возникло между союзными республиками после путча. А мои друзья-демократы на каждом углу твердят, что Вощанов-де навязывает стране югославскую модель распада. Шум

на весь белый свет! Телефон мой трезвонит, не переставая. Звонят журналисты, звонят политики, звонят представители творческой интеллигенции, звонят иностранные дипломаты. Всех волнует один и тот же вопрос: каким именно советским республикам Российская Федерация намерена предъявить территориальные претензии? Но я на сей счет не имею от президента никаких конкретных распоряжений, а связаться с Юрмалой может разве что Илюшин, да и то в случае крайней необходимости. Хотя для меня она именно так и выглядит. Поэтому в очередной раз бью челом Виктору Васильевичу: узнайте, Христа ради, какие будут указания относительно комментариев к сегодняшнему заявлению!

– Вечером у меня должна быть связь с шефом. Непременно задам ему этот вопрос.

Вечером с шефом связи не было. Точнее – была, но не с ним. Он почему— то трубку не взял. Утром на связь тоже не вышел. Так что остаюсь в информационном неведении. Всеми правдами и неправдами уклоняюсь от настоятельных требований прокомментировать заявление, сделанное мною от имени президента РСФСР. А они, эти требования, уже раздаются со всех сторон.

В общем-то, в большой политике отказ от комментариев – не редкость. Только в нынешней ситуации он выглядит полной нелепицей, потому как, если отбросить прибалтов, остаются только три республики, с которыми у России имеется общая граница, – Украина, Белоруссия, Казахстан. Так что мое упорное нежелание что-либо пояснять выглядит довольно смешно. Как в сказке: «Решили как-то медведь, волк, лиса и заяц перекинуться в картишки. Но прежде чем приступить к игре, косолапый огласил правило «для всех»: кто будет мухлевать, тот получит «по наглой рыжей морде!». Здесь, как и в моем случае, адресат угрозы понятен без комментариев. Так что буду я упорно молчать или же разговорюсь не в меру – это ровным счетом ничего не обострит и ничего не сгладит. И без того понятно, что речь идет лишь о тех республиках, кому решением советского руководства в разные годы были переданы в административное подчинение российские территории с преимущественно русским и русскоговорящим населением. А таких у нас всего две – две! – Украина да Казахстан. Первой республике даровали Крым с Донбассом, второй – все южно-сибирские земли.

Шеф, конечно же, пустил стрелу в сторону Киева. Для меня это очевидно. Это там Верховный Совет, громко, почти истерично заявив *про нэзалэжність,* ни словом не обмолвился о дальнейших союзнических отношениях с северным соседом. И произошло это

под председательством Леонида Кравчука, который за несколько дней до этого – я сам был свидетелем их разговора! – в Ново-Огареве клялся Ельцину в дружбе и верности. Так что Москве было за что осерчать – *шановні депутати* замахнулись на геополитические интересы Российской Федерации, а их *шановний голова* демонстративно проявил неуважение к ее президенту.

Но можно ли в этой связи говорить и об Алма-Ате? И да, и нет. До сегодняшнего дня Казахстан не объявлял о выходе из СССР и не провозглашал государственную независимость. Но пример Украины более чем заразителен, и в будущем, причем недалеком, такое развитие событий исключить нельзя. К братьям казахам вполне подходит известная поговорка: «Знает кошка, чье мясо съела». Так что упоминай их в комментариях или не упоминай, они по— всякому будут на нас в обиде. Зато, может, лишний раз призадумаются о последствиях политической дезинтеграции с Россией.

Что же касается кары президентской, так мне ее, похоже, не избежать при любом раскладе. Заявление о территориальных претензиях уже произвело эффект разорвавшейся бомбы, поэтому Кравчук с Назарбаевым непременно потребуют от Ельцина объяснений. И как же он поведет себя в этой ситуации? И гадать нечего – все спишет на своеволие вышедшего из-под контроля пресс-секретаря. По большому счету, я сейчас играю роль пугала, про которое после скажут: «Оно само вылезло из чулана!». И очень может быть, устроят мое ритуальное сожжение. Чтоб никому не было повадно вбивать клин между демократической Россией и другими республиками СССР, также вставшими на путь политической модернизации.

…Кабинет пресс-секретаря президента России едва вмещает всех желающих задать свой вопрос, так или иначе касающийся вчерашнего заявления о границах. Не думаю, что хоть один из них станет для меня неожиданностью. По всей видимости, большинство, в той или иной интерпретации, повторит заголовки и подзаголовки сегодняшних утренних газет, которые я уже успел просмотреть: «Пресс-секретарь Ельцина бросает вызов независимости… Вощанов разрушил последние надежды на сохранение СССР… Территориальные претензии пресс-секретаря Ельцина… Кто разжигает войну: Ельцин или его пресс-секретарь?.. Какие силы стоят за спиной Вощанова?».

Первым задает вопрос мой давний знакомец (он, кстати, участвовал в организации визита Ельцина в Японию) господин Комото-сан, представляющий японское агентство «Чуничи симбун». Несмотря на его весьма своеобразное произношение, понять то, что он желает от меня услышать, нетрудно, тем более,

что он «режет» фразу как закатанный в трубочку ролл:

– Сказитя-я… пазаласа-а… Россия-я… си кема-а… хоцета-а… вояватя-я… за территория?

– Россия ни с кем не хочет воевать за территории…

Пышнотелая девица, судя по внешним признакам, родом из Казахстана, не дает мне закончить мысль:

– Неправда! В вашем заявлении недвусмысленно сказано, что если какая-то республика СССР провозгласит независимость, Россия предъявит ей территориальные претензии!

– Предъявить территориальные претензии и воевать за земли – это так же далеко друг от друга, как признаться в любви и совместно зачать ребенка.

– Что вы нас здесь хохмами развлекаете! – судя по говору, возмутившийся господин представляет украинскую прессу. – Вот скажите лучше: президент Ельцин, он исповедует коммунистическую идею или демократическую?!

– И чем же навеян ваш оригинальный вопрос?

– Тем, что Украина в составе СССР – это наследие коммунизма. И если господин Ельцин против ее независимости, значит, он был и остается убежденным коммунистом!

– Мне кажется, вам, как и кое-кому из ваших депутатов следует получше ознакомиться с историей образования Украинской ССР.

Похоже, агрессивно настроенный «незалэжнец» начинает раздражать не только меня, но остановить его уже невозможно:

– Наши депутаты, провозгласив Украину независимой, отвергли наследие коммунизма, а вам это очень не нравится! Лично вам, а может и вашему…

Терпение мое иссякло, и я обрываю его обличительную речь на полуслове:

– Не нравится! Представьте себе, очень даже не нравится! А знаете почему? – делаю паузу, но совсем короткую, чтоб не дать гостю с Украины возможность перехватить инициативу. – Потому что вы, лично вы, и ваши депутаты относитесь к наследию коммунизма слишком уж избирательно. То, что вам в нем выгодно, готовы оставить за собой на века. То, что не выгодно – отвергаете. Не хотите жить в союзе с Россией, этот союз для вас есть «наследие коммунизма»? Бога ради, не живите! Но тогда верните нам Крым и Донбасс! То, что они сейчас в составе Украины – это же не что иное, как наследие коммунизма! Вы получили их по воле Хрущева и с одобрения Президиума ЦК КПСС. Вы не видели протокол о передачи этих территорий из РСФСР в состав Украинской ССР, нет? А я видел! Под ним, чтобы вы знали, стоят подписи Хрущева, Ворошилова, Булганина,

Кагановича, Микояна, Суслова. Эти выдающиеся коммунисты преподнесли вам территориальный презент. Что ж вы его-то не отвергаете?!

Казашка трясет поднятой рукой, совсем как добросовестная первоклашка, жаждущая удивить учителя назубок выученным стишком:

– Можно еще вопрос? Если Казахстан объявит о государственной независимости, вы и ему предъявите территориальные претензии?

– Не исключаю, что этот вопрос будет поставлен на обсуждение.

– И о каких территориях тогда пойдет речь?

– Полагаю, что о пяти областях РСФСР, переданных в административное подчинение Казахстану.

…28 августа, среда. Для кого-то это, может, и обычный рабочий день, а для меня – триумф славы. Правда, славы не в самом хорошем значении этого слова. Сегодня граждане нашей необъятной страны узнали обо мне как человеке, напрочь отбившем у братских народов великого и нерушимого Союза всякую охоту жить под одной крышей. Мое имя не сходит со страниц газет и многократно упоминается в информационных сводках. Про новостные программы советского радио и телевидения и говорить нечего. Для них я – ньюсмейкер № 1. Едва ли не каждый общественный деятель считает своим долгом высказаться обо мне и о сделанном мною заявлении.

Особенно усердствуют в изобилии расплодившиеся после путча приверженцы демократии. Они вдохновенно, с несвойственным интеллигентным людям фанатизмом покрывают меня несмываемым позором. При этом тщательно обходят вниманием фигуру президента Ельцина. Его в этой истории как бы и нет вовсе. Будто это не он уполномочил сделать от своего имени это чертово заявление. В общем, получается, весь сыр-бор возник по вине пресс-секретаря – недоумка, наговорившего всякую х***ню, к которой наш Борис Николаевич не имеет ни малейшего отношения. И он, несомненно, разберется с этим политическим проходимцем. Кстати, то, что я проходимец, и именно политический, а не какой другой, за это утро услышал и прочитал не единожды.

А в Алма-Ате, где день начался на несколько часов раньше, проходит шумный митинг протеста против «агрессивной политики России и ее руководства». Судя по тому, что показывают в репортажах с места событий, особое внимание уделено моей скромной персоне. На многих плакатах присутствую в карикатурном образе а-ля американский

империалист. Правда, в отличие от заокеанского злодея у меня в руке зажата не атомная бомба, а извивающаяся змеей перьевая ручка. Зато я точь-в-точь как он, в бессильной злобе скалю зубы на гордо шагающих под реющими знаменами казахских рабочих с гаечными ключами в руках, крестьян с мотыгами на плече и представителей трудовой интеллигенции с прижатыми к груди толстыми книгами.

Среди стоящих на трибуне «протестантов» замечаю нашего Руцкого. Когда же успел туда прилететь? Вроде вчера вечером видел его в Белом доме, а вот он уже за тридевять земель и, похоже, собирается выступать. Слова вице-президента России заглушает недовольный гул многотысячной толпы. Вполуха слушаю про то, как они с президентом Ельциным высоко ценят дружеские, братские отношения с казахским народом, про наши республики, которым нечего делить, и про то, что у нас общая история и общая судьба. Понимаю, что все это лишь прелюдия. Жду главное – фугу про пресс-секретаря. Любопытно, какой она будет в его исполнении – в миноре или в мажоре?

– Что касается заявления Павла Вощанова…

А вот и она, основная тема. Я весь внимание. Давай, Саша! Приколоти меня к позорному столбу!

Оратор делает многозначительную паузу, которая должна показать собравшимся, как он вместе с ними искренне негодует. А для большего эффекта при упоминании моего скромного имени хмурит брови и ощетинивает пышные боцманские усы. Мне даже кажется, что я слышу, как он, едва сдерживая гнев и желание употребить крепкое солдатское словцо, возмущенно сопит в микрофон.

– …Борис Николаевич разберется со своим пресс-секретарем! Он не останется безнаказанным! Обещаю вам вот с этой самой трибуны!

Выпуск новостей окончен. Выключаю телевизор. Больше смотреть не хочется. И не только новости, вообще ничего. На всякий случай звоню Илюшину: для меня есть что-нибудь от Бориса Николаевича? Ничего нет. И это наводит на размышления: если до сих пор шеф не высказал мне своего недовольства, стало быть, он все именно так и задумал? А если все так задумывалось, то ария московского гостя в исполнении Руцкого – или самодеятельность, или тоже одна из сценок в ельцинской пьесе.

Заведующий секретариатом вице-президента Алексей Церегородцев, завидев меня на пороге своего кабинета, догадывается о цели визита и реагирует в свойственной ему шутливой манере:

– Знаю! Сочувствую! Морально поддерживаю!

– У меня имеется к вашему шефу пара вопросов, хочу повидаться.

– Через час вылетает. Из аэропорта сразу сюда. Думаю, часам к шести-семи будет на месте. Я позвоню.

В начале восьмого ко мне заглядывает Александр Владимирович Руцкой, собственной персоной. Видимо, Царегородцев сообщил ему о моем визите, и тот, пробегая мимо, соблаговолил на секундочку заглянуть к опальному пресс-секретарю.

– Ну и подкинул же ты мне работенку! – Руцкой разговаривает, стоя на пороге, что должно продемонстрировать его крайнюю занятость. – Назарбаева просто трясло от ярости!

– А чего трястись-то? Позвонил бы Борису Николаевичу, и тот ему разъяснил, что сам он ни сном, ни духом. Все это пресс-секретарь, сука такая, понапридумывал!

– Пашка, сынок, ты что, обиделся?! Вот ты мне скажи: тебе Борис Николаевич звонил, нагоняй тебе устраивал, уволить грозился? Нет! Вот тебе и ответ на все твои обиды. Это же политика! Большая политика! – Руцкой ободряюще подмигивает и делает шаг за порог. – Ладно, побегу, еще дел полно. Завтра рано утром лечу улаживать твой конфликт с братской Украиной. Там, кстати, слегка смягчу позицию насчет тебя. Так что после обеда заходи, расскажу, что и как.

…Что-то мне подсказывает, что сегодня могу на работу не торопиться. Долго стою под душем, не торопясь пью кофе, смотрю по телеку какой-то концерт. И вдруг телефонный звонок: слушаю! Голос Коржакова не предвещает ничего хорошего: сейчас будешь говорить с шефом.

– Слушаю, Борис Николаевич.

– В заявлении все было правильно сказано. Но затем вы начали комментировать – это ошибка. Серьезная, понимаешь, ошибка! Очень серьезная! Нельзя было этого делать!

Если чиновник, какого бы высокого ранга он ни был, попадает в опалу, у него сразу замолкает телефон. Сначала внутренний, а после и городской. Еще вчера у коллег к нему была масса вопросов. Дверь буквально не закрывалась. А сегодня в нем уже никто не нуждается. Такое впечатление, что все вопросы разом разрешились, причем без его участия. Коллеги с ним пока еще здороваются, но как-то холодновато: вышестоящие – без крепких рукопожатий, нижестоящие – без имени-отчества. В такой момент в голову приходит мысль: а не написать ли заявление по собственному желанию?

Может, я излишне мнителен (хотя прежде за собой такого не замечал), но мне кажется, что я оказался в положении

аппаратного изгоя – внутренний телефон молчит, никто ко мне ни по каким делам не заходит, ни на какие мероприятия не зовут. Что ж, надо принимать решение и не дожидаться, когда шеф вернется из Юрмалы и укажет мне на дверь.

– Виктор Васильевич, а не написать ли мне заявление по собственному желанию?

Илюшин смотрит на меня, как учитель на ученика, который на уроке ботаники вдруг поинтересовался насчет субботника по сбору металлолома – дело, несомненно, нужное, но вопрос поставлен крайне несвоевременно:

– Павел Игоревич, не торопись. Уйти мы с тобой всегда успеем. Шеф скажет – за полчаса соберемся.

– А стоит ли дожидаться, когда он мне укажет на дверь?

– Работай спокойно и ни на что не обращай внимания.

Работать спокойно не получается. А «ни на что не обращать внимания» получается еще меньше – по телевизору показывают репортаж из Киева, где на площади Октябрьской революции проходит шумный митинг по поводу моего заявления. Все точь-в-точь как в Алма-Ате. Разве что там не было языческого обряда сожжения чучела ненавистного пресс-секретаря Ельцина. Здесь я горю, корчусь, объятый языками пламени, и выгляжу при этом крайне некуртуазно. Зато вице-президент Руцкой на трибуне – ну просто молодец молодцом! Сурово насупленные брови и гневно раздувающиеся ноздри, ощетинившиеся усами – все это демонстрирует собравшимся неотвратимость моего наказания. А чтоб на сей счет вообще не было никаких сомнений, эмоциональный зрительный образ дополняется не менее эмоциональной речью:

– Борис Николаевич не имеет отношения к этому заявлению и разберется со своим пресс-секретарем! Вощанов будет наказан! Это мы с президентом Ельциным вам обещаем!

…Желание посетить Руцкого и узнать у него, как все прошло в Киеве, пропало напрочь. Главное я уже услышал, и никакие рассказы очевидца моего впечатления не изменят. Но, как назло, сталкиваюсь с Руцким около президентских апартаментов.

– Ну что, видел?! – Руцкой спрашивает меня таким радостным тоном, словно в Киеве он огласил президентский указ о присвоении мне почетного звания «Заслуженный пресс-секретарь Российской Федерации». – Все нормально! Теперь можешь забыть об этой истории!

– А я уже забыл! Так что для следующих подобных заявлений поищите себе другого дурочка.

– Э-э, брат, ну-ка, пойдем со мной!

– Это еще зачем?

– Буду воспитывать в тебе оптимизм.

«Воспитание» у Александра Владимировича незатейливое, но, надо признать, довольно эффективное – мы втроем распиваем бутылку виски. Втроем, потому что, когда мы пришли, в кабинете его уже поджидал старый боевой товарищ по Афганистану, приехавший из Баку с большой коробкой даров азербайджанской земли. В основном я и общаюсь с ним, потому как хозяин кабинета все время отвлекается на телефон или выбегает в приемную, отдать секретарю какие-то архиважные и сверхсрочные распоряжения. Но присоединившись к нам, он все же не забывает выполнить обещанное – вселить в меня жизнеутверждающий оптимизм:

– Ты пойми, у тебя работа такая – озвучивать президента. Если получилось – это он тебе велел так сказать! Не получилось – он вообще не при делах, во всем пресс-секретарь виноват. Ты, Пашка, у нас как собака-минер: пробежала через минное поле, значит, и мы пройдем, а подорвалась – будем искать другую дорогу.

– Так пусть бы он объяснил мне это заранее…

– Не может и не должен он тебе ничего заранее объяснять!

– А выволочку мне делать, причем не для виду, не для того, чтоб Кравчук с Назарбаевым поверили, а с глазу на глаз? Это он может и должен, так что ли?

– Это ж для натуральности! А то придет к тебе какой-нибудь коллега из газеты или с телевидения, а ты сияешь эдаким пятаком начищенным. И сразу по миру пойдет гулять слух: мол, Ельцин хотел взять Кравчука с Назарбаевым на испуг, да не смог. А хотел, но не смог – это уже поражение.

Руцкой кивает фронтовому другу на стоящую рядом с ним еще недопитую бутылку, и тот наполняет стаканы янтарной микстурой, призванной медикаментозно усилить воспитательный эффект проведенной со мной беседы об оптимистическом восприятии политических реальностей.

…В 1994-м году бурная оттепель не стала дожидаться весеннего равноденствия и заявила о себе уже в первые дни марта. Если не смотреть под ноги, все замечательно – солнце стало лучистей, небо голубей, птички голосистей. Но под ногами – сущая распутица. Мы с Виктором Югиным, экс-членом президиума расстрелянного в прошлом году Верховного Совета, уже битый час бродим по переулкам между набережной Москва-реки и Остоженкой, форсируя разливанные моря и бурные реки. Мой приятель забыл адрес, и мы никак не можем отыскать дом, в котором проживает на днях отпущенный на волю по

президентской амнистии Александр Владимирович Руцкой.

Собственно говоря, навестить экс-вице-президента – идея Югина. Он приехал ко мне из Питера погостить. Всего на пару деньков. После прошлогодних октябрьских событий у него в Москве вообще нет никаких дел. Как, впрочем, и у себя дома. А человек этот обожает суету – нервотрепку, когда просители рвут на части, и без нее чувствует себя невостребованным, что тяготит его много больше, нежели утрата депутатского статуса.

– У тебя есть какие-то пожелания на эти дни – куда-то сходить, с кем-то встретиться, что-то купить?

– Слушай, а давай навестим Сашу Руцкого?

Предложение не кажется мне своевременным. Не уверен, что человек, пять дней назад вышедший из тюрьмы, обрадуется незваным гостям.

– Неудобно как-то без приглашения.

– Ты что, Сашку не знаешь?! Да он будет рад, вот увидишь!

И вот мы ищем нужный нам дом, в котором Югин бывал однажды, но забыл название переулка и даже то, как он выглядит.

– Вроде там была какая-то церковь…

– В этом районе у каждого переулка своя церковь.

Мало того, что у меня ботинки грязные, как у прораба на строительстве котлована, так они еще и промокли.

– Югин, у тебя же есть его телефон. Почему не позвонишь? А то ходим-бродим тут битый час!

Югин звонит, и генерал выводит нас на цель. И тут мы сталкиваемся с другой проблемой – войти в дом так же сложно, как в гостиницу «Интурист» в советские времена. Долго объясняем вылезшему из будки неприветливому охраннику, кто мы такие, к кому и зачем. Но этим сложности проникновения в «прибежище избранных» не исчерпываются – с полчаса ждем, когда неведомый блюститель сановного домовладения соблаговолит по поводу нас дать необходимое указание: впускать или не впускать? После минут пяти стоим в холле у лифта, потому как за нами должен кто-то прийти и сопроводить на нужный этаж, в нужную квартиру. Иначе нельзя, не положено. Тут что ни имя, то должность, а что ни должность, то мурашки по коже.

Мы с Югиным располагаемся на диване, Руцкой – в кресле напротив. Виктор ставит на журнальный столик принесенную нами бутылку. Понимая, что теперь разговор непременно примет свойственную мужскому застолью выразительность, амнистированный хозяин подносит палец к губам: в квартире все прослушивается!

– Ну что, со свиданьицем?

– За встречу!

Руцкой не рассказывает про тюремное житье-бытье, мы о нем не расспрашиваем. Разговор идет о том, что за время его вынужденной отсидки произошло в Кремле и вокруг него, и как сложилась судьба общих знакомых, в прошлом октябре защищавших Белый дом.

– Да-а, Саша, – Югин разливает остатки по рюмкам и ставит пустую бутылку на пол, – отбил Ельцин у людей охоту к политике, напрочь отбил.

Руцкой вдруг забывает про прослушку, а, может, просто надоело остерегаться:

– А ведь ты, Пашка, тогда был прав, – и, заметив мое удивление, поясняет: – Помнишь, сидели у меня в кабинете? Я думал: разнюнился парень! И когда ты от него ушел, тоже так про тебя думал. Только потом понял: а ведь действительно не нужны Борьке никакие соратники! Такие, как он, на войне страшнее врага! Дивизию, армию ради славы своей положат, а после не вспомнят ни лица, ни имени тех, кого в бой послали!

…После возвращения президента из Юрмалы прошло больше недели, а я так ни разу и не побывал у него в кабинете. Не зовет, а все поручения, коих, надо признать, стало совсем немного, передает через Илюшина. Для людей «ближнего круга» такая опала свидетельствует об одном – скоро с вещами на выход! Собрался сегодня поговорить на эту тему с Бурбулисом, который в свое время сосватал меня на эту чертову должность, но вдруг неожиданный звонок из приемной: иди, вызывает! Странно даже. С чего это вдруг?

Все вроде как обычно – ни на лице, ни в голосе никаких признаков недовольства. Разговор идет о предстоящей поездке на северные нефтепромыслы и о том, что важно к ней привлечь внимание российской и зарубежной прессы. О моем заявлении, о его звонке из Юрмалы, о митингах протеста в Алма-Ате и Киеве – про это ни слова.

– Возьмите с собой несколько журналистов. Только согласуйте этот вопрос с Александром Васильевичем.

Ельцин раскрывает лежащую перед ним папку и погружает взгляд в какие-то документы, что означает окончание аудиенции. Беру блокнот, встаю – и вдруг неожиданный вопрос:

– Вы чем-то недовольны?

Вопрос абстрактного свойства, но я догадываюсь, чем он продиктован. Вовсе не тем, что на лице моем отразились не самые радостные чувства из-за того, что нужно что-то согласовывать с Коржаковым, хотя это занятие и не из приятных. Его интересует другое – как отношусь к истории с моим

заявлением насчет территориальных претензий? Если сейчас выскажу хотя бы малейшую обиду, пусть даже в форме самооправдания, значит, от меня может исходить потенциальная угроза разглашения репутационных секретов нашего закулисья. Причем не только и не столько касающихся политики. Есть некая жизненная аксиома – больше всего яда на языке предавшего слуги.

– Да нет, все нормально.

– Хорошо. Не забудьте предупредить Александра Васильевича насчет журналистов.

…Заполярье – это много перелетов и много застолий. В этот раз на меня большой спрос. Местные начальники буквально жаждут угостить экзотическими северными разносолами. А все после того, как Борис Николаевич, расхваливая за ужином свою команду – мол, не чета горбачевской, собраны лучшие мастера своего дела! – вдруг произнес с гордостью: «А кто у меня пресс-секретарь?! Сам Павел Вощанов!». После этого началось такое паломничество к моему столику, что пришлось отказаться от угощения с его нескончаемыми здравицами и укрыться в машине, где «царский виночерпий» Дима Самарин потчевал меня президентской заначкой.

Осенью на Крайнем Севере солнце садится рано. Вокруг непроглядная тьма, и только готовый к взлету президентский лайнер купается в ярких лучах прожекторов. На сей раз все прошло, слава богу, без эксцессов. Даже шеф выглядит довольным, хотя и усталым. Часа через два будем в Москве. Коржаков появляется в салоне с бутылкой в руках:

– Борис Николаевич, может, теперь можно и по рюмочке? За возвращение?

Предложение вызывает оживление присутствующих:

– Поездка была очень удачной!

– Вы столько вопросов успели решить!

– Местные от вас просто в восторге!

Чувствуется, шефу приятно слышать столь лестные отзывы подчиненных, и он с готовностью соглашается:

– Что ж, можно и по рюмочке, – обводит челядь взглядом художника, только что положившего последний мазок на полотно, призванное стать мировым шедевром, и вдруг, кивнув в мою сторону, усмехается: – А Павел у нас, как всегда, чем-то недоволен.

Фразу эту слышу от него не впервой. Чем она ему так приглянулась?

Глава 14
Застолье у Лаврентия Берия

После путча перед торжествующими победителями встал наиважнейший, как им кажется, вопрос – где отныне должна размещаться официальная резиденция главы российского государства? На сей счет высказываются разные, порой полярные точки зрения. Так, новаторы-радикалы, ратующие за то, чтобы демократическая власть даже в мелочах не походила на советскую, требуют найти свободную площадку в центре Москвы и воздвигнуть на ней величественный президентский дворец. Консерваторы-радикалы, напротив, настаивают на том, чтобы Ельцин со всеми своими службами оставался на прежнем месте, то есть в Белом доме, поскольку при таком варианте размещающемуся там же парламенту будет проще контролировать исполнительную власть. С ними солидарны даже некоторые сторонники президента. Правда, они иначе аргументируют свою позицию: мол, комплекс на Краснопресненской набережной уже вошел в историю как символ героического сопротивления тоталитаризму, и нет резона от него отказываться. Но наш шеф все эти дебаты демонстративно игнорирует. Он для себя уже все решил: только Кремль, и исключительно для него и его служб!

По большому счету, месторасположение ельцинского кабинета не имело бы особого значения, если б не одно обстоятельство – и для россиян, и для иностранцев Кремль был и остается олицетворением верховной власти в стране. Его хозяин безоговорочно признается первым лицом государства. До победного августа таковым был Горбачев. А после него? Путч в этом плане ничего не переменил, хотя реальное политическое и административное влияние советского лидера резко пошло на убыль. Ельцин понимает, что до тех пор, пока его давний оппонент и обидчик квартирует в Кремле, а он, триумфатор и народный кумир, по-прежнему в Белом доме, его так и будут воспринимать как главу одной из советских провинций, то есть как политика регионального калибра. Отсюда главная послепутчевая задача – взять Кремль. Проще всего ее решить в два этапа (надо сказать, у Ельцина странная предрасположенность к поэтапным решениям). На первом, причем очень коротком, сделать его резиденцией сразу двух президентов, советского и российского. А уже после, на втором этапе, когда роль союзной бюрократии будет сведена на нет,

предложить потерпевшему политическое фиаско коллеге освободить кремлевские апартаменты.

Не прошло и недели, как из крымского заточения вернулся и приступил к работе Михаил Горбачев, а Коржаков уже получил от шефа ответственное задание – готовить переезд в Кремль. Одни считают выбор исполнителя очередным проявлением фаворитизма, другие – интригами самого охранника, якобы стремящегося подмять под себя все и вся. Хотя, если подавить в себе предвзятость и взглянуть на происшедшее без эмоций, в решении Ельцина есть свой резон и своя логика.

Дело в том, что Кремль – центр общественно-политической и историко-культурной жизни лишь во вторую и в третью очередь, а в первую – «режимный объект специального назначения в оперативном управлении КГБ СССР». Испокон советского веку главным хозяйственником здесь, от которого зависело решение всех вопросов, начиная с обеспечения безопасности и кончая снабжением клозетов мылом и туалетной бумагой, был комендант в чине никак не ниже генеральского. Он – птица высокого полета, и с ним не совладать никакому штатскому завхозу из Белого дома, не отведавшему, почем фунт лубянского лиха. Конечно, Коржаков, ушедший в отставку, так и не дослужившись в КГБ до больших чинов, тоже не ровня кремлевскому наместнику. За год до путча, летом 1990 года, я сам был свидетелем того, как комендант высказался о политических дарованиях своего бывшего коллеги, ставшего заметной фигурой в окружении опального Ельцина: «Как прикрепленный охранник Саня Коржаков неплох, но к серьезным вопросам безопасности никакого отношения никогда не имел и вряд ли что-то в них смыслит».

Возможно, то была ревность, или зависть, или еще что-то, но как ни крути, а комендант и охранник все же говорят на одном языке – языке Лубянки. А потому у них больше шансов найти взаимоприемлемое решение политической головоломки под названием «Кремль двух президентов». К тому же среди рядовых сотрудников комендатуры у Коржакова немало друзей-приятелей, уже задумавшихся о службе при Ельцине и готовых услужить новым обитателям, «сливая» информацию о старых. Так что это еще вопрос, начудил Борис Николаевич, поручив Коржакову подготовку к переезду, или принял взвешенное и в данной ситуации единственно правильное решение.

Первым в Кремль перебрался президент со своей службой безопасности. Следом за ним – хозяйство Илюшина. А спустя неделю-две аппарат Горбачева слегка потеснили, и освободившиеся кабинеты распределили между остальными

помощниками Ельцина. И тогда оказалось, что почти у всех условия в Белом доме комфортнее кремлевских. Но никто не ропщет. Понимают, что в любом случае это временное решение. По всему чувствуется, прежним хозяевам Кремля не придется здесь долго квартировать, а потому вскорости нам предстоит еще один переезд, теперь уже внутрикремлевский.

…Советская бюрократическая система дышит на ладан. Мы уже не раз были свидетелями того, как наезжающие в гости к Ельцину руководители пока еще братских республик открыто насмехаются над Горбачевым и его отчаянными, но безуспешными попытками хоть в каком-то виде сохранить союзную администрацию. Спикер украинского парламента Леонид Кравчук, которого кремлевские охранники между собой почему-то называют Гунькой, тот вообще передает Ельцину содержание своих бесед с *Мыхайло Сэргэичем* с таким выражением лица, будто рассказывает свежий анекдот про то, как «встретились однажды русский с украинцем». Понятное дело, что украинец, то есть сам Кравчук, в этих байках всегда оказывается умнее, хитрее и предприимчивей русского, то есть Горбачева.

Мне с местом кремлевской дислокации не повезло как никому другому. Мало того, что досталась крохотная, полутемная коморка под лестницей, кабинет № 19А в президентском корпусе, так еще и со скверной историей – несколько месяцев назад тут повесился маршал Ахромеев. Мне хватило полдня, чтобы почувствовать тяжелую ауру этого помещения, зараженную тоской и отчаянием.

– Ничего другого, конечно же, для меня не нашлось! Спасибо хоть не посадили в какой-нибудь подвальный каземат, где пытали врагов народа.

Коржаков смотрит на меня с усмешкой. Совсем как председатель сельсовета времен коллективизации, сообщающий некогда зажиточному крестьянину о решении общего собрания деревенской бедноты принудительно изъять у него лошадь, корову с теленком и половину семенного фонда. Похоже, охранник предвидел мое недовольство и загодя к нему подготовился:

– А твоя Миткова вчера в новостях опять шефу бяку подложила!

Контроль за публикациями в прессе – теперь это одно из любимых занятий Коржакова. Наверное, он никогда прежде не читал столько газетных публикаций. Хотя злые языки поговаривают, что он и сейчас их не читает – поручил кому-то из своих сотрудников, который за всем следит и обо всем докладывает. Он – Коржакову, Коржаков – Ельцину. Я уже не раз

замечал, что в оценках прессы у нашего Александра Васильевича есть всего две оценки – «бяка» и «дэза». Первая – если что-то просто не понравилось, вторая – если задело за живое. Третьего не дано.

– Миткова работает не у меня, а в Останкино, так что все претензии к Егору Яковлеву.

– Претензии, может, и к нему, а вот тебе к шефу из-за нее лучше пока не соваться.

А меня к нему не больно-то и тянет. К тому же Ельцину сейчас не до прессы и не до информации о положении дел в стране и за рубежом. Он поглощен захватом имущественных плацдармов советского президента, и Кремль среди них один из главных, если не самый главный. Посему никаких особых дел здесь у меня в ближайшее время не предвидится, и я вполне могу, оставшись в Белом доме, являться сюда исключительно по вызову или на протокольные мероприятия. Главное – получить на то согласие Илюшина, а он, думаю, возражать не станет, потому как понимает, что отсутствующий пресс-секретарь много лучше мающегося от безделья.

На какое-то время обретаю полную свободу, но и ощущаю столь же полную бесполезность. Наезжаю в Кремль лишь время от времени. Отмечусь в приемной у Ельцина: «Друзья, если позабыли, то это я, пресс-секретарь нашего Бориса Николаевича!», – и сразу назад, в полусонную тишину героического дома на Краснопресненской набережной. В каморку под лестницей № 19А не захожу вовсе. Она так и стоит, не обжитая мною. Лишь иногда квартирующий по соседству помощник президента Анатолий Корабельщиков отдает ее во временное пользование своим посетителям.

…Должен сказать, что моя вынужденная административно-бюрократическая пассивность длилась недолго, до Беловежской пущи. Точнее, до возвращения президента России из Белоруссии в Москву, пока еще столицу советского государства, но уже государства, лишенного советского будущего…

Домой приезжаю рано, где-то около девяти вечера. Домашние обеспокоены: уж не заболел ли? Наспех ужинаю и сажусь за письменный стол. Надеюсь закончить, наконец, заметку про исчезнувшее золото партии, над которой урывками работаю уже больше месяца. Очнувшийся от сна телефон сбивает с мысли – из кремлевской приемной Ельцина звонит дежурный секретарь Валерий Диваков. Он почти кричит в трубку:

– Ну, слава богу! Я уже все телефоны оборвал!

– А что случилось-то?

– Ничего не случилось, кроме того, что президент интересуется, где его пресс-секретарь. Уже несколько раз о тебе спрашивал. Звоню твоему соседу Корабельщикову, тот говорит, ты у себя в кабинете вообще не появляешься. А где тебя носит, никто не знает.

– Не могу сидеть в кабинете, где…

– Ах, боже ж ты мой, какие мы чувствительные! – по голосу чувствую, настроение у Дивакова вполне благодушное. – Ладно, обрадую: через день-два у тебя будет другой кабинет. Так что давай, ноги в руки и с утра дуй в Кремль, к Илюшину, а не то так и останешься в компании с призраком!

От Илюшина узнаю главную новость вчерашнего дня – вернувшись из Беловежской пущи, наш шеф принял два, как он полагает, стратегически важных решения. Первым назначил нового коменданта Кремля, Вторым повелел выселить все горбачевские службы из корпуса № 1, известного среди кремлевских старожилов как «Уголок». Теперь понимаю, почему сегодня, впервые за то время, что хожу в Кремль, дежурный на входе в президентский корпус, взглянув на мое удостоверение, не просто отдал честь, а снизошел до приветствия: «Доброе утро!». После вчерашнего постбеловежского переворота все, даже дворники, сметающие снег с брусчатки Ивановской площади, понимают, кто теперь Хозяин за краснокирпичной стеной и перед кем следует шапку ломать.

– Я изложил Борису Николаевичу свою позицию: пресс-секретарь – фигура публичная, а потому для него надо выделить кабинет и попросторнее, чем у других, и поближе к президенту. Шеф со мной, в общем-то, согласился. Но тут, знаете ли, к нему потянулись всякие ходоки со своими предложениями, – я догадываюсь, на кого намекает Илюшин, но вопросов по этому поводу не задаю. – В общем, мой совет: потерпите денек-другой с переездом. Пусть шеф сам определится, кто ему нужен поблизости, а кто может расположиться и подальше от его апартаментов.

Что ж, не торопиться, так не торопиться. В коридоре возле лифта встречаю заведующего канцелярией президента Валерия Семенченко, которого многие коллеги и в глаза, и за глаза называют не иначе как «революционный матрос Семенченко». Тот ковыляет с двумя большими сумками в руках, туго набитыми какими-то папками с документами. Бедняга не успел обжиться на одном месте, и тут на тебе – изволь переселяться на другое!

– И куда тебя на этот раз?

Спрашиваю из чистого любопытства, не более того. Реакция

всегда улыбчивого и хлебосольного Валерия Павловича слегка озадачивает. Секунду-другую смотрит на меня с явной настороженностью, будто прикидывает: уж не вознамерился ли ельцинский пресс-секретарь покуситься на отписанную ему кремлевскую недвижимость? И, видимо, удостоверившись в моей бесхитростности, произносит, презрительно скривив рот, явно передразнивая чьи-то интонации:

– Пыль им, видите ли, от моих папок мешает! Поди ж ты, какие неженки. Раскомандовались тут, понимаешь. Куда Папа скажет, туда меня и переселят!

Как известно, больших начальников подчиненные меж собой, когда рядом нет посторонних, редко называют сообразно паспортным данным. Чаще пользуются какими-то кличками (не очень удачное слово, но лучше не смог подобрать). Иногда они уважительные, иногда не очень. А у нас, применительно к Борису Николаевичу, только уважительные. Фразы вроде: «Президент распорядился… Меня вызвал президент… Я должен подготовить для президента…» – такое большая редкость. Помощники Ельцина – те, если не по имени-отчеству, то чаще всего меж собой зовут его «шефом». Среди охраны бытуют «Хозяин» или «Дед». Доктор Григорьев и повар Самарин в разговорах используют притяжательное местоимение 1-го лица множественного числа: «Сегодня Наш не в духе… Завтра Нашего не будет…». Но с легкой руки Валеры Семенченко в последнее время в обиход вошло и как-то сразу прижилось довольно забавное – «Папа».

– Так Папа насчет тебя уже что-то решил?

– Мне далеко от Папы нельзя. Я всегда должен быть у него под рукой.

По тону, по выражению лица, по лихорадочному блеску глаз чувствую: кто-то крепко раздосадовал его с этим переездом. И кто знает, может, завтра и меня такая беда коснется? Возьмут да оставят в коморке со скверной аурой. Поэтому на всякий случай проявляю бюрократическую солидарность:

– Кому, как не вам с Илюшиным, быть у шефа под рукой! Это ж понятно, это не обсуждается. А что он все-таки про тебя решил?

– Пока прикидывает.

– Тогда куда ты все это добро тащишь?

– Свалю где-нибудь, а там видно будет.

Новые хозяева Кремля без принуждения и как нечто само собой разумеющееся восприняли его стародавнюю традицию – считать персональный автомобиль и рабочий кабинет мерилом влиятельности. Всем вдруг захотелось, чтобы его обслуживал автомобиль ГОНа, Гаража особого назначения, а кабинет был непременно на том же этаже, что и президентские покои, и

желательно как можно ближе к ним. Каждый день узнаю про то, с какой страстью и беспощадностью некоторые из моих коллег борются за эти рудименты кремлевской сановности. А мне отчего-то они безразличны, даже не знаю отчего. Ни к кому не хожу, ни о чем не прошу, ничего не предпринимаю. Сижу у себя в Белом доме и, как советовал Илюшин, терпеливо жду, когда шеф определится насчет моего местожительства.

И вот, наконец, свершилось. Утром звонит дежурный секретарь из приемной Ельцина и велит срочно прибыть в Кремль. Догадываюсь, для чего, но на всякий случай задаю уже ставший для меня привычным вопрос: что случилось-то?

– Тут вас, сударь, ждет новый кабинет, – делает паузу и добавляет с ехидцей: – И даже новая секретарша!

Возле Спасских ворот встречаю сотрудника кремлевской комендатуры. Не сказать, что мы знакомы – знаю в лицо, но не знаю по имени. Не уверен, что прежде мы хотя бы здоровались. А тут вдруг берет меня под руку (кажется, дай ему волю, он бы и портфель мой понес) и сообщает донельзя радостным тоном официанта, сумевшего услужить состоятельному клиенту:

– По кремлевским меркам вы у нас в числе особо приближенных и весьма влиятельных – вас разместили на президентском этаже и совсем рядышком с Борисом Николаевичем!

Помещение, в котором мне предстоит трудиться, язык не поворачивается назвать кабинетом. Подобное видел разве что в фильмах про советских вождей – зал размером чуть меньше волейбольной площадки, апартаменты с комнатой для отдыха и с персональным санузлом, а еще приемная, в которой может ожидать аудиенции десятка два посетителей. И отдельный кабинет для помощника, которого у меня покуда нет, но который вот-вот появится, потому как положен по штатному расписанию.

А вот и мой первый визитер – вступивший в должность коменданта Кремля генерал Барсуков. Зашел поздравить с новосельем. Он, как мне кажется, тайно недолюбливает Коржакова и, видимо, в пику тому относится ко мне с подчеркнутой симпатией. А, может, дело вовсе не в Коржакове, а просто ему нравится «Комсомолка» и заметки, которые я в ней время от времени продолжаю публиковать. Как бы то ни было, плачу коменданту взаимностью – встретив в коридоре или на улице, всегда радостно приветствую и непременно останавливаюсь поболтать.

– Ну как, – генерал окидывает взглядом мои обширные владения, – нравится комнатенка?

– Да уж лучше той, где до меня маршал повесился.

– Это верно. Хотя с этим кабинетом тоже не все чисто.

Генерал слывет большим знатоком кремлевской истории, особенно ее советского периода, и о каждом закутке может рассказать нечто такое, что будоражит воображение и вселяет ужас. Это меня и настораживает: а что с этим кабинетом не так?

– Его первый хозяин тут такое вытворял… Волосы дыбом!

– О господи!

– Его расстреляли. Не здесь, конечно, в другом месте. Но свой последний день на воле он провел здесь, вот в этом кабинете, за этим самым столом.

– Это кто ж такой?

– Лаврентий Павлович Берия.

Слух о том, что Вощанов работает в бывшем кабинете Берии, разнесся по всей округе. От желающих навестить не стало отбоя, и благодаря этим визитам я понял, насколько наши люди одинаковы в своем отношении к тоталитарному прошлому – всеми движет желание на какой-то миг почувствовать себя в шкуре кровавого тирана. Все визиты «к Берии» начинаются с вопроса: «Здесь действительно все как при нем?». Получив утвердительный ответ, гость усаживается за дубовый письменный стол, елозит задом по старому кожаному креслу и щелкает выключателем настольной лампы с зеленым абажуром. Оглядевшись, замечает за спиной дверь: «А там что?», и узнав, что это вход в комнату отдыха, просит разрешения осмотреть. Осмотр начинается с того же вопроса: «И здесь тоже все осталось, как было при нем?», после чего у визитера рождается желание сначала сесть, а потом и полежать на старом диване. Из этого положения его глаз улавливает еще одну дверь: «А там у него что?». Еще не было такого гостя, который бы не пожелал заглянуть в туалет, и почти каждый непременно дергает за цепочку старого фарфорового унитаза (дамы стесняются, а у мужчин нередко возникает потребность воспользоваться им по прямому назначению). А заканчивается визит, как правило, радостным возгласом: «А что если нам выпить по рюмочке у самого Берии?!»

…Сегодняшние переговоры с вождем Незалэжной паном Кравчуком обещают быть непростыми. На всех совещаниях по Союзному договору, что проводились Горбачевым еще до путча, тот подчеркнуто держал себя так, будто его слово в этом вопросе самое весомое. Понятное дело, шефу такое не нравилось, но он терпел и ничем не выказывал своего недовольства. В конце концов, он, Ельцин – всенародно избранный президент, а Кравчук – зависимый от депутатских капризов глава парламента. Но в начале декабря на Украине состоятся президентские выборы. Нет

сомнений, что Макарыч победит и станет ему ровней по должности. Он и сейчас с гонором, а уж тогда с ним вообще слада не будет. Так что надо заранее, покуда самостійність окончательно не вскружила голову, дать ему понять, что надо бы поумерить не в меру взыгравшую спесь.

– Э-э, да он же ни дня на производстве не работал! – Ельцин читает составленную мною биографическую справку на высокого украинского гостя. – Партаппаратчик!

Один из ее пунктов – «Научная деятельность» – привлекает особое внимание: оказывается, он еще и кандидат наук! И с ухмылкой превосходства Ельцин зачитывает название диссертации: «Сущность прибыли при социализме и ее роль в колхозном производстве».

– Знаю я, как партработники свои диссертации стряпали! Меня, когда я в Екатеринбурге руководил строительством, тоже один профессор из Москвы уговаривал написать.

– А о чем, не помните?

– Что-то такое о роли партии в сокращении сроков строительства и повышении его эффективности. Хорош бы я был сейчас с таким научным багажом!

Впервые Борис Николаевич принимает коллегу из союзной республики не в Белом доме, а в Кремле. Это приподнимает его государственный статус до горбачевского и указывает Кравчуку на его политический провинциализм. Психологический эффект Кремля срабатывает – гость подавлен величием Большого Николаевского дворца и парадных залов, примыкающих к личным покоям императора Николая II, именуемым «собственной половиной». И хлопцы из его свиты тоже под впечатлением. Правда, те ведут себя как селяне, впервые оказавшиеся в столичном ресторане высшего разряда – с испугом и показным безразличием: «Воно нам треба? Та бачили ми і пошікарнее!». Но Кремль – это Кремль, а его Хозяин – почитай, что властитель 1/6 части суши! Не захочешь, а склонишь голову.

Ельцин с Кравчуком, едва поздоровавшись, удаляются для разговора с глазу на глаз. Для членов делегаций, не успевших позавтракать, здесь же, возле царских апартаментов, устроен фуршет. Желающие могут выпить чай-кофе и отведать кремлевскую выпечку с бутербродами. Желают в основном гости. И это понятно – они вылетели из Киева ни свет ни заря, а из дома вышли, поди, еще ночью. Вокруг накрытого белой скатертью большого стола не протолкнуться. Можно подумать, будто Кравчук привез с собой всех своих министров и половину депутатов Верховной рады.

Когда мы с Дмитрием Рюриковым, помощником Ельцина по

международным делам, входим в зал, украинские сановники, видимо, решив, что мы технический персонал российского протокола, никак не реагируют на наше появление и продолжают, жуя, обсуждать какие-то свои проблемы. Разговор ведется на русском. Похоже, этот язык, как средство коммуникации, для них и привычнее, и понятнее. Но вот в зал входит генерал Павел Грачев, председатель новоиспеченного Государственного комитета России по оборонным вопросам. Он у нас фигура публичная, в последнее время часто мелькает на телеэкранах. Не удивительно, что гости сразу узнают героя августовских событий, а, узнав, отчего-то сразу переходят на рідну мову. Чувствуется, не всем из присутствующих она дается легко.

– Здорово, тезка! – не знаю почему, но у нас с Грачевым как-то само собой сложились неформальные полуприятельские отношения. – Говорят, ты в кабинете у Берии сидишь, это правда?

– Чистая правда.

– Там и на самом деле все осталось, как было при нем? – и, получив утвердительный ответ, высказывает уже измучившую меня просьбу: – А можно зайти посмотреть?

Хочешь – не хочешь, приходится проявлять гостеприимство:

– Милости просим! В любое не занятое обороной Родины время!

– А давай сразу после этих переговоров?

Переговоры затянулись до сумерек. Признаться, я чертовски устал за этот день, но не нахожу подходящего повода, чтобы отложить генеральский визит. Одна надежда, что он не будет слишком долгим. В конце концов, и у меня, и у него завтра напряженный рабочий день, поэтому не хотелось бы засиживаться тут до полуночи. Выспаться бы.

Грачев стоит в дверях бывшего кабинета Берии и внимательно осматривает интерьер. Далее следует первый и он же самый главный вопрос: «И с тех пор здесь действительно ничего не менялось? Все как при нем?», после чего садится за дубовый письменный стол, елозит по кожаному креслу, видимо, пытаясь ощутить своим задом то, что чувствовал зад Лаврентия Павловича, и щелкает выключателем лампы с зеленым абажуром.

– А там у него что? – я уже перестал удивляться тому, что гости говорят «у него», а не «у тебя». – Наверное, комната отдыха? Пойдем, посмотрим.

Далее все по типовому сценарию – диван, туалет, предложение выпить. Чувствуя непреодолимое желание поскорее отправиться домой, иду на хитрость:

– Я бы с удовольствием, да нет у меня никакой выпивки. Закончилась.

И эта незатейливая уловка оказывается ошибочной по своей сути. Надо было сказать, что вообще не пью. Или что болен, что у меня язва. А еще лучше не язва, а какая-нибудь сугубо мужская болезнь (такой диагноз рождает большее сочувствие) и я как раз сейчас принимаю антибиотики, которые никак не сочетаются с алкоголем. В любом случае, «закончился» – не лучшая из моих отговорок, потому как гость реагирует на нее многообещающим жестом: мол, не дрейфь, тезка, для нас это не проблема!

– Позвони на Знаменку и распорядись, – ординарец Грачева вскакивает и выходит в приемную исполнять приказ командира. – Ты что, Паша, забыл, что мой штаб, можно сказать, прямо напротив Кремля? Мы же с тобой соседи!

Через полчаса или чуть более того в кабинет входят два полковника с коробками в руках. В одной весело позвякивает стеклянная тара, из другой оружейными стволами торчат разнокалиберные палки колбасы.

– Да, братцы мои, никогда не думал, что буду выпивать в кабинете самого Берии!

На журнальном столике напротив дивана накрыт военно-полевой дастархан – литровая бутылка виски, минеральная вода, большая банка зеленых маринованных помидор, а на тарелочках два рукотворных террикона грубо порубленной колбасы. Генерал с ординарцем-полковником настроены по-боевому, а потому любые напоминания о завтрашних трудовых буднях воспринимаются ими как недостойное малодушие. Приходится соответствовать – сижу, пригубляю понемногу, отвлекая внимание генерала россказнями про кремлевские страхи и привидения. Но его, десантника, да к тому же еще и «афганца», ими трудно пронять. Даже как-то обидно. Все ж таки я все это не из пальца высосал – что-то рассказал комендант, тоже, кстати, генерал, а чему-то я и сам был свидетелем. Вот, к примеру:

– Представь себе: поздний вечер, верхний свет в кабинете погашен, шторы опущены, горит только настольная лампа…

– Погоди! Давай для храбрости сначала по рюмочке, после продолжишь… Эх, хороша! Так говоришь, горит только настольная лампа? А ты что в это время делаешь?

– Не помню. То ли пишу, то ли читаю, неважно. В общем, сижу за столом. Слушай дальше: поднимаю глаза – он стоит в дальнем углу!

– Кто? Борис Николаевич?

– Берия! Лаврентий Павлович!

– Фу ты, господи, я-то думал, – привидение шефа НКВД явно не леденит привыкшую к опасностям солдатскую душу. – Ну, стоит он в углу, и что с того? Перекрестился, плюнул трижды

через плечо, маму родную помянул, – и страхам твоим пришел конец!

Грачев – первый экскурсант, которого не пронял мой рассказ про привидение Берии, время от времени появляющееся у меня в кабинете. Чем же таким его еще удивить?

– Ты, ваше превосходительство, напрасно иронизируешь. Была б на то моя воля, я бы для всех, кто работает в Кремле, установил сокращенный рабочий день и, может быть, приплачивал за вредность. Потому что здешняя обстановка давит на психику. Она некомфортна даже в мелочах. Вот тебе пример: мой секретарь…

– У тебя мужик, что ли?

– Почему мужик? Женщина.

– Тогда – секретарша.

– Нет, секретарь. «Секретарша» я так и не научился выговаривать. Но ты послушай: она как-то заранее узнает, что я въехал в Кремль! Проезжаю Боровицкие ворота, вхожу в здание, поднимаюсь в лифте, иду по коридору – ей об этих моих перемещениях ничего не известно. А подхожу к своему кабинету – дверь распахнута, и она с приветливой улыбкой встречает на пороге. Даже кофейник уже закипает. Вот как такое возможно?! Спросил – улыбается.

– А сам не догадался? – Грачев смотрит на меня с насмешливым состраданием, как на бойца-первогодка, натершего кровавые мозоли из-за неумело завернутых портянок. – Такой у них здесь порядок: ты только въехал на территорию, а офицер на воротах уже шлет сигнал дежурному на входе в корпус: прибыл пресс-секретарь президента! А тот сразу же звонит тебе в приемную, и тебя уже ждут.

– И зачем нужен такой порядок?

– Такой порядок нужен для порядка! – и генерал покровительственно похлопывает меня по спине.

Есть только один шанс быстрее отправиться домой – в рекордно короткий срок опустошить ненавистную бутыль шотландского зелья. Но для троих, а, по сути дела, для двоих (я не догоняю вояк) эта задача трудновыполнима и потребует времени. Значит, надо во что бы то ни стало увеличить число участников. Из всех коллег, кому могу предложить присоединиться к выпивке на рабочем месте, в Кремле оказывается только Валерий Семенченко, видимо, окончательно утонувший в половодье президентского документооборота.

– Мы тут у меня с будущим министром обороны России выпиваем. Нет желания составить компанию?

К счастью, соответствующее желание имеется, и самое что ни

на есть желаемое. Но, примкнув к нашей компании в качестве опоздавшего и опорожнив наполненный генералом штрафной стакан, Семенченко произносит спич, на который я никак не рассчитывал:

– Подумаешь, Берия! Эка невидаль! У меня, если хотите знать, кабинет в квартире самого Ленина! Можно сказать, сижу на кухне у Надежды Константиновны Крупской!

Генерала от этих слов подбрасывает будто пружиной:

– Как?! И мы у Крупской на кухне даже по рюмке не выпьем?!

Становится очевидным, что теперь не скоро увижу семью и родной дом. Да и Семенченко понимает свою оплошность. Но пути к отступлению отрезаны, и мы дружно перебираемся в святая святых советской эпохи – в личные апартаменты верхового коммунистического гуру. Но на душе как-то не по себе. Все-таки не по-людски это – бражничать в месте, которому по убеждению или вынужденно поклонялись твои предки.

…Декабрьское утро под стать похмелью, бесцветное и беззвучное. С тоской смотрю на распорядок сегодняшнего дня: сразу после обеда совещание у президента по предстоящему визиту в Германию. Это значит – придется мучиться до вечера, пока Ельцин с Коржаковым не отправятся на какое-нибудь спортивное или неспортивное мероприятие. И угораздило же меня вчера откликнуться на генеральскую просьбу! Ведь знал же, чем подобные экскурсии обычно заканчиваются. Приходили писатели с актерами, люди тонкой душевной организации, и те в итоге желали выпить «у самого Берии». А тут фронтовики-десантники! Отчего ж я силен-то только задним умом?! От неумения отказывать. Правильно моя матушка говорит: погубит меня моя бесхарактерность.

– К вам идет Борис Николаевич! – влетевшая в кабинет секретарь сообщает весть с таким испугом на лице и в голосе, словно только что своими глазами видела, как через Ивановскую площадь в сторону президентского корпуса движется отряд лучников беспощадного Тохтамыша. – Он осматривает кабинеты всех помощников, но вашим почему-то интересуется в первую очередь.

– Почему вы решили, что в первую?

– Позвонили из приемной и предупредили.

Ожидаю Ельцина у себя в приемной и теряюсь в догадках, чем может быть вызван его неожиданный визит. Неужели охрана доложила Коржакову о вчерашнем загуле, а тот наябедничал президенту? Но чтоб всыпать провинившемуся подчиненному по первое число, вовсе не надо к нему ходить. Можно вызвать к себе. Так статусней и эффективней. Значит, причина не в этом. Тогда в

чем же?

– Ну, показывайте мне, что у Павла Вощанова за хоромы!

Ельцин входит в кабинет в сопровождении Коржакова и коменданта Кремля. Прежде всего, его интересует не внутреннее убранство, а имена прежних владельцев: «У Горбачева тут кто сидел? Понятно. А при Хрущеве? При Брежневе?», и наконец, очередь доходит до самого главного:

– А при Сталине кто тут сидел, что за душегуб?

– Это был кабинет Лаврентия Павловича Берии, – комендант отвечает таким тоном, будто извиняется за допущенную оплошность.

– Вот как? И с тех пор тут ничего не менялось, все осталось, как было при нем? – получив утвердительный ответ, Ельцин садится в кожаное кресло и, поелозив по нему задом, несколько раз щелкает выключателем настольной лампы с зеленым абажуром. – А там у него комната отдыха?

– Так точно!

…Совещание по предстоящему визиту в Германию состоялось только на следующий день, но не сразу после обеда, а ближе к вечеру. И без участия президента.

Глава 15
Открытый для диалога (откровение в двух частях)

Часть первая

Память не поспевает за быстро текущим временем. Кажется, еще только вчера я бегал по Белому дому, увешанный оружием, как новогодняя елка игрушками. Кажется, еще только вчера по этому поводу надо мной насмехался ныне уже покойный Геннадий Харин, в ту пору главный президентский спичрайтер. Кажется, только вчера москвичи стекались к Белому дому, готовые защищать обещанную Ельциным новую жизнь, достойную и благополучную. И вот все это уже в прошлом. Путч стал ярким эпизодом пусть недавней, но все же истории, путчисты – узниками «Матросской тишины», а Горбачев – президентом полумертвого государства. Он пока еще единоличный хозяин Кремля, но тамошние чиновники, похоже, уже осознали, что это ненадолго, и втайне от коллег и начальства освобождают рабочие кабинеты от личных и памятных им вещей. Время от времени Михаил Сергеевич, найдя подходящий повод, звонит Ельцину в Белый дом для того, чтобы чего-нибудь согласовать, но тот всякий раз уклоняется от разговора, а если не удается уклониться, ограничивается ничего не значащими словами. Очевидно, что все идет к развязке. Для одних она будет радостной и вселяющей уверенность в завтрашнем дне, для других – трагической, подводящей черту под прожитой жизнью.

По вечерам, когда поток ходоков-демократов, рассчитывающих на благодарность за мужество, проявленное в борьбе с путчистами, идет на убыль, в приемной Ельцина появляются люди из ближайшего окружения советского президента. Те, кого тот и по сей день считает своими соратниками и на кого опирается в борьбе с сепаратизмом возвысившихся после августа региональных вождей. Они приходят в Белый дом поговорить ни о чем: или посоветоваться по какому-нибудь пустячному вопросу, или высказать пару-тройку ничего не значащих мыслей о состоянии российской государственности, или поделиться планами политических и экономических реформ, якобы нереализованных исключительно по вине нерешительного Горбачева. Но потаенная цель у всех

одна – заранее подстелить соломку, на которую в ближайшее время всем им предстоит свалиться с высокой кремлевской стены. Приходят, садятся на диванчик в дальнем углу приемной и, ни с кем не общаясь, терпеливо дожидаются высочайшей аудиенции. Иногда ждут по часу, иногда даже по два.

Ельцин уже чувствует себя полновластным Хозяином, а потому визиты политически уцененных кремлевских сановников воспринимает с высокомерным радушием. Как правило, принимает их не по-свойски в рабочем кабинете или в апартаментах для неформальных встреч, а в помпезной парадной зале, как бы подчеркивая возникшую между ними дистанцию. Разговаривая, он не намекает на занятость, но и не предлагает отужинать или хотя бы выпить по ритуальной рюмке за победу российской демократии. Общается уважительно, но без теплоты: поговорили о том о сем, откушали чаю-кофе с печенюшками, выразили заранее заготовленное недовольство Горбачевым, с которым «стало невозможно работать», намекнули насчет того, что хотят и могут быть полезными новой России – и бывайте здоровы! К этим встречам Ельцин даже не привлекает никого из помощников. Иногда те лишь наутро узнают, кто из кремлевских вождей побывал накануне с визитом, на что жаловался и чего просил.

– Нам давать в прессу какую-то информацию об этих встречах?

Ельцин стоит ко мне спиной и смотрит в окно. Наверное, любуется незатихающим вокруг Белого дома многолюдьем. Охрана говорит, что даже ночью здесь бывает немало народу. Приходят и поодиночке, и компаниями, и даже семьями. Всем хочется увидеть еще не стертые временем и коммунальными службами следы исторической обороны. Самые восторженные пытаются жечь костры, чтобы самолично ощутить то, «как все было». Дежурящим у здания милиционерам приходится пресекать эти несанкционированные выражения чувств.

Молчание затянулось, и я решаюсь пояснить свой вопрос:

– То, что члены команды Горбачева приходят на поклон к президенту России, продемонстрирует людям, что теперь все главные политические решения принимаются в Белом доме, а не в Кремле.

– Какая еще «команда Горбачева»?! Нет никакой команды, – президент стоит ко мне спиной, я не вижу его лица, но уверен, что на нем знаменитая ельцинская гримаса полупрезрения. – И никогда не было!

– Тогда тем более важно, чтобы Горбачев узнал из газет, что вчера к вам приходил один его соратник, Яковлев, а сегодня

звонил и напрашивался на прием другой, Шеварднадзе.

– Да мне, понимаешь, все равно, узнает Горбачев или не узнает! А вот люди прочитают об этом и решат, что Ельцин опирается на старую кремлевскую номенклатуру. А кому она теперь нужна?! – мне ничего не остается, как изобразить на лице согласие: действительно, никому. – Вот патриарх…

– А что патриарх?

– Тоже позвонил и тоже предложил встретиться, – Ельцин садится за стол и по тому, как он озабочено постукивает ладонью по лежащей перед ним папке с бумагами, следует понять, что политбеседа окончена. – Вот об этой встрече информацию обязательно нужно будет дать в прессу. Пусть люди знают, что церковь поддерживает президента России, а президент России открыт для диалога с церковью.

Ельцин прав – это большое событие. Еще не так давно патриарх недвусмысленно выражал теплые чувства Горбачеву и благословлял его политику во всех ее проявлениях. И то, что он отважился на визит в Белый дом, свидетельствует о полной и безоговорочной победе российского президента над советским. А еще о том, что иерархи русской православной церкви решились наконец забыть о многолетнем верноподданническом служении «бесовской власти». Хотя, не приведи Господь, если политический маятник вдруг качнется в обратную сторону! Ельцин, похоже, понимает всю ненадежность поповской преданности демократии.

Поэтому, или вопреки этому, предстоящая встреча с Алексием II становится нашей главной заботой в остающиеся до нее дни. Ее подготовке шеф уделяет самое пристальное внимание. Ему важно знать все, даже детали – как следует поздороваться со Святейшим, как к нему обратиться, чем угостить и, конечно же, стоит ли заранее проинформировать журналистов. Эти вопросы мы уже несколько раз обсуждали, но сегодня, похоже, Борис Николаевич намерен провести итоговый смотр нашей боеготовности. Каждый ждет вопросы по своему направлению. Близкий к клерикальным кругам Суханов подготовился основательно – у него в руках толстенная папка с материалами на все случаи церковной жизни. У меня же всего пара скромных листочков – заранее подготовленный итоговый пресс-релиз об еще не состоявшейся встрече и перечень изданий, согласившихся его опубликовать. Но начинает шеф почему-то не с вопросов, для обсуждения которых всех нас собрал, а с неожиданного пожелания:

– Ну, надеюсь, вам будет хорошо работаться в Кремле!

После путча уже никто из нас не сомневается, что рано или поздно Ельцин вместе со всей командой переедет в Кремль. Уж на

что я не чувствую никакой враждебности по отношению к Горбачеву, мы даже мило раскланиваемся при встречах, и то считаю, что при нынешних политических реалиях у нашего шефа не меньше, если не больше, чем у него, прав восседать за краснокирпичной стеной. Что касается моих коллег, то в душах многих из них уже поселилась жажда узаконенного мародерства. Чуть ли не каждодневно слышу о том, что надлежит отобрать у президента СССР – административный комплекс на Старой площади, гараж особого назначения, резиденцию в Ново-Огарево, правительственный аэропорт Внуково-2, кремлевскую клиническую больницу, санаторий в Подмосковье и даже какую-то колбасную фабрику. Легче перечислить то, что можно ему оставить. Но Ельцин, по неведомой нам причине, не торопился решать эти вопросы. Поэтому сегодняшнее пожелание производит эффект лопнувшего воздушного шарика – не страшно, но неожиданно.

Спокойнее всех слова про нашу работу в Кремле воспринимают Илюшин с Коржаковым. Мне даже кажется, они слышат от шефа об этом уже не впервой. Но вот Суханов не может оправиться от неожиданности:

– Как в Кремле?! А Горбачев? С ним как?

– Пускай пакует свои чемоданы! – Коржаков вопросительно смотрит на президента, как бы ища у него одобрения: я правильно сказал? – Даже патриарх, и тот уже наш!

Последняя фраза, с притяжательным местоимением «наш», президенту явно не по душе, и он по-своему расставляет акценты:

– И патриарх, и вся русская православная церковь – за Ельцина!

Глава президентской администрации Юрий Петров реагирует на услышанное радостно— энергичными кивками и коронной фразой: «Очень правильное, Борис Николаевич, решение!». Она определенно нравится Ельцину, и тот дает повод произнести ее еще раз:

– А сегодня мне доложили: на Кавказе собрались мусульманские старейшины и заявили: «Только с Ельциным! Только с Россией!»

– Очень правильное решение!

Суханов, будучи строителем по образованию, так и не обрел собственной бюрократической ниши в аппарате российского президента, и, видимо, от безысходности увлекся вещами абсолютно несовместными – христианством и хиромантией. Из-за этого его рекомендации шефу, как правило, отличаются внутренней противоречивостью: звезды и потусторонние силы предписывают Ельцину то, что отвергает христианское

вероучение, и наоборот. Тем не менее, он позиционирует себя как большого знатока религиозных и мистических обрядов, что, в общем-то, никем из коллег не отрицается, поскольку никому из них не мешает.

– У нас, Борис Николаевич, не решены две очень важные проблемы. Во-первых, в кабинете президента православной Руси должны быть какие-то символы православия, а у нас ни креста, ни иконы. А во-вторых, насколько мне известно, наш патриарх не пьет ничего, кроме сухого красного вина, а у нас его тоже наверняка нет.

С этим не поспоришь. Можно обойти все наши кабинеты, и ни в одном не встретится ни единого символа православия. Просто язычники какие-то! С вином еще хуже. Отыщется что угодно – водка, коньяк, виски, даже джин, но только не сухое красное. Не приучен советский чиновник к подобным изыскам! Не вставляет. Вот уж проблема, так проблема. Нежданная-негаданная. По большому счету, без креста и иконы на встрече с патриархом еще как-то можно обойтись. В конце концов, Ельцин – глава светского и многоконфессионального государства. Но вот без красного вина для гостя – никак, это уже прокол!

– Борис Николаевич, а, может, ограничиться чаепитием?

Мое предложение кажется шефу бестактным и неуместным. Он бросает такой удивленно-гневный взгляд, словно я осмелился шумно пустить ветры во время исполнения государственного гимна.

– Александр Васильевич, – на лице Коржакова отражается готовность к подвигу, – надо как-то решить вопрос с вином. Встреча должна пройти на самом высоком уровне. Вы меня понимаете? Чтоб не как у Горбачева!

С легкой руки Льва Евгеньевича Суханова поиск подходящей иконы и нужного вина становится главным в подготовке к предстоящей встрече президента России со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси.

Сейчас вся эта история кажется полной нелепицей. Икона – какая с ней может быть проблема, если таковая имеется едва ли не в каждом русском доме?! Да что там «в доме» – во многих сановных кабинетах соседствует с портретом президента. Видимо, символизирует чиновничий девиз: «Служу и верую!». Старинные и новодел, писаные и литографии, доморощенные и привезенные со Святой земли – на любую религиозность и на любой кошелек. А с вином сейчас еще проще – его хоть залейся! Любого происхождения, сорта и крепости.

А что было в начале 90-х? Все еще атеистическая страна. Ни в

одном магазине, и даже в церкви, невозможно было купить хоть какую-то иконку. Но люди мучились не от этого, а от нехватки товаров, никак не связанных с христианской духовностью. Бывали моменты, когда на прилавках магазинов не оставалось ничего, кроме соли и спичек. Но самый болезненный в ту пору дефицит – алкогольно-табачный. Достать бутылку хорошего вина (да что там «хорошего» – любого) было непросто. Конечно, президент мог дать поручение какому-нибудь ответственному хозяйственнику Белого дома, и тот решил бы эту проблему. Но тогда Ельцин еще старался не афишировать такого рода потребности. Ему еще было не все равно, что о нем говорят и что думают.

Вопрос с иконой как-то уладился – кто-то из помощников (кажется, Суханов, но, может, и ошибаюсь) принес из дома вырванную из глянцевого журнала иллюстрацию работы Андрея Рублева. Правда, вставленную в рамочку. А с вином было сложнее – сотрудник Коржакова обегал пол-Москвы, но так и не смог достать. Помогли мои приятельские отношения со Звиадом Гамсахурдиа, несколько месяцев назад избранным президентом Грузии. Как раз накануне описываемых событий тот, в благодарность за статью о стихах Галактиона Табидзе, с оказией (роль почтальона в очередной раз выполнил давний кореш и коллега, вице-премьер Грузии Гурам Абсандзе) передал для меня ценный презент – коробку красного «Мукузани» из Кахетии.

Господь призывает делиться с ближним своими богатствами, и я с радостью поделился любимым вином с русским Патриархом. Можно сказать, оторвал от сердца. Но чего не сделаешь ради Служения и Веры!

…Сижу в приемной у Ельцина, жду окончания его встречи с Алексием, чтобы узнать, нужно ли что-нибудь подкорректировать в пресс-релизе, прежде чем разошлю его по редакциям. Уже давно жду, часа полтора. О чем они так долго беседуют? Как бы в очередной раз не вышло какого конфуза. В православном вероучении и в православных ритуалах наш шеф ориентируется много хуже, нежели в Программе и Уставе КПСС. Можно сказать, вообще не ориентируется. Никогда не забуду, как на Рождество, которое нас застало в Японии, он вышел к нам со словами: «Христос воскрес!». А еще помню, как в Майами мы посетили русский православный храм, и он стоял навытяжку перед алтарем, как солдат у мавзолея. А когда вышли на улицу, вздохнул горестно: «Я вырос в те времена, когда никто не крестился. Может, позже ко мне это и придет, а пока рука не поднимается». Так что разговор меж ними сейчас едва ли на теологические темы. Скорее всего, о Горбачеве и о том, какую

пользу или какой вред тот приносит нашей стране.

– Лев Евгеньевич, о чем они так долго могут беседовать?

На лице Суханова загадочно-многозначительная улыбка: им есть о чем поговорить!

– И все-таки о чем, как думаете?

– О Душе!

Такое бывает нечасто – Ельцин самолично выходит в приемную проводить гостя. На его лице отражается то, что в советской прессе называют «чувством глубокого удовлетворения». Но на лице главного охранника они, эти чувства, даже глубже, нежели у охраняемого им лица – просто неземная благость.

– Саша, ну как все прошло?

– Все! Сдал Патриарх Горбачева, с потрохами сдал!

Ближе к вечеру у меня в кабинете появляется министр внешних экономических связей России Виктор Ярошенко.

– Какими судьбами?

– Шеф зачем-то вызвал.

У них довольно теплые отношения. Однажды в Испании, в госпитале, куда шеф попал после аварии самолета с поврежденным позвоночником, Виктор даже выступал перед медиками в роли его близкого родственника и подписывал все бумаги о согласии на операцию. А кроме того, Ельцин был свидетелем у него на свадьбе, что тоже кое о чем говорит. Но все это не значит, что сейчас министр не получит взбучку. Если есть за что, непременно получит. У Ельцина не заржавеет. В таких ситуациях личные отношения для него не имеют никакого значения. Они даже больше в минус, чем в плюс.

– Странно как-то. Почему-то не сказал, по какому вопросу вызывает. Сказал только, чтоб срочно явился, – заметно, что министр слегка нервничает. – Ладно, пойду. Переговорю с шефом, а после к тебе загляну.

– Заглядывай.

Спустя полчаса Ярошенко возвращается. Мы знакомы не первый год, но не припоминаю его в унынии. Оптимист, каких мало. А тут вдруг на себя не похож – в грусти и печали. Может, случилось что? Шеф чем-то недоволен?

– Знаешь, какое задание от него только что получил? Не поверишь! Часть российских экспортных квот на стратегические материалы надо выделить Московскому Патриархату! Спрашиваю: у нас попы теперь будут торговать нефтью и цветными металлами? А он мне отвечает: пусть карманом своим почувствуют преимущество Ельцина перед Горбачевым. Как тебе такое?!

Меня такое, признаться, удивляет. Понятно, что

православной церкви деньги нужны, и немалые деньги – обветшавшие храмы давно требуют ремонта, монастыри полуразрушены, иконы не реставрированы, на церковную утварь без слез не взглянешь. Так что помогать надо. Но в такой ли форме? Это будет как-то странновато выглядеть – священник с лицензией на экспорт катодной меди, мазута или редкоземельных металлов! Что он в этих делах понимает? Его или надуют ушлые коммерсанты, или он с головой уйдет в экспортно-импортные операции, и тогда ему уже будет не до забот о спасении душ наших грешных.

Право же, чудны дела слуг твоих, Господи!

Часть вторая

Вот и канул в историю радостно-горестный 1991 год. Они, эти 12-месячные отрезки нашей жизни, всегда в чем-то неповторимы, но этот неповторим, как никакой другой. Он навсегда запомнится социальным потрясением, вдребезги разбившим гигантскую страну. В одних ее граждан он вселил надежду на счастье и процветание, других лишил этой надежды. В новогоднюю ночь многие родственники, друзья и бывшие коллеги поздравляли меня «с наступающим». И не было среди них таких, чтоб не вспомнили августовские события. Одни хвалили за участие, другие с сарказмом интересовались: «Тебе самому-то не было противно?». Такова нынешняя реальность – страна поделена на победителей и побежденных. Наверное, так же было и после большевистского переворота – у одних ликование в душе, у других душа в руинах.

Прежде я с радостным чувством ждал Новый год. В этот раз не до того. Устал чертовски. Декабрь выдался настолько напряженным, что к концу его ни на что не осталось сил. Дважды летал на Кавказ – в Нагорный Карабах и в Южную Осетию. В середине декабря в Алма-Ате была встреча глав одиннадцати союзных (пока еще союзных) республик, на которой принималась Декларация о присоединении к Беловежским соглашениям. На нее, кстати сказать, по поручения Гамсахурдиа из Грузии, где уже вовсю бушует гражданская война, прилетел мой друг, вице-премьер Гурам Абсандзе. Я доложил Ельцину об его присутствии в зале, где проходило заседание, но тот сначала отреагировал вопросом: «А что он тут делает?», а после предложил грузинским представителям, если те желают, «посидеть и послушать». А закончился политический год 30 декабря, и отпраздновали мы это событие в Минске, где состоялся первый саммит

руководителей СНГ, скорее ритуальный, чем деловой.

Вернувшись домой, думал: хоть в последний декабрьский день уйду с работы немного раньше. Не получилось – до вечера готовил для прессы материалы, разъясняющие позицию президента России по переходу в наступающем году к неконтролируемым ценам и зарплатам. Одному богу известно, что нас ждет. Нутром чувствую – жизнь легче не станет.

Осень 1991 года выдалась тяжелейшей для страны и невыносимо тяжелой для ее населения. Горбачев, не имея реальных рычагов управления, не предпринимал, да уже и не мог предпринять ничего для исправления ситуации. Ельцин едва ли не каждодневно обвинял его в бездействии, заявлял, что Россия будет самостоятельно переходить к рынку, и требовал раздела общесоюзной собственности. А тут еще правительство Силаева подлило масло в огонь – заявило, что введет в обращение собственную валюту. Население занервничало: что будет с нами и с нашими сбережениями?!

А потом были «похоронные» Беловежские соглашения и уход Горбачева в отставку. Думали, станет лучше – не стало. Ситуация еще более ухудшилась. В России появились признаки экономического хаоса и социальной паники. Промышленность разбил паралич – остановились многие предприятия. Полностью парализована работа колхозов. Банковская система дезорганизована. Инфляция галопировала, и рубль обесценивался буквально с каждым днем. С прилавков магазинов в одночасье исчезли практически все промышленные товары. Запасы продовольствия в стране оказались исчерпанными. Произошло доселе казавшееся невероятным – в стране возникли перебои с хлебом, молоком, картофелем.

Ельцин в этой критической ситуации демонстрировал решительность и уверенность. Кредит доверия был еще не растрачен – россияне терпели, ждали, надеялись.

В похмельной полудреме провалялся на диване весь первый день наступившего года. Сегодня, 2 января, подгулявшая страна еще продолжает праздновать, а я уже на трудовой вахте. Хотя, надо признать, стоять на ней нет ни малейшего желания. Да и нет сейчас в этом никакой надобности, ибо в политике кратковременное затишье, а российская журналистика, выпивая и закусывая, ничем государственным не интересуется. Так что сижу у себя в кремлевском кабинете и не знаю, зачем тут сижу.

Чтоб хоть как-то скоротать время, просматриваю предновогоднюю прессу. А в голове свербит крамольная мысль:

если сейчас соберу пожитки и, ни с кем не попрощавшись, отправлюсь домой доедать новогоднее «оливье», заметят мое отсутствие или нет? Прихожу к выводу, что не заметят, и уже начинаю убирать со стола бумаги, как вдруг просыпается самый молчаливый из всех моих бесчисленных телефонов. Как же я не люблю это кремлевское чудовище, выполненное в стиле «а-ля слоновая кость» с трубкой весом не менее двух кило! С удовольствием бы проигнорировал его жужжание, но вынужден относиться к нему с должным пиететом, ибо у него над циферблатом наклеена полоска с магическим словом «Президент».

– Вот чта-а, – с трудом удерживаюсь, чтобы сходу не поздравить шефа с наступившим Новым годом, что сейчас наверняка было бы не вполне уместно. – Скоро Рождество…

– Да, Борис Николаевич, через пять дней.

Судя по затянувшемуся шипению в трубке, шеф сомневается, стоит ли дальше продолжать разговор. В последнее время мы вообще перестали понимать друг друга. Чего бы я ни сказал, все вызывает у него раздражение, а у меня от одного его голоса портится настроение. Но, видимо, что-то ему все же от меня надо, и Ельцин, помолчав секунду-другую, продолжает развивать прерванную мною мысль:

– Так вот, сразу после Рождества ко мне приедет патриарх.

– И что в этой связи от меня требуется?

Теперь трубка уже не шипит – отзывается малопонятным рыком. Мне кажется, сейчас он ее все же швырнет на рычаг, и на том бесславно завершится мое первое в этом году служение. Но не бросает, и я догадываюсь почему – его спичрайтеры, Пихоя и Ильин, уехали на новогодние праздники к себе на родину, в Екатеринбург, и ему, по всей видимости, кроме как мне, сейчас просто некому дать поручение, связанное с какой-то писаниной.

– Так вот, надо подготовить информацию: чем конкретно за последние полгода президент помог православной церкви.

– Информацию для прессы?

– Для моего разговора с патриархом. Но после передадите в прессу. Составьте такую, понимаешь, шахматку, – кто-то убедил Ельцина, что суть любого вопроса можно изложить в виде таблички, что она гораздо нагляднее любого текста и требует меньше времени на изучение, – чтоб по горизонтали были церковные проблемы, а по вертикали – мои распоряжения, направленные на их решение.

– По вертикали и по горизонтали, это мне понятно. А что должно быть в полях таблицы?

– Внутри, что ли? – интонации в голосе президента

представляют причудливую смесь удивления и раздражения. – Там должны быть конкретные результаты моих распоряжений: что восстановили, что построили, что… ну, и так далее.

Поручение получено. Без вдохновения, но приступаю к его выполнению. Самое простое – узнать про распоряжения Ельцина, в которых хоть как-то затрагиваются имущественные интересы церкви. Об этом можно поинтересоваться у Илюшина (иногда мне кажется, что о деятельности президента он знает много больше, нежели сам президент). Кое-что могут сообщить в канцелярии. Думаю, Семенченко не откажет в помощи. Про церковные запросы, устные или письменные, может поведать Суханов, он наверняка в курсе. Так что с вертикалью и горизонталью злополучной шахматки особых проблем не будет. Самое сложное – заполнить ее поля: в какие конкретно добрые деяния воплотились обращенные к церкви президентские милости.

Учитывая, что государева казна в данный момент пуста, а на кошельки вконец обнищавших прихожан у церковников надежды еще меньше, они занялась самым что ни на есть мирским и потенциально греховным делом – коммерцией. Что-то берут на внутреннем рынке, что-то продают на внешнем. А кто о таких операциях должен знать больше других? Российский министр внешних экономических связей. Поэтому мой первый звонок – давнему товарищу Виктору Ярошенко, ныне сидящему в этом кресле:

– Ты церковникам экспортные лицензии выписывал? Помню, шеф давал тебе такое поручение.

– Попробовал бы я не выдать!

– Неужто боженьке пожаловались бы?

– Если б только ему, – Ярошенко смеется, но смех у него определенно невеселый. – Они нажаловались бы президенту, а это пострашнее, чем боженьке.

– Ты не в курсе, как они распоряжаются своей экспортной выручкой? Может, храмы какие восстанавливают? Или монастыри? Или иконы старинные приобретают на заграничных аукционах? В общем, в какие богоугодные дела свои денежки вкладывают?

– Кто ж их знает! Они ведь не сами торгуют, а передают лицензии своим контрагентам, а как те с ними после рассчитываются и куда что идет, так то нам неведомо.

– И кто те контрагенты, через которых они действуют?

– Если судить по бумагам – это какие-то мелкие фирмёшки, причем в основном провинциальные. А уж кто за ними стоит…

По части сомнительной отечественной коммерции Володя Ряшенцев, президент «Российского дома», – непревзойденный

эксперт. Если завтра какой-нибудь ушлый деляга правдами и неправдами прикупит и перепродаст Спасскую башню Кремля, то уже послезавтра Ряшенцев непременно поведает мне о том, как все было проделано: кому и сколько положили «на лапу», кто завизировал и кто подписал разрешительные документы, через какой банк прошли платежи, а самое главное – кто все это придумал, организовал и получил большую часть навара. Поэтому ему мой второй звонок:

– Ты, случаем, не знаешь, что по лицензиям, выданным Московской Патриархии, вывозится за границу?

– Да все без разбору! Нефть, мазут, черные и цветные металлы. Но особенно им приглянулись редкоземельные. Столько вывезли, что обрушили цены на мировом рынке. Недавно мы получили от Силаева задание продать за границу партию лопаритового концентрата (надо же ему чем-то дыры в бюджете затыкать), так никто не берет! Рынок перенасыщен!

– А что попы делают с деньгами от продажи сырья за границу?

– Друг мой! – это его любимая форма обращения, и в ней нет никакой насмешки. – Во-первых, Патриархия сама ничем не торгует. Она нашла фирмы, которым просто переуступила лицензионные права. Те сами ищут сырье, сами ведут переговоры с потенциальными покупателями, сами заключают контракты, сами везут груз до границы, сами получают с покупателя деньги. От Патриархии требуются только лицензии.

– И что, на таких условиях коммерсантам с ней выгодно работать?

– Не то слово! Золотое Эльдорадо, друг мой! Мало того, что вывози практически что хочешь, так еще и налоги платить не надо! Патриархия-то от уплаты налогов освобождена. Вот представь себе: ты продал за границу партию алюминия. Тебе говорят: уплати налог! А ты отвечаешь: извините, но я не для себя покупал, а для Патриархии, по ее программе, а они ни за что не платят.

– И кому же так несказанно повезло? Кто их контрагенты?

– Где большие деньги, там всегда бандюки. Это вы, демократы, такие новые порядки для нас придумали.

Ряшенцев любит подколоть меня по поводу происшедших в стране перемен. Во многом он прав. Кое в чем нынешняя действительность порочнее прежней, канувшей в небытие, и тут мне нечего ему возразить. Но меня возмущает, когда он охаивает все без разбора. Наши споры, как правило, оканчиваются одинаково. Он восклицает: «Ну, и натворили же вы дел со своим Борисом Николаевичем!», на что отвечаю: «Если б мы их не

натворили, не было бы сейчас у тебя “Российского дома”, и торговал бы ты джинсовыми “варенками” где-нибудь на Рижском рынке!».

Ряшенцеву нравятся такие диспуты. Поэтому ждет, как я отреагирую на его выпад насчет новых порядков. Не дождавшись, продолжает разговор уже не в полемическом ключе:

– Знаешь, что эти ребята делают? На вырученные от продажи сырья деньги покупают суррогатный алкоголь с контрафактными сигаретами и гонят эту дрянь в Россию многотонными фурами. На нее сейчас огромный спрос. Так что прибыль получают, я тебе скажу, охрененную!

– Все это, конечно, любопытно, даже очень. Но меня в этой истории пока интересует одно: как Патриархия распоряжается той частью экспортной выручки, которую ей возвращают контрагенты?

– А вот об этом ты у своих коллег-журналистов поспрашивай. Думаю, они тебе много чего порасскажут.

Коллеги-журналисты, думаю, об этом едва ли что знают, а если и знают, то не захотят делиться – у них свой интерес. А вот Виктор Югин, возглавляющий в Верховном Совете комитет по средствам массовой информации и связям с общественными организациями (с церковью в том числе) – он может знать и может поделиться. По старой дружбе. Поэтому ему мой третий звонок.

– О, неужели наш Борис Николаевич наконец этим вопросом заинтересовался?! Я ему уже два письма на эту тему отправил – никакой реакции!

– Ты мне скажи, у тебя есть проверенная информация о том, как церковь расходует экспортную выручку от продажи лицензионных ресурсов?

– Есть, и немало, но надо бы слегка обновить. Дай мне дней десять.

– Нет, это много. Мне эта информация нужна до 7 января, до православного Рождества.

– Вот как? Подарочек патриарху готовишь? Смотри, проклянет!

…Требуемая президентом шахматка с горем пополам составлена. Правда, получилась какой-то полупустой. Зато пояснительная записка к ней объемистая и, надо признать, свидетельствует не о том, чего хотелось бы шефу. Никакой благости, сплошной негатив. Но что делать? Из песни слов не выкинешь. Да и знает ли шеф обо всем этом? А должен знать.

Подготовкой встречи с патриархом поручено заниматься Суханову. Он уже успел побывать у Ельцина, и тот поручил ему

подключиться к выполнению «церковного» поручения, с которым Вощанов что-то, понимаешь, тянет и тянет.

Суханов смотрит на меня с жалостливой опаской, как врач на больного педикулезом:

– И где же ты все это нарыл?

– По сусекам наскреб.

– Так не пойдет. Слишком серьезная информация. Придется раскрыть источник информации, иначе за такой материал нам с тобой шеф голову открутит, – слова «нам с тобой» означают, что я уже не один, хотя не уверен, что в другом кабинете этот текст будет произнесен с таким же упором на соучастие. – Я же чувствую, что это не из журналистских источников. Кто помогал?

– Виктор Югин. Верховный Совет.

– Отлично! Если что, на него и вали. А лучше всего, если вместе с ним пойдешь шефу докладывать. Я попробую договориться.

…Вместе с Югиным захожу в кабинет президента. Он хоть и дал согласие на то, чтоб я пришел не один, но по лицу чувствую: все равно недоволен. Кладу на стол шахматку, а поверх нее пояснительную записку к ней, специально набранную крупным шрифтом. Ельцин не любит сюрпризы, а потому смотрит на нее с отвращением: это еще что такое?! Но все же начинает читать, и чем ближе подходит к концу, тем мрачнее становится.

– Та-ак, – это тягучее «так» никогда ничего хорошего не предвещает, – и что же, по вашему, я должен сказать патриарху?

Югин принимает удар на себя, за что выражаю ему молчаливую, но горячую благодарность:

– Нам кажется, что надо сказать ему про табак и алкоголь. Негоже церкви зарабатывать на пороках своей паствы, да еще привлекая к этому сомнительных личностей.

– Та-ак, – шеф ребром ладони ритмично постукивает по столу. – Что еще?

– А еще, что помощь оказывается всей церкви, а не отдельным ее служителям.

Хочу развить эту мысль Югина, но не успеваю – Ельцин хлопает ладонью по столу и выносит президентский вердикт, исключающий какие бы то ни было возражения:

– Не чужое берут, свое возвращают!

Мы понимаем, что аудиенция окончена, и идем к выходу. Ельцин останавливает меня:

– Павел, задержитесь, – поворачиваюсь и вижу в руках у него подготовленную нами справку. – Заберите свою бумажку.

Все же он удивительный человек, наш Борис Николаевич! Вроде бы слова грубого не сказал, а кажется, будто крепко

выругал. И сразу возникает неосознанное чувство вины. Хотя в чем наша с Югиным вина? Разве что в том, что рассказали ему про вещи, о которых он, по какой-то неведомой нам причине, и слышать не желает. Тогда неплохо было бы раскрыть ее нам или хотя бы намекнуть на нее. Может, мы чего-то недопонимаем? Шеф словно угадывает мою мысль:

– Церковь поверила Ельцину! А вы что же, хотите… – листок взлетает над столом и неторопливо ложится на ковер. – Что церкви дал ваш Горбачев?!

Не могу сдержать удивление: почему же он мой? Но шеф, похоже, меня не слышит:

– Мы все входим в рынок! И священники тоже входят! А иначе останутся… – подбирая подходящее слово, Ельцин несколько раз бьет ребром ладони о стол, – останутся советскими, понимаешь! И пойдут просить милостыню у коммунистов. Или у вашего Горбачева. Вы этого с Югиным добиваетесь?

…На следующий после Рождества день патриарх, как и обещал президенту, приехал в Кремль. На сей раз встреча приторно-сладкая. Гость и хозяин поочередно восхваляют друг друга: один – за труды во благо православия, другой – за поддержку курса на демократическую модернизацию России. В ответ на любое высказывание президента Алексий согласно покачивает возвышающимся на голове куколем. Ельцин отвечает взаимностью – с пониманием и готовностью реагирует на все пожелания Святейшего. А по завершении разговора оба удаляются на приватный обед.

На этот раз искать красное вино не потребовалось. Россия уже шагает по пути рыночных преобразований, и нехватка многих товаров ушла в прошлое. Одними из первых сгинули в небытие табачный и винно-водочный дефициты, за что особая благодарность народа, в том числе и Московскому патриархату.

Глава 16
Ради этого стоило жить!

Двоевластие в Кремле подходит к концу. Со дня на день ожидаем, что Горбачев заявит о сложении президентских полномочий. Но тот дает понять, что сделает это не раньше, чем они с Борисом Николаевичем договорятся по кое-каким техническим вопросам. В частности, на какие средства и где в дальнейшем будет жить экс-президент СССР. Сейчас все зависит от Ельцина, от его «хочу» и «не хочу». Он это понимает, а потому не торопится со встречей, всем своим видом демонстрируя, что вопрос о будущем некогда главного оппонента для него сейчас далеко не на первом месте.

Один из признаков надвигающихся перемен – офицеры из службы безопасности Горбачева в общении с нами, кремлевскими новоселами, стали заметно приветливее. Я, например, с удивлением отметил, что теперь многие из них со мной здороваются, а некоторые при этом даже называют по имени-отчеству. Один и вовсе продемонстрировал невиданное расположение – повстречав меня на Ивановской площади, заговорил так, будто мы с ним давние приятели. Позже выяснилось, что не я один удостоился проявления столь дружеских чувств, а вызваны они тем, что Коржаков пообещал этому офицеру, что после того, как канет в лету КГБ СССР, тот сможет продолжить службу уже в российских силовых структурах. В результате достигнутых между ними договоренностей наш главный охранник теперь осведомлен обо всем, что творится в окружении советского президента.

– А Мишка-то уже вещички свои пакует!

Суханов смотрит на главного охранника так, будто тот сообщил нам о чем-то донельзя радостном и долгожданном, и в очередной раз демонстрирует восторженную наивность:

– Неужели сам, добровольно?!

Семенченко усмехается:

– А кто он теперь такой, чтоб его спрашивать? Папа сказал: «Пакуй!», вот и пакует.

А «папа» пока ничего не сказал. Его коллеги, возглавляющие другие республики теперь уже бывшего СССР, похоже, истомились, ожидая новостей из Кремля: ну когда же, наконец, когда?! Кравчук – тот вообще вдруг воспылал неприязнью к своему недавнему партайгеноссе и при каждом удобном случае напоминает Ельцину о необходимости «удалить бесполезный

политический аппендикс». Но шеф не торопится и ждет, что Горбачев сам примет решение и сам объявит о своем уходе. Рюриков, который по части международных интриг осведомлен больше других, полагает, что осторожность Ельцина объясняется возможной реакцией Запада. Тот, мол, относится к Михаилу Сергеевичу с благодарностью за добровольную капитуляцию в холодной войне. За кордоном, несомненно, рады гибели советской империи, но хотели бы в новой геополитической конфигурации сохранить ее вполне предсказуемого руководителя в качестве противовеса непредсказуемому главе России.

…Сегодня один из тех редких дней, когда в соответствующей клеточке рабочего графика президента, который нам раздают в начале каждой недели, лишь ни к чему не обязывающая запись «Работа с документами». Это значит, что для нас, подсобников большой российской политики, трудовая вахта может закончиться чуть раньше обычного, как только шефу надоест читать да подписывать и он отправится домой или на стадион, постучать в теннис. Но вот когда такая благость может снизойти на Кремль, о том знают лишь два человека – Коржаков и Илюшин. Иду «на разведку» ко второму, поскольку первый, о чем бы ни зашла речь, иначе как загадками со мной уже не разговаривает.

– Думаю, сегодня домой не стоит торопиться, – после этих слов Виктора Васильевича сердце мое затрепетало от волнения: неужели сегодня все разрешится?! – Утром Горбачев позвонил шефу и пригласил к себе на 14:00. Так что он сейчас у него. Уже четыре часа беседуют. Сами понимаете, насколько непростой идет разговор.

– И никакой информации?

– Пока никакой. Коржаков ждет шефа в приемной у Горбачева. Обещал сразу позвонить, как только встреча закончится. Но пока еще не звонил. Ждем. А что еще остается?

Что ж, не торопиться, так не торопиться. Пойду к себе и посмотрю на лентах информагентств, нет ли чего о сегодняшней встрече. Вдруг мой горбачевский коллега уже что-то им передал. По пути к себе встречаю в коридоре Суханова. Тот сияет, как начищенный медный пятак:

– Наконец-то!

– Вы о чем, Лев Евгеньевич?

– Горбачев капитулировал!

– Откуда такая информация? Илюшин только что сказал, что встреча еще не закончилась.

– Закончилась, не закончилась, – да какая теперь разница?! Уже все решено! Или у тебя еще есть сомнения?

Сомнений у меня уже нет. Они сгинули в снегах Беловежской

пущи.

…В сегодняшней России трудно отыскать серьезного политика, который бы публично высказывал удовлетворение гибелью СССР. Все говорят о ней как о трагедии, в основе которой некая историческая неизбежность. Одни объясняют ее системным кризисом административно-бюрократической системы, проигравшей экономическое соперничество с капитализмом. Другие указывают на холодную войну и связанную с ней гонку вооружений, обескровившую советскую экономику. Третьим обреченность СССР видится в том, что рано или поздно Кремль вынужден был отказаться от репрессий, на которых зиждилось тоталитарное государство. Четвертые утверждают, что всему виной Брежнев, засидевшийся в Кремле и тем самым нарушивший ротацию управленческих кадров, что и привело к вырождению системы. Высказываются и более экзотические версии, основанные на существовании мирового заговора против страны Советов: кто-то обвиняет в злонамеренном предательстве Горбачева, кто-то – Ельцина, кто-то – обоих разом.

Со временем споры вокруг событий начала 90-х годов утратят ожесточенность, а после и вовсе переместятся в область сугубо профессиональных историко-политологических диспутов. Так будет хотя бы потому, что в обществе станут преобладать поколения, не знавшие СССР и не испытывающие из-за его гибели ни радости, ни сожаления. Но это в будущем, а пока вопрос «Можно ли было сохранить Советский Союз?» все еще мучает многих и в самой России, и в ее ближнем зарубежье.

Было бы не удивительно, если б Союз разрушили малоопытные, но одержимые социальными новациями радикалы-антикоммунисты. Но он пал жертвой ставших президентами лидеров региональных компартий. То есть тех, кто доселе верой и правдой служил ленинско-сталинской доктрине унитарного государства, долгие годы кормился от нее и призван был оберегать как зеницу ока. Происходившее в ту пору иначе как нонсенсом не назовешь: в необходимости сохранить СССР Михаилу Горбачеву приходилось уговаривать не идейных противников, а людей своего круга, еще не так давно позиционировавших себя как убежденных сторонников политики перестройки. Партийно-бюрократическая система поедала самое себя.

В дореволюционные времена среди русских купцов бытовала поговорка: «Голове подсказывает карман». Как ни удивительно, но, разваливая советскую империю, демократически избранные главы союзных республик (еще раз замечу: почти все они в недавнем прошлом возглавляли региональные компартии), сами того не

понимая, руководствовались этой стародавней формулой купеческой рациональности. Их головам тоже подсказывал карман. А подсказывал он, в общем-то, незатейливую мысль: ***если сохранится союзное государство с его бюрократией, тогда Горбачев и его люди сформулируют правила, по которым повсеместно будут осуществляться рыночные реформы, стержнем которых является приватизация.*** *А что это значит? Что большая часть собственности, ее самые лакомые куски окажутся в кармане у ставленников союзного Центра.*

Лишь только дело коснулось дележа всего того, что было создано трудом многострадального советского народа, между коммунистическим Центром и, по сути, все еще коммунистическими региональными элитами возникло неразрешимое антагонистическое противоречие. Лидеры Центра продолжали руководствоваться обветшалыми догмами, тогда как продвинутые регионалы уже мечтали о рынке «для своих». Их интересы не сводились к общему знаменателю. ***В этом смысле СССР был обречен.***

А что было в головах у людей из низов? Происходившее в стране обескураживало, причем даже тех, кому был не по душе «братских народов союз вековой». Люди не могли понять, что происходит: большинство на референдумах голосует за сохранение Союза (даже Украина, и та «за»), а он рассыпается, как карточный домик, и непонятно, по чьей воле и чьей вине. Но это еще не самый главный парадокс того времени. Был и похлеще – среднестатистический советский гражданин, уже размечтавшийся о собственности, но не имевший к ее дележу ни малейшего отношения, с одной стороны, боялся распада страны, а, с другой, надеялся, что после того, как «от нас отвалятся все нахлебники», жизнь станет богаче. В умах воцарилась сумятица. Она и развязала руки правящим верхам, одержимым дележом собственности. В ***этом смысле СССР был обречен.***

Правильно говорят: ждать и догонять – хуже некуда. Вот уже три часа томлюсь в ожидании известий из приемной Горбачева. Сижу и ничего не делаю. Не потому что не хочу – не могу. Не думается, не пишется, не читается. Хоть ты меня убей! Чтоб чем-то себя занять, перебираю ксерокопии статей из разных газет и журналов, которыми Валентин Сергеев, руководитель отдела информации, доставшегося нам в наследство от Совета Министров РСФСР, каждодневно заваливает президента и его помощников. Иногда он копирует всю статью, иногда только ту ее часть, на которую считает нужным обратить внимание руководства. При этом копии распечатывает на огромных листах

формата А2 с двукратным увеличением текста, будто все мы тут подслеповатые старцы. К чему этот бессмысленный труд и расход бумаги, непонятно. Нам каждое утро на стол кладется увесистая пачка свежих газет и журналов. Хочешь узнать, о чем пишет пресса, возьми да почитай. Если не сами заметки, так хотя бы заголовки. По крайней мере, будешь иметь собственное мнение, а не то, что тебе подспудно навязывает демонстрирующий служебное рвение маленький столоначальник. Что касается Бориса Николаевича, то он с некоторых пор вообще не берет в руки газет. О публикациях в них ему докладывают, причем с комментариями, соответствующими эрудиции и интересам докладчика.

Казалось бы, еще только пять часов вечера, а над Кремлем черное ночное небо с тускло мерцающими холодными звездами. Днем прошел сильный снегопад, и теперь по залитой электрическим светом и искрящейся морозными брызгами Ивановской площади, попыхивая выхлопными трубами, кругами ползают две пузатые снегоуборочные машины. Сколько еще ждать? Час? Два? Или вообще до первых петухов? Да и дождусь ли? А то ведь иной раз бывает у нас и такое – вышел шеф с переговоров усталый, сел в машину, а охранник, словно змий-искуситель, нашептывает: вам, Борис Николаевич, необходимо отдохнуть, расслабиться. Мы его ждем – не дождемся, а он уже где-нибудь на теннисном корте, или в бане, или на охоте, или еще где. И все наши планы летят в тартарары. До завтрашнего дня. А может, и до послезавтрашнего.

О чем они там с Горбачевым так долго беседуют? Хочется уже какой-то определенности. Об уходе Михаила Сергеевича как о деле, вполне решенном, у нас поговаривают чуть ли не с начала декабря, а он все еще в Кремле. Я уж столько раз слышал про «со дня на день», что и со счета сбился. Может, сегодня все разрешится? Если «да», то с этого дня Россия окончательно перестанет быть коммунистической. Ситуация чем-то напоминает отречение Романова в пользу брата, великого князя Михаила: подписал царь высочайший Манифест, и Россия навсегда перестала быть самодержавной. И началось! Другие порядки, другие нравы, другие представления о добре и зле. В общем, другая страна. Так, думаю, будет и на этот раз. Утонем в хаосе. И не потому что Горбачев правил по уму, а Ельцин не сможет – Россия не переносит радикализма, особенно в том, что касается Власти. Политические нити, коими сшито лоскутное одеяло под названием Советский Союз, похоже, сгнили. А что нас ждет в ни к чему не обязывающем Содружестве? Пес его знает!

Видно, не я один мучаюсь томительным ожиданием. Лев

Евгеньевич Суханов не часто жалует меня своими визитами, а тут снизошел:

– Чайком не угостишь? – по лицу коллеги чувствую, ему хочется рассказать нечто сугубо конфиденциальное, и не ошибаюсь: – Совсем Мишка нашего шефа замучил! Уже который час выторговывает для себя всякие блага: это ему оставь, то сохрани, оттуда не выгоняй! По моим сведениям, еще часа полтора-два будет торговаться.

– И чем все закончится?

– Готовь для шефа поздравительную речь! Вечерком пригодится.

Не скрою, меня подмывает поинтересоваться источником столь конфиденциальной информации о переговорах, но сдерживаюсь, поскольку знаю ранимость Суханова в этом вопросе. Да и поинтересуйся я, реакция заранее известна – ответом будет загадочная усмешка. Он вообще частенько намекает коллегам на особые отношения с Ельциным. Но всем известно, что тут он выдает желаемое за действительное. Год-два назад это и впрямь было так – никто другой не знал о каждодневных делах шефа столько, сколько знал он. Сейчас же его адьютантско-камердинерские функции принял на себя Коржаков, а посему значение Суханова для президента заметно снизилось и стало ничуть не выше, нежели остальных помощников. Чувствуется, что Лев Евгеньевич ностальгирует по временам Госстроя СССР, когда у опального Ельцина, кроме него, никого больше не было. Тогда он был един во всех лицах – и чтец, и жнец, и на дуде игрец. Ныне все это в прошлом, причем невозвратном. И чтоб как-то поддержать угасающий миф, Суханов не снимает с лица маску многозначительной таинственности, а в разговорах, намеками и полунамеками, дает понять, что между ним и Ельциным существует неведомая нам, его коллегам, почти сакральная связь.

Едва большие напольные часы, стоящие тут со времен Берии, пробили половину восьмого, загудел телефон внутренней связи с наклейкой «Приемная». В голосе секретаря не чувствую никаких эмоций:

– Шеф будет через четверть часа. Велел всем собраться у него в кабинете.

Что-то не очень верится, что «всем» – это и впрямь всем. Если хочет рассказать о результатах своей долгой беседы с Горбачевым, едва ли станет это делать в присутствии большого числа сотрудников. Такое вообще не в его правилах. Во всем, что касается внутренней жизни президентской администрации, наш шеф отдает предпочтение камерным отношениям. Ответственных

работников аппарата, с которыми общается напрямую, что называется, с глазу на глаз, наберется не больше десятка. А уж если тебе дозволено по какому-либо поводу откушать рюмку-другую в его личных апартаментах – это вообще признак особой приближенности и высочайшего доверия. Такого удостаиваются единицы.

Сомнения мои оправдываются: кроме меня, в кабинете всего пятеро – глава президентской администрации Юрий Петров, госсекретарь Геннадий Бурбулис, заведующий Секретариатом Виктор Илюшин и два президентских помощника – Лев Суханов и Анатолий Корабельщиков. С нетерпением ждем Ельцина. Понятное дело, разговор меж нами идет об его сегодняшней встрече с Горбачевым. Ни у одного из присутствующих нет и тени сомнения в том, какими новостями порадует нас шеф.

– Не стоит придавать решению Горбачева слишком большого значения. Потому что… – Бурбулис делает многозначительную паузу, дабы мы по достоинству оценили глубину мысли, лежащей в основе данного тезиса. – Потому что его уход предопределен самой логикой политической модернизации, которую мы отстояли в августе.

Петров согласно кивает и произносит свою коронную фразу: «Очень правильное решение!». Ее с одинаковым успехом можно отнести и к согласию Горбачева сложить президентские полномочия, и к тому, что мы, творцы политической модернизации, не должны придавать этому поступку слишком уж большое значение.

…По выражению его лица всегда можно догадаться, в каком он в данный момент пребывает настроении. Сейчас, вне всяких сомнений, почти счастлив. Стоит в дверях и смотрит на собравшихся так, будто прикидывает: сразу ошеломить или слегка заинтриговать?

– Ну, как все прошло?! Рассказывайте, Борис Николаевич!

– Все!

Кажется, вместе с этим коротким «Все!» он выдыхает из себя последние остатки сил. Коржаков снимает с него пальто и, аккуратно держа под руку, вводит в кабинет. Мы уже поняли, что произошло, но Суханову хочется, чтобы догадка была озвучена. Очевидно, так ему кажется торжественней.

– Он сказал вам, что уходит?! Как это было?!

– Все!

Все! В России начинается отсчет нового времени – времени перемен. И все благодаря нашему шефу. Какой же он все-таки боец! Нет равного ему в нашей политике. А, может, и не только в нашей. Мы обступаем его, и каждый хочет пожать победителю

руку. Но наш скупой на выражение чувства шеф рукопожатием не ограничивается – обнимает каждого, прижимаясь щекой к щеке. И это воспринимается как выражение благодарности за помощь, за участие, за преданность.

Наверное, схожие чувства некогда испытывали опьяненные победой варвары, еще не знающие, какие тяжкие заботы по поддержанию жизни на захваченных и разоренных ими землях завтра лягут на их плечи. Мы искренне радовались тому, чего так долго ждали – Горбачев наконец уходит, а вместе с ним капитулирует последний оплот обветшавшей советской бюрократии. И теперь ничего не мешает начать политические и экономические реформы, которые приведут Россию к великому будущему, к процветанию и прогрессу. Мы искренне радовались за Ельцина и гордились своей причастностью к его исторической победе.

Пройдет совсем немного времени, какая-нибудь пара недель, и многим из присутствовавших в тот вечер у него в кабинете Ельцин даст понять, что в большой политике побеждает большой политик, и никто кроме него. И даже то, что у него было толковое окружение, сыгравшее немаловажную роль – даже это только его заслуга. Он и знамя, и оружие, и победа. Он – все, кроме поражения.

Соратник – это персонаж первой части любого политического триллера, именуемой «Путь к власти». Во второй его части, «Жизнь во власти», уже нет никаких соратников. Там действуют другие персонажи – слуги. Знали ли мы об этом, когда поздравляли Ельцина с победой над Горбачевым? Кто-то знал, кто-то догадывался. Но в тот момент ни о чем таком не хотелось думать. Эйфория победы, обреченной на поражение.

Суханову все-таки хочется поподробнее узнать о том, как выглядела капитуляция Горбачева: он сразу согласился уйти или все-таки пришлось надавить? Отвечает Коржаков, которому шеф, судя по всему, по дороге уже поведал о сути своего разговора с теперь уже экс-президентом СССР: четыре часа, негодяй, торговался, как на базаре! Ельцин усмехается, и в его усмешке сквозит чувство, близкое к презрению:

– Я даже удивился – про Россию ни слова! Только про то, что я ему должен оставить – про квартиру, про дачу, про служебные машины, про охрану. И битый, понимаешь, час про свою пенсию. Тьфу!

Переполненный чувствами Коржаков не может не выказать досады по этому поводу: дать бы ему хорошенько по ж… по заднице, чтоб впредь знал свое место! Шеф не любит

сквернословие даже в столь мягких формах, а потому хмурится, правда, без привычного в таких случаях недовольства:

– Ельцин незлопамятен!

Глава администрации Юрий Петров не может удержаться, чтоб в очередной раз не произнести свою коронную фразу, отражающую всю глубину его верноподданнических чувств: очень правильное, Борис Николаевич, решение! Похоже, он бы развил свою мысль, если б не предложение Суханова:

– Борис Николаевич, по такому великому случаю надо бы и по рюмочке, как вы считаете?

Присутствующие единодушны в поддержке этой весьма оригинальной и своевременной мысли: «Такое событие! Не грех! Просто необходимо снять напряжение!». Удивительно, что Петров ограничился радостной улыбкой, а не отметил, что это было бы очень правильным решением. Борис Николаевич согласно кивает, и Коржаков отправляется сделать необходимые распоряжения. Не проходит и пяти минут, а президентский кормилец-поилец Дмитрий Самарин (милейший, кстати сказать, парень) ставит на журнальный стол пузатую бутыль виски, хрустальные стаканы и большое блюдо с бутербродами в традиционном для Кремля ассортименте – с колбасой, с сыром и с осетриной.

– Ну, за победу?

– За победу!

Для своего возраста у нашего шефа здоровье, можно сказать, отменное. Кое в чем еще молодым фору даст. Но есть одна беда – спазм сосудов головного мозга. Если день выдался до крайности напряженным, нервным и потребовал полной мобилизации сил, к вечеру у него может случиться острейшей приступ головной боли, который трудно снять даже лекарствами. На моей памяти такое было не единожды. Ситуация не из простых – он держится обеими руками за голову, морщится от боли, стонет, а ты не знаешь, чем помочь. Вот и сейчас ничего вроде бы не предвещало беды, и вдруг…

Ельцин схватился за голову и застонал, не в силах превозмочь боль.

– Борис Николаевич, что с вами?! Где Григорьев?! Доктор! Позовите доктора!

Шеф, не отрывая рук от лица, выдыхает с трудом: не надо никого звать! Стоит с закрытыми глазами возле висящей на стене огромной рельефной карты СССР и, слегка покачиваясь, постанывает. Петров делится опытом самолечения:

– Я, Борис Николаевич, в таких случаях пью коньяк, он расширяет сосуды.

Ельцин качает головой: не надо никакого коньяка, и так

пройдет. В дело вступает Суханов. В недавнем прошлом, еще в Госстрое, когда при Ельцине был всего один помощник, и не было никакой другой обслуги, он не раз становился свидетелем таких приступов. И на сей счет у него свой рецепт поведения в подобных случаях. Главное, по его разумению – отвлечь шефа, переключить внимание на что— то для него весьма важное. А что сейчас самое важное? Суханов левой рукой обнимает шефа за плечи, а правой, указывая на карту, делает большой круг, как бы охватывая гигантские просторы отошедшего в небытие Советского Союза:

– Борис Николаевич, вы только взгляните! Сейчас на всей этой территории нет никого выше вас! Никого! Ведь это же что-то да значит?!

Ельцин, открывает глаза, распрямляется и, как мне кажется, с удивлением смотрит на карту. Слова Суханова определенно произвели положительный терапевтический эффект. Он улыбается и обводит нас задумчивым взглядом:

– Да— а, ради этого стоило жить…

Бурбулис кивает на бутылку: и за это стоит выпить!

Глава 17
Друзья и на «ты»

Через три дня, 2 февраля 1992 года, экономику России начнут оздоровлять с помощью «шоковой терапии». Наши люди еще не знают, что их ждет на вольном рынке, – благоденствие или обнищание. Наверное, поэтому и не проявляют особой нервозности. Живут надеждами на лучшее. Зато во власти уже наметился конфликт между противниками и сторонниками рыночного радикализма – на днях Руцкой с Хасбулатовым открыто и весьма резко выступили против Бурбулиса и Гайдара. При этом они ни разу не назвали имени президента, хотя с ноября прошлого года тот взял на себя руководство правительством, и теперь любая критика младореформаторов – это критика и в его адрес. Такого, тем более от вчерашних соратников, Борис Николаевич и прежде не прощал, не простит, думаю, и на сей раз. Не в его это характере. Так что можно не сомневаться: в ближайшее время всем нам предстоит пережить череду больших и малых политических потрясений. И кто знает, чем они закончатся.

Но все это впереди. А пока отправляемся в Нью-Йорк на заседание Совета Безопасности ООН. По пути залетим в Лондон. Там Ельцин встретится с британским премьером и, возможно, с Ее Величеством. А вот из Нью-Йорка, уже по дороге домой, буквально на несколько часов, заскочим в Торонто. Наш шеф по этому поводу высказался при журналистах в своей излюбленной манере: «Я не могу, пролетая над Канадой, не приземлиться и не пожать руку канадскому премьер-министру, к которому отношусь с огромным уважением. Это было бы политически неправильно!».

И на все про все у нас три дня и три ночи. Не заскучаешь.

…Кажется, я понял, почему шефу была так важна эта сумасшедшая поездка. Отнюдь не потому, что это его бенефис на мировой арене. Просто он понял очевидное – радикальные гайдаровские реформы неизбежно приведут к галопирующей инфляции, к росту безработицы и к падению жизненного уровня населения, а это значит, что его популярность неизбежно пойдет на спад, чем не преминет воспользоваться разномастная оппозиция. В этой ситуации единственное, чем он может компенсировать потерю своей политической устойчивости – поддержка со стороны лидеров больших и малых государств Запада. Именно об этом он говорил вчера в Лондоне и на всех встречах, какие у него были сегодня здесь, в Нью-Йорке, – с

генеральным секретарем ООН, с президентом Франции, с главами правительств Японии, Венгрии и Индии. На каждой из них он буквально слово в слово произносил один и тот же текст:

– Я не приехал сюда с протянутой рукой. Мне нужна ваша политическая поддержка. Поддержите Ельцина и его демократические реформы, поможете и себе. Без Ельцина Россия снова станет тоталитарной и мир ввергнется в новый этап гонки вооружений!

Но, думаю, на сегодняшней встрече с Джорджем Бушем, которая будет проходить не в официальной остановке Белого дома, а в загородной резиденции Camp David, шеф внесет коррективы в этот многократно произнесенный текст. Его уже растиражировала вся западная пресса, а потому идея «Поддержите Ельцина ради самих себя!» не станет для американского президента сюрпризом. А Борис Николаевич, чувствуется, очень хочет его приятно удивить. А, может, и поразить. Например, своей невероятной открытостью.

Получасовой перелет на геликоптере ВМС США, и мы в загородной резиденции американских президентов. Признаться, я ожидал увидеть здесь роскошь элитарного буржуазного бытия, а увидел неприхотливую простоту, граничащую с аскетизмом. Любая из многочисленных цековских дач, доставшихся Ельцину в наследство от прежнего режима, выглядит богаче и ухоженней. У Буша нет ничего похожего на византийство, в коем пребывает на природе его российский коллега. Ни украшенных мраморными изваяниями фонтанов, ни прудов с лилиями, кувшинками и всевозможной водоплавающей птицей, ни скульптур, расставленных вдоль парковых аллей, ни простирающихся до горизонта охраняемых лесных угодий, ни барского дома с немыслимым набором архитектурных излишеств. Их Camp David – это наш пионерлагерь, причем принадлежащий не самому богатому ведомству. Такой же вытоптанный лес, напрочь лишенный подлеска, и такие же безликие дощатые домики, стоящие по обе стороны петляющей меж деревьев асфальтированной дорожки. Для полного сходства не хватает разве что развешанных повсюду портретов пионеров-героев да иллюстраций к заповедям юных ленинцев, вроде «Пионер – лучший в учебе, труде и спорте» или «Пионер – друг пионерам и детям трудящихся всех стран».

На площадке возле одноэтажного полусарая, где будут проходить переговоры, припарковано несколько электромобилей. Видимо, для того, чтоб придать встрече неформальный характер, Буш предлагает гостю для начала прокатиться по территории резиденции, и тот охотно соглашается. В этот момент Ельцин

чем-то напоминает председателя отстающего колхоза, после разноса на бюро обкома заехавшего в соседний район к коллеге, возглавляющему передовое хозяйство, перевыполнившее план по намолоту зерна: ну-ка, ну-ка, покажи, за что тебя так расхваливали! Электромобили рассчитаны на двух человек, но сзади есть скамеечка для третьего. На нее, не дожидаясь приглашения, заскакивает наш доблестный Коржаков. Он сидит почти прижавшись грудью к спине шефа и всем своим видом демонстрирует готовность к самопожертвованию.

Трудно сказать, на кого рассчитана эта сценка. Скорее всего, на коллег из охраны американского президента: мол, учитесь, бойцы, как надо работать! Глядя, как Буш садится за руль электромобиля, никто из его телохранителей не двигается с места. Стоят в сторонке и улыбаются. И только когда машинка с президентами трогается, двое рослых парней вскакивают в другую и едут следом.

– Вы здесь можете чувствовать себя в полной безопасности, – пресс-секретарь Буша Марлин Фитцуотер задумчиво смотрит вслед удаляющимся электромобилям. – Территория тщательно охраняется и какие-либо проникновения на нее полностью исключены.

Где-то в глубине души я согласен с ним, и демонстративное рвение нашего главного телохранителя вызывает у меня чувство неловкости. Но, как бы то ни было, а надлежит держать фасон:

– А зачем же тогда ваши парни за ними поехали?

– За ними, но не с ними, – в глазах Фитцуотера чувствуется насмешка. – Они должны быть на расстоянии видимости от президента, если вдруг случится какая-то поломка или небольшая авария. Это же механизм, всякое может произойти.

В программке, которую хозяева раздали нам накануне, указано, что в работа делегаций будет проходить в Зале переговоров. Так и написано: Hall of negotiations. Однако комната, в которую нас провели, хоть и просторная, но никак, даже с огромной натяжкой, не тянет на зал. В нашем представлении зал – это нечто торжественное. Это высокие и непременно украшенные замысловатой лепниной потолки, это изящные мраморные колонны, это горящий лаком паркет, это белоснежные портьеры на окнах и инкрустированная золотом мебель. Здесь же нет ничего подобного. Белый потолок со встроенными светильниками, до которого, если слегка подпрыгнуть, можно дотронуться рукой, такие же белые, ничем не украшенные стены и дощатый пол, подчеркивающий дачную эстетику здешнего бытия. А еще длинный стол, за который могут усесться по шесть переговорщиков с каждой стороны, пластиковые стулья вдоль

стен, предназначенные для рядовых членов делегаций, и столик в углу со стоящими на нем кофемашиной и кулером для розлива горячей воды, дабы присутствующие могли утешиться чаями в пакетиках. Из разносолов не завтракавшим гостям предлагается лишь печенье на тарелочках да неизменный жареный арахис, на который мне лично уже и смотреть в тягость. В общем, все более чем скромно.

Президент Буш жестом приглашает сидящих за столом начать работу, но не успевает сказать ни слова – Борис Николаевич берет инициативу в свои руки:

– Я не приехал к вам с протянутой рукой! – Буш понимающе кивает. – Вы должны понимать: если Ельцин потерпит неудачу и его правительство рухнет, тогда к власти придут красно—коричневые, – шеф вскидывает брови и делает многозначительную паузу. – Холодная война возобновится и опять начнется гонка вооружений!

Чувствуется, Буш несколько озадачен заявлением о красно-коричневой угрозе. Российские политики, которые сегодня ополчились на рыночные новации опекаемых Ельциным младореформаторов, до недавнего времени были желанными гостями американского посольства в Москве и о них докладывалось в Вашингтон как об убежденных сторонниках демократических преобразований. По всей видимости, ныне происходящее в российской власти видится американскому президенту как конфликт амбиций в стане победителей, что абсолютно типично для слаборазвитых государств при смене правящих в них элит. Поэтому Буш смотрит на Ельцина с сочувствием, но без желания поддержать тему.

Насколько мне известно, американцы планировали, что наше пребывание в Camp David не будет долгим. От силы четыре часа: в 9:30 – встреча, в 13:30 – проводы. За столь короткий срок многого не обсудишь и еще меньше решишь. Их предложение – сосредоточиться на главном. А главное на сегодняшний день – контроль за стратегическими ядерными вооружениями. Сейчас, когда Советского Союза уже не существует, Вашингтон хочет знать: намерен ли президент Ельцин соблюдать ранее достигнутые договоренности, под которыми стоит подпись президента Горбачева? Но у нашего шефа свои представления о том, что следует в первую очередь обсудить. Поэтому он, буквально навязывает хозяевам тему, которая волнует его более всего – об американской поддержке президента Бориса Ельцина:

– Почему им так хочется свалить Ельцина? – Борис Николаевич произносит эти слова с таким драматическим пафосом, что собеседник невольно напрягается. – Ельцин – мотор

демократических реформ! Ельцин – гарант рыночных свобод! Не станет Ельцина, вернется тот же самый тоталитарный режим, от которого мы избавились в августе!

Президент Буш пытается вернуть инициативу в свои руки: «Вы сделали интересное сообщение…», но закончить начатую фразу не удается. Ельцин неудержим в своем желании поразить коллегу своей решимостью. То, на что у Горбачева ушли бы годы разговоров-переговоров, он решает молниеносно:

– Хочу сообщить вам то, чего еще никто в мире не знает: вчера вечером, я, как Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Российской Федерации, отдал приказ… – шеф делает многозначительную паузу, явно получая удовольствие от напряженного ожидания американских коллег. – С сегодняшнего дня ни одна из наших ракет не нацелена на Соединенные Штаты! Ни на один город!

После этого заявления на американской стороне возникает легкое замешательство. Хозяева явно затрудняются с оценкой услышанного: как такая технически и организационно сложная задача могла быть выполнена за одну ночь?! Сидящий рядом со мной Дмитрий Антонович Волкогонов, накануне августовского путча назначенный советником президента по оборонным вопросам, радостно шепчет: «Все! Теперь он – хозяин положения!». Похоже, не без помощи нашего военизированного философа-историка шеф воспринял эту безумную идею «упреждающего саморазоружения». До недавнего времени с ней носился разве что один Козырев. Но Ельцин к нему относится настороженно и не слишком воспринимает его явно навеянные из-за океана идеи. Волкогонов у него в большем фаворе.

Наклоняюсь к сидящему по другую руку от меня маршалу Шапошникову, недавно (похоже, что специально для этой поездки) произведенному в главнокомандующие несуществующими объединенными вооруженными силами СНГ: такое технически возможно – вчера отдал приказ, сегодня уже не нацелены? Тот в ответ, не снимая неизменной улыбки с лица, лишь пожимает плечами: мол, раз говорит, то почему бы и нет?

– Хорошо, – Буш не оставляет попыток вернуть себе инициативу, – а теперь о ракетах с ядерными боеголовками…

– С нашей стороны этот вопрос решен! Такие ракеты уже перенацелены!

Буш переглядывается с сидящим по левую руку министром обороны Диком Чейни, и тот понимает, что настал его черед вступить в разговор:

– Вопрос о перенацеливании ракет мы еще обсудим, а пока…

Но Ельцин и ему не дает шанса на успех:

– Россия и Соединенные Штаты больше не являются врагами! Согласны? – американский коллега, хоть и без особого энтузиазма, но кивает в ответ. – Тогда предлагаю: сейчас выйдем к журналистам и сообщим, что отныне президенты Ельцин и Буш друзья и общаются на «ты»!

Волкогонов локтем пихает меня в бок: какой сильный ход! Но по тому, как расхохотались американцы, мне почему-то так не кажется:

– Дмитрий Антонович, вы же знаете, что в английском языке вообще нет приятельской формы обращения: «ты» или «вы» – все одно!

– Э-э, Павел, какой же ты скептик! Разве не видишь, он просто загнал их в угол!

Похоже, у Буша такое же, как и у меня, отношение к предложению перейти на «ты»:

– Надеюсь, не только между нами, но и между нашими странами сложатся дружеские отношения. Что касается того, как мы будем обращаться друг к другу, то тут нет проблемы: в английском языке вообще существует только одна форма – you.

Но Бушу, видимо, еще не известно, что российский президент не привык уступать в принципиальных вопросах:

– Я знаю, что в английском не так, как у нас. Но я все же предлагаю выйти и сообщить журналистам: Буш и Ельцин – друзья и на «ты»!

В дело вступает госсекретарь Бейкер:

– Господин президент, мне хотелось бы задать несколько вопросов, касающихся нераспространения оружия массового поражения…

Ельцин, подавшись всем корпусом вперед и пристально глядя в глаза американскому президенту, произносит с многозначительной расстановкой: «Друзья! И на “ты”! Согласен?». Буш почти машинально кивает и дает знак Бейкеру: продолжай, старина! И тот продолжает:

– Нас очень беспокоит судьба советских ракет с ядерными боеголовками, размещавшихся на территории Украины…

– Не беспокойтесь, они уже не взлетят, – и, почувствовав удивление сидящих по другую сторону стола, поясняет: – Мы кое-что на них открутили, и теперь они в нерабочем состоянии. Все! Вопрос мною решен!

– А украинской стороне об этом известно?

– Главное, что вам теперь об этом известно.

Очевидно, услышанное требует какого-то осмысления – Буш хлопает ладонями по столу:

– Отлично! Перерыв! Кто желает, может выпить кофе.

Я желаю. И не только кофе, но и печенье. Потому что очень голоден: вчера не удалось поужинать, сегодня – позавтракать. Возле накрытого белой скатертью столика сталкиваюсь с госсекретарем Бейкером. Тот стоит с кружкой в руке и терпеливо ждет, покуда наш Юрий Петров управится с кофемашиной. По всему чувствуется, в домашних условиях глава нашей администрации до такого простолюдинского занятия не снисходит. Дождавшись своей очереди, Бейкер вдруг поворачивается ко мне: парень, тебе черный или со сливками? К такому либеральному общению я не готов, и оно обескураживает. В другой ситуации поблагодарил бы и отказался, а тут, растерявшись, соглашаюсь: черный, если можно, пожалуйста.

Вообще по присутствующим здесь американцам трудно понять, кто из них начальник, а кто подчиненный. Это я заметил, когда президент Буш, сидя за столом переговоров, захотел пить. Он – сам, собственноручно! – открыл бутылку минералки и, прежде, чем налить себе, спросил у сидящего по правую руку госсекретаря: «Хочешь?», а когда тот отрицательно покачал головой, задал вопрос сидящему слева министру обороны. Чейни кивнул, и Буш – для нас это нечто невиданное! – налил ему стакан воды.

Да-а, здесь иная эстетика внутриаппаратных взаимоотношений. И даже не пойму, подходит она для нас или не подходит. Уж больно демократичная. В наших условиях такое легко может перерасти в панибратство. Мы привыкли к другому: начальник держит подчиненных на расстоянии вытянутой руки, во всем и всюду демонстрируя свое превосходство.

С политическими лидерами других стран, да и не только с ними, но и вообще с людьми, имеющими мировую известность, Борис Николаевич более всего любит общаться в неформальной обстановке. Так, чтоб без пиджаков и без галстуков, на зеленой лужайке, с удочкой в руках, а то и у мангала со шкворчащими шашлыками. Это, как он полагает, создает большую доверительность отношений, а значит, и большую их результативность. Хотя злые языки намекают, что ему просто нравится ощущать сопричастность к сильным мира сего. Что ж, может, оно и так, не без этого. Но, думаю, одно другому не помеха.

Я почти уверен, что сегодняшние переговоры, при всей их важности, для нашего шефа все же менее значимы, нежели последовавший за ними завтрак с Джорджем Бушем и его супругой Барбарой. Хотя на нем наверняка обсуждались проблемы отнюдь не мирового порядка. Но это, как ни крути, все же признание некой особости отношений – за столом переговоров

с Бушем сиживали главы многих государств, а вот завтракать вместе с ним, да еще в домашней обстановке, довелось не каждому. А многим ли главам государств американский президент преподносил подарки ко дню рождения? Немногим. А ему, Ельцину, сегодня преподнес ковбойские сапоги ручной работы. Можно сказать, специально привез их со своей родины, из Техаса. Сапоги действительно удивительной красоты, но я бы такие носить не стал. Есть в них что-то киношно-пародийное. Думаю, и шеф носить не станет. Но это и не имеет значения. Все равно приятно.

Из домика, где проходил завтрак, они выходят улыбающимися. Ельцин подчеркнуто демонстрирует установившиеся между ним и Бушем приятельские отношения – раскованно жестикулирует, то и дело похлопывает коллегу по плечу и со смехом притворяется, будто хочет прямо здесь, на лужайке, при всем честном народе сбросить туфли и примерить подаренные сапоги. Глядя на развеселившегося гостя, пресс-секретарь Белого дома напоминает мне, что на площадке возле ворот нас уже давно ждут журналисты, и они надеются, что президенты выйдут и ответят на их вопросы.

– Мы сильно выбились из графика. Не позднее, чем через полчаса ваш вертолет должен взлететь. Времени у нас в обрез. Я скажу своему шефу, а вы поторопите своего.

Знал бы он, о чем просит! В такие моменты я не в силах что-либо изменить. Подойти к шефу, радующемуся общению с американским коллегой, и напомнить, что журналисты ждут и уже заждались – такое просто немыслимо! Отреагирует так, что мало не покажется. И его не остановит присутствие посторонних – продемонстрирует весь гневный норов. И ничего с этим не поделаешь. У нас своя эстетика внутриаппаратных взаимоотношений. В ней категория «служить» отождествлена с «прислуживать».

Но что-то делать надо, а то ведь действительно лишим прессу ее законного права на вопрос, и это будет конфуз. Единственный человек, кто может мне в этом деле хоть как-то подсобить – Виктор Васильевич Илюшин. Подхожу к нему и вкратце обрисовываю ситуацию.

– Павел Игоревич, ты видишь, что происходит? Сейчас его остановить может только сам Буш.

К журналистам они выходят, когда до отлета остается четверть часа. Понятное дело, уже не до вопросов. Успеть бы сделать короткие заявления для прессы. Первым к микрофону подходит наш шеф:

– Хочу сообщить вам две новости. Обе хорошие. Первая – с

сегодняшнего дня ни одна российская ракета не нацелена на США. Ни одна! И вторая новость: отныне мы с президентом Бушем – друзья и общаемся друг с другом на «ты»! Я зову его по имени, Джордж, он меня – Борис.

И Ельцин по-приятельски похлопывает Буша по спине. Тот улыбается и произносит:

– Сегодня мы с президентом России о многом поговорили и кое о чем даже договорились. Это большой день для наших стран и народов!

До авиабазы Andrews, где нас поджидает президентский спецборт, вертолет летит всего двадцать минут. Ельцин сидит в кресле с закрытыми глазами. По всему чувствуется – устал. Но сказать об этом при нем нельзя ни в коем случае. Он старательно, всегда и всюду, поддерживает миф о своей нечеловеческой работоспособности: Ельцин очень мало спит, Ельцин очень мало ест, Ельцин никогда не устает, Ельцин все время занят государственными делами.

Сидящие напротив него Петров с Волкогоновым громко, чтоб шефу было слышно, обсуждают итоги визита к Бушу:

– Друзья и на «ты» – это был сильный ход!

– Да! Очень правильное решение!

…В Торонто прилетаем с большим опозданием, уже затемно. Самолет едва встает на стоянку, как к трапу подгоняют несколько автобусов. Рассаживаемся и едем в резиденцию канадского премьер-министра. В окошко пытаюсь рассмотреть город. Трудно сказать почему, но он погружен в темноту, будто уличные фонари горят вполнакала. Единственное, что хорошо освещено, – каток на застывшей реке, по которому весело скользит множество людей. Завораживающее зрелище. Непривычное для нас ощущение довольства и беззаботности.

Учитывая дефицит времени, Ельцин предлагает премьеру Малруни отказаться от переговоров с участием делегаций и пообщаться с глазу на глаз. К нашему удивлению, тот соглашается, причем весьма охотно.

Время близится к полуночи. Ужасно хочется спать. Сидим в большой и узкой комнате. Расставленными рядами потертых стульев она напоминает не то колхозный кинотеатр, не то актовый зал какого-нибудь райисполкома. Ждем, когда Ельцин с премьером, закончив переговоры, выйдут и сообщат нам о результатах своего саммита. От нечего делать разглядываю дремлющих российских коллег (у канадцев день был спокойнее нашего, поэтому они бодрствуют – сидят и тихо о чем-то переговариваются). Взгляд задерживается на Шапошникове – как же оригинально он сейчас выглядит! Сидит, положив ногу на

ногу, и его белоснежно-белые носки забавно контрастируют со строгим маршальским мундиром, а ботинки с каблуками, высотой сантиметров пять, никак не меньше, вовсе придают ему слегка опереточный вид. Хотя человек он, как я успел заметить, серьезный. И очень даже приличный. Да и как о командующем о нем не слышал ничего дурного, только хорошие отзывы.

Дверь, ведущая в зал, где проходят переговоры, открывается, и на пороге появляются Малруни и Ельцин. Радостно улыбаясь, они направляются к микрофону, стоящему перед рядами стульев. Канадец хочет что-то сказать, но шеф опережает:

– Хочу сообщить вам, что у нас с премьер-министром состоялся очень откровенный и полезный разговор. Во многом наши позиции совпали. Но главное вот что: мы друзья и общаемся друг с другом на «ты»! Я зову его Брайан, он меня – Борис.

…Самолет с ревом и дрожью набрал высоту, и успокоился в заоблачном поднебесье. Теперь дело за малым – отмучиться в кресле десять часов, и мы дома! А пока, сидя за столом на шесть VIP-персон, ждем, когда подадут ужин. Ельцина с нами нет, он у себя в отсеке уединился с Коржаковым. Судя по тому, что к ним бегают стюардессы с подносами, тоже собираются отужинать. Наконец, доходит очередь и до нас.

– Что желаете на аперитив?

– А давайте-ка выпьем водочки! За успех!

Волкогонов вздыхает так, словно только что поставил точку в очередном научном трактате, и это дает ему право немного расслабиться:

– За успех – это можно, – и припоминает, видимо, главное, чем запомнился этот сумасшедший день: – Друзья и на «ты» – это все-таки был сильный ход!

Петров согласно кивает: очень правильное решение!

Глава 18
Прощальный аккорд (откровение в трех частях)

Часть первая

Сегодня по телефону меня обругала родная мать. За то, что, как она выразилась, «работаешь на своего Ельцина». Об этом прискорбном, по ее мнению, факте уже знают все соседи, и ей так стыдно, что хоть на улице не показывайся.

– Он нам все время врет! Каждый день врет!

– Мам, ну что ты такое говоришь? Что он вам наврал?

– Как это что?! А ты не знаешь? Обещал народу, что цены, как при Горбачеве, расти не будут, а они растут! Вот сегодня пошла в магазин за молоком, а его нет!

Матушка моя хоть и политизирована, как и многие пенсионеры в нынешние времена, но ни в политике, ни в экономике не разбирается. А в последние дни как заговорит о моем шефе, так еще и путается в логических построениях. А ведь еще год назад была такая его сторонница – слова супротив Ельцина не скажи! Разве что на митинги в Лужники не ходила. Да и то по уважительной причине – ноги уже не те.

– Я что-то не пойму, чем ты недовольна, – тем, что молока нет, или тем, что оно стало дороже?

– Молока нет. А ценник есть. Я как на него глянула, так и ахнула: Матерь Божья!

Забавно. Хотя в том, что касается ельцинского обещания насчет роста цен, старушка права. Я помню, как он впервые выдал сей перл. Дело было во время интервью в студии российского телевидения, буквально накануне горбачевской отставки. Говорил о команде молодых реформаторов во главе с Гайдаром, о их планах радикально модернизировать экономику, и вдруг заявил: а вот цены в стране повышаться не будут! Мы аж ахнули. Хорошо, с нами был сам Гайдар. Попросили его просветить шефа насчет того, что «шоковой терапии» без роста цен не бывает. Как педикулеза без шевелюры. По пути в Белый дом Егор (они с Ельциным возвращались в одной машине) деликатно обосновал эту печальную аксиому. Во всяком случае, так нам об этом после сообщил: мол, шеф пообещал ему, при случае, уточнить свою позицию насчет роста цен.

И уточнил-таки. Видимо, это его уточнение и вызвало у моей матушки столь бурную реакцию отторжения.

…В вестибюле Белого дома шефа поджидают сразу три телекамеры – две российских и одна британская. Для меня это сюрприз. Я их не приглашал и пропуска им не выписывал. Похоже, это очередной экспромт Службы безопасности. В последнее время она все активнее внедряется в сферу информации. Слышал, у Коржакова даже появился новый сотрудник, который отслеживает публикации в различных СМИ и дает рекомендации относительно целесообразности контактов с ними.

– Борис Николаевич, несколько слов о грядущей «шоковой терапии»!

Ельцин, услышав просьбы, разворачивается и идет к журналистам. Невероятно! Такого аттракциона доброжелательности в отношении прессы я не видел давно. Пожалуй, с президентских выборов.

– Что гражданам ждать от радикальных реформ команды Гайдара? Людей беспокоит, прежде всего, возможный рост цен.

– «Шоковая терапия» – это программа быстрого перехода к рынку, который все сам сбалансирует, а главное – наполнит прилавки нужными людям товарами.

– А цены? Что будет с ценами?

– Сильного роста цен не будет, – и повторяет с ударением: – НЕ БУДЕТ!

Шеф говорит это с таким свирепым выражением лица и с такой яростью, что можно не сомневаться – перепуганные цены падут пред ним ниц и будут молить о пощаде.

– Ну-у, в первые месяц-два возможен некоторый рост, но потом, как только рынок насытится товарами, все пойдет вниз.

– Но в Польше «шоковая терапия» привела…

– Если цены станут неуправляемыми, я сам, понимаешь, лягу на рельсы! Я вам это обещаю!

Мысль о рельсах шефу так понравилась, что сегодня была озвучена им трижды. Причем в разных вариантах. Интересно, сам придумал или кто-то надоумил? Хотя это уже неважно. Лично для меня важно другое – президент Ельцин вполне обходится без пресс-секретаря. Вместо меня кто-то другой (или другие, не имеет значения) решают вопросы его взаимодействия с прессой. Говорят, каждый чиновник хочет быть влиятельным. Я не хочу. Хочу быть востребованным. Это не одно и тоже.

После августа 91-го все меньше и меньше понимаю своего шефа. Это уже какой-то другой, неизвестный и, что самое печальное, несимпатичный мне человек. Отчего-то в последние

дни часто вспоминается история с Геннадием Хариным, первым спичрайтером Ельцина. Они познакомились не так давно, – когда шеф участвовал в выборах народных депутатов СССР и баллотировался по Свердловскому округу. После этого он забрал его, вместе с Людмилой Пихоя, в Москву, и эта парочка (был, правда, и третий – Саша Ильин) пахала на него денно и нощно. Как рабы на галерах. И пахали, надо признать, весьма продуктивно. Угодить с текстами нашему шефу – тут одним умением формулировать мысли не обойтись! А их текстами он почти всегда оставался доволен. Они как-то легко ложились ему на язык.

Но где-то весной 91-го года случилась беда – у Харина диагностировали рак, причем в довольно запущенной форме. Когда Борису Николаевичу сообщили об этом, его перовой реакцией было: «Надо помочь!». Помню, время было позднее, и я, признаться, полагал, что шефа уже нет на месте. И вдруг звонок: зайдите, надо поговорить.

– Вы уже знаете про Геннадия Николаевича? Надо ему помочь.

– Надо. Но я не знаю, что можно…

– Хорошо бы устроить его в какую-нибудь клинику за границей. Здесь, в России, я бы решил этот вопрос, но Горбачев, понимаешь, всю нашу медицину… под корень! А заграница – это валюта. Мне сказали, что у вас есть возможности договориться насчет оплаты такого лечения.

– Борис Николаевич, я попробую.

– Надо сделать!

– Я сделаю.

Через день мы с Ряшенцевым уже были в Вене и вели переговоры в одной из лучших онкологических клиник Австрии. А еще через неделю Харин был прооперирован. У меня не было возможности часто его навещать, но Володя ездил к нему еженедельно. Благо, от Будапешта, где расположился европейский офис «Российского дома», до Вены всего-то пара часов езды на машине.

Первое время казалось, Геннадий пошел на поправку. Но это была лишь видимость. Болезнь была слишком запущена. Осенью Харин умер, умер в венской клинике. Когда Ряшенцев ранним утром сообщил мне эту печальную весть, я сразу же пошел к шефу. Шел с тяжелым чувством: как же он сейчас огорчится! Но ошибся – Ельцин воспринял ее без видимых эмоций. Лишь произнес задумчивое: «Мда-а…».

– Борис Николаевич, из Вены мы гроб с телом отправим, но здесь…

– Хорошо, я скажу Виктору Васильевичу, – и углубился в бумаги, давая понять, что разговор окончен.

Позже я узнал, как все было. Ни днем, ни вечером по этому вопросу шеф Илюшина так и не вызывал. И тогда тот вынужден был сам напомнить ему насчет Харина. Дело-то ведь не терпящее отлагательства.

– И как же шеф на это прореагировал?

– Никак. Сказал, чтоб мы организовали все, как положено.

Гроб сделал в Москве короткую пересадку и полетел дальше, на родину покойного, в Свердловск. На прощание с Хариным шеф не поехал. От его имени слова прощания произнес Илюшин. Когда мы вместе возвращались в Белый дом (я ехал с ним в одной машине), Виктор Васильевич сказал не то с грустью, не то с иронией:

– Если б мы с тобой, Павел Игоревич, умерли полчаса назад, то считай, что уже двадцать семь минут, как нас для шефа не существовало бы.

Утверждение насчет двадцати семи минут показалось не лишенным оригинальности, но, в некотором смысле, спорным:

– А первые-то три минуты ему на что?

– Как на что? Одна – чтоб выслушать рапорт о нашей скоропостижной кончине. Другая – чтоб прикинуть в уме, как на происшедшее отреагирует пресса и политические оппоненты. И, наконец, третья – чтоб отдать короткое распоряжение: мол, займитесь, понимаешь, похоронами и пусть все будет, как положено. И точка! На большее не рассчитывай.

Признаться, я уже давно ни на что не рассчитываю. Как писала Ахматова: «Живу с трудом и чувствую с трудом». И все чаще сознание мое посещает беспокойная мысль: как бы спрыгнуть с подножки этого дребезжащего трамвая под названием «Власть»? Невмоготу!

Некоторое время назад шеф устроил нам такой разнос, что, думали, всех повыгоняет. Бушевал, как свирепый тайфун в Бермудском треугольнике. И ведь не из-за чего! Нет, причина, конечно, была – сорванный визит президента Международного Олимпийского Комитета Антонио Самаранча. Но в том не было ничьей вины, кроме его собственной.

Главный олимпиец уже был в воздухе, когда шеф, отобедав, неожиданно для всех отбыл вместе с Коржаковым в неизвестном для нас направлении. И что самое прискорбное – без всякой надежды (по понятным причинам) на возвращение. Илюшин в трансе:

– Что будем делать?! Через полтора часа самолет приземлится во Внуково, через три Самаранч будет у нас в Белом

доме, – и с кем ему здесь встречаться?! Летит-то он ради разговора с Ельциным!

Случайно оказавшийся в приемной глава президентской администрации Юрий Петров поначалу решает уклониться от обсуждения: мол, вопрос технический, не моего уровня. Но поразмыслив минуту-другую, все же отваживается поучаствовать в «разруливании» этой непростой ситуации. И делает это с пафосом, отличающим в нем бывшего секретаря партийного обкома:

– Будет политически правильно, если мы сообщим на борт, что с Самаранчем встретится премьер-министр России!

– А если Силаева нет на месте? Если он не может?

Петров вновь погружается в раздумья. Чувствуется, мысленно просчитывает плюсы и минусы своего участия и неучастия в этом каверзном деле. И, видимо, решив, что неучастие может быть расценено Ельциным как недружественный шаг (уклонился, не подставил плечо – стало быть, ненадежен), обреченно вздыхает:

– Что ж, тогда придется мне.

Позвонить на борт и все деликатно объяснить Самаранчу поручили сотруднику Дмитрия Рюрикова, помощника президента по международным делам. Тот отнесся к поручению вполне спокойно, как и положено работнику дипломатического протокола:

– Что я должен сказать относительно Бориса Николаевича? Почему он сегодня не может его принять?

– Если б только сегодня, – дежурящий в приемной Диваков горько усмехается. – Он, по всей видимости, и завтра его не примет.

– Но я ведь должен как-то все объяснить?

На сей раз Петров не задерживается с ответом: Борис Николаевич заболел!

Реакция президента МОК не заставляет себя ждать. Через пару минут с борта приходит сообщение: господин Самаранч намерен встречаться только с президентом Ельциным, а коли тот заболел и не может его принять, самолет ложится на обратный курс.

Наутро оппозиционная пресса принимается строить разные версии относительно несостоявшейся встречи, одна страшнее другой – от «запил» до «застрелился». Но шефа разгневали не они, а объяснение, предложенное Самаранчу – «заболел». Такого гнева, да еще выраженного в столь агрессивных тонах, я лично не наблюдал за все время нашего знакомства:

– Кто сказал, что я болен?! Ельцин никогда не болеет! Ельцин здоров! Уволить! Немедленно!

Сначала мы думали, что всех нас выставят за порог, и с ним останется только Коржаков, един во всех лицах. После – что придется прощаться с Димой Рюриковым, к которому уже успели привыкнуть. Но, в конечном счете, весь гнев пал на «стрелочника» – шеф повелел уволить ни в чем не повинного рюриковского помощника. Парня жалко. Он всего лишь ретранслировал распоряжения главы президентской администрации. Что тот ему велел сказать, то он и озвучил Самаранчу. В чем же его вина? Все попытки Илюшина (и даже исчезающего в любой конфликтной ситуации Петрова) как-то смягчить высочайший гнев не увенчались успехом.

И какой же из происшедшего следует вывод? Увы, печальный. Почему-то не могу отделаться от мысли: фундаментальный ельцинский принцип, о котором он мне сам говорил не единожды – «Ельцин не мстителен и умеет прощать!» – больше не действует. Другие времена, другой Ельцин.

…Вчера, 25 декабря 1991 года, Михаил Сергеевич Горбачев объявил о своей отставке. Не стало СССР, не стало и его президента. Но страна-то, пусть усеченная, но осталась, и народ остался. А он, по сути, все еще советский и не отвык от советских традиций. Например, от того, что 31 декабря, перед самым боем кремлевских курантов глава государства поздравляет его с наступающим Новым годом. Неплохая, кстати, традиция. Почему от нее нужно отказываться?

Ельцинские спичрайтеры, Пихоя с Ильиным, готовят поздравительный текст. Я договариваюсь с телевизионщиками насчет записи. Все идет своим чередом. Но Илюшин обеспокоен:

– Ох, не нравится мне что-то наш шеф, ох, не нравится!

И как в воду глядит – когда уже все готово, Ельцин вдруг исчезает из поля нашего зрения, и от него нет никакой информации. Известно лишь одно – с ним Коржаков и охрана. Но хуже всего, что отсутствие шефа в Кремле не остается незамеченным российской и зарубежной прессой. От вопросов «Что с Ельцинам? Где Ельцин?» нет отбоя. Хоть трубку не бери. Не знаю, что и отвечать. Сказал бы, что заболел, так ведь после голову оторвет и сделает это прилюдно, чтоб все заметили и уразумели: Ельцин никогда не болеет!

После недолгих, но бурных дебатов решаем следующее: текст поздравления «дорогим россиянам» зачитает диктор, причем закадровым голосом.

Слава Богу, сегодня связанная с отсутствием Ельцина напряженность пошла на спад. Во всяком случае, мой телефон молчит. И все потому, что кто-то (не знаю, кем именно и по каким каналам) передал в прессу якобы официальную

информацию: Ельцин на даче работает с документами. Мол, накопилось очень много вопросов, требующих осмысления и неотложного решения. Илюшин, как и я, ничего не знает об ее происхождении, но предполагает, что это творение Коржакова или кого-то из его подчиненных.

Это был первый случай использования формулы прикрытия: «Работает с документами». После, она стала применяться с такой удручающей регулярностью, что вызывала в обществе лишь насмешки. Но тогда, в конце переполненного утратами и надеждами 1991 года, все было воспринято как должное. В большинстве своем граждане отнеслись с пониманием и даже с сочувствием к тому, что у президента Ельцина совершенно нет времени на праздники. Видимо, Горбачев оставил ему после себя такое «наследство», что приходится работать, не поднимая головы, денно и нощно. И никого не покоробило, что перед боем курантов прервался Новогодний огонек, и россиян поздравил не глава государства, а сатирик Михаил Задорнов. Все решили, что таков новый стиль. А что? Так даже веселее, и более соответствует праздничному восприятию новогодней ночи!

…Январь пролетел, будто бы его и не было. Вроде я чем-то занимался, помнится, даже уставал порой, а вспомнить нечего. Пустые хлопоты. Живу с ощущением, что с государевой службой пора завязывать. Иначе совсем закисну. То ли я для нее не подхожу, то ли она мне не подходит. В итоге мы лишь мучаем друг друга. На днях у меня зашел об этом разговор с Павлом Грачевым. Не знаю отчего, но у нас с генералом как-то без напряга и взаимной корысти сложились полуприятельские отношения.

– Нравишься ты мне, тезка! Даже не знаю почему, но нравишься!

– Тогда ты должен меня понять: в тягость мне эта служба! В последнее время вообще перестал понимать, что я тут, в Кремле, делаю. А шеф, знаешь, что он мне на днях сказал? «Идите и делайте, что вам царь велел»! Каково, а?! Я, что называется, охренел. Такого от него еще ни разу не слышал. И это, поверь мне, пока только цветочки.

– Да, брат, ты конечно, не чиновник.

– Уйду я отсюда, Паша. Даже заявление писать не стану. Заберу вещички и уйду.

Генерал-десантник не слишком церемонится в подборе выражений:

– Ну и мудак! На хрена тебе это надо?! Думаешь, ты кому-то

этим что-то докажешь? Я тебе скажу, как оно с моей, с солдатской колокольни видится: если решил отступать, отступай, но так, чтоб после вернуться и победить!

– Не хочу ни возвращаться, ни побеждать.

– Вот тогда, блин, не будет конца твоим поражениям! Такая о тебе слава пойдет, что после сто раз пожалеешь. А чтоб статейки свои где-то печатать, об этом даже и не думай. Никто не захочет печатать Павла Вощанова!

– Да и бог с ними, со статейками.

– Знаешь, как тебе надо поступить? Зайди к шефу и скажи: «Отпустите меня, Борис Николаевич! Вы – такой выдающийся политик! Такую историю вершите! Я просто ох***ю от того, как вам это удается! Но, понимаете, чувствую, не дотягиваю я до ваших задач. Рядом с вами должен быть такой человек, чтоб хоть немного соответствовал вашему уровню».

Вначале показалось, генерал шутит. Теперь вижу, вполне серьезен. Но в своем отношении к его словам запутался. Отвергнуть с возмущением? Осмеять? Расспросить поподробнее, как это все должно выглядеть?

– Ты меня понял? Сделаешь так, как я говорю, он тебя обнимет и скажет: уходи, Паша, раз уж ты так решил!

– А он меня и без твоих слов держать не станет. Не задумываясь скажет: уходи! Еще и в спину подтолкнет. А, может, и куда пониже спины.

– Расстаться надо с миром. Ты тогда хоть работать сможешь спокойно. Ни одна сволочь в твою сторону не плюнет. А вдруг вернуться захочешь? Вдруг ему сильно понадобишься?

– О чем ты говоришь?! И не понадоблюсь, и не захочу. Забудет обо мне на второй день, – вспоминаю Гену Харина и вношу уточнение: – Ровно через три минуты забудет!

Может, все мои проблемы, что я слишком воспарил в своих замыслах? Сначала стал самым молодым в стране руководителем научного института. После, за считанные месяцы – одним из известнейших в стране политических обозревателей. Потом Ельцин. Какой бы он ни был, но работать рядом с главой государства – такое доводится немногом.

К счастью, есть кому осадить мою воспарившую гордыню. Один из таких – Василий Михайлович Песков, легенда отечественной журналистики, создавший в ней направление, совершенно неповторимое в своей притягательности. Еще до прихода в «Комсомолку» видел его по телевидению чуть ли не еженедельно, но никогда не думал, что доведется общаться, что называется, в живую. Хотелось бы, конечно, сказать о дружбе, но, увы, не имею на то права, поэтому скажу скромнее – знакомством

с Песковым горжусь безмерно. Так вот, на днях старик сказал мне не без намека: те птицы, что взлетают, стремительно набирая высоту, как правило, неспособны на долгие перелеты.

Я быстро взлетел, а потому надолго меня не хватило.

…Все, решено – съезжу с Ельциным в Париж, и ухожу! Только не так, как советовал Грачев, а как сам задумал – не прощаясь и не подавая прошения об отставке. Ушел, и с концами. Но не сейчас, а когда вернусь из Парижа. Уходить накануне официального визита, к тому же не имея замены, – ставить коллег в очень тяжелое положение. Они справедливо расценят это как свинство, и будут правы. Так что надо ехать. Как-нибудь выдержу. Тем более визит недолгий, всего-то три дня. Только надо бы позвонить в Будапешт Ряшенцеву. Вдруг сможет прилететь. Давно не виделись, да и посоветоваться надо. Хотя, конечно, знаю, что он мне скажет: не дури! И по-своему будет прав: в нынешнем качестве я ему более полезен, нежели отставной козы барабанщик.

– Привет! Ты можешь прилететь в Париж? Надо поговорить.

– А когда вы там будете?

– С 5-го по 7-е февраля.

– Хорошо, прилечу утром 6-го.

– До встречи!

…Со времени нашей последней поездки во Францию прошло чуть больше года, а как все изменилось! Помнится, в тот раз и в Париже, и в Страсбурге Ельцина принимали как незваного и нежеланного гостя: «Ну, раз уж приехал, поглядим, что это за фрукт!». Сейчас все по-другому. Всюду реют российские триколоры. У трапа поджидает президент Миттеран с супругой. Торжественность момента подчеркивают кивера и сабли почетного караула. А еще военный оркестр, старательно исполнивший российский гимн на музыку Глинки, не особо пригодную для духовых инструментов. И уж о чем год назад я и подумать не мог – в павильоне почетных гостей выстроились в ряд члены французского правительства, нетерпеливо ожидающие представления российскому президенту.

И, конечно же, совсем не тот Борис Николаевич. Совсем не тот! Не смурной, как тогда, а радостный и горделивый. В какие-то моменты даже, кажется, чуточку высокомерный.

Наш министр Козырев старается все время быть у него на виду. Даже непосвященным заметно, что его буквально распирает от гордости: вот, мол, чего я добился! Что ж, надо признать, встреча и впрямь удалась. Только попробовал бы он организовать что-то подобное год назад, когда социалист Миттеран свой восточный курс ориентировал исключительно на «отца советской

перестройки» Михаила Горбачева, а на нашего шефа смотрел как на политическое недоразумение. Это сейчас он оказывает ему всяческие знаки внимания, а тогда разве что два пальца не подавал при рукопожатии. Но я уверен, на сто процентов уверен: не было бы тогдашнего провала, не было бы сегодняшнего триумфа! То, что сейчас всё, даже протокольные мелочи, чуточку помпезнее положенного по протоколу – «комплекс вины» французского руководства.

Пышная встреча с флагами, гимнами и ротой почетного караула повторяется на плацу перед Елисейским дворцом. А после нее происходит то, что шеф более всего ценит во встречах с главами ведущих государств мира – беседа с глазу на глаз с президентом Франции. Венчает день многолюдный обед в честь Ельцина. В общем-то, обед как обед, ничего примечательного. Разве что бросающаяся в глаза нервозность Наины Иосифовны, пристально следящей за тем, чтобы супруг меньше пил и больше закусывал. Похоже, ей это не вполне удается – шеф заметно хмелеет и становится напористо-агрессивным. В его застольном общении с французами начинают проскальзывать нотки былой обиды. Сидящий за соседним столом Гайдар жалостливо поглядывает в его сторону, но не решается прервать долгие и не всегда понятные хозяевам ельцинские монологи.

В прежних наших поездках за рубеж на подобных мероприятиях рядом с Ельциным всегда садился Суханов и с трепетной ответственностью выполнял нынешние застольные функции Наины Иосифоны, то есть следил, чтоб тот меньше пил, а главное – чтоб не забывал закусывать. Сейчас он лишен от этой тяжкой, но, как он и по сей день считает, почетной обязанности. Даже если рядом с шефом нет супруги, она, эта обязанность, лежит уже не на нем, а на Коржакове. Казалось бы, живи и радуйся! Но нет – косо и, как мне кажется, с некой доли ревности поглядывает на охранника: все ли тот делает, как должно? А ну как не уследит?

А по мне, так и Бог бы с ним! Как говорится, баба с возу. Но Лев Евгеньевич недоволен, и его недовольство начинает распространяться на все остальное. В частности, на комнату в Версальском дворце, в которой его поселили. Считает, что слишком маленькая, а главное – не рядом с шефом. Как он сказал перед тем, как мы разошлись ко сну: занизили статус. А я считаю, нужно смирить гордыню. Во всяком случае, французы тут ни при чем. Им все равно, как нас расселять, – как указал русский протокол, так они и сделали. А наш нынешний протокол во всем ориентируется на требования шефа безопасности. Так что надо смирить гордыню и принять как должное новую реальность: это

прежде мы были для Ельцина какими— никакими, а все ж соратниками. Теперь – слуги, челядь. А в этом деле у Коржакова опыта – не чета нашему. Кагэбэвские «девяточки», из числа прикрепленных, кроме охранных функций, испокон веку еще и прислуживали. И не потому что так было положено. Делали это добровольно, ибо их положение и карьерный рост всецело зависели от настроений и капризов охраняемого лица.

Завтра непростой, хлопотный день. Так что надо настроить себя на позитив…

Как же мне нравится аскетизм моей версальской кельи! Она просто дышит XVII веком! Кажется, сейчас выгляну в коридор, а по нему, позвякивая шпорами, шагают мушкетеры одного из живших здесь Людовиков. Мог ли я в детстве мечтать о таком?!

А еще я очень доволен обнаруженным в ванной презентом от Франсуа Миттерана – набором новомодной мужской косметики Fahrenheit. Ничего подобного у меня еще не было!

А аромат постели?! Чудо! Лежишь, как на лугу в разнотравье. А пуховое одеяло?! Его даже не чувствуешь! Вот она, жизнь при королевском дворе!

Закрываю глаза, но прежде, чем уснуть, прошу Господа о снисхождении: дай, Боже, мне силы пережить это последнее в моей жизни испытание Ельциным!

…Второй день визита – сплошная кутерьма. Сначала протокольные мероприятия – беглый, скорее для галочки, осмотр достопримечательностей Парижа и возложение венка к могиле Неизвестного солдата. После этого – череда встреч продолжительностью в час или чуть более того, на которых скороговоркой будут произноситься дежурные слова о важности дружбы и сотрудничества между Францией и Россией.

Тон рабочему дню задает мэр Парижа Жак Ширак. Он, явно в пику Миттерану, устраивает шефу бурную встречу, с овациями и ликованием многочисленных представителей городской власти. Ельцин доволен. Очень доволен. Почти как русский император Александр I в тот самый момент, когда его войска с триумфом вступили в Париж.

Утром, проснувшись, я ломал голову: как же Ряшенцев сможет ко мне подойти, чтоб договориться о встрече? Сотрудники безопасности даже на пушечный выстрел не подпустят его к русской делегации. Но, поразмыслив, пришел к выводу, что беспокоюсь напрасно. Рядом с ним обязательно будет наш вездесущий друг Фредерик Шапю, у которого среди больших французских начальников, отвечающих за визит российского президента, наверняка отыщутся какие-нибудь давние знакомцы, которые все устроят. А когда они у него не отыскивались?!

Так оно и случается – в мэрии, в окружающей Ширака толпе городских чиновников и депутатов, замечаю самодовольно улыбающихся друзей: добро пожаловать к нам в Париж!

– Будет вам дурака валять! У меня времени в обрез. Давайте быстренько договариваться, когда и где встречаемся.

Оказывается, Ряшенцеву известно о нашей программе на сегодняшний день много больше моего:

– Слушай сюда, мой друг! Вечером у вас встреча с русской эмиграцией. Думаю, вы там долго не задержитесь, потому как графья да князья к твоему шефу не особо благоволят. После этой встречи – обед от имени Национального собрания. На нем будет уйма народу. Фредерик договорился, и тебя посадят за стол на отшибе. Так что если оно будет пустовать, никто из твоих начальников этого не заметит.

– Это хорошо. Но я так и не понял – где и во сколько встречаемся?

– Мы будем ждать на улице Гренель, у входа в резиденцию российского посольства, с 18 до 18:30. Как сможешь, так и выйдешь к нам.

– А что после? Боюсь, меня французская охрана не пропустит ночью в Версаль.

– И этот вопрос нами решен. У нас есть телефон сотрудника российского посольства, которого специально закрепили за тобой. Вечером мы позвоним ему, и он на своей машине отвезет тебя в Версаль на ночлег.

– Ну вы и аферюги!

– И прошу тебя, нигде не перекусывай, не перебивай аппетит!

После мэрии калейдоскоп встреч замелькал в бешеном ритме. Сначала – 45-минутный завтрак с премьер-министром. После – все бегом, бегом! – беседа с председателем Сената. Она, правда, была не столь скоротечной, как предыдущая, проговорили почти полтора часа, но из-за этого пришлось ужать до получаса встречу с деловыми кругами Франции. На лицах богачей читалось разочарование. Многие приехали из других городов, а оказалось, лишь затем, чтоб поглядеть на многозначительно улыбающегося российского президента. Лишь единицам удалось, пожимая руку Ельцину, произнести какие-то слова касательно деловых интересов в России.

Помнится, вчера вечером, перед сном, я попросил Господа дать мне силы пережить это последнее испытание Ельциным. И он-таки мне их дал! Правда, немного не рассчитал, и хватило не на весь день. К вечеру, к встрече с русской эмиграцией Франции, я уже до краев переполнен недовольством и стараюсь не быть подле Ельцина. Раздражает все – и его слова, и мимика, и жесты,

и манера общения. Понимаю, что так нельзя, но ничего не могу с собой поделать. Просто беда!

…В резиденции посольства на улице Гренель собрались представители всех волн русско-советской эмиграции. Чувствуется, что в своем отношении к Ельцину они далеко не единодушны. Титулованные «старики» не горят желанием восторгаться новым властителем. Недавние соотечественники, напротив, охотно выстраиваются в очередь лишь для того, чтоб пожать руку ему и выразить благодарность за происшедшие перемены. В обществе элегантно одетых господ (явно – эмигрантский бомонд) замечаю всемирно известного музыканта Мстислава Ростроповича. Памятуя о проведенных вместе часах в осажденном путчистами Белом доме, подхожу поздороваться:

– Мстислав Всеволодович, вы меня не помните? Павел Вощанов, помощник Бориса Николаевича. Вы отдыхали ночью у меня в кабинете…

– Голубчик ты мой! Конечно! Как же я рад!

Уверен, мэтр меня не вспомнил, но расцеловывается, как с давним и очень близким приятелем. Его супруга смотрит на происходящее с нескрываемым недовольством, будто я подошел выклянчить у мэтра немного франков на пиво и сувениры для родственников.

– Дружочек мой, мне это делать неудобно, а ты шепни Борису Николаевичу, чтоб он здесь не особо поругивал Горбачева. К нему, знаешь ли, тут не все…

Закончить фразу не удается – мимо пулей пролетает разгневанный шеф, а за ним следом Коржаков и весь руководящий состав российской делегации. Завершает процессию невозмутимый Илюшин, неторопливо идущий с неизменной папочкой в руках.

– Что-то случилось?

– А-а, – Илюшин досадливо машет рукой, – тут ему кое-кто наговорил всяких малоприятных слов, вот он и взбеленился.

– Значит, мы уже уезжаем?

– Это было бы неправильно понято. Филатов с Гайдаром убеждают побыть еще хотя бы минут десять-двадцать. Чтоб никто не подумал, будто обиделся.

Чувствую, настал момент, когда я должен предупредить, что какое-то время буду отсутствовать:

– Виктор Васильевич, а что если я исчезну на этот вечер? Хочу с друзьями повидаться.

– Сегодня вообще не стоит попадаться шефу на глаза, так что… Но ночевать, надеюсь, будешь в Версале?

– Конечно.

– Тогда давай.

Господи, вот она, ниспосланная тобой воля! И вот они, друзья, с которым легко и приятно! Спасибо тебе, Господи, что дал силы дожить до этого часа!

Сидим в маленьком, но чертовски уютом ресторанчике, с безумно вкусной кухней. Фредерик отправился по каким-то неотложным делам. Как съязвил Ряшенцев, чтоб обрушить фондовую биржу где-нибудь в Гонконге или прикупить и сразу перепродать Панамский канал. Так что мы трапезничаем без него. И это к лучшему. Все-таки он не нашенских кровей.

– Понимаешь, не могу больше! Не могу! Задыхаюсь! Меня уже от одного его вида с души воротит!

Как ни странно, но прагматичный Ряшенцев относится к моим планам с сочувствием и пониманием:

– Уходи! Прямо сейчас! Напишешь прощальную записку, и со мной в Будапешт. Я совершенно серьезно!

– Нет, Володька, мое исчезновение заметят французы. Представляешь, какой будет звон на весь свет? «В Париже исчез пресс-секретарь президента Ельцина» – это ж сенсация мирового масштаба! Оно нам надо?

– Тогда возвращайся в Москву, пиши шефу записку, и сразу ко мне.

– Ты не думаешь, что это будет ошибкой?

– Ошибка, это себя насиловать.

…Оттепель – большая редкость для февральской Москвы. Можно было бы радоваться нежданно наступившей весне, если б не мутные ручьи, вытекающие из-под осевших сугробов и впадающие в огромные лужи, отчего-то чаще всего разливающиеся на перекрестках, посреди пешеходных переходов. Зато в Кремле, вовремя избавленном от снега и дорожной наледи, все радует глаз и слух. И сухой асфальт, и играющие солнцем окна, и звонкая капель тающих сосулек, и гомон ошалевших от солнечного тепла птиц. Вроде бы не так уж и высока кремлевская стена, а за ней будто другая страна, с другим, более мягким климатом.

По возвращении из Парижа сказываюсь больным и несколько дней не выхожу на службу. Но сегодня суббота. Значит, никто из начальников не повстречается и не станет задавать ненужные вопросы насчет планов на ближайшее будущее. Потому что план у меня один – забрать из кремлевского кабинета свои вещички, оставить у дежурного прошение об отставке и ближайшим же рейсом улететь в Будапешт. Побуду там до тех пор, пока не уляжется вызванный моим уходом шум-гам.

В Белом доме у меня было ощущение, что я там надолго,

потому и тащил к себе в кабинет все, что могло сгодиться в работе. Один архив газетных публикаций занял чуть ли не целый шкаф. В Кремле такого ощущения не было с первого же дня. Поэтому моя личная собственность умещается в одну, правда, объемистую спортивную сумку. Чтобы исключить какие бы то ни было обвинения со стороны новоявленных радетелей безопасности, запираю в сейф оружие и документы с грифом «Секретно», а ключ заклеиваю в конверт и отдаю дежурному по приемной.

Теперь самое главное – нужно написать прошение об отставке. Мучаюсь над ним битый час, но так и не могу добиться требуемого результата – чтоб не чувствовалось никакой личной обиды, но чтоб шеф понял, что ухожу от него не просто так, а разочаровавшись. И в нем, и в политическом курсе, и в стиле его руководства. В конце концов бросаю это занятие, и пишу короткую записку руководителю Секретариата Виктору Илюшину, которому подчинены все помощники президента. Объяснение своего ухода свожу к незатейливой мысли: Борис Николаевич не испытывает нужду в пресс-секретаре (во всяком случае, таком, как я), а потому не считаю возможным продолжать исполнение этих обязанности. Сочтет нужным – передаст шефу. Не сочтет – и ладно. Запечатываю написанное в конверт и тоже отношу в приемную. Секретарь смотрит с удивлением: это все или ты еще что-нибудь принесешь?

Теперь все! На этом заканчивается моя жизнь «при Ельцине». Могла бы, конечно, закончиться и получше, без душевной опустошенности, но уж как вышло, так вышло.

Возле Спасских ворот встречаю коменданта Кремля генерала Барсукова. Вот уж кому не позавидуешь. Отвечает за все, а покомандовать им норовит любой президентский охранник.

– Что это тебе не отдыхается? – и с удивлением смотрит на мою сумку. – Работу на дом берешь?

– Да нет, не работу…

– А-а, – и усмехается, – а то я подумал, что теперь у нас еще и про тебя станут говорить: «Работает дома с документами».

Вечером из Будапешта звонит Ряшенцев. Судя по голосу, настроение у него прекрасное:

– Вещички из Кремля забрал? Заявление написал? Молодец! Я вот что подумал: наверное, не стоит тебе брать билет до Будапешта.

– Та-ак!

– Давай на всякий случай перестрахуемся, слегка запутаем следы, мало ли что.

– И куда же мне прикажешь лететь?

– В Стамбул. Завтра рано утром у Али Шена из Ленинграда вылетает какой-то борт. Я с ним договорился, командир «присядет» во Внуково и подберет тебя.

– И что я буду делать в Стамбуле?

– Ничего не будешь делать. Сразу пересядешь в другой самолет и полетишь в Софию.

– Час от часу не легче! Там-то что буду делать?!

– Там я тебя встречу.

– И что дальше?

– Вечером тебя ждет Желю Желев.

– Ну, и намудрил же ты, Володька…

– В общем, завтра вечером ужинаешь с президентом Болгарии.

– Это твоя инициатива?

– Его! Еще вопросы имеются? Нет? До завтра!

Начинается новая жизнь. Какой-то она будет? Черт ее знает! Но какой бы ни была, а в ней теперь все будет зависеть только от меня, и не от кого больше. Разве это не счастье? Истинная сладость свободы ощущается только после неволи.

Спустя несколько месяцев мой оставшийся в Кремле помощник Алексей Новиков расскажет забавную историю, связанную с моим уходом.

Дело было в поездке президента России по просторам вверенной его заботам страны. Кажется, по Карелии. Журналисты кремлевского пула передвигались на специально выделенном для них комфортабельном автобусе, как и положено, в сопровождении двух сотрудников Службы безопасности. В долгой дороге пишущую братию утешают две вещи – легкая выпивка и непринужденный разговор. В тот раз все именно так и было. Причем охранники не отстранились от питейного настроя сопровождаемых лиц, а разделили с ними скромную трапезу. Но журналисты были б не журналистами, если бы не использовали момент для того, чтобы порасспросить коржаковских парней про кремлевские таинства. Кто-то задал вопрос:

– А все-таки почему Вощанов ушел?

– Ушел? – охранник насмешливо скривил рот. – Не ушел, а сбежал. Его же со дня на день должны были арестовать. А ему, видно, кто-то шепнул.

– А было за что арестовывать?

– Конечно! За взятки. Когда мы после его бегства вскрыли у него в кабинете сейф – каких там только купюр не было! И зеленые, и красные, и синие. Со всех собирал, гад!

– А почему он их не забрал?

– Так в сумку ж не уместились! Дежурный у Спасских ворот после показал, что он ее еле пёр, аж сгибался весь.

Жаль, запамятовал имя того охранника. Лицо помню, а имя не вспоминается. А спросить уже не у кого – Леша Новиков умер через полтора года после своего ухода из Кремля. Говорят, крепко пил. Типичный синдром невостребованности. Думал, с записью в трудовой книжке о службе «при Ельцине» будет нарасхват, а вышло наоборот…

Часть вторая

Надо признать, человек частенько заблуждается относительно себя – то переоценит свое значение в окружающем мире, то преувеличит интерес этого самого мира к своей персоне. Я тоже думал, что уезжаю в Будапешт на пару месяцев, чтоб переждать шум-гам, вызванный моим неожиданным уходом от Ельцина. А шума-то особого и не случилось! Телевизионные аналитики поговорили день-другой, посудачили, и все стихло. Интерес долго не угасал лишь у аккредитованных в Москве западных журналистов. Да и то, если разобраться, не ко мне лично, а к тому кремлевскому миру, о котором теперь мог позволить себе рассказать что-нибудь пикантное. От кого им еще такое узнать, как не от якобы обиженного отставника? Те, что при должности, себе подобного не позволят даже под пытками.

Что касается «кремлевской мести», которой начинал стращать мой друг Ряшенцев, лишь только речь заходила о возвращении в Москву, то ее тоже не было и в помине. Спустя несколько дней после моего ухода из Кремля Ельцин самолично позвонил главному редактору «Комсомолки» Владиславу Фронину, произнес несколько хвалебных слов о моих талантах и достоинствах и попросил сделать все возможное, дабы его бывший пресс-секретарь мог продолжить работу на творческом поприще. Понятно, что никаких симпатий при этом ко мне не испытывал. Просто в ситуации, когда оппозиция набирает силу, для него это лишняя головная боль, если вдруг вчерашний помощник переметнется к врагу. Не то чтоб знает слишком много потаенного, хотя и не без этого, но политический эффект все же нежелательный. Легче позвонить и проявить заботу. Что и было сделано.

А вот оппозиционеры разыскивали меня весьма настойчиво. Дома в Москве телефон буквально не умолкал. Я оказался востребованным всеми, кто против Ельцина. От ортодоксальных коммунистов Полозкова до либералов Вольского. Чего мне только

не предлагали – учредить партию, создать политический клуб, издавать резко оппозиционную газету, принять участие в избирательном блоке! Всего и не перечислить. Пожалуй, это и было главной причиной моего долгого сидения в Будапеште. Конечно, большая политика – наркотик, от которого трудно отказаться «без ломки». Но есть некий предел грехопадения, за которым наступает политическая всеядность, когда тебе неважно, с кем и в чем, главное – чтоб о тебе не забыли. Только после Кремля, где хорошо ли, плохо ли, но действительно вершилась какая-то политика, не хотелось опускаться до уровня примитива. Образно говоря (если развивать мысль, что политика – это наркотик), не хотелось переключиться с кокаина элитарных салонов на нюханье скипидара в грязном подъезде. И в том, и в другом, безусловно, присутствует грех. Но уж если грешить, так грешить красиво и по большому счету.

Но всему – и хорошему, и плохому – когда приходит конец…

Вчера в Будапешт (и как только раздобыл номер моего телефона?) позвонил Федор Сизый, коллега по «Комсомолке», с которым приятельствовали еще до моего ухода к Ельцину. С полчаса с вдохновением рассказывал о своих наполеоновских планах:

– Мы сделаем лучшую в России газету! Как тебе такое название: «Деловой вторник»?

– Почему «деловой» и почему именно вторник, а не среда и не пятница?

– Будет и среда, и пятница! В перспективе это вообще будет ежедневная газета. А «деловой», потому что деньги дает «Газпром», Рэм Иванович Вяхирев. Он мой друг, понимаешь?

– А как же «Комсомолка»?

– Для начала, «Деловой вторник» будет ее еженедельной вкладкой. Ты, кстати, в «Комсомолке» тоже сможешь печататься. Я говорил о тебе с Фрониным. Он сказал: нет проблем!

Вот теперь сижу и мучаюсь: что я здесь, в Будапеште, кисну? Там, в России, жизнь бьет ключом. Вон даже Федор, на что разбитной гуляка, и тот затевает какое-то серьезное дело. А я?! Хуже эмигранта! Сажусь утром в подаренный Ряшенцевым «Мерседес» и катаюсь бесцельно по всей округе. А придет в голову попить словацкого пива, так еду аж до самой Братиславы, лишь бы время убить. В общем, поря возвращаться. Хочу домой!

Ряшенцев смотрит на меня с жалостью, как на тронувшегося умом беглого каторжника, вдруг затосковавшего по соляным копям:

– Ну и куда ты поедешь? В Москву? Там тебе кремлевские дружки сразу припомнят твое предательство.

– Да кому я нужен!

– Или влезешь в какую-нибудь авантюру, за которую тебя и прибьют.

– Ладно каркать-то! Поди, и сам не знаешь, как от меня побыстрей избавиться.

– Дурак ты, мой друг, вот что я тебе скажу!

«Отвальную» устроили под Будапештом, в маленьком городке Сентендре, некогда основанном спасшимися от турок сербскими купцами. В ресторанчике деревенского дизайна ели великолепный венгерский гуляш и пили вино. Про мой предстоящий отъезд не было произнесено ни слова. И только когда шли к машинам, Ряшенцев вдруг сказал, причем так, чтоб никто другой не услышал:

– Ох, нехорошее у меня предчувствие! Ты уж там поосторожней, понапрасну не лезь на рожон.

Владимир Игоревич Ряшенцев – одно из самых значимых обретений в моей жизни. С ним связаны наиболее яркие ее эпизоды в «эпоху Ельцина». Он умер в Америке в 1997 году, не дожив и до 50 лет. Было ему всего-навсего 47. И такой странный диагноз – «коровье бешенство». С одной стороны, правдоподобен – когда мы собирались у кого-нибудь дома и хозяйка крутила фарш для котлет или пельменей, миску надо было оберегать пуще зеницы ока, мог съесть чуть ли не половину. А с другой стороны, как-то странно выглядит подобный уход после острейших конфликтов с властями разных стран, многие из которых так или иначе были связаны с политикой. Точку в истории его гонений поставила до конца не изученная медиками губчатая энцефалопатия. Проще говоря, жизнь оборвал кусочек сырого мяса.

Это был единственный человек, которого вдохновляли мои даже самые бредовые фантазии. Ему было одинаково интересно и делать деньги, и участвовать в политических и околополитических проектах.

Но однажды все переменилось – Ряшенцев влюбился и затосковал по тихой жизни. Без гонений, без угроз, без адреналина в крови. И сразу же зашаталась созданная им (признаюсь, не без моего участия) компания «Российский дом». В одночасье этот Дом стал домиком, причем карточным. Очень и очень жаль, что все так печально закончилось. И жаль, что рассыпалась великолепная команда – прекрасные специалисты и, что еще важнее, отличные ребята.

Часто вспоминаю те времена. И жалею, что неповторимы…

…Как все-таки быстро и неумолимо летит время! Кажется,

только вчера ушел от Ельцина, а пролетело-просвистело два с лишним года. На дворе декабрь 94-го. Пора задуматься о празднике с оливье и хороводом вокруг елки. Главный вопрос – где и с кем встречать. Может, поехать к Ряшенцеву в Будапешт? Давненько не виделись, не до встреч было – он что-то без устали продавал и покупал, я, не разгибая спины, строчил заметки в «Комсомолку» и в «Деловой вторник». Сколько же я их понакропал за эти два года! И едва ли не каждая про политику президента Ельцина. Дима Муратов (за эти два года в его жизни тоже кое-что переменилось – стал главным редактором «Новой газеты») по поводу моего творчества не устает насмешничать: мол, у тебя при прежнем режиме все сводилось к неизменному выводу, что «Во всем виновата Коммунистическая Партия Советского Союза!», при нынешнем – «Во всем виноват Борис Николаевич Ельцин!».

Что ж, признаю – творчество мое не лишено некоторой монотонности. Ну, а кого же еще критиковать политическому обозревателю, как не Власть? Не был бы Ельцин президентом Ельциным, я бы о нем, может, и не вспомнил, а так – вот он, мой главный герой! Хотя, допускаю, кому-то может прийти в голову, что Вощанов-де переполнен обидами и одержим местью, и, в этом смысле, психически ненормален. Не хотелось бы, чтоб так думали коллеги и мой читатель. Но и оправдываться по поводу каждой публикации – ничего глупее не придумаешь.

Хорошо помню, как тяжело давалась первая заметка с критикой Кремля и его хозяина. В голове не укладывалось – я, и вдруг супротив Ельцина! Никогда бы не подумал! Но пересилил себя, написал, чем вызвал у прежних коллег не самые добрые чувства – у кого-то гнев, у кого-то досаду. Но шеф никак не прореагировал. И не потому что посчитал себя выше перебранки с отставным слугой, а потому что просто-напросто уже крайне редко берет в руки газеты. Даже телевизор, и тот смотрит от случая к случаю. Как шепнул мне по секрету один из сотрудников Службы безопасности, с недавних пор о публикациях в прессе Борис Николаевич знает исключительно в пересказе Коржакова, а тот докладывает лишь о том, о чем посчитает нужным доложить. Мои заметки, видимо, ценятся не дороже щенячьего визга: к чему отвлекать шефа такой ерундой?

…Предпраздничные раздумья прерывает секретарь главного редактора:

– Тебя к телефону требует какой-то, судя по тону, очень важный господин. Говорит, ты его хорошо знаешь, что вы вместе работали. Подойдешь или сказать, что тебя нет и уже не будет?

Кто же это такой? Бывшие коллеги по Белому дому, а уж тем

более по Кремлю, меня не часто жалуют своим вниманием. Можно сказать, вообще не жалуют.

– Слушаю!

– Это Баранников Виктор Павлович. Помнишь такого?

Вот уж кого никак не ожидал услышать! Генерал армии, бывший министр внутренних дел, а позднее – министр безопасности Российской Федерации. Был уволен Ельциным в июле 1993 года «за нарушение этических норм и за серьезные недостатки в работе». Но ни сам президент, ни кто-либо из его аппарата так и не раскрыли суть этих формулировок. Используя старые связи на Лубянке, мне тогда удалось для себя кое-что прояснить. Оказалось, что формальная причина отставки достаточно серьезна – гибель почти половины бойцов 12-й заставы Московского погранотряда на таджикско-афганской границе и ее захват боевиками под командованием полевого командира Хамидулло. Но главным обвинением было не это, а «нарушение этических норм». В чем его суть? Баранников якобы вступил в неслужебные е отношения с Борисом Бирштейном, главой фирмы «Сиабеко», поднявшемся до бизнес-высот на волне чубайсовой приватизации. Но у Кремля не нашлось неоспоримых фактов, напрямую доказывавших коррумпированность «силовика». Поэтому президент отправил его в отставку, а не под суд.

Такова официальная версия. Люди с Лубянки излагали мне другую, неофициальную: Бирштейн – двойной агент, одновременно работавший и на нашу госбезопасность, и на израильскую разведку, а его «Сиабеко» – чуть ли не кошелек КГБ, коих в советские времена было множество. Баранников имел с ним исключительно служебные отношения, лишенные личной корысти. Отставка же вызвана тем, что на бизнес Бирштейна положил глаз всемогущий Коржаков, который не мог допустить, чтобы такие деньги были неподконтрольны его Службе. Несколько докладов Хозяину – Баранников в опале. Возможно, незаслуженной. Подчеркиваю: возможно. Обида и невостребованность привели отставного генерала в восставший против Ельцина Белый дом, за что после и отсидел пять месяцев в «Матросской тишине». Вот такая версия. Сразу оговорюсь – никем не проверенная и не доказанная. Правдивая она или нет? Кто ж знает. По крайней мере, правдоподобная.

– У меня к тебе просьба – повстречайся с одним человеком…

– Что за человек?

– Мы с ним вместе работали. Он покажет кое-какие документы. Думаю, они тебя, как журналиста, заинтересуют.

– Это насколько срочно?

Генерал молчит. Наверное, ему кажется, что я попросту не горю желанием откликаться на его просьбу, но, чтобы не обидеть давнего знакомца, к тому же незаслуженно пострадавшего в октябре 93-го, наспех придумываю отговорку. Поэтому поясняю свой вопрос:

– Дело в том, что я на Новый год улетаю…

– Куда, если не секрет?

– В Будапешт.

– Можешь оставить свои координаты? Как тебя там найти?

…Вчера в Будапеште объявился человек Баранникова. Лучшего дня для серьезного разговора он, конечно, не мог придумать – 2 января! Поэтому самое подходящее место встречи – пивной ресторанчик.

– Простите, как мне к вам обращаться?

– Да как вам угодно. Хотите – «товарищ», хотите – «приятель», хотите – придумайте любое удобное вам имя (только не женское).

– Можно я буду называть вас: «человек Баранникова»?

– Нельзя, – «приятель» открывает портфель и достает из нее папку, давая понять, что шутки кончились. – Здесь подписанные Ельциным документы о техническом перевооружении его Службы безопасности. Из них вы поймете, как Коржаков «перевооружается», не забывая о своем кармане. А еще кое-что об участии людей из окружения президента в приватизации госсобственности. Тут такой запашок воровства, что не продохнешь!

Листаю бумаги. Конечно же, это «бомба». Хотя насчет коржаковского кармана – всего лишь догадки. Из документов ничего такого не следует.

– Вы мне можете их оставить?

– Конечно. Это для вас. Копии.

«Приятель» делает глоток пива. Я бы сказал, какой-то дежурный, лишенный опохмелительного наслаждения глоток. Становится понятным, что вчера он не праздновал. Вот что значит чувство долга! Вот с кого нам с Ряшенцевым надо брать пример!

– Когда ждать публикацию?

– Стоп! Я же не тапер из ресторана: вы мне бросили на рояль купюру, я вам тут же сбацал любимую песенку. Дайте время изучить, проверить…

– Месяца хватит?

– Вы куда-то торопитесь?

Признаюсь, мне не по душе, когда в книгах, подобных этой, автор, особенно если он профессиональный журналист, слово в

слово повторяет текст своих давних заметок. Это стало каким-то особым пенсионерским жанром – собрать воедино и опубликовать весь свой творческий архив. Если речь идет, к примеру, о таких авторах, как Василий Михайлович Песков или Ярослав Кириллович Голованов – такое более чем уместно. Один писал про Человека и Природу, другой – про Человека и Космос. Их тексты нестареющие. Людям и через сотню лет будет интересно их прочитать (если, конечно, к тому времени они вконец не отвыкнут от этого занятия).

В политической же журналистике текст живет очень недолго. Неделя-другая, и тема состарилась, а вместе с ней состарилась и мысль. Меняется ситуация, меняются мотивы, меняются акценты. Внимание читателя переключается очень быстро. Поэтому, когда автор, писавший о государстве, политике или политиках, собирает в книгу написанное им несколько лет назад, выглядит это, мягко говоря, жалко. Этим он как бы приглашает читателя разделить с ним его тихую стариковскую радость: «Вот, я еще в те годы это предвидел!».

Может, и предвидел. И что с того? Тогда это бередило мысль, рождало желание действовать, а сегодня, по прошествии времени, ничего подобного. Вроде эпитафии на надгробии.

…В Москве вовсю бушует весна. Настроение – лучше не бывает! Мало того что закончилась нелюбимая мною зимняя слякоть, так у меня еще и творческая удача – сразу в нескольких номерах подряд вышли мои заметки про Кремль. Про то, как люди из окружения президента участвуют в приватизации. Про византийскую роскошь жизни новоявленной политической элиты. И, конечно, про то, как Ельцин потворствует неуемным аппетитам своего фаворита – выделяет огромные деньги на техническое переоснащение коржаковской Службы, ставшей выше и важнее всех прочих «силовых» структур государства. Обо мне говорят. Меня цитируют. Меня хвалят. Настораживает одно – Кремль никак не реагирует, словно затаился и чего-то выжидает. Не к добру это. Ох, не к добру!

Где-то в глубине души шевелится чувство опасности: а ну как кое у кого в Кремле возникнет желание поквитаться? Только совсем не хочется об этом думать. Бог с ними, с этими кремлевскими мстителями! Мне все нипочем! Хожу эдаким именинником. Прямо как Плейшнер, опьяненный свободой и забывший о подстерегающей его опасности.

Бахвальство сродни глупости.

Весеннее утро. За окном голубое небо, искрящееся солнце и радостный щебет птиц. Все располагает к безмятежности. Поэтому звонок Владимира Николаевича Виноградова, бывшего

сотрудника центрального аппарата КГБ, полковника запаса, в перестройку переключившегося на бизнес и добившегося в нем немалых успехов, воспринимаю с удвоенной радостью. Удвоенной, потому что мы не просто знакомы, а еще и приятельствуем, причем не первый год. Он – человек занятой, и нечасто обо мне вспоминает. И это рождает в голове хвастливую мысль: наверное, тоже прочитал мои заметки и звонит, чтобы похвалить. Но первые же слова полковника не оправдывают благостные ожидания:

– Тебе надо срочно уехать из Москвы! Есть куда или помочь?

– Что значит «срочно уехать»? С чего это вдруг?

– Вчера Ельцину доложили о твоих статьях про него и про Кремль. Он в ярости. Вызвал Коржакова и дал ему такой нагоняй…

– А ему-то за что?

– За то, что не пресек твою болтливость, – похоже, мои вопросы слегка раздражают Виноградова, а потому он сразу переходит к главному: – В общем, решено тебя наказать.

– Насмерть или как?

Чувствую, Виноградов усмехается:

– Старик, это уж как получится. Я сейчас был в Кремле, в Службе безопасности, и мне старый сослуживец рассказал, что Коржаков поручил твое дело своему новому сотруднику, адмиралу Рогозину. У того в милиции «на трех вокзалах» есть свои люди. Так вот они и пришлют тебе «весточку».

– Ментов, что ли?

– Не обязательно. Скорее всего, вокзальную шпану. Но это и неважно. Ты же не станешь, надеюсь, дожидаться их прихода? Бери самое необходимое, и вон из Москвы! Хотя бы на какое-то время. А то после нам с Ряшенцевым придется тебя по косточкам собирать.

Сижу на кухне в глубоком раздумье: что же делать? У меня мать при смерти, уже с постели не встает. С ней рядом сестра, инженер-программист из КБ ракетных систем, недавно оставшаяся без работы. Жена в длительной командировке. Дочь, студентка МГУ, со стипендией в разы ниже прожиточного минимума. Куда я от этих забот-хлопот побегу? Может, Виноградов все же слегка сгустил краски? Какая-то вырисовывается не укладывающаяся в голове цепочка – от президента России до привокзальной шпаны. Чудно, право!

Звонок в дверь возвращает в реальность уже не столь радостного утра. Почему-то кажется, что это Виноградов. Почувствовал мою неуверенность и примчался убедить в необходимости смыться из города. Причем как можно скорее.

Открываю дверь (дверного глазка у меня отродясь не было) и…

Резкий удар отбрасывает от двери…

Кто-то садится мне на спину, хватает за волосы и бьет головой об пол…

Хорошо, что повалили на ковер, не так больно…

Господи, как же от них воняет мочой и водочным перегаром! Задыхаюсь…

Почему они носят такие тяжелые зимние ботинки? Весна же…

И какой мерзкий, прокуренно-спитой голос:

– Побольше пиши в своей ё***ной газетенке! Запомни, сука, мы вернемся, если что!

Все будто в тумане. Ничего не вижу. И не слышу. Какие-то обрывистые звуки – удаляющийся топот тяжелых ботинок, стук захлопнутой входной двери, судорожный старт допотопного лифта. И противный монотонный звон в ушах. А в голове единственная мысль: как хорошо, что дочери не было дома! Как было бы стыдно – папу шпана отлупила…

До вечера отлеживаюсь на диване. Не так больно костям, как мерзко душе. Время от времени накатывает неконтролируемая злоба: ну, Саня, погоди, отомщу! И самому становится смешно от этой мысли. Представляю, будто ранним утром (или поздним вечером) подкарауливаю двухметрового бугая возле Спасских ворот и луплю его до тех пор, покуда не захлюпает носом и не запросит пощады. Или еще лучше сюжет – останавливаю ельцинский кортеж на Рублевке, вытаскиваю из машины любимого охранника и луплю ногами по ребрам (надо будет где-то раздобыть ботинки потяжелее).

Да-а…

Но и делать вид, что ничего не произошло – себя не уважать. Поднимаю трубку и набираю домашний номер Виноградова:

– Володя, это я.

– Погоди, я тебе позже из автомата перезвоню.

Позже – это следующим утром.

– У меня есть одна возможность отомстить – написать обо всем в газете.

– Что ж, это по-мужски. Но у меня условие – не упоминать моего имени.

– Боишься?

– Не говори ерунды! Просто Коржаков знает, с кем из его сотрудников я в тот день встречался. Тебе рассказать, что с этим офицером после сделают?

– Извини, сморозил глупость.

Сказать-то про заметку я сказал, а вот кто ее опубликует, об

этом не подумал. А ведь ее, пожалуй, никто не захочет публиковать. Во-первых, у меня нет никаких доказательств, а дело пахнет судебным иском. А во-вторых, кому охота навлекать на себя гнев царских опричников? Никому. Разве что Дима Муратов, по старой дружбе, согласится подставить по удар свою новорожденную «Новую ежедневную газету». Он парень отчаянный.

…Сегодня вышла моя заметка про нападение с именами главных героев – Ельцина, Коржакова, Рагозина. И несколькими безымянными персонажами – милицейского начальника с «трех вокзалов» и троицей его подопечных алкашей. Но имени Виноградова в ней нет, и ни слова о том, что я был заранее предупрежден.

Не скажу, что заметка моя произвела всеобщий фурор, но все-таки не прошла незамеченной. О ней говорят, ее цитируют, меня даже хвалят. Не все, но многие. А Кремль молчит. Никакой реакции. Затаился и выжидает. Но я уже не Плейшнер, опьяненный свободой и забывший о подстерегающей его опасности. Уже осознал, что для этой братии нет ни Закона, ни моральных преград. Политические беспредельщики. Поэтому настороже.

Сейчас такое кажется невероятным. Не сомневаюсь, что кто-то, прочитав эти откровения, возмущенно воскликнет: не может быть! А потому сошлюсь на человека, сменившего меня на посту пресс-секретаря президента Ельцина – на Вячеслава Костикова. Мы никогда не были близкими друзьями и встречались раза два-три, да и то на записях телепрограмм, когда нет возможности о чем-то поговорить. Так что нас нельзя заподозрить в каком-то сговоре.

Так вот, Костиков оказался в ситуации, чем-то схожей с моей – Коржаков устроил ему допрос с пристрастием насчет будущих творческих планов. И более всего его интересовало: а не собирает ли пресс-секретарь материал для будущих сенсационных воспоминаний о президенте и его окружении?

– Имей в виду, для нас важно, что ты сейчас скажешь!

Далее цитата из интервью Вячеслава Костикова, датированного 1997 годом:

«У меня не было иллюзий относительно того, как интерпретировать его слова. Это была форма предупреждения. Незадолго до этого разговора в прессе появилось сообщение о том, что неизвестные ворвались в квартиру прежнего пресс-секретаря президента Павла Вощанова и избили его. В последующем интервью П. Вощанов фактически прямо сказал, чьих это рук дело и на что ему «намекали». Намекали на то, что он стал слишком

разговорчив. На втором этаже Кремля, где размещалась Служба безопасности президента, в сущности, и не скрывали, что «дали по ушам Вощанову, чтобы он не вспоминал ненужных эпизодов». Меня более всего это тогда и поразило – не столько насилие по отношению к слишком разговорчивому противнику, сколько то, что не считали нужным скрывать это. Значит, уверены в своей безнаказанности. Значит, заинтересованы, чтобы создавать атмосферу страха».

Часть третья

Несколько столичных газет вышли со странными и, на мой взгляд, довольно провокационными заголовками – «Кому выгодно убийство бывшего пресс-секретаря?», «Павел Вощанов приговорен к избиению», «Вощанова не добили». Хорошо, что мои ближайшие родственники не особо охочи до чтения прессы. Иначе испереживались бы, да и меня издергали своими расспросами. Но друзья волнуются. И не стану скрывать, это радует и успокаивает. Не все так безнадежно, когда есть на кого опереться.

То, что мне по нескольку раз в день звонит Ряшенцев и требует, чтоб я незамедлительно летел к нему в Будапешт – это не удивляет. И то, что из Питера постоянно названивает Виктор Югин, предлагая пожить у него на Шпалерной – «Комната сына в твоем распоряжении!» – это тоже вполне ожидаемо. Даже то, что болгарин Венцель Райчев шлет мне приветы от своего президента и уговаривает принять предложение Желю Желева отдохнуть на какой-то вилле в горах неподалеку от Софии – и это в порядке вещей. А как еще должно быть между старыми и добрыми товарищами?! Но вот сегодняшний звонок Раисы Максимовны Горбачевой удивил безмерно. Вот уж чей голос никак не ожидал услышать!

– Ты как себя чувствуешь, мой друг? Хочу назначить тебе свидание. Завтра Валентин Иванович Толстых в Доме кино проводит очередное заседание своего интеллектуального клуба «Свободное слово». Ты ведь знаешь об этом клубе, да? Так вот, приходи часам к шести. Хочу посмотреть на побитого Вощанова. Придешь?

– Непременно!

– Вот и хорошо. Там и поговорим.

…Раиса Максимовна осматривает меня почти как врач в травмопункте:

– Голова не болит? А зрение как? Хуже не стало? Не подташнивает? Знаешь, при сотрясении мозга такое бывает.

– Нет, Раиса Максимовна, у меня никакого сотрясения. Все нормально. Ребра только немного побаливают.

– Тогда тебе мое лекарство не повредит, – Раиса Максимовна хитро осматривается по сторонам и достает из портфеля, больше похожего на сумку, полулитровую бутылку «Стрижамента», горькой 40-градусной настойки со Ставрополья. – Я тут на родине погостила…

«Стрижамент» – это хорошо! Бальзам для моей израненной души! Но где его распить? В здешний ресторан Горбачева идти отказывается категорически: к чему нам эти косые взгляды? К счастью, мимо нас пробегает Валентин Толстых. Он в этом доме человек свой. Мало того, что член киношного союза, так еще и автор многих статей в журналах «Искусство кино» и «Советский экран».

– Валентин Иванович, помоги! Две проблемы – где выпить и во что налить.

– Если пластиковые стаканчики вас устроят, сейчас принесу. А вот где НАМ С ВАМИ выпить… – наши энергичные кивки не оставляют у Толстыха сомнений, что это будет совместное действо. – Вон, видите стенд с фотографиями? За ним окошко с подоконником. Мысль мою уловили?

Валентин Иванович выпивает с нами пару небольших доз и убегает к своим интеллектуалам обсуждать нечто донельзя интеллектуальное. Мы же остаемся со «Стрижаментом» у подоконника. Перемываем косточки Михаилу Сергеевичу. Точнее – перемывает Раиса Максимовна, недовольная тем, что супруг собрал у себя в Фонде слишком много стариков, которым давно пора копаться на огороде и забыть про политику.

Эх, кто бы меня поругивал с такой нежностью!

– Я тебе хочу сказать два вещи. Первая – будь осторожен! Рядом с твоим бывшим начальником страшные люди, которые, если им потребуется, растопчут тебя сапогами и глазом не моргнут. И второе – если вдруг почувствуешь какую-то опасность, сразу звони Михаилу Сергеевичу. Он, как ты понимаешь, перед Ельциным тебя защитить не сможет, не те у них отношения, но если будет надо, шум поднимет на весь мир. Договорились?

Раиса Максимовна умерла через четыре года после той памятной для меня встречи в Доме кино. А за два года до нее, в 1997 году, в Штатах от какой-то малопонятной болезни умер Володя Ряшенцев. Пожалуй, это самая тяжелая для меня потеря. Потом ушел Виктор Югин. И Венцель Райчев. Осталось не так много людей кому, сев за стол и выпив рюмку, можно сказать: «А помнишь…»

Конечно, после разговора в Доме кино со мной всякое случалось, но прибегать к помощи Горбачева, слава богу, ни разу не понадобилось. Как бы ни было сложно, обходился своими силами. Да и друзья не стояли в стороне. Хотя, помнится, пару раз меня били побольнее, чем те алкаши с «трех вокзалов». Но ничего не поделаешь, – такая профессия и в такое время живем. Время дележа, лишенное жалости и сантиментов.

Сегодня, 8 октября 2001 года, в ресторане гостиницы «Советская» на Ленинградском проспекте празднуем «полтинник» Владимира Николаевича Виноградова. Кроме родственников и близких друзей, собирается весь цвет Лубянки и российского бизнеса. На мой взгляд, юбиляр заслуживает такого внимания.

Не знаю, кто так учудил, но меня сажают за один стол с Коржаковым. Наверное, молодые виноградовские помощники по неведению решили, что раз мы когда-то работали вместе, стало быть, застольная беседа будет интереснее. Ситуация идиотская – сидим друг напротив друга, и каждый ожидает какую-то негативную реакцию с противоположной стороны стола. Чувствую, соседи с любопытством поглядывают то на меня, то на набычившегося Александра Васильевича: как они себя поведут?

– Саша, тебе как, незазорно поздороваться со старым знакомым?

– Не зазорно! Хотя все вы – проститутки!

Признаться, такого не ожидал. Кто «все» и почему «проститутки»?! Странный выпад. Вроде не выбит из седла, все же депутат Госдумы. С чего вдруг такое болезненное озлобление? Может, и впрямь нездоров? Чувствуя исходящую от него экс-охранника энергию ненависти и из-за этого не могу ни пить, ни закусывать. В горло не лезет. Да и настроение вконец испорчено. К чему себя мучить таким соседством? Надо уходить. Не думаю, что в таком многолюдье Виноградов заметит мое отсутствие и обидится, а потому встаю и направляюсь к выходу. В холле замечаю еще двух старых знакомцев-отставников – бывшего коменданта Кремля Михаила Барсукова и бывшего министра внутренних дел Виктора Ерина.

– Паша, дружище! Иди к нам! Постоим, покурим.

– Так я давно бросил.

– И молодец! Где ты пропадал-то? Давно тебя не было видно.

Видимо, происшедшее подняло со дна моей души столько мути, что не могу себя контролировать – перевожу разговор с юбиляра на соседа по столу. Говорю о нем то, чего не стал говорить ему в глаза, чтоб не портить настроение другим людям. А сейчас моя месть примитивна донельзя – пускай Ерин с

Барсуковым, коржаковские друзья-товарищи, передадут ему все, что о нем думаю. Но их реакция обескураживает:

– А мы смотрим и глазам своим не верим: Паша Вощанов, и сел за один стол с ЭТИМ! И как тебя угораздило-то?!

Возвращаюсь домой пешком и всю дорогу успокаиваю себя: все забывается, забудется и это. Стоит ли переживать? Может, оно и к лучшему, что сегодня все так вышло? По крайней мере, уверился в правильности свой давней теории – решительно всем людям, каждому из нас, свойственно обижаться и обижать. Но у одних обиды рождают желание примириться, у других – поквитаться. И все потому, что души у людей разные. Есть легкие и светлые, как небесное облако. А есть – что сгусток мокроты в бронхах. Но самое страшное – никто не знает, что через минуту случиться с его душой. Любой ангел способен обернуться дьяволом. А потому надо следить за собой и сдерживать в себе черные страсти.

Да, он меня оскорбил. Но стоит ли уподобляться – копить злобу, вынашивать планы мщения? А, может, просто поблагодарить? В конце концов, в том числе благодаря и ему я прожил свою жизнь так, как прожил – взахлеб. И мне она нравится. Верни время назад – ничего бы не переменил!

Так что, спасибо тебе, Александр Васильевич! И Бог тебе судья…

Глава 19
Тайная миссия в Грозном

Вот уже четыре с лишним месяца, как я расстался с Кремлем. Расстался без шумных демаршей, но вопреки всем правилам – не объяснившись и даже не подав прошение об отставке. Теперь дышу вольным воздухом отечественной журналистики. Хотя, если не выдавать желаемое за действительное, то он уже не такой вольный, как до моего ухода в большую политику. Да и журналистом меня сейчас можно назвать разве что с натяжкой. Редакторы крупных столичных изданий, включая родную «Комсомолку», не проявляют горячего желания публиковать мои аналитические экзерсисы и все реже и реже отправляют ко мне своих сотрудников, дабы те разузнали мое мнение о происходящем в стране, а заодно выведали про какую-нибудь аппетитную «клубничку» с президентского огорода. Если бы не западные коллеги, наверное, совсем заскучал. Этим все время что-нибудь надо. Правда, слышат они лишь то, что хотят услышать.

Без сожаления расставшись с чиновничьей службой и осознав, что путь в серьезную журналистику мне покуда заказан, ломаю голову над тем, где бы и как бы самореализоваться. В решении этой непростой жизненной головоломки у меня появился партнер – Павел Веденяпин, коллега и давний друг. Он несколько лет отслужил собкором «Комсомолки» в Канаде, вернулся домой и оказался, что называется, у разбитого корыта – расстался со службой за рубежом, но не получил предложения продолжить работу дома. Вдвоем стало и легче, и веселее. Не в том смысле, что утешаем друг друга, а что все время что-нибудь придумываем и пытаемся добиться ощутимых нашими кошельками результатов. То продаем старинный особняк в центре Москвы, то ищем покупателя на бывший в употреблении вертолет, то организуем сбор средств на съемки документального фильма о происходящих в России переменах.

Но все это лишь, как говорится, для поддержания штанов, к журналистике никакого касательства не имеет. А очень хочется в нее вернуться. Очень! В результате совместного мозгового штурма рождаем идею – надо учредить творческое объединение «Четвертая власть»! Его цель – поддержка независимых журналистов и столь же независимых журналистских расследований. Где-то в глубине души мы оба понимаем, что это пустые хлопоты, но убеждаем себя, что надо попробовать. Кто

ничего не делает, у того ничего не получается. Но объединение – это не два человека, это серьезный коллектив единомышленников. Начинаем с того, что обзваниваем близких друзей— приятелей, в основном бывших коллег по «Комсомолке», в последние годы рассыпавшихся по разным редакциям или осевших в новорожденном бизнесе.

Разумеется, учредительное заседание проводим в ресторане с последующим обсуждением первоочередных задач в ночном клубе.

Разумеется, на этом наша связь с учредителями обрывается, а любое напоминание им о целях и задачах «Четвертой власти» рождает неизменно у них встречный вопрос: в каком заведении будем заседать в следующий раз?

Видя такое отношение к нашим благородным помыслам, мы с Веденяпиным впадаем в уныние.

– Ты знаешь, в чем наша ошибка?

Моего друга отличает умение смотреть в глубь проблемы. Этому делу его когда-то, много лет назад, обучили аналитики из советской разведки.

– Мы опередили время! Ведь какой сейчас для газетного человечка интерес в нашей затее? Поужинать в хорошем ресторане, куда самому сходить кошелек не позволяет. А какой интерес у тех ребят, что ушли в бизнес и уже успели заработать? Просто увидеться, порасспрашивать да повспоминать. Но такое удовольствие оправдано один раз в пять лет, и никак не чаще. Вот и выходит – одними движет халява, другими – ностальгия и любопытство. А мы им про какую-то «четвертую власть» и какие-то журналистские расследования!

– Так в чем мы опередили время?

– Идея станет востребованной тогда, когда и для тех, и для других ресторан с едой и выпивкой станет обыденным делом. Проголодался – зашел, поел – заплатил. Творческая мысль должна быть вне рамок этой обыденности.

– Ну, дорогой, такие времена еще не скоро настанут.

– Ошибаешься! Очень даже скоро.

На этой оптимистичной ноте мы расходимся по домам, решив недельку пожить в безделье: а ну как что-нибудь да надумается?

…Сегодня 31 мая 1992 года, воскресенье. Ужасный день! С утра маюсь, не зная, чем бы себя занять. Старшая дочь-студентка живет своей жизнью, младшая с мамой в далеком зарубежье, собаки не имею – так что гулять да выгуливать мне не с кем и некого. Вот и сижу весь день дома. Была б дача, поехал бы на какую-нибудь прополку (или чем там обычно занимаются?). Так ведь и этого нет! Позвонил бы Пашке Веденяпину и вытащил в

город на кружку пива, да вот беда – у него-то как раз все вышеперечисленное имеется: и дети при нем, и собака, и возможность потрудиться на свежем воздухе. Просто какая-то невезуха!

Что ж делать-то?! Чем себя занять?!

Похоже, я задремал, потому как не сразу услышал телефонный звонок. Но абонент на другом конце провода весьма настойчив – телефон трезвонит, не переставая. Какой все-таки молодец этот абонент! Хоть какое-то оживление моего унылого бытия!

– Слушаю.

– Пашенька, это Алексей Иванович Аджубей побеспокоил, – сердце мое ёкает от радости. – Зачем тебе, мой хороший, эта «четвертая власть»? Давай лучше вместе займемся «третьим сословием»!

Аджубей – легенда отечественной журналистики. Некоторые (надеюсь, таких немного) вспоминают о нем исключительно как о зяте Первого секретаря ЦК КПСС, без протекции которого он не сделал бы в СССР такую феноменальную карьеру. В Википедии, к примеру, о нем сказано именно так: «Благодаря покровительству Хрущева карьера Аджубея была успешной: в 1950 году он пришел работать в «Комсомольскую правду» стажером в спортивный отдел, но довольно быстро дослужился до главного редактора». Верно, дослужился. Только при нем тираж этой газеты вырос в разы! А после, когда он возглавил «Известия», то же самое произошло и с этой газетой. Сделанного Аджубеем хватит на несколько журналистских жизней – создал еженедельник «Неделя», возобновил выпуск газеты «За рубежом», участвовал в создании «Нового времени» и «Московских новостей». Наконец, только благодаря его пробивным способностям и умению ладить с сильными мира сего увидела свет запрещенная властями поэма А. Твардовского «Василий Теркин на том свете». Разве это ни о чем не говорит?!

У советских вождей, от Сталина до Брежнева, во времена которого окончательно выродилась советская партократическая элита, почти у каждого были родственники, которых те двигали на высокие должности. Но чем прославились сановные протеже? Что хорошего о них можно сегодня вспомнить? Ничего. Все канули в лету. А Аджубея на журналистских тусовках вспоминают и по сей день. И не только на журналистских. Он свою родственную связь с Хрущевым использовал во благо, а не во вред делу, которому служил верой и правдой.

Великий газетный творец!

Квартира Аджубея в доме напротив легендарного столичного ресторана «Арагви». В нем и встречаемся. Никогда бы не подумал, что Алексею Ивановичу уже 68 лет! И дело не во внешности – в задоре!

– Ты знаешь, кого в старой России относили к «третьему сословию»? – Алексей Иванович не любит, что называется, «тянуть резину», а потому приступает к деловой части разговора сразу после первой выпитой рюмки. – Это самый продуктивный слой общества – буржуа, купцы, ремесленники, собственники-земледельцы. Те, кто создавал продукт и своими налогами содержал государство. Улавливаешь, для кого мы должны делать свою газету?

Не улавливаю. Может, когда-то оно, это самое «третье сословие», у нас и появится, но на данный момент в России, по сути дела, нет ни настоящей буржуазии, ни купечества, ни ремесленников, ни тем более свободных землепашцев. То, что имеем на сегодняшний день, – посткоммунистический социальный суррогат, не способный задумываться о перспективе. У этих людей нет нужды в серьезном печатном слове. Рекламные объявления, оплаченные заметки про самих себя да компромат на конкурентов – вот их любимое чтиво! Так что выходит, мы будем делать газету для читателей, которых еще нет.

– Что значит «нет»?! – Аджубей так огорчается, что не замечает протянутую для чоканья рюмку. – Они есть! Просто их еще мало. Но это быстро формирующийся слой общества, и в этом вся прелесть нашей затеи – делать газету «на вырост»! Поверь мне, такого еще никогда и нигде не было!

Мы уже рассчитываемся, когда Алексей Иванович вдруг вспоминает про одного главного редактора популярного общественно-политического еженедельника, на котором, по его разумению, мы прямо сейчас, не откладывая, должны «обкатать» нашу идею:

– Он, конечно, большой зануда, но с неплохим чутьем на читателя и на то, что может иметь успех.

Редактор встречает нас без особого радушия и выслушивает с такой кислой миной, что мы с Аджубеем в полушутку решаем ему слегка насолить – уходим, забирав с собой его любимую секретаршу. Обсуждение продолжается уже в другом месте.

Июньские ночи коротки, и когда мы с Аджубеем заявляемся к нему домой выпить для бодрости по чашке кофе, на улице уже светает. Рада Никитична, дочь Хрущева, никак не выражает своего отношения к мужниному загулу. Только когда тот выходит из комнаты за заветным графинчиком (на посошок!), шепчет мне на ухо с легкой укоризной:

– Не забывай про его возраст!

…Лето пролетело падающей звездой. Вроде еще вчера было начало июня, а вот уже и конец августа. Все чаще и чаще небо заволакивают по-осеннему тяжелые тучи, и заунывные холодные дожди нашептывают про то, что скоро они обернутся первыми мокрыми снегами. Но случаются еще и солнечные теплые дни. Редкие, а потому особенно радостные. В один из таких звонит Аджубей:

– Приезжай ко мне на дачу. Прямо сейчас! Шашлычок пожарим, по рюмочке выпьем, – делает паузу и добавляет: – Есть серьезный разговор.

Кроме нас с Аджубеем, на даче Рада Никитична, внук Сергей, весьма серьезный начинающий ученый, и молодая симпатичная родственница по родовой линии хозяйки дачи. Алексей Иванович, великий жизнелюб, хитро подмигивает: хороша, а? И уже со вздохом:

– Эх, мне бы твои годочки!

Под шашлычок и хозяйский соленый огурчик водочка пошла на «Ура!». Жду, когда начнется серьезный разговор. Аджубей берет меня под руку:

– Пойдем-ка, я тебе наш сад покажу.

Сад невеликий, но ухоженный и уютный. Правда, у меня ощущение, что Аджубей не любитель ковыряться в земле. По всей видимости, это прерогатива Рады Никитичны. Видно, дает о себе знать крестьянская кровь Никиты Сергеевича. Останавливаемся возле кустов черной смородины. Похоже, Алексей Иванович привел меня сюда не случайно:

– Ты кушай ягодки, а я тебе обрисую суть дела. Речь о Дудаеве…

В октябре 1991 года к власти в Грозном пришел Джохар Дудаев. Пришел на волне идеи национального мщения, отчасти привнесенной извне, отчасти рожденной почти поголовной бедностью населения. Но в Чечне (не в обиду будет сказано другим северокавказским республикам) была и есть очень сильная и сориентированная на Россию национальная интеллигенция, и она не приняла дудаевский курс на разрыв с Москвой. Авторитарный, жадный до власти генерал не хотел уступать и, чтоб усилить свои внутриполитические позиции, сделал своими главными союзниками, своего рода чеченской опричниной, бандитствующих сепаратистов типа Шамиля Басаева. Для достаточно образованного и опытного офицера, в общем-то, это был не вполне естественный альянс. Новые союзники требовали от него то, во что тот верил с трудом: «Пусть сначала Ельцин признает нашу

независимость, а уж после будем с ним о чем-то договариваться!».

К осени 1992 года политические позиции Дудаева в Чечне стали еще менее надежными – возникла напряженность в отношениях с главами многих родовых тейпов. Генерал дрогнул, засомневался, но вида не подавал. Знали об этом лишь немногие…

Слушаю Аджубея и не могу взять в толк: к нам-то эта чеченская беда какое имеет отношение? Мы не политики, не дипломаты, не военачальники, не разведчики. Мало нам своих газетных забот-хлопот?

– Кое-кто в Кремле очень хотел бы, чтоб ты съездил в Грозный и встретился с Дудаевым. Не сейчас, конечно, ближе к Новому году.

Такое ощущение, что Алексей Иванович неожиданно огрел меня садовой лопатой или граблями. От кого-то другого, но от него никак не ждал услышать подобное предложение. Мне казалось, он навсегда утратил связь с властными структурами и уже давно живет умиротворенными пенсионерскими интересами. И даже наш газетный проект – это всего лишь средство чем-то освежить свою непривычно размеренную жизнь. А тут на тебе – геополитическая интрига наивысшей пробы! Мне, конечно, доводилось заниматься закулисной дипломатией, лежащей за рамками конституционного поля, но чтоб такое…

– Вас просили со мной поговорить? Кто?

– Неважно.

– А почему бы им не послать к Дудаеву кого-то из своих сотрудников?

– Никто из тех, кто хоть как-то связан с государством, не может и не должен к нему ехать. Джохар воспримет это как слабость, как шаг к капитуляции. А ты свободный человек, и все знают о твоих натянутых отношениях с Ельциным и его командой. А главное, тебе будет проще других договориться с генералом о конфиденциальной встрече.

– Это почему же легче других?

– Так через Гамсахурдиа! Он же скрывается в Грозном, а у тебя с ним приятельские отношения, – и, заметив мое удивление, уточняет: – Ну, полуприятельские. В общем, Звиад легко выведет тебя на Дудаева.

– Но я не могу вести с ним никакие переговоры! Да он и не станет со мной ни о чем договариваться. Я для него – никто.

– Ни о чем договариваться и не придется, тем более, что у тебя нет на это никаких полномочий. Гамсахурдиа представит тебя как журналиста, но не простого, а побывавшего во власти и сохранившего с ней неафишируемые отношения. Поэтому само

твое появление в Грозном должно недвусмысленно дать понять Дудаеву, что Москва ждет от него какой-то жест примирения. Но ждать будет недолго, это он тоже должен понять.

Невероятно! Что же такое творится с российским государством, если решение столь важных для него вопросов поручается случайным людям через случайных людей?!

…До полуночи обсуждаем с Веденяпиным детали предстоящей операции под кодовым названием «В гости к абреку». Понятно, что о ней никто не должен знать, иначе кремлевская публика поднимет нас на смех и обзовет проходимцами. И вообще наше появление в Грозном должно быть максимально скрытным – затемно приехали, затемно уехали. Поэтому никаких самолетов, поездов и автобусов. Последнее вызывает у меня удивление:

– Мы что же, пешком пойдем через леса и степи? Я буду представляться Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, а ты – Николаем Михайловичем Пржевальским.

Но Паша не реагирует на мою шутку:

– Надо ехать на машине, своим ходом!

– Отличная идея! Только ни твоя, ни моя дольше Воронежа не дотянет, развалится.

Такое случается нечасто, когда разным людям одномоментно приходит в голову одна и та же мысль: Очиров!

Генерал Валерий Николаевич Очиров, ветеран-афганец, герой Советского Союза, бывший народный депутат СССР, а ныне первый заместитель командующего авиацией сухопутных войск России, решил побороться за президентский пост в Калмыкии. На днях он звонил нам и просил подключиться к его избирательному штабу в Элисте. То, что мы поедем к нему, было решено еще несколько дней назад, но сейчас нам обоим пришло в голову совместить наши две не связанные между собой задачи – очировскую и дудаевскую. Обычно в воскресные дни избирательная активность снижается, поэтому мы вполне сможем выпросить у генерала машину (наверняка не откажет) и сгонять в Грозный. Как говорится, одна нога здесь, другая там. По нормальной дороге это чуть более 500 километров, но нам лучше ехать степью, волчьими тропами. Будет километров на 100 дальше, зато в объезд всех блокпостов, которых, поговаривают, сейчас понатыкано на всех главных дорогах.

Итак, как добраться до Грозного мы придумали. Но как договориться о встрече с Дудаевым, если у нас нет контактов ни с кем из его близкого окружения? Единственно возможный вариант – тот, что подсказал старик Аджубей. Нужно действовать через Гамсахурдиа. Но связь с беглым экс-президентом возможно

установить только через бывшего вице-премьера Грузии Гурама Абсандзе. Сейчас его семья постоянно живет в Москве, но самого застать дома очень непросто, все время в разъездах.

К счастью, на этот раз наш грузинский друг оказывается на месте. Договариваться с ним о встрече и просто, и не просто. С одной стороны, он готов встречаться по первому зову. Но, с другой, лучшим местом для встречи и серьезного разговора считает какое-нибудь заведение, которым непременно владеет кто-то из близких ему земляков. Это может быть ресторан, кафе, столовая и даже строительный вагончик, переоборудованный под нужды крохотного общепита. Такова хлебосольная сущность этого человека. Грузин, он и в России грузин. Вот и на сей раз остается верен своему неизменному правилу: какой может быть умный разговор, если стол не накрыт?!

– Гурам, дело срочное и очень серьезное.

– Слушай, а я что предлагаю, да?! Встретимся в очень интересном месте, на природе! У одного очень хорошего человека! Сначала будет немного хлэб-сол, потом серьезные разговоры.

Когда дело касается «хлэб-сол», спорить с Гурамом бесполезно, и я сдаюсь:

– А что это за место? Далеко от города?

– Рядом с Дмитровым. Институт рыбоводства. Там людей совсем нет, одна рыба, а она слышит, но не болтает.

То, что она не болтает, это очень даже кстати.

…Итак, 17 марта 1993 года. Вылетаем в Элисту из аэропорта Быково. Даже по нынешним временам всеобщего разора он выглядит убого – тесный, душный, замызганный, с буфетом, от которого за версту несет несвежими продуктами. Мы с Веденяпиным уже волнуемся: договорились встретиться с Гурамом за полтора часа до отлета, а его все нет и нет. Он появляется, когда до посадки остается чуть более получаса. И как всегда, его провожает свита соратников по борьбе. Стоя у входа, он с жаром, почти крича, отдает им какие-то распоряжения, а нам показывает рукой на буфет: мол, идите туда, сейчас подойду.

Гурам смотрит на пышногрудую буфетчицу в мохнатой мохеровой шапке и белом халате, одетом поверх пальто, не то ласково, не то свирепо: дэвишка!

– Слушаю! Что желаете?

– Мы с друзьями боимся летать!

– Не летайте!

– Э-э, зачем так говоришь? Такая хорошенькая!

Тетка бубнит что-то насчет мужиков, которые, если им приспичило выпить, чего только не наплетут и не наобещают. Но

чувствуется, подобрела.

– Нам немного шампанского…

– Шампанского нет!

– Перед полетом, для храбрости, – Гурам величественной горой Эльбрус нависает над буфетной стойкой. – Отблагодарю.

В глазах буфетчицы появляются проблески сострадательного понимания:

– Сколько?

– Три бутылки. Но холодного!

В том, что касается гражданской авиации, у Гурама есть две серьезные проблемы. Первая – из-за своих некондиционных габаритов (весит больше сотни кило!) он вынужден приобретать для себя не один, а два билета, поскольку в стандартное кресло не умещается при всем своем желании. Вторая проблема – его всегда задерживают при досмотре на спецконтроле. Вот и сейчас зазвенел так, будто одет в стальные доспехи средневекового рыцаря. Милиционер смотрит на него с подозрением: «Ремень? Часы? Мелочь? Сигареты? Выкладывайте все!». Абсандзе возвращается на исходную позицию, роется в карманах и, найдя затерявшуюся в кармане монетку, проходит через дугу металлоискателя. И опять звон. Так повторяется раза три или четыре. Повторилось бы и пятый, но разгневанный экс-министр вдруг вспоминает о том, что в его теле сидит пять пуль, которые врачи так и не решились извлечь. Он получил их чуть более года назад в Тбилиси во время вооруженных столкновений с восставшими против Гамсахурдиа сторонниками Шеварднадзе.

– Слушай, объясни ему! – Гурам смотрит на Веденяпина почти с мольбой, и, потеряв самообладание, переходит на менгрельский акцент. – Я сэчас нэ знаю, что сдэлаю!

Веденяпин терпеливо объясняет стражу авиационной безопасности, что в теле нашего большого друга засело десять пуль (на всякий случай, Паша решил увеличить их количество, поскольку Гурам слишком уж надрывно звенел). Его можно раздеть хоть до трусов – аппарат все равно будет показывать присутствие металла. Милиционер смотрит на Гурама с сочувствием:

– И где ж его так? В Афгане?

Паша горестно кивает: «Под Кандагаром!», и мы идем на погрузку.

Наспех выпитое шампанское оказалось нелишним – давно не ремонтированный ЯК, выработавший все положенные ему ресурсы, вел себя так, будто ему до смерти надоело летать и он, в отместку измучившим его пилотам, решил рассыпаться прямо в воздухе. Почему-то в этот момент мне вспоминается история с

падением самолета под испанской Кордобой, в которой Ельцин, тогда еще депутат Верховного Совета СССР, получил серьезную травму. Я не был ее непосредственным участником, потому что в ту поездку меня не взяли. Знаю ее по рассказам двух очевидцев – Льва Суханова и Виктора Ярошенко. Как говорится, показания свидетелей сходятся.

…В ту апрельскую поездку 1990 года они отправились втроем (Ельцин, Суханов, Ярошенко) плюс переводчик. Цель – презентовать испанскому читателю ельцинскую «Исповедь на заданную тему». Прилетели в Кордобу и провели две встречи. На каждой присутствовало не более двадцати человек. Ельцин в бешенстве: «Может, мне еще и по квартирам пойти про книжку домохозяйкам рассказывать?!». Суханов успокаивает: в Барселоне будут полные залы, это же почти столица!

Маленький частный самолетик на шесть пассажиров разбегается как старичок, страдающий артритом коленных суставов. Кажется, не взлетит, но взлетел. Правда, на этом тревоги не кончились. В воздухе он повел себя еще хуже – повторял траекторию полета потерявшей ориентацию ласточки. Его бросало из стороны в сторону, и крылья то и дело становились почти вертикально земле.

Минут через десять после взлета из кабины вышел пилот и бесстрастным голосом водителя обесточенного троллейбуса объявил пассажирам:

– У нас маленькая проблема – вышла из строя навигационная система.

– Как?!

– Мы уже несколько раз говорили хозяину, что ее надо менять, но… – по лицам пассажиров пилот понимает, что им не интересны его объяснения. – До Барселоны засветло не долечу. Пока солнце не село и видно посадочную полосу, вернусь в Кордобу. Мне очень жаль, но…

Ярошенко, который буквально несколько дней назад связал себя узами законного брака и, можно сказать, еще даже не успел вкусить всех прелестей своего нового положения, обеспокоенно интересуется:

– А в Кордобе вы увидите полосу?

Пилот смотрит на него так, будто тот поинтересовался законностью испанского статуса Каталонии – с полупрезрительным удивлением:

– Если не увижу полосу, буду садиться на реку.

– А на реку сможете сесть?

– Если сверху рассмотрю мелководье, сяду.

В таких ситуациях у русского мужика непроизвольно срывается с уст крепкое словцо. Но Суханов с Ярошенко сдерживаются, ибо знают особенность Ельцина – он сам никогда не сквернословит и не терпит, когда при нем выражаются другие. Как-то в Америке, на пляже Майами, он рассказал мне, что очень давно, еще в студенческие годы, поспорил с приятелем, что никогда не будет материться, и с тех пор хранит верность данному слову. Это одно из его, несомненно, положительных качеств. Другое, известное мне – никогда никому не тыкать. Ельцин со всем без исключения на «Вы».

Самолет бросает из стороны в сторону. Кажется, еще мгновение, и все, конец! Ярошенко не выдерживает:

*– Борис Николаевич! я знаю, вы этих слов не любите, но, кажется, мы сейчас ёб***ся!*

*В этот момент самолет касается… Нет, не касается – прыгает на бетонную дорожку. Все происходит именно так, как предсказывал Виктор Ярошенко – ёб***сь.*

Вечером следующего дня травмированный Ельцин уже лежал на операционном столе. А в Москве появились публикации, что неполадки с самолетом, так и не долетевшим до Барселоны, – спецоперация КГБ по устранению неугодного Кремлю лидера российской демократии.

…В начале марта Элиста ненамного теплее Москвы. Температура хоть и плюсовая, но пронизывающий ветер сводит на нет ощущение наступившей весны. Мысль, что придется ходить на митинги, совершенно не радует. К счастью, Валера не предлагает нам ничего подобного. Он вообще ничего не предлагает. Похоже, мы нужны ему исключительно для моральной поддержки. Но раз уж прилетели, надо что-то делать и приносить какую-то пользу.

– Предлагаю поступить так: Веденяпин возьмет на себя работу с местными журналистами и постарается склонить их на нашу сторону, а я займусь интеллигенцией – учителями, преподавателями вузов, научными работниками. Устрой мне несколько встреч с ними.

– Среди избирателей много грузин? – Абсандзе хлопает ладонями по столу, отчего стоящая на нем посуда радостно звякает. – Я им скажу, за кого надо голосовать! Они все будут за генерала Очирова!

Валера несколько озадачен таким напором, но, сделав скидку на выпитое нами шампанское, запах которого почувствовал еще в аэропорту, дает, как он выражается, «оперативную установку» на сегодняшний день:

– Отдыхайте, акклиматизируйтесь, ну, и все такое. На сегодня для вас запланировано только одно мероприятие – надо сходить в университет на встречу Илюмжинова с избирателями. Там будет вся его команда. Хочу, чтоб вы на нее взглянули.

Илюмжинов оказался презанятным типом. Эдакий психологический микст – авантюрная масштабность Остапа Ибрагимовича Бендера, необыкновенная легкость мысли Ивана Александровича Хлестакова и изощренная предприимчивость Павла Ивановича Чичикова. От первого персонажа происходит поражающий своей абсурдностью хлесткий лозунг: «Богатый президент – неподкупная власть!» и обещание через несколько лет превратить погрязшую в нищете Калмыкию в процветающий Кувейт. От второго – будоражащие воображение рассказы про близкую, почти закадычную дружбу с сильными мира сего. От третьего – мифические «личные» дотации на хлеб и молоко в обмен на голоса избирателей. Мифические они потому, что если идущий в рост предприниматель кому-то что-то посулил, это значит только одно – у кого-то что-то отберет.

Что же касается команды Илюмжинова – это нечто! Причудливая смесь вчерашних кооператоров, поднявшихся на шашлыке и джинсах-«варенках», и рэкетиров, еще не успевших раскаяться, но уже вставших на путь исправления. Ведущий вечера-встречи (именно так устроители назвали это послеполуденное мероприятие), он же, по всей видимости, правая рука кандидата, внешним видом и манерными ужимками очень напоминает кота Базилио. Глядя на него, Абсандзе не может сдержать презрительную усмешку:

– Слушай, где он его подобрал?! У нас таких даже буфетчиками в хинкальные не берут!

По большому счету, подобные мероприятия не имеют никакого смысла. Во-первых, потому, что политически разномастные кандидаты на них походят друг на друга, как две капли воды. Каждый искренне негодует по поводу того, что избиратель бесправен и беден, и каждый, в случае своего избрания, сулит ему золотые горы. Во-вторых, присутствующие на этих мероприятиях граждане в большинстве своем для себя уже все решили, как, впрочем, и те, что отсутствуют. Одни приходят скоротать медленно текущее пенсионерское время. Другие – немного развлечься, задавая едкие вопросы тому, до кого завтра уже не докричатся. Третьим охота хотя бы на короткое время ощутить себя Гражданином, от мнения которого в стране что-то зависит.

На вечер у Очирова тоже назначены какие-то камерные встречи с избирателями, на которых мы можем не

присутствовать. Нам остаются машина с водителем и пожелание набраться сил для завтрашних битв. Его, это пожелание, наш «большой Гурам» связывает исключительно с сытным ужином.

– Слушай, друг, где у вас тут можно нормально покушать?

Водитель пожимает плечами: «Не знаю, я дома кушаю», но по лицу чувствуем – пытается припомнить наиболее хлебосольные заведения родного города. К счастью, ему это удается:

– Есть одно неплохое заведение. Правда, оно в последнее время закрыто на спецобслуживание. Не знаю, пустят ли вас.

Во всем бывшем СССР не существует такого спецобслуживания, которое сумело бы отказать в обслуживании нашему грузинскому другу: «Поехали!».

Неплохое заведение – это небольшой ресторанчик на втором этаже типового двухэтажного здания советской постройки. В таких обычно размещались предприятия бытового обслуживания. Так что, вполне возможно, еще не так давно здесь шили-пошивали мужскую и женскую одежду или ремонтировали бытовую технику, от утюгов до холодильников. Посетителей, можно сказать, никого, кроме нас, только компания в другом конце зала. Судя по всему, наше появление не пришлось ей по душе – разговоры стихли, и они подозвали официанта. Выслушав что-то, тот удалился, и в зал сразу же вышла дородная дама в черном деловом костюме с белоснежным жабо, по всей видимости, здешний администратор. Очевидно, она сумела дать такое объяснение нашему появлению, которое успокоило спецклиентуру (полагаю, сказано было примерно так: мол, командировочные из Грузии, попросились поужинать, скоро уйдут). На нас перестали обращать внимание, разговоры и тосты возобновились.

– Черт меня дери! – Веденяпин толкает меня локтем в бок. – Ты только посмотри, кто здесь гуляет!

Делаю вид, что любуюсь интерьером обеденного зала (кстати, аляповато-безвкусным). Перевожу взгляд с предмета на предмет и, наконец, останавливаю его на сидящей за сдвинутыми столами компании.

Черт меня дери! Да тут весь штаб Кирсана Илюмжинова во главе с котом Базилио! С этого момента поедание пищи как таковое становится для нас лишь средством маскировки – мы обращаемся в слух. Но до нас доносятся лишь обрывки фраз, которые, при желании, можно прицепить к чему угодно – к политике, к бизнесу, к пацанским разборкам и даже к воровскому толковищу. И вдруг…

Кот Базилио встает с наполненной рюмкой в руке и выкрикивает тост: «Мафия бессмертна!». Все разом вскакивают со

своих мест и дружно рявкают:

– Мафия бессмертна!

Хрустальный звон рюмок и бокалов катится по залу, и каждый заглатывает свою порцию горячительного. А мы сидим, пораженные увиденным и услышанным, и не можем произнести ни слова. И только Паша Веденяпин выдавливает из себя стон:

– Хайль Гитлер! Зиг хайль!

Этот номер исполняется несколько раз. Мы просто теряемся в догадках относительно природы такого безумия. Возможно, молодые политбойцы крепко выпили, хотя по ним этого не скажешь. А, может, представление разыгрывается специально для нас. Ведь мы присутствовали на их вечере-встрече, а в зале было не так много народа – увидели, запомнили, узнали, а теперь хотят немного позлить людишек из команды главного соперника. Но тогда у них серьезная проблема с общим интеллектуальным развитием. Как бы то ни было, но трудно, просто невозможно представить, что эта молодежь, истерично орущая в ресторане: «Мафия бессмертна!», через несколько лет превратит обездоленную Калмыкию в процветающий Кувейт.

…Каких-нибудь полсотни верст к юго-востоку от Элисты, и мы уже в другой климатической зоне. Здесь вовсю бушует весна – на васильковом небе искрометное солнце, перед машиной то и дело шныряют какие-то зверьки, а суслики столбиками стоят на холмиках вдоль дороги, явно одуревшие от радости, что перезимовали. А какой здесь воздух! Описать невозможно. Если остановиться, заглушить мотор и выйти из машины, можно услышать, как поет весенняя степь – на все голоса! Каждая птаха свиристит о своем и на свой манер, но всё вместе слышится как радостный Гимн весне. Но лучше не останавливаться, потому что тогда нас догонит густое облако поднятой колесами пыли, и будет уже не до сантиментов.

Едем через степь по накатанной грунтовой дороге в сторону Дагестана. Маршрут, конечно, не самый короткий, но выбран исходя из двух соображений. Первое, но не самое главное – чтобы не светиться на российских блокпостах, недавно появившихся на всех главных дорогах в Чечню. Второе (оно намного важнее) – если мы по степной грунтовке доберемся до Кизляра, затем по шоссе до Хасавюрта, а там повернем на Грозный, тогда путь, который придется проделать по территории мятежной республики, будет самым коротким, всего каких-нибудь 70 километров. Соответственно, и риск оказаться в населенном вшами зиндане меньше, чем где бы то ни было.

В Элисте нам дали «Волгу» с водителем, но не догадались дать в дорогу котомку с едой. Поэтому Гурам, сидящий на

переднем сиденье, все чаще и чаще горестно вздыхает – он проголодался. Но что делать? Водитель достает из «бардачка» пистолет:

– Хотите, свернем на озеро? Это отсюда недалеко, километров двадцать. Подстрелим утку и пожарим на огне, как шашлык.

Мы с Веденяпиным орем почти хором:

– Ты зачем с собой оружие взял?!

– А что такого? У меня на него разрешение имеется.

Гурам смотрит на парня, как на мадагаскарского шипящего таракана:

– Друг, ты еще в Чечне покажи свое разрешение. Там его и скушаешь, – видно, Гурам так голоден, что даже шутки у него рождаются исключительно кулинарного свойства. – Умный такой, да?

Выезжаем на бетонку в районе Кизляра. Обочина дороги олицетворяет гайдаровские принципы частного предпринимательства – на несколько километров растянулась череда полок, сколоченных из разномастных досок и реечек, с расставленным на них товаром. Чего здесь только нет! И фабричное, и домашнее! И мясное, и молочное! И консервированное, и жареное-пареное! Но…

Медленно едем вдоль импровизированного придорожного супермаркета, и Гурам внимательно рассматривает разложенный на грязных досках товар. После двухсот метров у него пропадает желание приобретать здесь какой-либо провиант:

– Купите мне пачку печенья и бутылку китайского пива, – он еще раз взглянул в окошко и внес уточнение: – Нет, только бутылку пива.

…Нам немного не повезло – за поворотом на Грозный буквально только вчера выставили блокпост. Тщедушного вида молоденький солдатик, одетый не по форме (шея замотана шарфом домашней вязки, а из расстегнутого ворота куртки выглядывает пестрый свитер) дрожащей от холода рукой листает наши паспорта. Чувствуется, они его мало интересуют. Наши русские лица (Гурам общего впечатления не портит) для него доказательнее любого паспорта.

– Оружие есть? – хором отвечаем: нет! – Откройте багажник.

Там не обнаруживается ничего недозволенного. Теперь ему следует осмотреть салон. Солдат заглядывает в открытое водительское окошко и замечает лежащую рядом с Гурамом пачку «Мальборо».

– Сигареткой не угостите? К нам уже два дня лавка не приезжает, а курить очень хочется.

Гурам сует пачку в руки солдату: бери все! Такая щедрость вселяет в бойца надежду:

– А у вас водки нет?

К Гураму приходит охота покуражиться: а у тебя патроны есть?

– А какие вам надо?

Веденяпин резко открывает дверь и протягивает солдату литровую бутылку китайского пива:

– Нет у нас никакой водки! Пиво есть. Пиво будешь?

Боец берет бутылку обеими руками и рассматривает с таким трепетом, будто это и не бутылка вовсе, а волшебный сосуд со всемогущим Хоттабычем внутри:

– Я такого никогда не пробовал!

– Мы можем ехать?

– Осторожно только. На той стороне всякое случается.

Водитель запускает двигатель. Мы с Пашей машем парню рукой: будь здоров, парень, удачи тебе! Гурам добавляет свое напутствие: смотри, солдат, Родину не пропей!

Ох, напрасно он сейчас это сказал, напрасно. Что видел этот пацан в своей недолгой жизни? Мертвые заводы да давку у кассы, из которой доносится визг: «В этом месяце зарплаты не будет!». И мать, по вечерам роющуюся в старых вещах в надежде найти хоть что-нибудь, что можно продать. А еще отца, запившего после того, как его на глазах участкового милиционера отметелили за отказ платить дань местным бандитам. Да полуслепую бабку, которая каждый день бегает к деду на кладбище и сидит там часами, горестно причитая: «Угораздило же меня тебя пережить!». А еще новых хозяев жизни, презирающих все живое вокруг себя, перед которыми не ломают шапку разве что те, кому жизнь опостылела. Вот его Родина. Другой не знает. Про другую, когда отправляли сюда, ему никто не рассказал.

Похоже, Гурам чувствует мое настроение – поворачивается и смотрит с обидой:

– Слушай, это я ему водку предложил, да? Он сам у меня попросил! А если я – враг? Какой же он после этого защитник?!

Веденяпин вступает в спор замечанием, которое повторяет мои мысли:

– Этот пацан не знает, для чего его сюда послали и что он тут защищает. Он знает, что ему сейчас холодно. И покурить охота. И выпить, чтоб согреться и чтоб время быстрей пошло.

На обочине в свете фар мелькнул пригнувшийся к земле изрешеченный пулями старый дорожный указатель: «Чечено-Ингушская АССР».

Мертвая ночь. За час пути ни одной встречной машины.

Более того, никаких признаков присутствия человека. Хоть бы огонек какой. Одна лишь непроглядная темень. Едем в пробитом фарами черном тоннеле. По обочинам растут огромные деревья (в темноте не разглядеть, что за порода), кроны которых смыкаются над дорогой. В другое время я бы сказал, что это очень красиво, даже романтично. Но сейчас от всего этого как-то не по себе.

Гурам вдруг открывает «бардачок», достает оттуда пистолет и смотрит, куда бы его припрятать. Не найдя ничего лучше, снимает ботинки и сует оружие в один из них, сверху прикрыв шерстяным носком. Ботинки у него такого гигантского размера, что в каждом, при необходимости, можно спрятать самоходную артиллерийскую гаубицу.

– Ты думаешь, в ботинке его не найдут?

– Э-э, кто захочет трогать вонючий носок?!

Гурам поворачивается к водителю: остановись и погаси огни. Все вокруг погружается во мрак, и только впереди, в метрах пятистах от нас, на дороге мерцают слабые огоньки. С десяток огоньков.

– Мы сейчас где находимся?

Водитель включает в салоне свет и разворачивает потертую карту:

– Думаю, где-то на подступах к Гудермесу.

– Есть какая-нибудь объездная дорога?

– Никакой.

Несколько огоньков становится ярче и крупнее. По всей видимости, нас засекли и движутся навстречу.

– Ну что, ребята, с богом?

…Обступившие машину мужчины одеты, что называется, с миру по нитке, кто во что горазд. Поэтому одновременно похожи и на разбойников с большой дороги, и на колхозных механизаторов. Пожалуй, на разбойников все же больше, поскольку настроены весьма агрессивно и у каждого в руках автомат, направленный в нашу сторону. Разглядеть их получше не удается, поскольку, выполняя чью-то гортанную команду, чеченцы достали из карманов фонарики и принялись светить нам в глаза. Видим только одного, судя по всему, старшого, стоящего перед капотом с «калашом» наизготовку и обвешанного аксессуарами смерти – ножами, гранатами и подсумками с боезапасом.

– Фары не выключать! Выйти из машины! Руки за голову!

Гурам, памятуя о кавказской солидарности, пытается вступить в переговоры с использованием мингрельского акцента:

– Дарагой, я тэбэ сэчас все объясню!

– Молчать! – старшой отпрыгивает в темноту, будто

испугался, что большой Гурам его съест. – Всем встать перед машиной!

Может обкурился? Хуже, если они тут все обкуренные. Гурам, не глядя на меня, задает вопрос, понизив голос до полушепота:

– Павел, если я скажу, что мы едем к Дудаеву, как думаешь, это будет хорошо?

За меня отвечает никогда не унывающий Веденяпин:

– Они как только об этом услышат, так лезгинкой вокруг нас пойдут!

Но Гурам лучше нас осведомлен насчет того, во что ценится жизнь чужестранца и иноверца на любой из нынешних кавказских войн. Так что шутить в этой ситуации не намерен и относится к происходящему более чем серьезно. Но старшому, судя по всему, наши разговорчики не нравятся, и он визжит из темноты:

– На землю! Перед фарами! Лицом вниз! Руки за голову!

Гурам делает вторую попытку:

– Слушай, я тебе сейчас все объясню…

– Лечь! Мамой прошу, лечь!

Ну, раз мамой, тогда, конечно. Ложимся в пыль. Она тяжелая и жирная, как ржаная мука. В голове крутится несуразная мысль: хорошо, что накануне не было дождя! Душераздирающий сюжет – ночь, свора вооруженных до зубов головорезов, машина с работающим двигателем, тусклый свет фар, и четверка несчастных путников рядком в пыли. Возле меня тяжело дышит Гурам. Ему не просто лежать на его многолитровой емкости животе. Он поворачивает голову ко мне и шепчет: «Сейчас ему все скажу», и делает третий заход:

– Мы едем в Грозный, к Дудаеву!

Или старшой обкурился-нанюхался до остервенения, или боится нас больше, чем мы его. А, может, здесь просто так принято реагировать в подобных ситуациях:

– Руки за голову! Мамой прошу! Не знаю никакого Дудаева!

– Позвони в Грозный, скажи: люди из Москвы едут к Дудаеву!

– Дудаев! Какой Дудаев?! Не знаю никакой Дудаев!

Чьи-то цепкие пальцы ощупывают меня со всех сторон. Противно.

– Оружие? Документы?

– Оружия нет. Документы в кармане куртки.

– Достань. Только не дергайся, пристрелю!

Странный голос. Похоже, принадлежит не чеченцу. Хочу поднять голову и хоть краешком глаза взглянуть на этого типа, но не получается – мне в лоб упирается его грязный ботинок. В голове рождается еще одна несуразная мысль: волосы теперь наверняка надо мыть, а я, как назло, шампунь не взял!

Как необычно течет время под дулами автоматов! Сколько мы уже тут валяемся – пять минут? десять? полчаса? Понять невозможно. Оно как бы остановилось. И вдруг…

– Кто водитель? Подними руку, – по всей видимости, тот делает, что ему велено. – Встань. До Грозного поедешь вон за тем «Жигулем». Понял? Не отставать и никуда не сворачивать! Строго за ним!

Ботинок, маячивший возле моего лица, зачем-то топает пару раз, погружая меня в облако удушающе едкой пыли, и исчезает.

…«Жигули» тормозят на въезде в Грозный, недалеко от поста ГАИ. Останавливаемся рядом. Водитель, не выходя из машины, делает знак, чтоб мы опустили стекло:

– Дальше езжайте сами.

Гурам достает из кармана бумагу с адресом Гамсахурдиа:

– Друг, не знаешь, где улица…

– Я город не знаю, спросите у ментов, – машина резко рвет с места и исчезает в темноте пригородного шоссе.

На часах 21:25. Далее счет нашей миссии в Грозном пойдет на минуты, поскольку завтра к полудню мы уже должны вернуть в гараж машину вместе с водителем и готовыми к борьбе за голоса избирателей предстать пред своим кандидатом в президенты Калмыкии.

Гаишник, услышав от Гурама адрес, как мне кажется, смотрит на нас без особой симпатии. Он машет жезлом в сторону погруженного в полутьму города и цедит сквозь зубы неопределенное: это там. Мы понимаем, что ничем более он нам полезен будет. Приходится переспрашивать у стоящего неподалеку таксиста. Он и сидящий в салоне пассажир, постоянно споря друг с другом, объясняют дорогу с таким обилием городских ориентиров, что мы окончательно запутываемся. К счастью, Гурам вспоминает, что у него есть номер мобильного телефона охранника, живущего в доме Гамсахурдиа. Звонит ему, и тот корректирует наше дальнейшее передвижение по городу до тех пор, пока не оказываемся у настежь раскрытых ворот.

Экс-президент встречает нас на ступеньках большого двухэтажного особняка, по всей видимости, летом утопающего в зелени: «Добро пожаловать в мою “маленькую Грузию!”». Он одет так, будто собрался на официальный прием – черный костюм, белоснежная рубашка и строгий галстук. Приглашает зайти в дом, но дальше прихожей не ведет.

– Не очень устали? – спрашивая об этом, Гамсахурдиа снимает с вешалки плащ. – Сейчас едем в Дом правительства. Вы мои гости, и вас хочет поприветствовать мой друг Джохар. Потом

вернемся сюда и поужинаем вместе. Манана специально для вас готовит грузинский стол.

Грозный производит тягостное впечатление. Еще не так поздно, около половины одиннадцатого, но на улицах почти нет машин и совсем нет прохожих. Половина уличных фонарей не горит. Вывески магазинов погашены. Но самое удручающее впечатление производит бетонная махина Дома правительства, по всей видимости, бывший обком партии – сплошь темные окна. В общем, полное ощущение осажденного города.

Двое вооруженных до зубов повстанцев (уж на кого-кого, а на солдат регулярной армии они никак не похожи) встречают нас у парадного входа и ведут, минуя все охранные посты, в приемную президента Чечни. Проходим через слабоосвещенный большой зал, в котором, тихо переговариваясь, толпятся густо поросшие щетиной мужчины, одетые во все черное – черные костюмы, черные рубашки, черные остроносые туфли. Может, это личная охрана Дудаева? Но зачем ему так много охранников? Даже при Ельцине не бывает одновременно столько бойцов. Хочу рассмотреть их получше, но сопровождающий легонько подталкивает в спину, давая понять, что не следует задерживаться.

В большой, но какой-то необжитой приемной можно и оглядеться. Становится понятным, почему снаружи Дом правительства кажется необитаемым – все окна наглухо зашторены плотной светомаскировочной тканью. На стене огромный портрет волка, зловещий оскал которого не должен оставлять и тени сомнения, что он разорвет в клочья любого, кто встанет у него на пути. А под портретом, прислонившись к стене, еще с десяток лихих абреков, тоже одетых во все черное. Причем стоят они в таких позах, чтобы у нас была возможность удостовериться в наличии у каждого табельного оружия.

Увидев нас, секретарь выскакивает из-за стола (замечаю болтающийся под пиджаком пистолетище, размерами раза в полтора внушительнее нашего «Макарова»), ни слова не говоря, исчезает в кабинете президента и буквально через секунду возвращается назад: батоно Звиад, проходите!

Втроем ждем в приемной. Крутые охранники поглядывают на нас с насмешкой: мол, солидных посетителей приглашают сразу. Возможно, я себя накручиваю, но с того момента, как мы переступили порог этого здания, меня не оставляет ощущение исходящей отовсюду враждебности. Кто бы мы ни были, с какой бы целью ни заявились, – нас здесь не ждут и нам здесь не рады. Вспоминаю старика Аджубея с его загадочным просителем из Кремля: на что они рассчитывают?! Ничего из их миротворческой

затеи не выйдет! Я и прежде в этом не сомневался, а теперь просто уверен. Люди Дудаева заточены на войну, и он, каким бы ни был боевым генералом, не отважится их разочаровать. Они жаждут крови, и он должен напоить их кровью, иначе прольется его собственная.

На столе по-шмелиному гудит селектор. Секретарь снимает трубку и, даже не повернув головы в нашу сторону, кивает на дверь, ведущую в кабинет: заходите!

Это первый в моей практике случай, когда фото- и телеобраз полностью совпал с увиденным воочию. Передо мной стоит человек, которому всю сознательную жизнь хотелось доказать окружающим свое право на превосходство. Он доказывал это в семье, на улице, в школе, в военном училище, в полку. И у него получалось! Не каждому чеченцу довелось сделать такую блистательную карьеру в Советской армии – генерал, комдив! Он добивался многого, но мучился, почти страдал от того, что еще не всего добился. Этим он напоминает мне Ельцина. Может, поэтому они никогда и не смогут договориться? Однополярные заряды. Мне почему-то кажется, Дудаев, как и Ельцин, на службе бывает суров до жестокости, зато за праздничным столом, даже в кругу подчиненных, раскован и весел, душа компании. А еще кажется, что его должны любить женщины, и он не отказывает им в знаках внимания. Полуулыбка и глаза с поволокой придают ему некий флёр бесшабашности.

Дудаев здоровается с нами за руку:

– С приездом! Молодцы, что навестили Звиада Константиновича, – на пару секунд задерживает мою руку в своей руке. – Как Борис Николаевич?

– Нормально. Работает.

– Хорошо.

В его бесчувственном «хорошо» нет ни злорадства, ни удовлетворения. Воспринимается как междометие, нечто вроде «ага» или «угу».

– Ну, как мы живем, вы уже видели, – кивает на зашторенные окна. – Нас тут Россия бомбить собралась, приходиться затемняться. Я, правда, сразу предупредил генералов – ни один экипаж на базу не вернется!

И больше о противостоянии с Россией ни слова. Только о насущных хозяйственных проблемах – перебоях с электричеством, уличном освещении, отоплении домов и о том, как подорожал хлеб. Говорим минут десять. Вернее, Дудаев говорит, Гамсахурдия вставляет реплики, Гурам согласно кивает, мы с Веденяпиным изображаем молчаливую заинтересованность. Не могу избавиться от ощущения порочности происходящего со мной

– минуту назад я пожал руку человеку, который ценит людские жизни не дороже камушка на берегу горного ручья, особенно если это русские жизни. Может, вот из этого зашторенного окна полтора года назад его сторонники выбросили избитого председателя грозненского Горсовета Виталия Куценко. Им ничего не стоит и со мной поступить точно также. Представляю, как это будет подано в российской прессе: бывший пресс-секретарь Ельцина поехал на поклон к врагу, и пал жертвой его ненависти к России. И поделом мне!

– Ну что ж, пожелаю вам приятного вечера! Вас еще ждет настоящий грузинский ужин…

– Джохар, может, все-таки присоединишься?

– Спасибо, батоно, но у меня еще много работы.

Мы уже у двери…

Уже Гурам взялся за ручку…

Уже сделал шаг в сторону, пропуская вперед своего президента…

В голове пульсирует тревожная мысль: неужели напрасно съездили?!

И вдруг…

– Павел!

Оборачиваюсь. В полумраке кабинета Джохар Дудаев больше напоминает призрак Джохара Дудаева. Возможно, призрак будущей войны, беспощадной и ненужной. Неужели у него все-таки хватит здравого смысла сделать шаг к примирению?

– На секунду, – Дудаев ждет, когда я подойду к письменному столу, возле которого он стоит. – Два года назад, в январе 91-го, Борис Николаевич не мог добраться от Таллинна до Ленинграда, были у него проблемы с транспортом. Так я тогда дал ему свою машину. Выручил… Знаете эту историю?

– Нет, ничего о ней не слышал.

– Да-а, – генерал насмешливо кривит рот, – вот и он, наверное, уже «не слышал», – Дудаев берет со стола книгу и протягивает мне. – Вот, недавно издали в Вильнюсе. Поступите с ней так, как посчитаете нужным.

Беру книгу. На обложке имя автора: Джохар Дудаев. Согласно традиции, на первой странице должно быть авторское посвящение. Раскрываю книгу – так и есть!

– Я могу прочитать, что здесь написано?

– Конечно. Вы же должны знать, что везете своему президенту, – Дудаев смеется, будто сказал веселую шутку. – А хотите, я сам прочитаю?

– Пожалуйста, – протягиваю ему книгу.

– «Борису Николаевичу Ельцину, с добрыми пожеланиями.

Однажды мы уже были вместе. Пусть тот случай не окажется последним. Джохар Дудаев». Вас устраивает такой текст?

– Меня устраивает любой. Лишь бы он вас с Ельциным устроил.

– Ну что ж, всего доброго. Счастливого пути!

Беру книгу, пожимаю генеральскую руку – сейчас она почему-то вялая, будто нехотя протянута для рукопожатия – и иду к выходу.

– Вы когда назад?

– Хотим рано утром, еще до рассвета.

– Я дам машину ГАИ. Будет сопровождать вас до вашего блокпоста. Что б на этот раз без эксцессов.

«До **вашего** блокпоста» – похоже, он уже поделил свой мир на русский и чеченский, на «ваш» и «наш». А может, и всегда жил в таком раздвоенном мире. Чеченец, ставший военным летчиком только лишь потому, что при поступлении в училище в графе «национальность» написал осетин. Последний – тринадцатый в семье! – ребенок, родившийся в родовом селе Ялхорой, из которого в 44-м выселили жителей, всех до единого. Единственный в семье, кого воочию не увидели дед и бабушка, заживо сожженные в том же 44-м году. Покуда был маленьким, не понимал многие «почему» в своей жизни. Почему Казахстан? Почему постоянное безденежье? Почему частые переезды с квартиры на квартиру? Почему отношение окружающих иной раз хуже, чем к «врагам народа»? У него, как у каждого чеченца, имеется свой счет к Советской власти. Но, кажется, из всех возможных вариантов генерал признает только один способ его оплаты – кровью.

…Грозненское пристанище Звиада Гамсахурдиа. Небольшая гостиная. Стол, накрытый согласно всем канонам национального празднества. На несколько часов Манана Гамсахурдиа перенесла нас в Грузию, да будет благословен каждый ее дом! Хозяин жестом приглашает рассаживаться:

– Грузинского вина предложить не могу, но коньяк будем пить грузинский.

Сначала выпиваем (понятное дело, стоя и до дна) за встречу. Потом, двумя раздельными тостами (разумеется, также стоя и до дна) – за Грузию и Россию. А затем Звиад Константинович рассказывает про то, как он, преследуемый «хитрым лисом» Шеварднадзе, бежал сначала в Баку, а оттуда в Ереван. И как президент Чечни послал за ним самолет. И что сейчас мы сидим в доме, принадлежащем Джохару Мусаевичу Дудаеву. С ужасом жду завершения героической повести – не приведи Господь, Гамсахурдиа предложит выпить за Дудаева, пусть даже не стоя и

не до дна! По лицу Веденяпина вижу, что у того аналогичные мысли: ни за что! К счастью, тема разговора меняется, мы вспоминаем общих друзей, которых сейчас нет с нами, и в связи с этим рождается тост: за то, что мы, несмотря ни на что, вместе, и за дружбу! По традиции, его произносит Гурам, сопроводив собственные мысли своими любимыми стихами Расула Гамзатова. Не грузин, но «тоже очень наш человек»!

Расходимся около двух часов ночи, когда времени на сон почти не остается. Гурам ночует в доме у Гамсахурдиа, нас с Веденяпиным на милицейской машине отвозят на какие-то гостевые квартиры. Его – на одну, меня – на другую, и почему-то обе в разных районах города. По пути заводим с ментами разговор об их сегодняшнем житье-бытье. Оба, как по команде, вздыхают:

– Какая тут жизнь! Бежать отсюда надо.

– Чего вдруг?

– Бандиты власть взяли. Бандитам служим.

Смотрю на сидящих спереди милиционеров: может, русские ребята? Нет, чистопородные кавказцы. Стало быть, не все здесь так единодушно и благостно, как рассказывали сегодня Дудаев с Гамсахурдиа.

– В пять утра будем стоять у подъезда, не задерживайтесь, – милиционеры пожимают мне руку. – Нам надо, пока эта бандота не проснулась, довести вас до нашего блокпоста.

Про себя отмечаю: до **нашего**. Все-таки до нашего!

…В Элисте меня поджидает страшная весть – вчера умер Алексей Иванович Аджубей. Мысль: «Что же теперь делать с книгой Дудаева, через кого ее передать неизвестному адресату?» – последняя в череде нахлынувших горестных чувств.

И все же досадно было бы не довести дело до конца. И не потому, что потратили на него немало времени, сил и нервов. Результат превзошел все ожидания – вот что важно! Подарок Дудаева может стать хорошей зацепкой для начала диалога о примирении и согласии. Джохар еще не окончательно потерян для этого. Небольшой, почти нереальный, но все же есть шанс вернуть его в конституционное поле. Главное, что на нем пока нет русской крови. Пока нет! Хотя, насколько я смог почувствовать внутренний мир этого человека, он к ней уже морально подготовился.

Перебираю в уме все возможные варианты, пытаясь вычислить безымянного «человека из Кремля», который, со слов Аджубея, заказал мне визит к Дудаеву, и не нахожу ответа. Значит, надо искать в окружении Ельцина того, кто вхож к нему и не побоится, передав книгу с дарственной надписью, откровенно

поговорить о Дудаеве и чеченском урегулировании. Наверное, такие люди есть, но самый надежный ход – через Сергея Филатова, руководителя Администрации президента. В свое время я пересекался с ним в Кремле, но только пересекался, и не более того. Поэтому надо действовать не напрямую, а через кого-то, с кем и он, и я в дружеских отношениях.

– Валерий Николаевич, а ты, случайно, не знаком с Филатовым?

– С Сергеем Александровичем? – генерал Очиров удивлен неожиданным вопросом. – Мы друзья, даже в гости друг к другу ходим. А почему ты об этом спрашиваешь?

…Весна 1994 года. Одиннадцать месяцев назад мы с Павлом Веденяпиным ездили в Грозный. Сейчас бы уже не поехали. Правильнее сказать – не доехали. Нас бы закопали где-нибудь на окраине Гудермеса, и никто б никогда не узнал, как окончился наш земной путь. Из Чечни каждый день приходят тревожные сообщения – Дудаев подавил вооруженное сопротивление оппозиции, распустил парламент, суды и все подразделения МВД. Теперь Ельцин может выбирать всего из двух вариантов – либо смириться с потерей мятежной Ичкерии, от которой по всему Кавказу неизбежно поползут метастазы кровавого сепаратизма, либо подавить «дудаевщину» во всех ее проявлениях. К сожалению, не в зародыше и не бескровно. Для такого момент уже упущен. Точка невозврата пройдена.

Нечасто, но вспоминаем ту поездку в Грозный. До сих пор не знаем, передали Ельцину книгу Дудаева и, если передали, как он на нее отреагировал. Спросить об этом можем только у Валерия Очирова, но тот недоступен для общения. Выборы в Калмыкии он проиграл (приятнее выразиться – чуть-чуть не выиграл), занял второе место, но после этого ушел в дела не менее важные – участвовал в обеспечении ввода миротворцев в зону грузино-абхазского конфликта, организовывал военную миссию ООН в Анголе и Камбодже, возглавлял временную администрацию по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. А недавно до нас дошел слух – его назначают заместителем начальника Контрольного управления президента. Теперь мы его вообще едва ли когда увидим.

Но вдруг звонок: ребята, вы как?

…Весь вечер Очиров рассказывает нам о том, где был и чем занимался. После Элисты мы, конечно, тоже не сидели сложа руки, но у генерала все же хлопоты государственного калибра, и это рождает в нас с Веденяпиным белую зависть.

– Валера, а ты помнишь книгу, которую мы привезли от Дудаева? Не знаешь, ее все-таки передали Ельцину?

– Филатов передал из рук в руки.
– И что тот сказал?
– Ничего. Прочитал написанное и бросил на стол.
– И совсем ничего не сказал?
– Ничего.

Может, я себе придумал, что это был шанс начать диалог и избежать большой крови, причем с обеих сторон? Может, это тот самый случай, когда уже нельзя садиться за стол переговоров и надо дать возможность выяснить отношения пушкам? В конце концов, что такое книжечка с автографом врага? Может, это никакой не намек на готовность к примирению, а наоборот – демонстрация положения «на равных»? Все может быть. Но хочется думать…

Через два месяца, в самом конце весны 94-го, в качестве ближайшего подручного генерала Дудаева окончательно утвердится Шамиль Басаев. Режим в Грозном стремительно переродится из сепаратистского в криминально-террористический. В июне в Чечне уже будет полыхать гражданская война. А через полгода президент Ельцин отдаст приказ армии, не готовой к ведению боевых действий, силой восстановить в республике власть федерального Центра. Начнется первая чеченская война с ее неоправданно великими жертвами и иллюзорными победами.

Послесловие
Признание неудачи

Говорят, воспоминания облегчают душу. Вполне возможно. Хотя с моей такой благости не случилось. Когда писалось еще только предисловие к этой книге, она жила надеждами на избавление от нелегкого груза воспоминаний о прожитом и пережитом. А на послесловии вдруг скисла: едва ли в оставшееся дни и годы доведется еще хотя бы разок пережить столь яркие эпизоды! На экране моей жизни уже замелькали унылые титры, после которых лишь бесчувственная надпись: «Конец фильма». И загрустила моя душа, затосковала о том, что осталось позади и чего уже не повторить. Не повторить! Хотя бы потому, что «эпоха Ельцина» неповторима в своем величии и в своей ничтожности.

Конечно, можно было бы еще много чего вспомнить, но на чем-то надо ставить точку. Тем более что в нынешние времена толстые книги не в чести у читателя. Многословные детективы и любовные романы – это еще куда ни шло. Но сей жанр (правда, не решаюсь причислить его к мемуарному) не утомителен разве что тех, кто имел какую-то причастность к описываемым событиям. Хотя, возможно, и среди них будет немало недочитавших и до середины, потому как особо чувствительным написанное может показаться донельзя непорядочным и бесстыдным.

Я не ставил перед собой целью раскрыть перед читателем суть «эпохи Ельцина». На эту тему уже написано многое и многими. Мне же хотелось создать нечто вроде словесных картинок прошлого, рассматривая которые каждый сможет сам для себя решать, что на них изображено, – хорошее или дурное. Казалось, идея неплоха, но перечитал написанное и понял – не получилось! Как ни старался исключить из изложения собственное «я», а оно вылезло едва ли не в каждом сюжете: «Я сказал… я подумал… мне показалось…» Видимо, поставил перед собой нереальную задачу. Едва ли такое вообще возможно – рассказывать о том, чему сам был свидетелем, отрешившись от своего взгляда на людей и события того времени, а заодно и от собственных переживаний, ощущений, радостей, горестей и обид.

А еще хотел исключить какие-либо оценки характеров главных героев той политической эпохи. Увы, и этого не вышло – не удержался, и в некоторых сюжетах дал волю чувствам. Более того, дочитавшие написанное до этого послесловия наверняка догадались, кому я симпатизировал, а кто вызывал у меня неприязнь, а порой и отвращение. И это плохо, потому как не

соответствует мною же заявленным в предисловии принципам.

Мой давний и очень добрый приятель, не имеющий решительно никакого отношения к писательству и к какой бы то ни было политике, первым прочитал законченную рукопись.

– Ну, что скажешь? – приятель замялся с ответом. – Говори, как есть, не обижусь.

Он усмехнулся:

– Ну, ты, брат, оказывается, еще тот храбрец!

– Не понял?!

– Что ж ты при живом-то Борисе Николаевиче отмалчивался? Боялся, что опровергнет и даст отпор? – приятель задумался, видимо, мысленно подбирая слова, какие меня не слишком обидят. – Невелика отвага – гнобить покойного. Написал бы ты эту книжку в году эдак 93-м или, на худой конец, 96-м, о тебе говорили бы как о принципиальном и порядочном человеке. А так…

Признаться, меня меньше всего волнует, что подумают и будут говорить лично обо мне. Не для того писал эту книгу. Но если б она увидела свет в году эдак 93-м или 96-м, то с большой долей вероятности стала бы оружием в чьей-то борьбе за власть, к которой не хотел и не хочу иметь никакого отношения. Может, не самым грозным, но оружием. А сейчас она ни для кого не расчищает дорогу в большую политику и никого из нее не изгоняет. Это просто описание времени. Точное или неточное – не мне судить. Я вспомнил лишь то, что вспомнилось. И не моя вина, что кое-что из написанного не отвечает изысканным эстетическим представлениям о государственных деятелях и политической жизни того времени. Был бы дождь, описал бы шум дождя, но, увы, стояла изнуряющая жара.

Покинув Кремль, я принялся писать статьи (лучше сказать – заметки), критикующие президента Ельцина и его политический курс, и написал их великое множество. Оппозиционно настроенные к Кремлю политики и близкие к ним люди не раз уговаривали пересилить себя и рассказать все, «как оно было». Рука так и не поднялась. И не из страха перед Кремлем, хотя он, признаться, присутствовал. И за себя, и, тем более, за близких. На своем опыте знал, что за кремлевской стеной на «акции возмездия» смотрят как на нечто само собой разумеющееся. И все же причина не в нем, не в страхе – не хотел, чтобы мои откровения были манифестом тех, кто, по моему разумению, стал бы для России еще большей бедой. Как сказал мне однажды Андрей Дмитриевич Сахаров, гуманист с эклектичными взглядами на государственное устройство (сразу оговорюсь – сказал не в связи с Ельциным, а по поводу иного политического

персонажа): нельзя бороться с одним негодяем во власти, прокладывая в нее дорогу другому, еще большему негодяю.

Не сомневаюсь, далеко не всем эта книга придется по вкусу. По разным причинам, но, в первую голову, потому что ее главного героя, Бориса Николаевича Ельцина, уже нет в живых. В нашем национальном фольклоре бытует заклинание: «О мертвых или хорошо, или ничего». Едва ли найдется такой россиянин, что не произнес его хоть единожды. Многими оно вообще воспринимается как религиозная догма, осуждающая любое не елейное воспоминание об ушедшем как кощунство и святотатство. Между тем у этого изречения есть автор – древнегреческий философ Хилон, за несколько веков до нашей эры написавший: «О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды». Заметьте – **кроме правды!** Отчего у нас стал бытовать усеченный вариант – или хорошо, или никак – понять трудно.

Но дело даже не в трактовке философской идеи Средневековья. Ельцин всегда стремился быть человеком Истории. И стал таковым. А может ли быть у вершителя людских судеб право на непотревоженность образа? Он был лишен его прижизненно, лишен и посмертно. У него был шанс избежать стороннего вмешательства в то, что называется личной жизнью, – не рваться в круг сильных мира сего и до конца дней оставаться малоизвестным стране прорабом треста «Уралтяжтрубстрой». Сам не пожелал им воспользоваться. И к чему тогда, навязывая обществу какие-то табу, складывать далекие от реальности мифы и легенды? Эпоху Ельцина трудно оценить. Она – это и выздоровление многомиллионной страны, и ее тяжелый недуг. Но лично для меня это нечто такое, что сродни наваждению, от которого непросто избавиться.

Послесловие к послесловию Иллюзии и вера

В какой-то момент моя жизнь тесно соприкоснулась с жизнью, причем не только публичной, Бориса Ельцина. Оно, это соприкосновение, хоть и было недолгим, но в корне изменило не только характер моих профессиональных интересов и устремлений, но и, что гораздо важнее, мой взгляд на самого себя и на окружающий мир. При всем критическом отношении к этому человеку я благодарен ему как минимум за две вещи: за то, что поверил, и за то, что разуверился. Говорю это не ради того, чтоб удивить логическим парадоксом, а потому что это и на самом деле так.

До встречи с Ельциным я четверть века просидел в научном экономическом институте, где занимался придумыванием всевозможных доказательств актуальности и эффективности уже принятых правящей партией решений. Написал бездну никому не нужных статей про то, как в огромной стране следует распределять капитальные вложения, чтобы денег у советского правительства хватило и на металлургический гигант в Заполярье, и на гараж для двух тракторов в колхозе «Пахтаабад» Сырдарьинской области Узбекистана. В них было немало наукообразия в виде всевозможных таблиц, диаграмм и формул, призванных доказать недоказуемое – будто централизованная экономика, основанная на административном принуждении, может быть гибкой и результативной. Знал ли я, что получаю научные звания за то, что никакого отношения к науке не имеет? Разумеется, знал. Так почему тогда упорно продолжал заниматься этим наискучнейшим и бесполезным делом? Из-за отсутствия реальных жизненных альтернатив.

В ту пору в моей стране так поступали если не все без исключения, то очень и очень многие представители так называемых общественных наук. Мы с циничной обреченностью крепостных имитировали преданность системе, которую мечтали разрушить, но при этом сами не верили, что такое возможно, а потому ничего для этого не предпринимали. Наверное, я еще долго бы занимался профанацией научного труда, если б не Ельцин. Для меня, как и для многих из его раннего окружения, он стал чем-то вроде кумулятивного снаряда – ворвался в мою жизнь и в клочья разнес защитную броню лицемерных верований. **И за это ему моя первая благодарность.**

А теперь несколько слов о моей второй благодарности этому

человеку.

Я пришел в команду Бориса Ельцина, поверив в искренность демократических устремлений опального партаппаратчика. То, что он человек с серьезными пробелами в образовании и невеликой культуры, к тому же добровольный пленник исконно русского порока – это мне стало очевидным уже после первой нашей встречи. Но подкупило в нем, как мне тогда показалось, искреннее неприятие авторитаризма и стремление к переменам. К тому же Ельцин был единственным среди рожденных горбачевской перестройкой проповедников демократии, кто не понаслышке знал устройство и скрытые механизмы партийно-бюрократической системы, которую предстояло разрушить. Кто кроме него в ту пору мог возглавить эту работу? Можно перебрать в памяти разные имена, от рафинированного интеллектуала академика Сахарова до уличного глашатая Сергея Станкевича, но при всех своих достоинствах ни один из них не был готов к рутинной работе по сносу старой политической конструкции и возведению новой.

Можно долго и с жаром спорить о том, чего больше привнес в нашу жизнь человек по имени Борис Николаевич Ельцин – хорошего или плохого. Каждому подскажет его карман. Но и для разбогатевших в ту безумную пору, и для обнищавших неоспоримо одно – в годы его правления Россия как государство только теряла. Теряла отрасли и производства. Теряла специалистов, причем молодых и талантливых. Теряла обороноспособность. Теряла союзников. Теряла влияние. Господи, да разве ж все перечислишь! Проще сказать, чем при нем Россия-матушка приросла – миллиардерами с ошеломляюще роскошной заграничной собственностью. Во всем остальном годы его правления стали по-настоящему потерянными годами.

Вспомните середину 90-х – Россия реально балансировала на грани самораспада! Это чувствовали даже далекие от политики люди. Помню, ко мне на Радио-1 Иосиф Давыдович Кобзон принес только что записанную им новую песню «Пьяный кучер». В ней все было очевидно и не требовало пояснений о чем поется и на кого намекается. Мы крутили ее в эфире по десять раз в день, и не потому, что очень нравилась, хотя она и впрямь была хороша – слушатель того требовал! Он интуитивно чувствовал: это на злобу дня!

А разве не в ту политическую эпоху слово «демократ» стало у нас ругательным? Эдаким хлестким синонимом слова «вор». И в этом смысле мы потеряли гораздо больше, нежели авиастроение, пахотные земли или оборонное могущество – мы потеряли веру в то, что можно жить не так, как раньше, и это будет всем во благо.

Именно всем, и именно во благо. Мы стали обществом, страшащимся перемен, потому что нас приучили, что от них всегда одни беды. И, может быть, самая страшная потеря – граждане вернулись к прежней формуле общественного бытия: «Мы маленькие люди и от нас ничего не зависит».

По большому счету, лично для меня Борис Ельцин – это придуманная мною самим сказка, в которую очень хотелось верить, хотя и не слишком верилось. Но просуществовала она недолго – до тех пор, пока мой кумир, развалив советскую империю и устранив ненавистного ему Горбачева, не заполучил всю полноту власти в России. Первое, что он сделал после этого – изменил свое отношение к тем, кто, рискуя репутацией, прокладывал ему дорогу в Кремль. Он дал почувствовать, что никакие они не соратники. Они – слуги, он – Хозяин. Тот, кто хотел сохраниться в его команде, в одночасье переродившейся в придворную свиту, должен был принять это как данность.

Конечно, слуга – это тоже работа, не хуже других, и ее должен кто-то делать. Но весь вопрос в том, кому и ради чего ты подчиняешь свою душу. На мой взгляд, в политике могут быть только два оправдания бескорыстно-безропотному служению – идея и лидер. В данном случае не оказалось ни того, ни другого – идея растворилась в пороках и слабостях лидера.

Что на протяжении ряда лет едва ли не каждодневно являл миру Кремль? Барские прихоти, доходившие до откровенного самодурства, абсолютную вседозволенность в словах и поступках, преступное попустительство президентской охранке, ставшей никем и ничем не контролируемым центром власти. Демократия, как способ политической организации гражданского общества, постепенно превращалась в безграмотно размалеванную декорацию, скрывающую всевластие приближенных к президенту лиц и структур. Их лояльность гарантировалась правом бесконтрольно и фактически бесплатно владеть некогда общенародной собственностью. И без того иллюзорная идея «честного и социально ориентированного рынка» была загублена на корню и забыта. Кто был ничем, так ничем и остался. И не из-за природной лени или врожденного социального иждивенчества, как любят представлять дело нынешние либералы, – просто богатели лишь те, кто был приближен к власти и нашел с ней общие деловые интересы. Всем прочим предлагалась иная и единственная перспектива – обслуживать интересы избранных.

И что же могло возникнуть на столь порочном экономическом базисе? Не менее порочная политическая надстройка, и ничего другого. Ельцин, по сути дела, отреставрировал и перезапустил сложившуюся в годы

брежневского застоя либерально-репрессивную модель управления обществом. Иные лозунги, иные гимны, иная стилистика властвования – суть та же. Все вернулось на круги своя – бюрократия всесильна, общество бесправно. Разница лишь в том, что в прежние времена такое положение вещей рождало у людей страх и вынужденное подчинение, во времена ельцинской «демократии» – правовой хаос и брезгливое пренебрежение к государству и ее лидеру.

На этом фоне более чем странно выглядят критики Ельцина, утверждающие, что Россия-де по его милости пошла не туда и оказалась не там. Хочется спросить: эй, ребята, вы, вообще-то, о чем?! Никуда она не ходила и нигде не оказывалась! Под словопрения о «новой России» восемь лет, два президентских срока, по сути, топталась на месте, теряя чудом не растраченные силы и последние остатки былого величия.

…Послесловия не бывает без итожащего повествование вывода. И какой же я предложу своему читателю? Очень даже жизнеутверждающий – мы не в тупике, как кому-то хочется или кажется, и все самое вдохновенное у России и у каждого из нас еще впереди! Впереди, вот что самое важное! Что может быть оптимистичнее ощущения перспективы?! **Моя вторая благодарность Борису Ельцину – за разочарование, давшее надежду на обретение подлинной веры.**